

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН
и ЛАБИРИНТ СМЕРТИ

Annotation

Приключения Перси Джексона продолжаются! Лука, сын Гермеса и злейший враг Перси, задумал свергнуть богов с Олимпа и воскресить Кроноса, когда-то сброшенного в Тартар. Для этого он собирается использовать лабиринт — детище Дедала, величайшего в мире изобретателя. Этот лабиринт обладает чудесным свойством почти мгновенно переносить человека в любую точку планеты. Но он также является иместилищем страшных опасностей, и обителью кровожадных чудовищ... Поэтому без путеводной нити, которую хранит Ариадна, пройти его невозможно. Перси Джексон и друзья отправляются на поиски волшебной нити: они хотят опередить Луку и не дать ему осуществить свой коварный план.

- [Рик Риордан](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Рик Риордан

«Перси Джексон и Лабиринт смерти»

Глава первая

Драка в новой школе

Чего мне меньше всего хотелось — так это устроить взрыв в новой школе. Особенно во время летних каникул. Но именно так все и произошло.

В понедельник утром в первую неделю июня мы с мамой сидели в машине перед входом в школу Гуди. Мама остановила свою малолитражку на 81-й Восточной улице, и мы с ней принялись рассматривать большое шикарное здание школы, у которого припарковалась целая шеренга разных «БМВ» и «линкольнов». Разглядывая причудливую каменную арку фасада, выходящего на Ист-Ривер, я прикидывал, примерно через сколько времени мне в этой школе хорошенько наподдадут и выставят вон.

— Расслабься, дружок. — Голос мамы звучал совсем не расслабленно. — Сегодня тебя ждет обычное собеседование. И пожалуйста, дорогой, имей в виду, здесь работает Пол, так что постарайся не устраивать... ну, ты понял.

— Ничего тут не взрывать?

— Вот именно.

Сейчас этот Пол Блофис — мамин друг — стоял на парадном крыльце и приветствовал будущих девятиклассников, которые поднимались по ступеням и входили в двери школы. В кожаной куртке, загорелый, с небольшой сединой в волосах, он здорово походил на какого-нибудь актера, хотя на самом деле был всего лишь учителем английского языка. Именно он сумел как-то убедить здешнее начальство принять меня в девятый класс, несмотря на то обстоятельство, что меня повыгоняли из всех школ, где я учился раньше. Честное слово, я предупреждал его, что мысль эта дурацкая, но он и слушать ничего не захотел.

— Мам, ты ведь не сказала ему всей правды обо мне.

Я вопросительно глянул на маму и увидел, как ее пальцы принялись нервно барабанить по рулевому колесу. Отсюда она собиралась ехать на работу и сейчас сидела жутко нарядная — в лучшем синем платье и туфлях на высоких каблуках.

— Мне кажется, с этим пока можно не спешить, — призналась она.

— А то он еще испугается.

— Уверена, что сегодняшнее собеседование пройдет великолепно.

Хоть одно утро ты мог бы вести себя прилично, Перси?

— Было бы здорово, — пробормотал я, — если б меня выставили из школы еще до того, как начнутся занятия.

— Старайся думать о приятном. Вспомни, завтра ты едешь в лагерь! А после собеседования у тебя свидание с девочкой.

— Какое еще свидание! — запротестовал я. — Это же просто Аннабет, мам. Ну ты тоже придумашь!

— Но она специально приехала из лагеря для того, чтобы с тобой встретиться.

— Ладно тебе.

— Вы, кажется, собираетесь пойти в кино?

— Вроде того.

— И только вдвоем, правда?..

— Ну, мама!

Мама шутиливо подняла руки вверх, как бы сдаваясь, но я видел, что она изо всех сил старается не улыбаться.

— Тебе пора идти, дорогой. Вечером увидимся.

Я уже вылезал из машины, когда, бросив еще один взгляд на парадное крыльцо школы, увидел, что как раз в эту минуту с Полом Блофисом здороваются девчонка с мелкими рыжими кудряшками, в темно-бордовой футболке и джинсах с наклейками. Когда она повернулась и я разглядел ее лицо, у меня мурашки по коже побежали.

— Перси? — тут же встревожилась мама. — Что-нибудь случилось?

— Н-н-ничего, — промычал я. — У этой школы есть боковой вход?

— Направо, в конце здания. А что?

— Ничего. Все нормально... До вечера!

Мама начала что-то говорить, но я уже выбрался из машины и припустил бегом, надеясь, что эта рыжая меня не заметит.

Что она здесь делает? Нет, даже с моей невезучестью так вляпаться — это уж слишком!

Но как оказалось, это было только начало. Сегодня мне как раз предстояло убедиться в том, что судьба приберегла для меня еще кое-что покруче.

* * *

Незаметно пробраться туда, где проводилось собеседование, мне не удалось. Две наряженные в красно-белую форму девчонки из команды

чирлидеров — ну, из тех, что болеют за свои футбольные команды и вытанцовывают с жезлами в руках, — дежурили у бокового входа, устроив засаду ничего не подозревающим новичкам.

— Привет!

Они заулыбались, и эти улыбки оказались первым и последним знаком дружелюбного отношения ко мне с их стороны.

У одной из девчонок были светлые волосы и холодные голубые глаза. Темные курчавые волосы другой — афроамериканки по происхождению — делали ее похожей на Медузу горгону (уж поверьте, я хорошо знаю, о чем говорю). Имена обеих были вышиты курсивом у них на униформе, но с моей дислексией^[1] эта вышивка несла в себе не больше информации, чем куча спагетти, вываленных на тарелку.

— Добро пожаловать в Гуди! — выкрикнула блондинка. — Ты обязательно полюбишь нашу школу!

Но когда ее глазки внимательно обежали меня сверху вниз и обратно, выражение лица резко изменилось. Теперь оно словно бы говорило: «Хм, это что за отстой?»

В это время вторая девчонка зачем-то подкралась ко мне поближе и теперь стояла почти вплотную, так что мне даже стало неприятно. Вглядевшись в надпись на кармане футболки, я прочел ее имя. «Келли». От нее сильно пахло розами и еще чем-то. Запах казался мне знакомым, так на уроках верховой езды пахнет от свежeweымытых лошадей. Конечно, довольно странно, что от чирлидерши несет конюшней, но, может, у этой Келли есть верховая лошадь или что-нибудь в этом роде. Как бы там ни было, она так потеснила меня, будто хотела столкнуть со ступенек. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление.

— Как тебя зовут, малек?

— Малек?

— Ну... новичок.

— Ну, тогда Перси. Девчонки обменялись взглядами.

— А-а, Перси Джексон, — протянула блондинка. — Тебя-то мы и ждали.

От этого «а-а» у меня холодок пробежал по спине. Теперь они стояли, загораживая мне выход, и улыбались как-то совсем не по-дружески. Рука моя инстинктивно потянулась к карману, где я держал свою шариковую авторучку, которая была смертоносным оружием. Оружием, которое я называл Анаклузмос. Это по-гречески, и вы скоро поймете, в чем тут дело.

Но тут откуда-то из недр здания послышался голос, окликавший меня.

Когда я увидел, что к нам по школьному коридору приближается Пол

Блофис, я обрадовался ему так, как не радовался ни разу в жизни.

Девчонки отпрянули назад, я бросился между ними, но не рассчитал и нечаянно задел Келли коленкой по ноге.

Послышалось резкое «КЛАНГ!».

Удар вышел звонкий, с таким металлическим звуком, будто я ударился о флагшток.

— Ой, — застонала она и схватилась за ногу. — Смотри куда прешь, малек!

Я глянул на ее ногу — на вид это была обычная девчачья нога. Слишком напуганный для того, чтобы лезть к ним с вопросами, я просто бросился бежать по коридору, а эти чертовы чирлидерши позади меня разразились злорадным хохотом.

— Вот ты где, — сказал Пол. — Добро пожаловать в Гуди!

— Привет, Пол, э-э, то есть мистер Блофис.

Я оглянулся, но девчонки уже исчезли.

— Перси, у тебя такой вид, будто ты только что встретился с привидением.

— Ну да... только...

Пол ободряюще похлопал меня по спине.

— Слушай, парень, я понимаю, как ты нервничаешь, но это совершенно лишнее. У нас учится много ребят с повышенной возбудимостью и дислексией. Учителя знают, как с этим справляться.

Я еле-еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Если бы только моей единственной заботой были повышенная возбудимость и дислексия! Понимаете, я знал, конечно, что Пол хочет помочь мне, но если рассказать ему всю правду про меня, он точно бы решил, что я псих. Взять, например, этих девчонок в красно-белой униформе. У меня возникло дурное предчувствие...

Я огляделся вокруг и тут же понял, что на меня надвигается еще одна беда. Я стоял в вестибюле, а та рыжая девчонка, которую я увидел на парадном крыльце, как раз входила в здание школы.

«Только не наткнись на меня!» — мысленно взмолился я.

Конечно, она тут же меня заметила. И ее глаза изумленно расширились.

— Где тут... это, как его... собеседование? — спросил я у Пола.

— В гимнастическом зале. Это там. Тебе надо будет пройти во-о-он туда...

— Понял. Пока!

— Перси! — окликнул меня Пол, но я уже мчался прочь.

Кажется, я от нее удрал.

* * *

Я присоединился к группе ребят, направлявшихся в гимнастический зал, и скоро мы всей толпой — человек триста, не меньше, — вломились туда и стали рассаживаться на зрительских трибунах. Оркестр грянул какой-то боевой марш, однако музыка больше походила на кошачьи вопли — словно по мешку, в который засунули десяток кошек, стучали металлической бейсбольной битой. Ребята постарше, наверное это были члены школьного совета, выстроились впереди, все в особой форме Гуди, и каждый скорчил такую рожу, будто хотел сказать: «Ну, кто тут самый крутой, если не я?» Учителя суетились рядом, улыбались и обменивались рукопожатиями со старшеклассниками. Стены зала украшали лозунги типа «Добро пожаловать, дорогие новички!», «В Гуди мы все одна семья» и далее в том же духе, так что мне сразу захотелось свалить отсюда.

Между прочим, никто из «дорогих новичков», похоже, не стремился поскорее оказаться в этой «одной семье». Я хочу сказать, что приглашать людей на собеседование в июне, когда занятия начнутся аж в сентябре, — настоящее свинство. Но, как утверждает школа Гуди в собственном рекламном буклете: «Мы первые готовы быть первыми!»

Оркестр неожиданно замолчал. К микрофону подошел какой-то тип в парадном костюме и начал что-то говорить. Я стал было слушать, но от стен хлынуло такое эхо — ни одного слова не разберешь. Может, он просто прочищал горло?

И тут кто-то схватил меня за плечо и прошептал:

— Что ты тут делаешь?

Я оглянулся: это была она. Та рыжая.

— А-а, Рейчел Элизабет Дэр, — пробормотал я.

У нее челюсть отвисла от удивления — кажется, она не могла поверить, что я в той переделке умудрился запомнить ее имя.

— А ты Перси... как-тебя-там? В декабре, когда ты пытался меня убить, я не обратила внимания на твою фамилию.

— Послушай, ну я тогда не мог... не был... Что ты тут делаешь?

— То же, что и ты. Пришла на собеседование.

— Разве ты живешь в Нью-Йорке?

— А ты решил, что я прямо там и живу, на плотине Гувера?

Нет, мне это и в голову не приходило. Но когда я ее вспоминал (не

подумайте только, что я эту рыжую девчонку все время вспоминаю, ничего подобного. Так, иногда, очень даже редко), мне всегда казалось, что она и впрямь живет около плотины Гувера, поскольку именно там мы и встретились. В тот раз наша встреча длилась не больше десяти минут, но за это время я случайно замахнулся на нее мечом, она спасла мне жизнь, а потом нам с друзьями пришлось спешно уносить ноги от целой шайки скелетов-убийц. Сами понимаете — обычный способ познакомиться! Неудивительно, что эта девчонка меня запомнила.

Какой-то парень позади сердито зашептал:

— Потихе нельзя? Сейчас будут выступать чирлидеры.

— Привет, ребята! — затарахтела в микрофон та самая блондинка, которая повстречалась мне у бокового входа. — Меня зовут Тамми, а вот ее вы можете звать Келли.

И в тот момент, когда эта самая Келли делала на сцене колесо, Рейчел рядом со мной вдруг взвизгнула так, будто в нее ткнули булавкой. Кое-кто из ребят стал оглядываться и хихикать, но она, ни на кого не обращая внимания, с ужасом уставилась на двух девчонок в красно-белой форме. Тамми сделала вид, будто ничего не заметила, и начала вещать о тех грандиозных делах, которые нас ждут в их школе.

— Бежим, — прошипела мне Рейчел. — Скорее!

— С чего это вдруг?

Но она не стала ничего объяснять, а вместо этого стала быстро-быстро пробираться к проходу между трибунами, не обращая внимания на хмурые взгляды учителей и ворчание ребят, которым наступала на ноги.

Я нерешительно оглянулся. Тамми как раз говорила, что сейчас начнется знакомство со школой, а значит, мы все должны разбиться на небольшие группы и отправиться на экскурсию. Келли же смотрела на меня в упор и так ехидно улыбалась, будто специально ждала, что я сделаю: пойду за Рейчел или нет. Будет просто отвратительно, если я уйду прямо сейчас. А тут еще Пол Блофис вместе с другими учителями... Представляю, как он удивится!

Но тут я кое-что вспомнил о Рейчел Элизабет Дэр и ее способностях — весьма странных, надо сказать, — продемонстрированных прошлой зимой на плотине Гувера. Она запросто вычислила группу охранников, которые не только охранниками, но даже и людьми-то никакими не были. Сердце у меня забухало от волнения, я тихонечко поднялся и поспешил следом за ней из гимнастического зала.

Рейчел обнаружилась в музыкальном классе, она спряталась в секции ударных инструментов и сидела там, пригнувшись, позади бас-барабана.

— Беги скорей сюда! — позвала она меня. — Да пригни голову пониже!

Чувствуя себя как нельзя более глупо, я тем не менее все-таки подошел и сел рядом с ней за грудой бонго.^[2]

— Они заметили, как ты выходил? — спросила Рейчел.

— Ты имеешь в виду девчонок из команды чирлидеров?

Она нервно кивнула.

— Нет, наверное... А кто они? Что ты увидела?

В зеленых глазах Рейчел ясно читался страх. По носу ее красовалась целая куча веснушек, здорово напоминая россыпь небесных созвездий. На футболке была надпись «Гарвард. Факультет истории искусств».

— Ты... — пробормотала она, — ты мне неверишь.

— Ты что, конечно, поверю, — пообещал я. — Я уже понял, что ты способна видеть сквозь Туман.

— Сквозь что?

— Туман. Это... ну такая вуаль, которая скрывает настоящий облик вещей. Некоторые смертные рождаются со способностью видеть этот облик. Как ты, например.

Рейчел внимательно меня выслушала, потом заметила:

— Вот и тогда, на плотине Гувера, ты так же говорил. Называл меня «смертной», будто ты сам не такой.

При этих словах мне показалось, что у меня прямо под ухом кто-то ударил в бонго. О чем я думаю, когда умудряюсь такое брякнуть? Тут ведь никому ничего не растолковать, можно даже не пытаться.

— Объясни мне, пожалуйста, — попросила она. — Ты ведь понимаешь, что это значит?.. Ну, все те ужасные вещи, которые я вижу.

— Ну ладно, слушай. Только имей в виду: то, что я буду говорить, может показаться тебе довольно странным. Ты слыхала что-нибудь про греческую мифологию?

— Это... про Минотавра и Гидру?

— Ну да, только старайся не называть их по именам, когда я рядом, хорошо?

— И фурии! — Рейчел воодушевилась. — Там еще всякие сирены были и...

— Хватит, хватит!

Я осторожно огляделся, не сомневаясь, что из-за слов, сказанных Рейчел, сейчас из стен выскочат кровожадные чудовища и набросятся на нас. Однако ничего подобного не произошло. Мы были одни. Из коридора доносился топот многочисленных шагов, это ребята выходили из гимнастического зала, чтобы, разбившись на группы, начать знакомство со школой. У нас с Рейчел было не очень много времени.

— Так вот, все эти чудовища, — продолжал я, — и все греческие боги, они существуют на самом деле.

— Я так и знала!

Ох, мне гораздо больше понравилось бы, если б она попросту назвала меня вруном. Но Рейчел смотрела на меня с таким видом, будто ее самые худшие подозрения только что подтвердились.

— Ты даже не знаешь, как мне было плохо, — пожаловалась она. — Долгие годы я боялась, что сойду с ума. Никому не могла даже рассказать про это. Я не могла... — Тут она прищурилась и изучающе уставилась на меня. — Обожди. А сам ты кто? Я имею в виду, на самом деле?

— Уж не чудовище, можешь не сомневаться.

— Это я и сама вижу. Я бы почувствовала, если б ты им был. Ты выглядишь ну... в общем, как все люди. Но ты ведь не обычный человек, правда?

Я сглотнул. Хотя за три года я уже ухитрился привыкнуть к мысли о том, кто я на самом деле, но мне еще никогда не приходилось говорить об этом ни с кем из смертных. Кроме мамы, конечно, но она и сама все знала. Не знаю почему, но я решился.

— Таких, как я, называют полукровками, — признался я. — Я только наполовину человек.

— А наполовину кто?

И ровно в этот момент в музыкальный класс ворвались Келли и Тамми. Створки двери оглушительно захлопнулись за ними.

— Ах, так вот ты где, Перси Джексон, — прошипела Тамми. — Что ж, пришло время твоего собеседования.

* * *

— Какие они гадкие! — выдохнула Рейчел.

Чирлидерши по-прежнему щеголяли в красно-белой форме, но теперь обе они вооружились малокалиберными скорострельными пистолетами.

— На что они похожи, по-твоему? — быстро спросил я, но Рейчел и слова не могла вымолвить от ужаса.

— Забудь о ней!

Выкрикнув эти слова как приказ, Тамми послала мне сияющую улыбку и двинулась в нашу сторону. Келли осталась у дверей, блокируя выход.

Мы оказались в ловушке. Я вроде понимал, что путь к выходу мне придется прокладывать силой, но веселая улыбка на лице Тамми как-то обескураживала меня. Ее голубые глаза так ярко сверкали, и она до того красиво отбрасывала волосы за спину, когда они ей мешали...

— Перси, — предупреждающе шепнула Рейчел.

На что я чрезвычайно остроумно отозвался:

— А? Чего?

Тамми уже стояла рядом. И пушка, которую она держала в руке, была нацелена прямо на нас.

— Перси! — Голос Рейчел раздавался где-то далеко-далеко. — Приди в себя, ради бога!

Мне понадобилась вся моя воля, чтобы выхватить из кармана авторучку и сдернуть с нее колпачок. Ручка в одно мгновение превратилась в Анаклузмос — выкованный из бронзы меч длиной около трех футов. От него заструился слабый золотистый отсвет, и улыбка Тамми превратилась в злобную гримасу.

— Брось ты это, — запротестовала она. — К чему такие глупости? Лучше поцелуй меня.

От нее пахло розами и одновременно мехом какого-то животного, странный, одурманивающий запах...

Рейчел больно ущипнула меня за руку.

— Ты что, не видишь, она хочет укусить тебя! Посмотри же на нее как следует!

— Она просто ревнует. — Тамми бросила косой взгляд на Келли. — Можно мне его поцеловать, госпожа?

Келли, все еще загораживая выход, с жадностью облизнулась.

— Валяй, Тамми! Молодчина!

Тамми придвинулась еще на шаг, но я сделал выпад, и кончик лезвия уперся в ее грудь.

— Назад!

Она зарычала.

— Малек, — с отвращением процедила она. — Это *наша* школа, полукровка. И здесь мы пожираем кого хотим.

И вдруг прямо у меня на глазах она стала меняться. Все краски жизни отхлынули с ее лица и рук. Кожа стала мертвенно-бледной, глаза налились кровью, рот ощерился клыками.

— Вампирша! — ахнул я и случайно бросил взгляд на ее ноги.

Пониже юбки ее левая нога была темно-коричневой, волосатой и заканчивалась ослиным копытом. А правая по форме почти совсем походила на человеческую, но отливала металлическим блеском. Она была сделана из бронзы.

— То есть вампирша с ногами...

— Ни слова о моих ногах! — огрызнулась Тамми. — Грубо и не смешно!

И она двинулась на меня, переставляя свои чудовищные разные ноги. Теперь она выглядела просто нелепо, особенно с этой малокалиберной пушкой, но мне, я вам прямо скажу, было не до смеха. На меня смотрели красные кровожадные глаза, а рот скалился острыми клыками.

— Вампирша, говоришь? — Келли рассмеялась. — Глупый миф, основанный исключительно на нашем существовании, болван. Мы — эмпусы, ^[3] слуги Гекаты.

— Мгмм, — промычала Тамми и подобралась ко мне еще ближе. — Мы сотворены черной магией из тел животных, бронзы и духов ночи! Мы пришли в этот мир, чтобы питаться кровью молодых мужчин. А ну-ка подойди ко мне поближе, я хочу поцеловать тебя!

Ее пасть распахнулась, обнажая жуткие огромные клыки, я замер как парализованный и не мог даже пошевелиться, но в этот момент Рейчел вдруг схватила малый барабан и швырнула его прямо в голову эмпусы!

Демоница зашипела от злости и отшвырнула его в сторону. Барабан с грохотом покатился по проходу между музыкальными стойками, и каждый раз, когда он натыкался на опоры, из недр барабана раздавался страшный гул. Тогда Рейчел швырнула в Тамми ксилофон, но та с легкостью отбила и его.

— Я обычно не убиваю девчонок, — прорычала она, — но для тебя, смертная, я, пожалуй, сделаю исключение. Уж слишком хорошо ты видишь!

И бросилась на Рейчел.

— Нет!

Я взмахнул Анаклузмсом и нанес удар. Тамми попыталась увернуться, но стоило лезвию меча коснуться ее тела, как оно с треском взорвалось и обратилось в облако пыли. Рейчел судорожно закашляла, я оглянулся и увидел, что на нее оседают хлопья этой самой пыли и теперь

она выглядит так, будто над ее головой опрокинули целый мешок муки.

— Класно!

— С чудовищами всегда так, — ответил я. — Извини...

— Ты убил мою ученицу! — взвизгнула Келли. — Ну погоди, полукровка, ты у меня сейчас узнаешь, какие уроки преподают в нашей школе!

И тут она тоже стала меняться. Курчавые волосы превратились в языки пламени, глаза засверкали кровавым блеском, в мгновение ока выросшие клыки клацнули. Она бросилась на нас, ее бронзовая нога и копыто отвратительно зацокали по полу музыкального класса.

— Я старшая эмпуса! — рявкнула она. — И ни одному из героев еще не удалось меня перехитрить! За целую тысячу лет!

— В самом деле? — улыбнулся я. — Тогда ты опоздала родиться.

Келли двигалась намного быстрее Тамми. Она увернулась от моего первого выпада и колесом покатила по проходу. Раздался грандиозный грохот, там стояли медные духовые инструменты, и эмпуса посшибала на пол все тромбоны. Рейчел мигом убралась у нее с пути, а я поскорее переместился так, чтобы встать между ней и эмпусой. Келли кружила вокруг нас, взгляд ее беспокойно перебегал с меча на мое лицо.

— Что за симпатичное маленькое лезвие, — проворковала она. — Какая жалость, что оно очутилось между нами.

Ее облик каждую секунду менялся — уродливое чудовище в следующее мгновение превращалось в капитаншу чирлидеров. Я старался не отвлекаться и не обращать внимания на эти метаморфозы, но они меня здорово отвлекали.

— Бедняжка, — хихикнула Келли, — даже не понимаешь, что готовится, правда? Ничего, скоро запылает твой лагерь ярким пламенем и станут твои друзья рабами повелителя времени! А ты ничем не сможешь им помочь! Поэтому будет милосердным положить конец твоей жалкой жизни прямо сейчас, пока ты этого еще не увидел.

В эту минуту из коридора слышались приближающиеся голоса, это группа школьников, осматривавших школу, подходила к музыкальному классу. Какой-то преподаватель объяснял им что-то насчет системы дверных замков.

Глаза эмпусы вспыхнули радостью, она воскликнула:

— Прекрасно! Сейчас здесь соберется отличная компания!

Она схватила большую трубу и метнула ее в меня. Мы с Рейчел быстро пригнулись, труба пролетела над нашими головами и ударила в окно. Стекло и дребезги разбилось, осколки со звоном посыпались на пол. Голоса

в коридоре мгновенно стихли.

— Перси! — с притворным испугом вскрикнула Келли. — Зачем ты бросил в меня трубу?

Я так удивился, что даже не нашелся что ответить. А она тем временем схватила музыкальную стойку и замахнулась ею на стоявшие в ряд кларнеты и флейты. Музыкальные инструменты, а за ними и стулья с громом и воем повалились на пол.

— Прекрати! — крикнул я эмпусе.

Шум приближавшихся шагов в коридоре возобновился, они становились все громче.

— Пора поприветствовать наших милых зрителей!

Клыки Келли кровожадно обнажились, и она бегом кинулась к дверям. Я бросился следом за нею, так как ужасно испугался, что она нападет на смертных. В руках я сжимал Анаклузмос.

— Перси, остановись! — раздался позади крик Рейчел.

Но я все не мог понять, что намерена устроить Келли. Зато когда понял, было уже слишком поздно.

Эмпуса рывком распахнула дверь. Пол Блофис и группа новичков в шоке застыли в коридоре. Я тоже застыл, сжимая при этом в руке поднятый меч.

В следующую секунду Келли в облике трогательной школьницы — жертвы злодея — обернулась ко мне и жалобно воскликнула:

— О, пожалуйста, не надо!

Но сдержать движение клинка я уже не мог. Лезвие стремительно опускалось на ее голову.

За мгновение до того, как выкованный из небесной бронзы меч обрушился на нее, Келли взорвалась факелом огня. Взрыв вышел такой силы, будто внутри капитана чирлидеров вспыхнула бутылка с коктейлем Молотова. Волны огня с чудовищной быстротой разом охватили все стены класса.

Таких иллюминаций чудовища при мне еще никогда не устраивали, но времени любоваться у меня не было. Когда дверной проем занялся пламенем, я поспешно отступил в комнату.

— Перси?! — Пол Блофис смотрел на меня через языки огня, он выглядел вконец ошарашенным. — Что ты наделал?

Школьники с визгом бросились врассыпную по всему вестибюлю. Завыла сирена пожарной тревоги. Ожили и зажурчали фонтанчики воды, установленные на потолках.

В этом хаосе Рейчел потянула меня за рукав и сказала:

— Тебе надо смываться отсюда.

Она была права. Здание школы пылало огнем, и в этом наверняка обвинят меня. Смертные не умеют видеть сквозь Туман, для них будет совершенно ясно, что я напал на Келли, и свидетелей этому найдется целая сотня. А как мне объяснить, что произошло на самом деле? Я отвернулся от Пола и бросился к разбитому окну.

* * *

Я со всех ног удирал по аллее вдоль 81-й Восточной улицы и тут наткнулся прямо на Аннабет.

— Эй, ты явился рано! — воскликнула она со смехом, придерживая меня за плечо. — Смотри, куда бежишь, Рыбьи Мозги!

Какую-то долю секунды она еще пребывала в хорошем настроении. На Аннабет были джинсы и оранжевая фирменная лагерная футболка, на шее болтались ее любимые керамические бусы, волосы на затылке убраны в хвостик, серые глаза весело улыбались. В общем, она выглядела так же, как выглядит обычная девчонка, которая собралась пойти в кино, а потом отлично провести вечер и как следует повеселиться.

Но тут на аллею ворвалась Рейчел Элизабет Дэр, все еще покрытая пылью, и завопила:

— Перси, подожди-и!

Улыбка Аннабет растаяла. Она недоуменно посмотрела сначала на Рейчел, потом на школу. Заметила черный дым за моей спиной, услышала завывание пожарной сирены и нахмурилась.

— Что на этот раз? И кто она такая?

— Ох, Рейчел, познакомься, это Аннабет. Аннабет, это Рейчел... моя подруга, — сказал я и после некоторого колебания добавил: — Типа того.

Мне самому было неясно, могу ли я называть Рейчел своей подругой. Я хочу сказать, что все-таки мы были пока мало знакомы, но так как мы с ней уже дважды оказывались в смертельно опасных переделках, то относиться к ней как к постороннему я не мог.

— Привет, — бросила Рейчел и снова обернулась ко мне. — У тебя могут быть серьезные неприятности! И не забудь, что ты обещал мне все объяснить!

Со стороны ФДР-драйв^[4] донеслось завывание полицейских сирен.

— Перси, — холодно прервала ее Аннабет, — нам пора.

— Мне нужно узнать больше о полукровках, — не обращая на нее

внимания, продолжала Рейчел. — И о чудовищах. И всю эту чепуху про богов. — Она выхватила фломастер и с размаху начиркала на моей ладони какой-то телефонный номер. — Позвонишь мне и все объяснишь, хорошо? Ты просто обязан это сделать. А теперь тебе пора сматываться.

— Но...

— А в школе я что-нибудь сочиню, — пообещала она. — Скажу им, что ты тут ни при чем. Беги!

Рейчел повернулась и побежала обратно к школе, оставив нас с Аннабет на улице.

Аннабет секунду молча смотрела на меня в упор, затем повернулась спиной и пошла прочь.

— Эй! — Я кинулся за ней следом. — В школе оказались две эмпусы, — стал я объяснять на ходу, — прикинулись, понимаешь, чирлидерами. А потом они сказали, что наш лагерь сгорит и что...

— Ты рассказал смертной девчонке о полукровках?!

— Она и сама умеет видеть сквозь Туман. Она распознала этих чудовищ еще раньше, чем я.

— Поэтому ты ей все разболтал?

— Мы с ней познакомились на плотине Гувера, и еще там...

— Ты встречался с ней раньше?

— Ну да, один раз. Прошлой зимой. Нет, на самом деле я ее почти не знаю.

— Твоя Рейчел довольно симпатичная.

— Да я об этом вовсе и не думал!

Аннабет, не сбавляя шага, шла в сторону Йорк-авеню.

— В школе мне понравилось. — Я постарался переменить тему беседы. — Обязательно пойду туда осенью, честно! Будет здорово.

Аннабет, даже не посмотрев в мою сторону, небрежно бросила:

— Что-то мне подсказывает, что наша прогулка не состоится. Тебе надо сматываться отсюда, пока тебя не заграбастала полиция.

Позади нас над школой Гуди столбом вставал дым. В мрачном языке пепла мне виделось хохочущее лицо чудовища с красными глазами. Оно смеялось надо мной.

«Скоро запыхает твой лагерь ярким пламенем и станут твои друзья рабами повелителя времени!» — вспомнил я слова Келли, и сердце мое упало.

— Ты права, — сказал я Аннабет. — Нужно спешить в лагерь. Нельзя медлить ни минуты.

Глава вторая

Прерванный вызов из царства мертвых

Ничто не может так испортить прекрасное утро, как долгая поездка в такси с рассерженной девчонкой.

Я снова и снова пытался разговорить Аннабет, но она вела себя так, будто я только что замочил ее любимую бабушку. Все, чего я сумел от нее добиться, — лаконичная информация о том, что весной в Сан-Франциско ей досаждали чудовища, после Рождества она дважды побывала в лагере (меня это сильно задело, ведь она даже не позвонила мне, когда приезжала в Нью-Йорк!) и что ей ничего не известно о Нико ди Анджело (это длинная история). Почему она ездила зимой в лагерь, Аннабет мне не сообщила.

— А от Луки были известия? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой. Я знал, как болезненна для нее эта тема. Аннабет всегда восхищалась Лукой, бывшим старостой домика Гермеса в лагере, который предал нас и примкнул к силам Кроноса, повелителя злобных титанов. Аннабет никогда не признавалась, но я догадывался, что она все еще любит Луку. Прошлой зимой, когда мы сражались против него на горе Тамалпаис, он ухитрился выжить после падения с пятидесятифутовой скалы. Сейчас, насколько мне было известно, он продолжал плавание на захваченном монстрами круизном лайнере, пока его разрубленный на куски повелитель Кронос отлеживался в золотом саркофаге, восстанавливая по грамму свою плоть и выжидая, пока не обретет достаточно мощи, чтобы послать вызов богам-олимпийцам. Все это в разговоре между нами, полукровками, обозначалось словом «Проблема».

— Гора Тамалпаис с тех пор так и кишит чудовищами, — сказала Аннабет. — Я не решилась подобраться к ней поближе, но не думаю, что Лука все еще там. Я почувствовала бы его присутствие.

Сами понимаете, от этих слов настроение мое не улучшилось.

— Как дела у Гроувера? — спросил я.

— Он в лагере. Сегодня ты с ним увидишься.

— Ему повезло с поиском? Я хочу сказать, его попытки разыскать бога Пана удались?

Аннабет принялась теребить бусы на шее, как делала всегда, когда волновалась.

— Сам узнаешь, — пробормотала она нехотя. Но так ничего и не объяснила.

Когда мы ехали через Бруклин, я попросил у Аннабет телефон, чтобы позвонить маме. Обычно мы, полукровки, стараемся не пользоваться мобильниками, потому что посылать наши голоса в эфир — это все равно что так прямо и объявить чудовищам: «Ку-ку, я тут! Съешьте меня, пожалуйста!» — но этот звонок был для меня очень важен. Я оставил на нашем автоответчике голосовое сообщение, в котором постарался объяснить все, что произошло в школе Гуди. Боюсь только, что мне не очень-то это удалось. Еще сказал маме, что со мной все в порядке, пусть она не беспокоится, и что я останусь в лагере до тех пор, пока дело не наладится. И еще попросил ее извиниться за меня перед Полом Блофисом.

После этого мы долго ехали в полном молчании. Город постепенно таял вдаль, а потом и совсем исчез из виду, когда машина покинула скоростное шоссе и покатила по проселочной дороге в северной части Лонг-Айленда, мимо фруктовых садов и виноградников и ларьков, где продают самые свежие продукты.

Почему-то мне все время попадался на глаза тот телефонный номер, что нарисовала на моей ладони Рейчел Элизабет Дэр. Я понимал, какая это глупость, но мне ужасно хотелось позвонить ей. Может, она объяснит мне, что значили слова эмпусы о том, что лагерь будет сожжен, а мои друзья захвачены в плен. И почему, когда Келли взорвалась, поднялась такая пыль?

Я уже давно усвоил, что когда чудовищ убивают, они погибают не навсегда. Мало-помалу — на это могут потребоваться недели, месяцы, а может, даже годы — они вновь формируются из кипящей мерзостью первичной материи Царства мертвых. Но все равно, обычно монстры не так легко обращались в прах. Если эта Келли, конечно, и в самом деле была уничтожена.

Такси свернуло на дорогу 25А, и мы поехали через лес, который все тянулся и тянулся вдоль северного побережья, пока слева не показалась низкая гряда холмов. Когда Аннабет попросила водителя повернуть на проселочную дорогу номер 3.141, что вилась у подножия Холма полукровок, он нахмурился.

— Там местность плоская, как стол, мисс, и ни одного дома. Вы не ошибаетесь?

— Не ошибаюсь. Будьте добры, поезжайте.

Аннабет протянула ему плату за проезд, и он счел за лучшее не спорить.

На гребень холма мы с Аннабет взбирались пешком. Охранник —

молодой сторожевой дракон — обвился вокруг сосны и дремал, но когда мы приблизились, мгновенно проснулся и, увидев нас, задрал голову, чтобы ему пощекотали под подбородком. Когда Аннабет сделала это, у него от счастья аж пар повалил из ноздрей, как из чайника. Дракон закатил глаза и замер.

— Привет, Пелей, — сказала Аннабет. — Все тут у нас в порядке?

Последний раз, когда я видел Пелея, в нем было едва футов шесть росту, теперь же он вытянулся примерно в два раза, а по толщине не уступал тому дереву, на котором дремал. Над его головой, на самой нижней ветке, сверкало золотое руно, чья магическая сила защищала наш лагерь от вторжения. Дракон казался умиротворенным и расслабленным, а это означало, что в лагере все спокойно. Да и сам лагерь — раскинувшиеся под холмом прямо у наших ног зеленые поля, лес, белые здания в греческом стиле — выглядел мирно. Четырехэтажная постройка, именуемая Большим домом, гордо возвышалась среди полей клубники. К северу от Большого дома, за пляжем, искрилась под солнечными лучами вода залива Лонг-Айленд.

Но что-то... что-то неясное внушало мне тревогу. В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, будто сам холм затаился и сдерживает дыхание в предчувствии опасности.

Когда мы сбежали с вершины холма в долину, перед нашими глазами предстал обычный вечер летней смены. Большая часть ребят, как я понимаю, прибыла сюда в прошлую пятницу, и теперь все занимались делом. Сатиры бродили по полям клубники, наигрывая на свирелях, и магия музыки заставляла ягоды созревать быстрее. У нескольких ребят проходил урок верховой езды — оседлав пегасов, они парили над лесом. Трубы кузниц дымились, и изнутри доносился стук молотов, там занимались ковкой, изготавливая оружие для продажи в магазинчиках народных ремесел. Две команды, сформированные из представителей домиков богинь Афины и Деметры, состязались на беговой дорожке в гонках на колесницах, а на озере команда подростков, сидевших в греческой триреме, сражалась с большим, оранжевого цвета морским змеем. В общем, ничего особенного, обычный летний денек в лагере.

— Мне нужно переговорить кое о чем с Клариссой, — бросила мне Аннабет.

Я уставился на нее с таким видом, будто она сказала: «Мне нужно съесть большой вонючий сапог», и только потом спросил:

— Зачем?

Клариссу из домика Ареса я терпеть не могу, на мой взгляд, она хуже

всех в лагере. Подлая девчонка, противная задира. Ее отец, бог войны, пообещал разделаться со мной, поэтому теперь она регулярно пытается вышибить мне мозги. В остальном, надо признать, она неплохой товарищ.

— Мы с ней кое над чем работаем вместе, — туманно объяснила Аннабет. — Ладно, увидимся попозже. Пока!

— Над чем ты с ней можешь работать?!

Взгляд Аннабет скользнул в сторону леса.

— Я передам Хирону, что ты приехал. — Ясно, переводит разговор на другое. — Он наверняка захочет поговорить с тобой перед слушанием дела.

— Какого дела?

Не ответив, она повернулась и побежала по дорожке к арене, на которой обычно проводились состязания мечников. Даже ни разу не оглянулась.

— Было чрезвычайно приятно с вами побеседовать, мисс, — проворчал я, глядя ей вслед.

* * *

Когда я шел через лагерь, мне повстречалось несколько старых приятелей, и я остановился поболтать с ними. На подъездной аллее перед Большим Домом Коннор и Тревис Стоуллы из домика Гермеса возились с нашим лагерным внедорожником. Силена Боргард, староста домика Афродиты, помахала мне рукой, пролетая надо мной на пегасе. Я поискал Гроувера, но нигде его не увидел. Наконец я добрался до поля для поединков. На этой арене, где тренировались мечники, я всегда как бы случайно оказывался, когда бывал не в духе, и, нужно признаться, упражнения с мечом меня здорово приводили в норму. Может потому, что мечевой бой — это единственное, в чем я хоть чуточку разбираюсь.

Я прошел на арену, и тут мое сердце едва не остановилось! В самом центре поля, развалившись, лежала спиной ко мне самая огромная адская гончая, которую мне когда-либо доводилось видеть.

Я хочу сказать, что мне приходилось встречать довольно-таки внушительного вида адских гончих. Например, одна из них, размером с упитанного бегемота, пыталась убить меня два с лишним года назад. Но та, на кого я наткнулся сейчас, была уж точно не меньше танка. Понятия не имею, как она смогла проскользнуть незамеченной через границы лагеря, но устроилась тварь на арене совсем по-домашнему — улеглась на живот и, удовлетворенно порыкивая, грызла оторванную голову бутафорского

солдатики. Собаченция меня еще не заметила, но стоит мне пошевелиться, как она немедленно меня учует. Времени бежать за помощью не было, и я тихонько потянул из кармана авторучку и стал снимать колпачок, чтобы обнажить свой меч Анаклузмос.

— А-а-а! — заорал я изо всех сил и бросился в атаку.

Лезвие моего меча уже было в дюйме от огромной спины гончей, когда невесть откуда взявшийся чужой клинок парировал удар.

ДЗИНЬ!

Адская гончая наострила уши и рывкнула:

— ВУУФ!

Я отпрыгнул назад, еще не понимая, что происходит, сделал новый выпад и нанес ответный удар. И увидел перед собой седого мужчину в доспехе греческого воина, который без проблем парировал мой натиск.

— Стоп! — спокойно сказал он. — Объявляется передышка.

— ВУУФ! — Лай адского создания сотряс всю арену.

— Но это же адская гончая! — закричал я.

— Она не опасна, — успокоил меня мой противник. — Ее зовут Миссис О'Лири.

Я непонимающе заморгал и переспросил:

— Миссис О'Лири?

Услышав свою кличку, чертова собака опять оглушительно рывкнула. И по ее лаю я сообразил, что эта гончая совсем не злая, а лает просто от возбуждения. Она подтолкнула мокрую, основательно прожеванную куклу-солдатику своему хозяину.

— Хорошая девочка, — сказал тот, свободной рукой схватил чучело за шею и зашвырнул на трибуны. — Схватить грека! Схватить грека!

Миссис О'Лири рванулась за добычей, прыгнула на нее и стала топтаться на несчастном манекене, кроша огромными лапами его доспехи. А потом вообще вцепилась зубами в шлем и принялась жевать.

Мечник сухо улыбался. На вид ему, судя по седоватым, коротко подстриженным волосам и бородке, можно было дать лет пятьдесят, и я должен сказать, что для такого старикана он неплохо сохранил спортивную форму. Он носил черного цвета альпинистские штаны и бронзовый нагрудник, из-под которого виднелась фирменная оранжевая футболка нашего лагеря. Неожиданно я заметил у него на груди, у основания шеи, странную, цвета крови, отметину, только я не понял: это родимое пятно или татуировка. Увидев, на что я смотрю, хозяин адской гончей поправил шнуры нагрудника, и пятно спряталось под воротником.

— Миссис О'Лири — моя домашняя собачка, — объяснил он, — и я

убедительно прошу тебя больше не тыкать ей в спину мечом. Договорились? А то мы с ней обидимся.

— Кто вы?

— Обещаешь не убивать, если я спрячу меч?

— Обещаю.

Он вложил меч в ножны и протянул мне руку.

— Квинтус.

Его ладонь была шершавой, как наждачная бумага.

— Перси Джексон, — представился я — Извините за нападение на вашу, э-э, собачку. А как вы вообще...

— Приручил исчадие ада? Длинная история, включающая ряд смертельных схваток и немало мелко прожеванных бутафорских солдатиков. Между прочим, я новый инструктор лагеря по мечевому бою. Помогаю Хирону, пока мистер Д. в отсутствии.

— А-а... — Я старался не смотреть в ту сторону, где Миссис О'Лири уже сорвала с груди воина щит вместе с державшей его рукой и теперь трясла его так, словно это была тарелка фризби. — Подождите, а что, мистера Д. нет в лагере?

— Ну да... Сложные времена, видишь ли. Даже Дионису приходится заниматься делами. Сейчас он отправился навестить кое-кого из старых друзей. Убедиться, что они заняли правильную позицию и готовы поддержать того, кого нужно. Большого я тебе сообщить не могу.

Если Дионис уехал, то это лучшая новость из всех, что я услышал за нынешний день. Он назначен директором нашего лагеря только потому, что Зевс прислал его сюда в наказание за слишком горячие ухаживания за лесными нимфами. Мистер Д. нас прямо-таки ненавидит и изо всех сил старается как можно больше усложнить нашу жизнь в лагере. Так что если его нет, нынешнее лето может оказаться не слишком скучным. Хотя, с другой стороны, уж если Дионис оторвал задницу от стула и стал рекрутировать помощников богам в их битве с титанами, значит, дела и впрямь приняли плохой оборот.

Слева от меня послышалось громкое «бумс». Неподалеку на земле были сложены штабелем шесть деревянных ящиков, каждый размером со стол, сейчас вся эта гора зашаталась, и они рухнули на землю. Миссис О'Лири, воинственно пригнув голову, помчалась прямо на них.

— Тпру, малышка! — прикрикнул на нее Квинтус. — Это тебе не по зубам.

И он отвлек ее внимание, подбросив в воздух бронзовый щит на манер фризби.

Ящики подскакивали и катились по земле. На их сторонах были напечатаны какие-то слова, но с моей дислексией мне понадобилось немало времени, чтобы разобрать надпись:

РАНЧО «ТРИ — Г — ТРИ»

ОСТОРОЖНО, НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ!

На нижней стороне имелась надпись более мелкими буквами: «Открывать осторожно. Ранчо „ТРИ — Г — ТРИ“ не несет ответственности за порчу имущества, нанесение ущерба или мучительно болезненную гибель».

— Что в этих коробках? — поинтересовался я.

— Маленький сюрприз, — последовал ответ. — Тренажеры для завтрашних занятий. Тебе понравится.

— Понятно, — кивнул я, хоть слова насчет «мучительно болезненной гибели» мне не особенно пришлись по душе.

Квинтус метнул щит подальше, и Миссис О'Лири потрусила за ним.

— Вам, молодым, нравится балансировать на краю пропасти. Теперь лагеря совсем не те, что были в моем детстве.

— Так вы... вы полукровка? — ошарашено пробормотал я.

Я совсем не хотел показывать, насколько я потрясен, но мне никогда раньше не встречались взрослые полубоги.

Квинтус тихонько рассмеялся.

— Некоторым из нас и впрямь удастся дожить даже до таких лет, знаешь ли. Ведь не каждый полукровка получает зловещие предсказания.

— Вам известно о том, что мне предсказано?

— Да так, довелось услышать кое-что.

Мне хотелось спросить, что именно он слышал, но как раз в этот момент раздался возглас:

— Перси, вот ты где!

И на арене появился Хирон. Наверное, он прискакал с тренировочного стрельбища, поскольку за спиной у него болтались колчан и лук с натянутой тетивой, а нижняя часть его белоснежного конского тела была заляпана грязью и травой. Верхнюю, человеческую, часть туловища прикрывала футболка с крупной надписью «Кентавр № 1», а каштановую гриву и бороду он коротко подстриг, как обычно делал летом.

— Вижу, ты уже встретился с нашим новым инструктором. — Тон Хирона был благожелательным, но глаза смотрели настороженно. — Квинтус, вы не возражаете, если я заберу у вас Перси?

— Ни в коем случае, мистер Хирон.

— Не обязательно звать меня «мистер», — сказал Хирон, но вид у него сразу стал довольный. — Пошли, Перси. Нам надо многое обсудить.

Я бросил прощальный взгляд на Миссис О'Лири, которая теперь жевала ноги бутафорского воина.

— Пока. Увидимся, — попрощался я с Квинтусом.

Когда мы отошли на некоторое расстояние, я зашептал Хирону:

— Мне этот Квинтус кажется... ну, как бы сказать, каким-то...

— Загадочным? — подсказал Хирон. — Сразу не разберешь, каков он?

— Ага.

Хирон кивнул.

— Очень опытный боец. К тому же полукровка. Превосходный мечник. Но я и сам хотел бы понять... — Тут кентавр замолчал. Что бы он ни хотел понять, сообщать об этом мне он явно раздумал. — Сначала о главном, Перси. Аннабет мне сказала о твоей встрече с эмпусами.

— Ой, да!

И я рассказал ему о битве, которая разгорелась в школе Гуди, и о том, как Келли вдруг неожиданно исчезла со взрывом и пламенем.

— Гмм, — произнес кентавр. — Не каждая эмпуса способна сотворить такое. Только самые могущественные из них. Она не погибла, Перси. Таким образом она от тебя сбежала. Плохо, однако, что в свите Гекаты начались волнения.

— А что они делали в школе? — спросил я. — Меня поджидали?

— Вполне возможно. — Хирон нахмурился. — Удивительно, что в этой ситуации тебе удалось устоять. Способность этих созданий завораживать... почти ни одному из героев не удавалось выстоять и не поддаться их чарам. И все они были пожраны эмпусами.

— Меня бы тоже сожрали, — признался я, — если б не одна девочка. Ее зовут Рейчел.

Хирон кивнул.

— Да, по иронии судьбы тебе помогла обычная смертная, но мы, конечно, вернем ей долг. О том же, что эмпуса рассказала тебе о нападении на лагерь, мы еще поговорим позднее. Сейчас не до того, надо торопиться в лес. Там тебя ждет Гроувер.

— Где?

— В лесу идет слушание его дела, — мрачно объяснил Хирон. —

Совет копытных старейшин собрался на заседание, чтобы решить его судьбу.

* * *

Хирон сказал, что надо торопиться, поэтому я забрался к нему на спину, и мы поскакали к лесу. Когда он галопом мчался мимо домиков, в которых мы все жили, я успел бросить взгляд на павильон для трапезы — открытое здание в греческом стиле, расположенное на вершине холма и обращенное к морю. Я увидел его в первый раз с прошлого лета, и на меня сразу нахлынули плохие воспоминания.

Тем временем Хирон углубился в лес. Лесные нимфы выглядывали из-за деревьев, подсматривая за нами. Призрачные тени каких-то огромных существ шуршали в чаще — прятавшиеся здесь чудовища служили постоянной угрозой обитателям лагеря.

Я думал, что за последние два лета изучил лес досконально, мы не один раз играли здесь в захват флага, но Хирон скакал такими тропами, которых я ни разу не видел. Дорожка вилась меж старых ив, чьи кроны полностью смыкались над нею, образуя свод, потом мы миновали небольшой водопад и оказались на поляне, заросшей целым морем лесных цветов.

Там на траве кружком расположилась группа сатиров. В середине поляны стоял Гроувер. А лицом к нему на тронах, которые представляли собой по-особому подстриженные кусты роз, восседали три старых толстых сатира. Этих стариков я еще никогда не видел в лагере и решил, что они, наверное, и есть Совет копытных старейшин.

Мне показалось, что как раз перед нашим появлением Гроувер о чем-то докладывал Совету, потому что сейчас его пальцы нервно накручивали край футболки, а сам он то и дело беспокойно переступал своими козлиными копытами. Он, в общем-то, мало изменился с прошлой зимы, видимо, потому, что сатиры растут вдвое медленнее людей. Его прыщеватое лицо разгорелось от волнения, рожки немного подросли и теперь смешно выглядывали из спутанной шевелюры. С некоторым испугом я понял, что стал выше его ростом.

На поляне также сидели Аннабет, Кларисса и еще одна девочка, которую я раньше не видел. Они втроем сгрудились немного поодаль от сатиров. Хирон ссадил меня на землю, и я очутился прямо рядом с ними.

Волосы Клариссы были стянуты банданой под цвет ее камуфляжного

костюма, и она очень походила на мальчишку. К чему, впрочем, всегда и стремилась. Сейчас она бросила на меня короткий взгляд и пробормотала «привет, салага», что, в общем, должно было означать, что настроение у нее превосходное. Гораздо чаще Кларисса говорила «привет» и тут же пыталась меня прикончить.

Аннабет обвила рукой талию незнакомой девочки, которая выглядела так, будто только что плакала. Маленького роста, изящная — как ее, наверное, назвали бы взрослые, — с пышными волосами янтарного цвета и хорошеньким, немного эльфийским личиком. На ней были зеленый хитон и шнурованные высокие сандалии, а у глаз она держала платок.

— Все это кончится ужасно, — захныкала девочка.

— Что ты, что ты. — Аннабет погладила ее по плечу. — Все будет хорошо, Можжевелочка.

Аннабет взглянула на меня и одними губами произнесла: «Подружка Гроувера».

По крайней мере, я подумал, что именно это она и прошептала, хоть смысла в подобных словах не было ни малейшего. Чтобы у Гроувера была подружка?! Но когда я посмотрел на Можжевелку пристальней, то заметил, что уши у нее чуть заострены кверху, а глаза, если не считать того, что они покраснели от слез, были зелеными-презелеными, цвета хлорофилла. А-а, понятно. Передо мной была дриада — лесная нимфа.

— Мистер Ундервуд, — с важностью заговорил один из членов Совета, перебивая собиравшегося что-то сказать Гроувера, — и вы всерьез полагаете, что мы способны в это поверить?

— Но, господин Силен, — пробормотал тот, — ведь я говорю чистую правду.

Член Совета Силен обернулся к коллегам и с горячностью стал им что-то говорить. Хирон прошел вперед и встал рядом с ними, внимательно прислушиваясь к беседе. Я знал, конечно, что он почетный член Совета, но не считал это особенно важным. Старейшины не показались мне такими уж выдающимися личностями, скорее они напоминали козлов в зоопарке — жирное брюхо, тусклые глаза, которые не видят ничего, кроме кормушки, и вечное сонливое выражение на морде. Так что я не совсем понимал, чего, собственно, Гроувер так беспокоится.

Силен одернул на огромном брюхе желтого цвета рубашку поло и поудобнее устроился на троне.

— Мистер Ундервуд, уже в течение полугода — целых шесть месяцев! — членам нашего Совета приходится выслушивать ваши провокационные заявления о том, что с вами говорил сам бог дикой

природы Пан.

— Но я вправду слышал его голос!

— Какая дерзость! — проскрипел тот, что сидел слева от Силена.

— Потихонечко, Марон, — оборвал его кентавр. — Имейте терпение.

— Вот еще, терпение! — продолжал ворчать Марон. — Я по самые рога сыт этой чепухой. Станет бог природы говорить с этим...

Можжевелька, казалось, хотела броситься на старого сатира и поколотить его, но Аннабет и Кларисса удержали ее.

— Не время, подружка, — прошептала Кларисса. — Погоди чуток.

Не знаю, что удивило меня больше — Кларисса, удерживающая кого-то от драки, или то, что она и Аннабет, отчаянно презиравшие друг друга, вместе затеяли какое-то дело.

— Итак, в течение шести месяцев мы были снисходительны к вам, мистер Ундервуд. Позволили вам совершать различные путешествия. Не отзывали вашей лицензии на проведение поиска. Мы доверяли вам, ожидая, что вы сумеете предъявить доказательства своего нелепейшего утверждения. И что вы нам теперь, спустя все это время, преподнесли?

— Мне нужно еще немного времени, — попросил Гроувер.

— Ничего он не нашел! — взвизгнул тот, который сидел посередине. — Ничего!

— Но, Леней...

Силен поднял руку, призывая к молчанию, но тут Хирон наклонился и сказал что-то сатирам. Те сразу скисли. Они принялись что-то бормотать и спорить между собой, но Хирон сказал еще что-то, и Силен неохотно кивнул. Потом со вздохом объявил:

— Итак, мистер Ундервуд, мы согласны дать вам еще один шанс.

— Благодарю! — физиономия Гроувера сразу просветлела.

— Мы даем вам одну неделю.

— Как одну?! Но, сэр, это невозможно!

— Одна неделя, мистер Ундервуд. После истечения этого срока, если вы не сумеете подтвердить сделанные вами заявления, ваша лицензия на поиск будет отозвана и вам придется поискать себе другое занятие. Возможно, такое, в котором вы могли бы лучше проявить свои актерские способности. К примеру, кукольный театр. Или степ.

— Но, сэр, я... Что со мною станет, если я лишусь лицензии на поиск? Вся моя жизнь...

— Заседание Совета откладывается, — объявил Силен. — Все приглашаются на обед. Приятного аппетита!

Старый сатир хлопнул в ладоши, и из-за деревьев выступила группа

нимф с блюдами овощей, фруктов, консервированных продуктов и прочих козлиных деликатесов. Кружок сатиров дрогнул, распался, и они накинудись на еду. Гроувер понуро направился в нашу сторону. Его вылинявшая голубая футболка была украшена портретом какого-то сатира с надписью: «Получил, козел?»

— Привет, Перси! — Он был так подавлен, что даже не протянул руку, чтобы поздороваться. — Все нормально?

— Старые козлы! — воскликнула Можжевелка. — Ох, Гроувер, они и понятия не имеют, как ты старался!

— Существует еще один вариант, — туманно высказалась Кларисса.

— Нет же, нет! — Лесная нимфа в испуге затрясла головой. — Гроувер, я не отпущу тебя.

Лицо моего друга сильно побледнело.

— Я... я хотел бы еще подумать об этом. Мы ведь даже не знаем, где искать.

— О чем вы говорите? — вмешался я.

Где-то далеко раздался звук рога. Аннабет нахмурилась и сказала:

— Позже я тебе все объясню, Перси, а сейчас нам нужно торопиться. Начинается осмотр домиков.

* * *

Правда, ужасно несправедливо, что проверка нагрянула в момент, когда я только что прибыл в лагерь? Но со мной вечно так. Каждый вечер один из старост обходит все наши домики, проверяя чистоту, и делает отметки на особом листе папируса. Тем, кто займет лучшие места, гарантирована первая очередь в душе, а значит, вволю горячей воды. Обитателям домика, который очутился на последнем месте, достается уборка на кухне после обеда.

Для меня лично проблема заключается в следующем: я, как правило, единственный обитатель домика Посейдона. И к тому же, как известно, Перси Джексон не принадлежит к числу тех, кого обычно называют чистоплотными и опрятными мальчиками. А так как гарпии-чистильщицы обычно появляются в лагере всего один раз — в последний день лета, то вполне возможно, что мой домик сейчас пребывает в том же состоянии, в каком я оставил его зимой. Фантики от конфет и пакеты от чипсов валяются на кровати, доспехи, которые были на мне во время соревнования за захват флага, разбросаны по всей комнате... ну и так далее.

Поэтому я рысью припустил в жилую зону, где двенадцать домиков — по одному на семью каждого бога-олимпийца — выстроились на зеленом лугу в виде английской буквы U. На бегу я успел заметить, что дети Деметры старательно подметают свой домик и спешно выращивают свежие цветы на подоконниках. Конечно, стоит им только пальцами щелкнуть, как жимолость уже вьется по притолоке, а маргаритки густым ковром покрывают крышу, — и вы называете это справедливостью? Не думаю, что им хоть раз досталось последнее место при таких осмотрах. А ребята из домика Гермеса бегают в панике, рассовывая грязное белье под кровати и обвиняя друг дружку во всех грехах. Они, конечно, известные лодыри, но уж точно раз в сто аккуратнее меня.

Увидев, что Силена Боргард как раз выходит из домика Афродиты, на ходу делая отметки на своем папирусе, я тихонько чертыхнулся про себя. Силена — отличная девчонка, но ужасная чистюля и инспектор из нее — зверь. Она просто обожает, чтобы все было «по струночке», а я терпеть этого не могу. В общем, мои руки уже чувствовали тяжесть кухонных блюд с объедками, которые мне сегодня предстоит выскребать.

Домик Посейдона стоял последним в ряду «мужских» домов, выстроившихся по правую руку вдоль луга. Сооруженный из серого морского ракушечника, он был длинный и низкий, как барак, но зато наши окна смотрели в море и по комнате всегда гулял свежий морской ветер.

Я ворвался внутрь, надеясь еще успеть с подкроватным маневром по примеру ребят Гермеса, но тут же застыл на месте от удивления. В шатре орудовал метлой мой сводный брат Тайсон!

— Перси! — завопил он, уронил метлу на пол и кинулся ко мне.

Если вам не доводилось видеть деловито суетящегося по хозяйству циклопа в цветастом фартучке с нагрудником и резиновых хозяйственных перчатках, то поверьте мне, это зрелище может и мертвого поднять на ноги.

— Привет, верзила! — обрадовался я и тут же поморщился. — Эй, поосторожней с ребрами! Ой-ой.

Его медвежье объятие мне удалось выдержать. Сияя от счастья, Тайсон поставил меня обратно на пол, его коричневый глаз горел радостным волнением. Мой брат выглядел как обычно: кривые зубы покрывал желтый налет, прическа сильно смахивала на воронье гнездо, из-под фартучка выглядывала дырявая фланелевая рубаша и джинсы самого великанского размера, но для меня видеть его было настоящим утешением. Мы с ним расстались почти год назад, когда он отправился на дно морское, чтобы работать в кузницах циклопов.

— Как поживаешь? — спросил Тайсон. — Чудовища еще не сожрали?

— Даже ноготочка не откусили.

И я продемонстрировал ему свои руки и ноги в целости и сохранности. Тайсон счастливо заржал.

— Ура! Теперь можно навалиться на бутерброды с арахисовым маслом и раскатывать на морских конях! Мы с тобой зададим жару чудовищам и увидим Аннабет. И вообще устроим хорошенький буумс!

Понадеявшись, что он не собирается заняться всем этим прямо сейчас, я ответил, что мы обязательно здорово повеселимся нынче летом. На Тайсона невозможно было смотреть без улыбки, столько энтузиазма он излучал.

— Но сначала нужно как следует подготовиться к осмотру. Мы должны...

Тут я огляделся и понял, чем Тайсон был занят до моего прихода. Пол начисто выметен. Койки застелены в лучшем виде. В фонтанчике с морской водой сверкали надраенные кораллы. На подоконниках цвели в вазах морские анемоны и еще какие-то неизвестные фосфоресцирующие растения, которые Тайсон наверняка натаскал со дна моря. Они были в сто раз красивее всех букетов, что вырастили дети Деметры.

— Тайсон, да лучше нашего домика ни у кого нет!

Он просиял.

— А это ты видел? Я развесил под потолком морских коньков.

Целый табунок миниатюрных бронзовых гиппокампов был подвешен на проволоке под потолком, и со стороны казалось, будто они плывут по воздуху. Мне даже не верилось, что Тайсон, с его огромными лапами циклопа, умеет делать такие деликатные вещи. Потом я перевел взгляд на свою койку и обнаружил, что на стенке над ней висит мой старый щит.

— Ты его починил!

Щит, жестоко пострадавший в схватке с мантикорой, сейчас сиял как новенький, на нем не было ни единой царапины! И так же сверкали отполированные бронзовые таблички с изображениями наших с Тайсоном и Аннабет приключений в Море чудовищ.

Я молча выпучил глаза на Тайсона, не зная, как его благодарить, как вдруг чей-то голос позади меня удивленно произнес:

— Вот это да!

В дверях стояла Силена Боргард со своим папирусным свитком. Она сделала шаг внутрь нашего домика, повернулась, оглядываясь по сторонам, и уставилась на меня.

— Скажу прямо, у меня были некоторые сомнения. Но здесь абсолютная чистота, Перси. Я это запомню.

Она подмигнула мне и вышла.

* * *

Оставшуюся часть дня мы с Тайсоном провели, слоняясь тут и там, что составляло приятный контраст с утром, проведенным в школе Гуди, учитывал смертельную схватку с эмпусами.

Сначала мы отправились в кузницу, где немного помогли Бекендорфу из домика Гефеста в его трудах. Тайсон расхвастался и показал нам, каких успехов достиг в ковке и выделке магического оружия. Он сумел с такой сноровкой и ловкостью закалить в пламени обоюдоострый боевой топор, что даже на Бекендорфа произвел неизгладимое впечатление.

Между делом Тайсон рассказывал, как он работал на морском дне. Его глаз пылал от восторга, как фонарь при описании кузницы циклопов и дворца Посейдона. Но он сообщил и о том, что в подводных глубинах не все идет гладко. Старые морские божества, те, которые правили миром во времена титанов, затеяли распрю с нашим отцом Посейдоном. Когда Тайсон уезжал, сражения уже бушевали по всей Атлантике. Новости оказались плохими, я сразу забеспокоился и стал думать, что, может, мне следует отправиться туда на помощь, но Тайсон сообщил: отец велел нам обоим оставаться в лагере.

— Плохие создания водятся не только на дне морском, — объявил мой мудрый братец. — И мы должны устроить им хорошенький буумс.

Покинув кузницу, мы отправились на озеро. Там к нам присоединилась Аннабет, и мы долго сидели на берегу. Увидев Тайсона, она ужасно обрадовалась, но я все равно заметил, что Аннабет чем-то сильно озабочена. То и дело ее взгляд устремлялся в сторону леса, словно мысленно она все еще беспокоилась по поводу Гроувера. Я не мог винить ее в этом, к тому же меня и самого мучило то, что моего друга нигде не видно.

Отыскать давно исчезнувшего из мира бога Пана было для Гроувера самым важным делом в жизни. Когда-то, преследуя ту же самую цель, погибли его отец и дядя. Однажды, это случилось прошлой зимой, Гроувер услышал, как чей-то голос сказал ему: «Я тебя жду», и он был уверен, что голос этот принадлежал богу Пану. Но несмотря на тщательные поиски, он ничего не добился. И если через неделю Совет отберет у него разрешение на поиск, это выбьет почву из-под ног моего друга-сатира.

— Что это за «еще один вариант», о котором говорила Кларисса? —

поинтересовался я у Аннабет.

Она помолчала, подобрала с земли камешек, зашвырнула его в озеро и только потом заговорила:

— Кларисса кое-что придумала. Весной я ей немного помогала с этим делом... Но оно может оказаться опасным. Особенно для Гроувера.

— Этот козел меня вообще пугает, — пробормотал Тайсон.

Я глянул на него. Моему брату случалось встречаться с огнедышащими быками, морскими чудовищами и гигантами-каннибалами, и он с честью выходил из положения.

— Чем это? — спросил я.

— Рогами и копытами, — нервно ответил тот. — А от козлиной шерсти у меня всегда в носу чешется. И чихать охота.

Это замечание положило конец нашей беседе о Гроувере.

* * *

Перед обедом мы с Тайсоном отправились на арену для поединков. Квинтус обрадовался нашему появлению. Он так и не объяснил мне, что было в деревянных ящиках, но зато показал несколько новых боевых приемов с холодным оружием. Отличный парень, решил я. Его манера биться на мечах напоминала мне шахматную партию — он обрушивает на противника лавину непрерывных ударов, и тот не видит в них никакой системы, пока Квинтус не сделает последнего выпада, при котором его меч вдруг оказывается у горла врага.

— Славно орудуешь мечом, — похвалил он меня. — Но защита замедленная.

Он нанес удар, и я его блокировал.

— А вы всегда были мечником? — спросил я.

Квинтус парировал мой режущий сверху и ответил:

— Кем я только не был в своей жизни.

Он сделал выпад, но я уклонился. Тут наплечник Квинтуса лопнул, и я опять увидел отметину у основания его шеи — пурпурное пятно. Но теперь я заметил, что это не пятно, а скорее рисунок, и он имеет вполне определенные очертания — птица со сломанными крыльями, похожая на перепела или кого-то в этом роде.

— Что это у вас на шее? — спросил я, понимая, что такой вопрос может показаться грубым, но это можно свалить на мою гиперактивность. У меня просто страсть прояснять все непонятное.

Квинтус сбился с ритма. Я нанес удар по эфесу, и его меч отлетел в сторону.

Он потер пальцы и стал поправлять доспехи, чтобы скрыть пятно. Это не татуировка, сообразил я. Похоже скорее на давнишний ожог. А еще больше на клеймо.

— Так, памятка. — Квинтус подобрал меч и принужденно улыбнулся. — Что, продолжим?

Тут он сильно насел на меня, и вопросы мои быстро иссякли.

Пока мы бились, Тайсон возился с Миссис О'Лири, которую ласково звал «собачка». Они великолепно провели время, борясь за бронзовый щит и играя в «Убей грека». К заходу солнца, когда мы закончили, Квинтус, как ни странно, даже не вспотел, в то время как мы с Тайсоном, запыхавшиеся и потные, побежали домой мыться под душем и переодеваться к ужину.

«До чего здорово! — думал я. — Обычный день в лагере!»

Настало время ужинать, мы все построились у своих домиков и строем же отправились в павильон для трапезы. Большинство ребят не обращали никакого внимания на трещину в мраморном полу у входа, но я-то отлично помнил, что еще в прошлом году этого десятифудовой длины разлома здесь не было! Я постарался перешагнуть через трещину как можно осторожнее, хотя ее аккуратно заделали каким-то материалом.

— Здоровая трещина, — пробурчал Тайсон, когда мы рассаживались за столом. — Может, землетрясение было?

— Нет, никакое это не землетрясение.

Я не собирался ему ничего рассказывать. Это была тайна, которую знали только мы с Аннабет и Гроувером. Но, встретившись с вопрошающим взглядом огромного Тайсонова глаза, я понял, что не смогу ничего скрыть от него.

— Нико ди Анджело, — тихо прошептал я. — Полукровка, мы привели его к нам в лагерь прошлой зимой. Он... это, ну, попросил меня позаботиться о его сестренке, а я сплеховал. Она умерла, и теперь он винит в этом меня.

— И поэтому разломал наш пол? — Тайсон нахмурился.

— Это на нас скелеты напали, — принялся объяснять я. — Нико велел им убираться, и земля разверзлась и их поглотила. Нико — сын... — Я оглянулся, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает. — Нико, он сын Аида.

— Повелителя Царства мертвых, — задумчиво кивнул Тайсон.

— Ну да.

— Поэтому он исчез из лагеря?

— Думаю, да. Весной я пытался разыскать его. И Аннабет тоже пробовала. Но у нас ничего не вышло. Только имей в виду, это тайна, Тайсон. Не проболтаешься? Если кому-то станет известно, что Нико — сын Аида, ему грозит серьезная опасность. Даже Хирону нельзя ничего рассказывать.

— Плохое предчувствие, — вдруг произнес мой братец. — Титаны могут использовать твоего приятеля в своих целях, если узнают о том, чей он сын.

Я потрясенно на него уставился.

Иногда, из-за того что он такой огромный, а ведет себя совсем как ребенок, я забывал о том, какой Тайсон умный. Сейчас он напомнил мне о пророчестве, согласно которому отпрыску одного из трех главных богов — Зевса, Посейдона или Аида — предстоит спасти или разрушить Олимп, но при условии, что ему удастся дожить до шестнадцати лет. Большинство, по-моему, считает, что речь идет обо мне, но если я погибну раньше, то следующей кандидатурой окажется Нико.

— Точно, — выдохнул я, — а значит...

Рот на замке, — пообещал Тайсон. — А замок запечатан, как та трещина на входе в столовую.

* * *

В ту ночь я долго не мог заснуть. Я лежал в постели, прислушиваясь к шороху волн на берегу и завываниям сов и чудовищ в лесах. Я боялся, что, заснув, снова увижу кошмарные сны.

Понимаете, сновидения для полукровок — это не просто сны. Именно в сновидениях нам иногда являются послания. Из них мы можем узнать о том, что происходит с нашими друзьями или врагами. Иногда мы видим события из собственного прошлого или будущего. А здесь, в лагере, мои сны становились еще более яркими и реалистическими, и видел я их почти каждую ночь.

Так я пролежал чуть ли не до полуночи, а сна не было ни в одном глазу. Хотя мой взгляд почти не отрывался от верхней койки над головой, в какой-то момент я вдруг почувствовал, что в комнате стало светлее, повернул голову и увидел слабое сияние, струившееся от фонтанчика с морской водой.

Я сбросил одеяло и побрел к нему. От горячей соленой воды поднимался пар, и в нем дрожала радуга, хотя в комнате не было никакого

света, только луна сияла за окном. Неожиданно прямо из радуги послышался приятный женский голос, который произнес: «Пожалуйста, уплатите одну драхму».

Я оглянулся на Тайсона, но он по-прежнему храпел. Мой брат вообще спит так крепко, как загипнотизированный слон.

Я не знал, что и думать. Никогда прежде я не получал посланий Ириды. На дне фонтанчика что-то блеснуло, это была золотая монетка в одну драхму. Я выловил ее и сунул в облачко пара. Монета исчезла.

— О Ирида, богиня радуги, — зашептал я, — покажи мне... э-э, ну, в общем, то, что ты хотела мне показать.

Облачко пара замерцало сильнее. Теперь в нем можно было кое-что различить. Я увидел темный берег реки, сложенный из острых вулканических камней. Над ее черной водой плыли клочья тумана. Какой-то мальчишка сидел на берегу и поддерживал пламя в костре, языки которого имели странный синий цвет. Когда я всмотрелся в лицо мальчишки, то узнал Нико ди Анджело. Он занимался тем, что бросал в огонь обрывки бумаги. Я увидел, что это были карточки из «Мифов и магии», этой игрой он увлекался прошлой зимой.

Нико исполнилось лет десять или одиннадцать, но выглядел он сейчас гораздо старше. Волосы у него сильно отросли, лохматые, спутанные, они почти доставали до плеч. Глаза казались черными-пречерными, смуглая кожа побледнела. Одет он был в рваные черные джинсы и поношенную летнюю куртку размеров на пять больше, чем нужно. Под ее расстегнутой молнией виднелась черная рубашка. Лицо Нико было угрюмым, глаза смотрели с каким-то диким выражением. И вид такой неприкаянный, будто он уже год ночевал на улицах.

Я молча ждал, чтобы он меня заметил. Когда прошлой зимой Нико говорил, что считает меня виновным в смерти своей сестры, я знал, как сильно он на меня злился. Но сейчас по всему видно, что ему и дела до меня нет.

Я стоял тихо-тихо, не осмеливаясь даже пошевелиться. Если это не Нико отправил мне послание Ириды, то кто же?

Еще одна карта полетела в огонь.

— Бессмыслица, — пробормотал он. — Даже не верится, что когда-то мне так нравилось играть ими.

— Вы правы, занятие для малышей, господин, — согласно зажурчал чей-то голос.

Говоривший, кажется, находился рядом с костром, но мне его не было видно.

Нико поднял голову и бросил взгляд на противоположный берег, от самой линии речного прибоя всю местность там плотно затянула черная мгла. Вдруг я узнал это место — за рекой находилось Царство мертвых. Нико развел костер на берегу Стикса.

— Ничего у меня не получается, — опять сказал Нико. — Нет способа вернуть ее обратно.

Его собеседник хранил молчание. Нико перевел взгляд на огонь и требовательно спросил:

— Ты здесь? Говори.

В костре что-то вспыхнуло. Сначала мне показалось, это просто искра сверкнула, но когда я пригляделся, то разобрал в клубах синего дыма очертания человеческой фигуры. Вернее, тень очертаний. Если смотреть прямо на нее, то никакого человека там не было, а если уголком глаза, как бы искоса, то можно разобрать его контуры. Призрак!

— То, чего вы пытаетесь добиться, никому и никогда не удавалось, — произнес он. — Но это не значит, что подобное невозможно.

— Научи меня! — потребовал Нико.

Его глаза яростно сверкнули.

— А что я получу взамен? — глухо спросил призрак. — Душу за душу.

— Согласен!

— Речь идет не о вас. Вы не можете отдать свою душу собственному отцу, он ею и так владеет. Да он и не стремится получить душу своего сына. Я говорил о душе, которой давно пора упокоиться. О той, что однажды обманула саму смерть.

— Не надо снова об этом. — Лицо Нико потемнело. — Ты хочешь заставить меня совершить убийство.

— Я хочу справедливости, — сказал призрак. — Отмщения.

— Это не одно и то же.

Призрак холодно усмехнулся.

— Когда вы станете старше, то поймете, что ошибались.

— Почему я не могу просто вызвать сестру? — Нико не сводил взгляда с пламени. — Мне надо поговорить с ней. Она... она может помочь мне.

— Я помог вам, — возразил призрак. — Разве я не спасал вас уже много раз? Разве я не провел вас через лабиринт и не научил пользоваться своими силами? Так хотите вы отомстить за смерть своей сестры или не хотите?

Мне совсем не понравилось, как призрак разговаривал с Нико. Его речь здорово напоминала мне одного парня из моей прежней школы, отморозка, который вечно подбивал ребят на разные проделки — испортить

оборудование в лаборатории, поцарапать машину кого-нибудь из учителей. Сам-то он, конечно, не попадал ни в какие неприятности, зато они тоннами сваливались на других.

Нико отвернулся от огня так, чтобы призрак не видел, как у него по щеке поползла слеза. Но мне-то это было отлично видно.

— Считай, что договорились. У тебя есть план?

— О, разумеется. — Голос призрака сразу сделался очень довольным. — Перед нами множество самых темных троп. Начать можно с...

И тут видение перед моими глазами стало таять. Нико исчез. Женский голос из облака пара произнес: «Пожалуйста, уплатите еще одну драхму за следующие пять минут».

В фонтане не было больше ни одной монетки. Я хотел пошарить в карманах, но вспомнил, что на мне только пижама, кинулся к ночному столику, чтобы поискать забытую мелочь, но в это время фонтан погас и комната погрузилась во тьму. Связь прервалась.

Я стоял в темноте и слышал только журчание соленой воды в фонтане и плеск океанских волн за стеной.

Значит, Нико жив. Он пытается вернуть обратно из Царства мертвых свою сестру. Я почти не сомневался в том, что знаю, чья душа пойдет в обмен на душу Бьянки. И кто именно обманул однажды смерть. И за что требуется отомстить.

Нико ди Анджело собирается прийти за мной.

Глава третья

Мы играем в салочки со скорпионами

Следующее утро принесло нам множество хлопот.

Примерно часа в три ночи на границе лагеря было замечено присутствие эфиопского дракона. Я так устал, что, несмотря на поднятую суматоху, проспал все самое интересное. Границы, охраняемые с помощью магии, не позволили чудовищу прорваться, но зато оно обшарило все холмы, отыскивая слабые звенья в нашей обороне, и вовсе не намеревалось убираться, пока Ли Флетчер из домика Аполлона вместе со своими сородичами не пустился за ним в погоню. После того как не менее дюжины стрел в свою очередь отыскивали слабые звенья в его шкуре, дракон понял намерения и удалился.

— Но он слоняется где-то здесь, — предупредил Ли, когда докладывал о появлении чудовища в трапезной, перед началом завтрака. — В его шкуре — не меньше двух десятков стрел, и он наверняка сходит с ума от бешенства. Эта тварь длиной футов тридцать от хвоста до загривка, ярко-зеленой раскраски, а глаза... — Ли содрогнулся и покачал головой.

— Молодец, Ли, ты правильно действовал. — Хирон одобрительно потрепал его по плечу. — Всем сохранять боевую готовность, но вылазок не совершать. Такое уже случалось прежде.

— Прежде бывало, — услышался голос Квинтуса, сидевшего за главным столом, — и впредь будет. Все чаще и чаще.

Ребята взволнованно перешептывались между собой.

В лагере всем было известно: Лука и его армия готовят вторжение в наш лагерь. Большинство ребят не сомневались, что оно непременно произойдет нынешним летом, но никто не знал, как и когда именно. В этом году нас в лагере стало меньше, чем прежде, но это не имело значения. В лагере собралось всего восемь десятков полукровок, хотя три года назад, когда я приехал сюда в первый раз, было больше сотни. Кто-то умер. Кто-то сбежал и присоединился к Луке. Кто-то просто исчез.

— Зато теперь есть отличная причина опробовать пару новых военных игр, — продолжил Квинтус, глаза его оживленно вспыхнули. — Увидим, как вы покажете себя сегодня вечером.

— Да, — согласился Хирон. — Ладно, достаточно разговоров. Давайте благословим пищу и примемся за еду. — С этими словами он поднял

кубок. — За богов!

Все подняли свои кубки и повторили тост.

Мы с Тайсоном взяли тарелки с едой и направились к бронзовой жаровне, где бросили по щепотке пищи в огонь. Я надеялся, что богам не противно вкушать запах тостов с изюмом и хлопьев.

— Посейдон, — сказал я, помолчал и продолжал уже потише: — Помоги мне, пожалуйста, с Нико и Лукой, и еще с Гроувером...

У меня было несчетное количество проблем, но так как я не мог стоять над жаровней целое утро, то быстренько закруглился и вернулся обратно к столу.

Пока все ели, к нашему столику подошли Хирон и Гроувер. Глаза моего друга сатира смотрели с каким-то отсутствующим выражением, рубашка была надета наизнанку. Он небрежно поставил свою тарелку на стол, а сам рухнул на соседний стул.

Тайсон поежился и стал выбирать из-за стола.

— Я... э-э, гм... пойду, пожалуй. Пора чистить моих бронзовых морских коньков.

Он вышел из павильона, оставив завтрак недоеденным.

Хирон выдавил из себя что-то похожее на улыбку. Может, он хотел таким образом ободрить нас, но лично я не чувствую себя уютно, когда надо мной нависает огромное тело кентавра.

— Доброе утро, Перси. Как спалось?

— Хм, отлично.

Интересно, с чего это он интересуется, как я спал. Неужели ему что-то стало известно о том странном послании Ириды, которое я получил ночью?

— Я привел Гроувера, — продолжал Хирон, — потому что решил, что вам полезно... э-э, обсудить положение. А теперь, прошу меня простить, мне необходимо отправить несколько посланий с помощью Ириды. Увидимся позже.

Он бросил на Гроувера многозначительный взгляд и потопал к выходу из павильона.

— О чем это он говорил? — спросил я у Гроувера.

Гроувер продолжал рассеянно жевать. Я сразу заметил, что он слегка не в себе, потому что, покончив с яйцом, он принялся так же методично пережевывать зубцы вилки.

— Он хочет, чтобы ты убедил меня кое на что решиться, — нехотя пробормотал сатир.

Кто-то присел за наш столик с другой стороны. Аннабет!

— Я расскажу тебе, в чем дело, — сказала она. — Речь идет о

лабиринте.

Сосредоточиться на том, что она говорила, было нелегко, ибо все собравшиеся исподтишка наблюдали за нами. Со всех сторон послышались перешептывания. Аннабет, ни на кого не обращая внимания, уселась прямо рядом со мной. То есть, я хочу сказать, справа от меня, но совсем рядом.

— Тебе не разрешается тут сидеть, — сказал я ей.

— Но мне необходимо тебе все объяснить, — возразила она упрямо.

— По правилам...

Аннабет не хуже меня знала, что нам не полагается пересаживаться за чужие столы во время трапез. Сатиры — другое дело, но они ведь не дети богов. А нам, полукровкам, следует всегда вкушать пищу среди своих соплеменников. Правда, я понятия не имел, полагается ли за нарушение этого правила какое-либо наказание. Ни разу не видел, чтобы кто-то из ребят менялся местами. Если б тут оказался мистер Д., он бы, наверное, моментально придушил Аннабет, оплетя ее виноградной лозой. Но мистера Д. не было, Хирон уже вышел, Квинтус же оглянулся на нас, наградил пристальным взглядом, приподняв брови, но промолчал.

— Послушай, — продолжала Аннабет, — Гроувер в ужасном положении. И у нас есть только один способ помочь ему. Лабиринт. Гроуверу следует перенести поиск в лабиринт. Именно эту возможность мы с Клариссой и изучали.

Я заерзал на стуле, стараясь не отвлекаться.

— Ты о том лабиринте, в котором в давние времена жил Минотавр?

— Именно.

— Но... но он уже не находится на острове Крит под царским дворцом, — предположил я. — Теперь лабиринт расположен под каким-то зданием в Соединенных Штатах Америки.

Оценили? Мне понадобилось несколько лет, чтобы научиться вычислять такие штуки. Я выяснил, что самые важные на земле места не стоят на месте, а дрейфуют в определенном порядке по западному миру. Так, гора Олимп теперь располагается над Эмпайр-стейт-билдинг, а вход в Царство мертвых находится непосредственно в Лос-Анджелесе. Совершив такое открытие, я, помнится, преисполнился гордости за себя.

Аннабет выразительно закатила глаза и фыркнула.

— Под каким-то зданием? Перси, пожалуйста, не смей меня. Лабиринт просто огромен. И он не уместится даже под одним городом, не то что под зданием!

Я припомнил свое ночное видение: Нико, сидящий на берегу Стикса.

— Выходит, лабиринт — это часть Царства мертвых?

— Вовсе нет. — Аннабет нахмурилась. — Но в лабиринте могут найтись переходы, ведущие туда. Хотя я в этом не совсем уверена, ведь Царство мертвых расположено очень глубоко, а лабиринт находится сразу под поверхностью земли, на которой живут смертные, совсем близко. Лабиринт растет уже тысячи лет, прокладывает свои рукава под городами Западного полушария, разветвляет туннели и переходы и потом соединяет их в одно целое. Воспользовавшись лабиринтом, ты можешь оказаться где угодно.

— Если не заблудишься, — мрачно вставил Гроувер. — А то погибнешь страшной смертью.

— Гроувер, какой-то путь должен быть. — По голосу Аннабет я догадался, что они не в первый раз беседуют на эту тему. — Кларисса же жива.

— Ну и что? А тот, другой парень...

— У него поехала крыша. Но он не умер.

— Велика радость. — Нижняя губа Гроувера задрожала. — Ты меня очень утешила.

— Стойте, — вмешался я. — Давайте все сначала. Про Клариссу и про свихнувшегося парня.

Аннабет глянула в ту сторону, где сидела за своим столом семья Ареса. Кларисса смотрела на нас так, словно прекрасно знала, что тут обсуждается, но, встретив взгляд Аннабет, сразу отвела глаза и уткнулась в тарелку перед собой.

— Это было еще в прошлом году, — стала рассказывать Аннабет, понизив голос, — когда она выполняла задание Хирона.

— Помню, — кивнул я. — Страшная тайна.

Аннабет молча кивнула. Несмотря на то, что она говорила об очень серьезных вещах, я чувствовал себя ужасно довольным. Во-первых, конечно, оттого, что она больше не злится на меня. К тому же она ради того, чтобы поговорить со мной, вопреки принятым правилам сидит сейчас за нашим столиком. Мысль об этом доставляла мне большое удовольствие.

— Да, о том, что она побывала в лабиринте, никому не рассказывали... потому что она наткнулась там на Криса Родригеса.

— Того типа из домика Гермеса?

Я видал этого парня пару лет назад, мы тогда случайно подслушали его разговор на корабле под названием «Принцесса Андромеда», на котором плавал Лука. Крис был одним из тех полукровок, кто бросил лагерь и присоединился к армии титанов.

— Того самого, — подтвердила Аннабет. — Прошлым летом он взял и

объявился в Фениксе, штат Аризона, по соседству с домом мамочки Клариссы.

— Что ты имеешь в виду «взял и объявился»?

— То, что говорю. Слонялся по пустыне, при жаре в сто двадцать градусов, ^[5] в полном доспехе греческого воина и нес несуразную чепуху про какую-то нить.

— Про нить, — повторил я за ней. Рассказ становился все интереснее.

— Он был полностью не в себе. Кларисса привела его в дом матери и оставила там, чтобы смертные не вздумали упрятать его в больницу. Она нянчилась с ним, как с маленьким. Потом к ним приехал Хирон и попытался расспросить Родригеса, но без толку. Им удалось узнать только одно: люди Луки вплотную взялись за изучение лабиринта.

Я вздрогнул, и холодок пробежал у меня по коже, хоть я и сам точно не понимал, отчего так волнуюсь. Бедняга Родригес... Он был вроде неплохой парень. Что он мог узнать такое, из-за чего тронулся умом? Я перевел взгляд на Гроувера, тот дожевывал остатки своей вилки. Тогда я поинтересовался у Аннабет, зачем воинам Луки исследовать лабиринт?

— Точно неизвестно, — ответила она — Для того чтобы выяснить это, Клариссу и послали на разведку. Хирон не хотел поднимать шум, чтобы никто не ударился в панику. Мне он рассказал об этом потому... ну, просто потому, что лабиринт всегда был моим самым любимым строением. Его архитектура включает в себя... — Взгляд Аннабет затуманился, лицо приняло мечтательное выражение. — Его строитель, Дедал, был настоящий гений. Суть лабиринта в том, что вход в него может располагаться практически в любом месте. И если Луке станет известен путь через него, то он сможет перебрасывать свою армию куда угодно, причем с невероятной скоростью.

— Однако сеть переходов сильно запутана.

— Конечно. И к тому же в лабиринте полно самых ужасных ловушек, — встрял Гроувер. — Тупики. Миражи. Монстры, убийцы сатиров.

— Это все так, — прервала его Аннабет, — но только если у тебя нет нити Ариадны. В прежние времена с помощью этой нити Тесею удалось выбраться из лабиринта. Это не просто нить, а своего рода навигационный прибор, изобретенный самим Дедалом. Обратите внимание, Крис Родригес все время говорил про какую-то нить.

— Значит, Лука пытается найти нить Ариадны, — догадался я. — Но зачем? Что он затеял?

Аннабет покачала головой.

— Понятия не имею. Сначала я думала, что он хочет пройти через лабиринт, чтобы ворваться в наш лагерь, но это же бессмысленно. Ближайший выход, который удалось обнаружить Клариссе, находится на Манхэттене, а это означает, что лабиринт не поможет Луке преодолеть границы лагеря. Кларисса сделала попытку пробраться по туннелям, но это оказалось слишком опасным. Она несколько раз была на волосок от гибели. Я постаралась собрать как можно больше сведений о Дедале, но, боюсь, мне не слишком многое удалось. Не понимаю, что планирует Лука, но знаю одно: именно лабиринт может быть ключом, с помощью которого Гроувер справится со своей задачей.

— Ты что, считаешь, что бог Пан обитает под землей?! — Я даже заморгал от удивления.

— Если допустить такое предположение, становится понятно, почему его так трудно найти.

Гроувер пожал плечами.

— Сатиры всегда ненавидели спускаться под землю. Ни одному, пустившемуся в поиск, даже в голову не придет бродить там. Ни цветов. Ни солнечного света. Даже кофе нет!

— Но зато, — прервала его Аннабет, — лабиринт может привести тебя куда угодно. Он читает твои мысли. Он создан для того, чтобы одурачивать, расставлять ловушки и губить тех, кто в нем оказался, но если тебе удастся одолеть его, лабиринт станет работать на тебя.

— Он мог бы привести тебя к богу дикой природы, — сказал я.

— Нет, это не для меня. — Гроувер обхватил руками живот и захныкал. — От одной мысли о лабиринте мне хочется слопать все столовое серебро.

— Гроувер, это может оказаться твоим последним шансом, — деловито заметила Аннабет. — Совет говорит совершенно серьезно. Одна неделя, и все! Можешь отправляться бить чечетку.

Со стороны главного стола послышалось характерное покашливание, это Квинтус многозначительно прочищал горло. По-моему, этим он хотел намекнуть, что ему, конечно, не по душе устраивать сцены, но Аннабет слишком долго остается за чужим столом, и чаша его терпения уже переполнилась.

— Ладно, поговорим об этом позже. — Она стиснула мою руку так сильно, что я чуть не подпрыгнул. — Постарайся убедить его.

Аннабет вернулась за свой стол, где сидели дети Афины, игнорируя обращенные на нее со всех сторон вопросительные взгляды.

Гроувер обхватил голову руками.

— Я... я не могу сделать это, Перси. Моя лицензия на поиск... То, что я слышал голос Пана... И все это у меня могут отнять... Единственное, что мне теперь остается, это поступить в кукольный театр.

— Не говори так! Мы что-нибудь придумаем.

Сатир со слезами на глазах смотрел на меня и бубнил:

— Перси, ты же мой лучший друг. И ты видел меня тогда, в подземной пещере. Ну, у циклопа. Неужели ты и вправду считаешь, что я мог бы...

Его голос прервался. Я вспомнил Море чудовищ, где Гроувер оказался запертым на острове в пещере циклопа. Он и прежде терпеть не мог всякие подземелья, а после того случая стал их просто ненавидеть. Между прочим, и самих циклопов тоже. Говорил, что от них у него мурашки бегут по коже от страха. У него даже от Тайсона были мурашки. Гроувер старался скрывать это чувство, но с тех пор, как между нами развилось что-то типа эмпатической связи, мы с ним немножко научились читать мысли друг друга. Ну, как бы могли поставить себя на место другого. И потому я прекрасно понимал чувства, которые он испытывает. Гроувер попросту боялся моего брата.

— Мне пора, — жалобно пробормотал он. — Меня ждет Можжевелка. Я рад, что хоть она не презирает трусов.

Когда Гроувер ушел, я оглянулся на Квинтуса, он с печальным видом кивнул мне, словно мы с ним знали общий невеселый секрет. Затем перевел взгляд на свою тарелку и принялся кинжалом резать лежавшую на ней сосиску.

* * *

Ближе к вечеру я отправился на конюшню навестить своего друга, черного пегаса по кличке Пират.

«Йо-хо-хо, босс! — Он принялся дурачиться, вскидывать передние ноги и хлопать в воздухе черными крылами. — Принес мне сахарных кубиков?»

Как сын Посейдона, который считается создателем лошадей, я прекрасно понимал язык всех копытных.

— Пират, ты же прекрасно знаешь, тебе от них один вред.

«Ага. Но ты ж их все равно принес».

Я улыбнулся и протянул ему пригоршню рафинада. Мы с Пиратом давно знакомы. Я когда-то вроде как спас его от монстров на круизном лайнере Луки, и с тех пор он так и норовит сделать мне что-нибудь

приятное в ответ.

«Нет ли у нас каких дел? — весело спросил пегас. — А то я готов слетать куда угодно, босс!»

Я потрогал его холодный нос.

— Не сейчас, парень. Тут что-то поговаривают насчет подземных прогулок.

Пегас нервно заржал.

«Ну вот еще! Это не лошадиное дело. Ты ж не станешь соваться в эти дурацкие подземелья, а, босс? Так можно и на кладбище оказаться!»

— Может, ты и прав, Пират. Поглядим.

Пегас хрустел кубиками рафинада, время от времени встряхивая гривой от удовольствия.

«Йо-хо-хо! Что за славный денек выдался! Босс, кончай хандрить, давай куда-нибудь слетаем! Просто чтобы развеяться. Старина Пират со своим приятелем — да мы кого угодно на уши поставим!»

Я рассказал ему о том, что задумал. Потом в стойла пегасов притащилась целая команда ребят, у них начались уроки верховой езды, и я решил, что мне пришло время сматываться. Какое-то недоброе предчувствие говорило мне, что нам с Пиратом предстоит долгая разлука.

* * *

Вечером после ужина Квинтус велел всем надеть доспехи и вооружиться таким образом, словно мы готовимся к сражению за захват лагерного флага. Только я заметил, настроение у ребят было что-то слишком суровое. Ящики, которые еще вчера громоздились на арене, куда-то исчезли, и мне почему-то казалось, что их содержимое перекочевало в леса, окружавшие лагерь.

— Все сюда! — приказал Квинтус и встал во главе обеденного стола. — Собраться вокруг меня!

Свет факелов красиво играл на его доспехе — сплошь черная кожа и бронза, а седые волосы делали нашего инструктора похожим на привидение.

Миссис О'Лири со счастливой мордой прыгала вокруг него, выпрашивая объедки от ужина.

— Разобьемся на пары, — объявил Квинтус. Все стали суетиться и выхватывать из толпы своих друзей. Но он сразу крикнул: — Пары уже назначены!

— УУУ! — раздался в ответ многоголосый рев.

— Цель простая: вы должны добыть золотые листья лавра и не погибнуть. Лавровый венок уложен в шелковый пакет и привязан к спине одного из чудовищ. Их будет шесть. И шелковый пакет есть у каждого. Но только в одном из них находится лавровый венок. Выигрывает тот, кто обнаружит его первым. И конечно... убьет чудовище, сумев при этом остаться в живых.

Ребята взволнованно загомонили. Задание было изложено вполне откровенно. Конечно, всем нам случалось и прежде уничтожать монстров. Для этого нас, собственно, тут и тренировали.

— Объявляю ваших напарников! — опять прокричал Квинтус. — Нельзя меняться! Нельзя выпрашивать других! Жаловаться бесполезно.

— Грмм. — Морда Миссис О'Лири утонула в тарелке с пиццей.

Квинтус же извлек откуда-то длинный свиток и начал зачитывать имена. Бекендорф был назначен в пару к Силене Боргард и просиял от счастья. Братья Стоулл, Тревис и Коннор, составили одну команду. Ничего удивительного, они все делают вместе. Клариссу объединили с Ли Флетчером — с детьми Ареса и Аполлона будет непросто тягаться, серьезная комбинация стратегического подхода и рукопашного боя. Квинтус продолжал называть имена и наконец дошел до моего:

— Перси Джексон и Аннабет Чейз.

— Отлично, — улыбнулся я ей.

— У тебя нагрудник перекосялся. — Аннабет небрежно поправила у меня на груди кожаные ремешки.

— Гроувер Ундервуд назначается в пару с Тайсоном, — объявил под конец Квинтус, и Гроувер чуть не выпрыгнул из своей козлиной шкуры.

— Что? Но к-к-к...

— Нет-нет, — тут же захныкал Тайсон. — Вы ошиблись, мистер инструктор. Этот козел...

— Не жаловаться! — отрезал Квинтус. — Принимайтесь за дело. У вас две минуты на подготовку.

Тайсон и Гроувер бросили на меня умоляющие взгляды, я им ободряюще закивал и жестом показал, что все складывается наилучшим образом. Тайсон тут же расчихался, а Гроувер принялся нервно грызть свою деревянную дубинку.

— Все у них получится, — сказала Аннабет. — Пошли. Надо отработать способ, как верней остаться в живых.

Еще не начинало смеркаться, когда мы углубились в лес, но удлинившиеся тени создавали здесь почти ночной полумрак. Следы противника мы с Аннабет отыскивали почти сразу — отпечатки, в спешке оставленные каким-то существом с множеством ног. Мы продвигались вперед, стараясь не терять их из виду.

Один раз, когда нам пришлось перепрыгивать через ручей, неподалеку хрустнул сучок. Мы тут же спрятались за камнем, но оказалось, что это братцы Стоулл пробираются лесом, ругаясь напропалую. Их папаша, может, и был богом воров, но у них самих ловкости — как у носорога.

Когда они скрылись из виду, мы двинулись в западную часть леса, водившиеся в той стороне чудовища были самыми сильными и дикими. Добравшись до края обрыва, мы некоторое время постояли там, разглядывая болотистый пруд, открывшийся нашим глазам. Вдруг я почувствовал, что Аннабет вздрогнула и напряглась.

— То самое место, где мы бросили его искать, — глухо сказала она.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чем она. Прошлой зимой, когда мы все разыскивали Нико ди Анджело и, прочесав чуть ли не весь лес около лагеря, добрались сюда, именно тут нас оставила последняя надежда. Гроувер, Аннабет и я, помнится, стояли на этом самом каменистом обрыве, и я убеждал их в том, что Хирон не должен знать правды. Ему нельзя рассказывать, что Нико — сын Аида. В то время это казалось мне самым лучшим выходом. Я хотел защитить его, хотел найти Нико сам и объяснить все обстоятельства, связанные со смертью его сестры. Но теперь, полгода спустя, я так же далек от решения этой задачи, как и тогда. Во рту у меня появилась горечь.

— Прошлой ночью я видел его, — пробормотал я.

Аннабет непонимающе взглянула на меня.

— Как это, видел?

Я стал рассказывать ей о послании Ириды и о том, что увидел у фонтанчика в своем домике. Пока я говорил, она молча смотрела в глубь леса, на подступающие к нам тени.

— Он хочет вернуть умершую? Нехорошо.

— Тот призрак, которого я видел, дает ему плохие советы, — пояснил я. — Призывает отомстить.

— Да-а... Духи действительно не всегда хорошие советчики. Они ведь преследует свои цели, никак не забудут старые распри. К тому же они

обижают живых.

— Нико собирается явиться за мной. А еще этот призрак упоминал о лабиринте.

— Все сходится, — кивнула Аннабет. — Нам просто необходимо найти лабиринт.

— Может, и так. — Я поежился. — Но все-таки кто послал мне это сообщение через Ириду? Если Нико не знал, что я тут, в лагере...

И вдруг снова — хруст ветки. Шорох сухих листьев. Что-то огромное шумно двигалось между деревьями как раз под гребнем скалы, на котором мы стояли.

— Это уже не братья Стоулл, — шепнула Аннабет.

Почти одновременным движением мы выхватили мечи.

* * *

Через считанные минуты мы добежали до Кулака Зевса — огромной груды валунов в самой чаще западного участка леса. У этой, самой природой созданной горки часто сходились наши охотничьи экспедиции. Но сейчас здесь не было ни души.

— Вон там, — шепнула мне Аннабет.

— Нет, погоди, — возразил я. — По-моему, позади нас.

Происходило что-то непонятное. Шорох чьих-то торопливых шагов доносился с разных сторон. С мечами в руках мы стали обходить скопление камней, когда вдруг позади нас чей-то голос произнес:

— Привет!

Мы резко обернулись, мечи в руках блеснули, и лесная нимфа Можжевелка вскрикнула от испуга.

— Уберите их! — запротестовала она. — Мы, дриады, не любим острых лезвий. Хорошо?

— Можжевелка! — воскликнула Аннабет. — А ты что здесь делаешь?

— Живу.

— В этих булыжниках? — Я опустил меч.

— В можжевельнике, дурачок. — Дриада указала на опушку леса.

Я сразу почувствовал себя глупо. И впрямь, как можно было не догадаться! С дриадами я познакомился несколько лет назад, но вести с ними долгие беседы все как-то не приходилось. Знаю только, что они никогда не удаляются слишком далеко от деревьев, в которых живут, но кроме этого, мне про них почти ничего не известно.

— А вы сейчас сильно заняты? — спросила Можжевелка.

— Ну... вообще-то у нас самый разгар военной игры против чудовищ, и мы изо всех сил стараемся не погибнуть...

— Нет, — оборвала меня Аннабет, — мы ничем не заняты. Что случилось, Можжевелка?

Нимфа всхлипнула и вытерла рукавом глаза.

— Гроувер. Он кажется таким расстроенным. Целый год он искал Пана. И каждый раз, когда он возвращается, то становится все печальней и печальней. Я даже подумала, может, он встретил другое деревце, а можжевельник разлюбил.

— Нет, что ты, — поспешно заверила ее Аннабет. — Уверена, что причина не в том.

— Один раз я видела, как он упал на куст черники, — пожаловалась Можжевелка.

— Можжевелочка, — ласково сказала Аннабет, — Гроувер никогда даже не смотрит на другие деревья. Просто он ужасно расстраивается из-за своей лицензии на поиск.

— Он терпеть не может подземелья, — вздохнула дриада. — И вы не должны заставлять его туда спускаться.

Аннабет смутилась.

— Мы не заставляем, но это, может быть, единственный способ помочь ему. Если б мы, конечно, знали, откуда начинать, чтобы оказаться в лабиринте.

— А-а. — Можжевелка стерла зеленую прозрачную слезинку со щеки, — Насчет этого...

Опять в лесу что-то зашуршало, и дриада испуганно воскликнула:

— Прячьтесь скорее!

И прежде чем я успел спросить почему, она нырнула в зеленый туман. Мы с Аннабет оглянулись.

Из леса прямо на нас выползло янтарного цвета насекомое футов десять в длину, с острыми, как топоры, клешнями, блестящей чешуей, твердым панцирным хвостом и жалом длиннее, чем мой меч. Скорпион! К его спине был привязан алый шелковый мешок.

— Так! Один из нас пробирается за спину к этой твари, — скомандовала Аннабет, когда чудовище двинулось на нас, — и отсекает ему хвост, пока второй отвлекает внимание, атакая спереди.

— Усек! Надевай свою шапку-невидимку.

Она кивнула. Мы уже столько раз сражались бок о бок, что понимали друг друга с полуслова. С этим мы справимся. Но когда мы увидели, что из

лесу на нас выползает еще два таких же скорпиона, то поняли: дело обстоит намного хуже, чем мы полагали.

— Три?! — воскликнула Аннабет. — Это не по правилам! По лесу шастает целая команда охотников, а на нашу долю выпустили половину зверья?

Я только сглотнул. Одного — это мы запросто. Двоих — ну при удачном стечении обстоятельств можно и двоих. Но целых три? Очень сомневаюсь.

Скорпионы лезли на нас, их шипастые хвосты так и свистели в воздухе, готовясь разрубить каждого из нас на части. Мы прижались спиной к ближайшей каменной глыбе.

— Айда наверх? — спросил я.

— Не успеем.

Она права, скорпионы нас уже окружали. Твари были так близко, что я различал слюну, капающую из их пастей в предвкушении столь изысканного обеденного блюда, как полукровки.

— Берегись! — крикнула мне Аннабет, отбивая плоской стороной лезвия выстрелившее в нее жало.

Анаклузмос сверкнул в воздухе, угрожая другому жалу, но скорпион в мгновение ока оказался вне досягаемости. Воспользовавшись передышкой, мы стали карабкаться по камням наверх, но скорпионы не отставали. Я ударил мечом одного, но продолжать стратегию нападения было слишком опасно. Если я буду пытаться разрубить мечом тело скорпиона, он размахнется, двинет своим ужасным хвостом — и поминай как звали. Если же я попробую отрубить этой твари хвост, то его клешни обхватят меня с боков и раздавят. Все, что остается, это держать оборону, но надолго нас не хватит.

Я сделал выпад в сторону, пробуя прижаться к камням, и вдруг обнаружил, что позади меня их нет, там зияет пустота. Между двумя огромными валунами чернела глубокая трещина... странно, я, наверное, сто раз тут был и ни разу ее не видел.

— Залезай сюда, — крикнул я Аннабет.

Она, рубанув скорпиона, который только что чуть не схватил ее, с недоумением взглянула на меня.

— В эту щель? Но она слишком узкая!

— Полезай. Я тебя прикрою. Давай!

Она скользнула мимо меня и стала протискиваться между камнями. Вдруг раздался вскрик, Аннабет ухватилась за меня, потянула за собой, и мы с ней стали куда-то проваливаться. Между камнями разверзлась яма,

которой еще секунду назад здесь не было. На мгновение надо мной вспыхнуло пурпуром вечернее небо, замелькали деревья, распахнулись страшные пасти скорпионов, и тут же все исчезло. Будто захлопнулась крышка фотообъектива и мы очутились в полнейшей тьме.

Тишина... Вокруг нас стало так тихо, что наше тяжелое дыхание рождало ответное эхо. Камни вокруг были влажными и холодными. Я присел на неровный пол, словно бы выложенный из каменных плит, и поднял Анаклузмос. Слабого свечения, струившегося от его лезвия, было достаточно, чтобы увидеть испуганное лицо Аннабет и обросшие мхом булыжники стен.

— Г-где мы? — заикаясь, спросила Аннабет.

— Во всяком случае, там, где нет скорпионов.

Я старался говорить спокойно, но мне тоже было страшно. Трещина, в которую мы пролезли, не могла вести в пещеру, это абсолютно точно. Если б на территории лагеря находилась такая пещера, об этом бы все знали. Пока что происшедшее с нами походило на то, что сама земля расступилась и поглотила нас. Мои мысли тотчас завертелись вокруг той трещины перед дверью нашего павильона для трапезы, куда однажды провалились скелеты-призраки. И я стал подумывать, что примерно то же самое случилось и с нами.

Я снова поднял меч, разгоняя тьму вокруг нас.

— Какая длинная комната, — пробормотал я, вглядываясь во мрак.

Аннабет судорожно схватилась за мою руку.

— Это не просто расщелина, — зашептала она. — Это подземный коридор.

Она права. Тьма впереди сгущалась так, будто там была пустота и оттуда потихоньку дул теплый ветерок, какой иногда ощущается в туннелях метро, только этот, казалось, нес в себе некую угрозу.

Я встал и двинулся вперед, но Аннабет остановила меня.

— Дальше ни шагу, — предупредила она. — Сначала нужно найти выход отсюда.

Она и вправду выглядела очень напуганной.

— Зачем его искать, — возразил я, — он прямо надо мной.

Я поднял голову, взглянул наверх и понял, что той расщелины, через которую мы свалились вниз, уже нет. Над нашими головами тянулся сплошной каменный потолок. Коридор же уходил в обоих направлениях, и конца ему не было видно.

Ладонь Аннабет опять скользнула мне в руку и осталась там. При других обстоятельствах я бы, наверное, смутился, но в этой тьме

кроме мной я был даже рад, что знаю, где она. Поскольку это единственное, что я сейчас знал.

— Отступаем на два шага, — приказала Аннабет. Мы сделали их почти одновременно, будто ступали по минному полю.

— Так. Хорошо. Теперь помоги мне получше разглядеть стены.

— Зачем это?

— Чтобы отыскать метку Дедала.

В голосе Аннабет звучала уверенность, что она ее найдет.

— Хм, ладно, а что это за метка? — поинтересовался я, но в этот момент она с облегчением воскликнула:

— Есть!

Аннабет приложила руку к стене, и от этого места заструилось слабое голубоватое свечение. На стене виднелся знак Δ, греческая буква «дельта».

Потолок скользнул вбок, и тотчас над нашими головами появилось синее ночное небо, сплошь усеянное звездами. Только почему-то оно было гораздо темнее, чем я ожидал. По одной стороне стены наверх вели перекладыны металлической лестницы. До моего слуха доносились человеческие голоса, выкрикивавшие наши имена:

— Пе-ерси! А-аннабет!

Голос Тайсона звучал громче всех, но остальные тоже кричали не слабо.

Я тревожно оглянулся на Аннабет, и мы стали взбираться по лестнице.

* * *

Когда мы вылезли наверх, на кучу камней, то тут же угодили в объятия Клариссы и целой оравы других ребят. В руках все они держали факелы.

— Где вы двое пропадали? — обрушилась на нас Кларисса. — Мы уже целую вечность вас ищем!

— Какую вечность? Нас не было минут пять, не больше.

Прискакал Хирон, за ним по пятам бежали Тайсон с Гроувером.

— Перси! — обрадовано воскликнул мой братишка. — С тобой ничего не случилось?

— Все нормально, ты чего? — Я даже удивился. — Просто мы минуту назад провалились в какую-то дыру.

Все недоверчиво оглядели сначала меня, потом Аннабет.

— Честно! На нас напало три скорпиона, мы бросились бежать от них и спрятались среди камней. Нас всего минуты две и не было.

— Вас не было почти час, — строго сказал Хирон. — Игра давно окончилась.

— Ага, — пробормотал Гроувер. — Мы бы выиграли, если б этот циклоп на меня не уселся.

— Я же нечаянно! — горячо запротестовал Тайсон и сразу же расчихался.

Кларисса держала в руках золотой лавровый венок, но почему-то не хвасталась победой, хоть ей такая скромность была вовсе не свойственна.

— А где дыра, в которую вы провалились? — подозрительно осведомилась она.

Аннабет перевела дыхание. Оглянулась на ребят, обступивших нас.

— Хирон... Может, поговорим об этом в Большом доме?

— Вы нашли его? — охнула Кларисса.

Аннабет прикусила губу.

— Э-э... ну... да, мы его нашли.

На нас со всех сторон посыпались вопросы, ребята, казалось, так же ничего не понимали, как и я. Хирон предупреждающе поднял руку, требуя тишины.

— Сейчас не лучшее время задавать вопросы и здесь не лучшее место, чтобы на них отвечать. — Кентавр оглядел гору камней с таким подозрением, словно ему именно в этот момент бросилось в глаза, насколько опасными они выглядят. — Все марш по своим домикам. И спать! Игра прошла замечательно, но вам давно пора отдыхать.

Сразу разразился поток жалоб и стонов, но ребята все-таки послушно отправились в лагерь, на ходу оживленно переговариваясь. Взгляды, которые я ловил на себе, были откровенно недоумевающими.

— Что ж, это многое объясняет, — пробормотала Кларисса. — Например, теперь становится ясно, что искал Лука.

— Секундочку, — попросил я. — Что ты имеешь в виду? Что мы такое нашли?

Аннабет повернулась ко мне с потемневшими от тревоги глазами.

— Вход в лабиринт. Оказывается, в самом сердце нашего лагеря существует лазейка для вторжения.

Глава четвертая

Аннабет нарушает правила

Хирон, невзирая на наши протесты, настоял на том, чтобы все важные разговоры перенесли на утро. Другими словами, это звучало приблизительно так: «Эй, над тобой нависла страшная опасность, но ты пока не обращай внимания, спи себе дальше!»

Разумеется, я долго не мог заснуть, а когда это наконец удалось, мне приснилась темница.

Сначала я увидел какого-то мальчика. Одетый в греческую тунику, обутый в плетеные сандалии, он сидел, скорчившись, на полу просторной комнаты с каменными стенами. Больше здесь никого не было. Вместо потолка я увидел синее ночное небо, но стены в этом помещении были высотой футов под двадцать и сооружены из гладко отполированного мрамора. По всей комнате валялись разбросанные деревянные ящики, некоторые из них разломались, другие были опрокинуты, в общем, казалось, что их притащили сюда волоком. Из одного ящика на пол высыпались разные инструменты из бронзы, я увидел компас, пилу, несколько других, непонятного мне назначения.

Мальчик примостился в углу, он дрожал — может, от холода, а может, от страха. К тому же все его тело покрывала засохшая грязь, руки, ноги и лицо были расцарапаны, как будто его волокли сюда вместе с ящиками.

Внезапно со скрипом стали отворяться двойные дубовые двери, и через минуту в комнату вступили два стражника в доспехах из бронзы. Между ними, с трудом переставляя ноги, ковылял какой-то старик, которого они оба вынуждены были поддерживать, чтобы тот не упал. Дотащив до середины комнаты, стражники швырнули его на пол, и он, не шевелясь, застыл там как бесформенная куча тряпья.

— Отец! — Мальчик с криком кинулся к нему.

Одежды старика представляли собой сплошные лохмотья, седые волосы перепутались, длинная курчавая борода сбилась в колтун. Нос сломан, изо рта сочилась кровь.

Мальчик обнял старика.

— Что они с тобой сделали? — горестно воскликнул он, обращаясь к старику, потом обернулся к стражникам и выкрикнул: — Я убью вас!

— Не сегодня, — произнес чей-то голос.

Стражники расступились, давая дорогу стоявшему позади них высокому мужчине. На нем были белые одежды, на голове сиял тонкий золотой обруч, а борода казалась такой узкой, что походила на древко копья. Глаза мужчины сверкали жестокостью.

— Ты помог афинянину убить моего минотавра, Дедал. Ты умудрился настроить против меня даже мою дочь.

— Вы сделали это сами, ваше величество, — с трудом выговорил разбитыми губами старик.

Один из стражников двинул ему кулаком под ребра, и Дедал застонал от боли.

— Прекратите! — воскликнул мальчик.

— Ты так сильно полюбил свой лабиринт, — продолжал царь, — что я решил: было бы жестоко разлучать тебя с ним. Оставайся здесь, пусть лабиринт станет твоей мастерской. Будешь тут создавать новые чудесные вещи. Мне на забаву. В каждом лабиринте должно сидеть чудовище, вот ты и будешь моим чудовищем.

— Я не боюсь тебя, — ответил старик, не сдержав стона.

Царь презрительно усмехнулся и перевел взгляд на мальчика.

— Но за сына-то ты, наверное, боишься? Ты ведь, кажется, любишь его? Так вот, попробуй еще раз послушаться меня, старик, и наказание понесет твой сын.

Царь быстрыми шагами вышел из комнаты, за ним последовали стражники. Двери лязгнули, закрываясь, и старик с сыном остались в темноте.

— Что нам теперь делать? — жалобно спросил мальчик. — Отец, я боюсь, они убьют тебя!

Старик с трудом сглотнул, попытался улыбнуться сыну, но распухшие окровавленные губы не слушались.

— Не падай духом, сын мой. — Он поднял глаза к звездам. — Я... я найду выход.

Тяжелый засов стал задвигаться, и от его громкого скрежета я проснулся в холодном поту.

* * *

Хирон созвал военный совет в такую рань, что я еще толком не успел прийти в себя. Особенно после такого сна. Мы встретились на арене для поединков, что я, честно говоря, счел довольно странным — как можно

обсуждать судьбу лагеря, когда рядом Миссис О'Лири жует ярко-розовое резиновое чучело быка в натуральную величину.

Хирон и Квинтус стояли, беседуя, перед стойками с составленными в них мечами, Кларисса с Аннабет уселись рядом и принялись что-то горячо обсуждать, Тайсон и Гроувер разбежались как можно дальше друг от друга. За столом сидели дриада Можжевелка, Силена Боргард, Тревис и Коннор Стоуллы, Бекендорф, Ли Флетчер... и даже Аргус был здесь, стоглазый глава службы безопасности лагеря. Только теперь до меня дошло, насколько важно для лагеря это собрание. Аргус никогда не показывался, если речь шла о пустяках. Все время, пока Аннабет говорила, он так таращил на нее сотню своих налитых кровью глазищ, что все его тело стало красно-синим, словно на наших глазах покрылось кровоподтеками.

— Лука, должно быть, знал о существовании этого входа в лабиринт, — начала Аннабет. — Про лагерь он вообще знает почти все.

Мне послышалась в ее голосе некоторая гордость. Она и вправду до сих пор уважала этого парня, несмотря на все то, что он натворил.

Можжевелка кашлянула.

— Именно это я и пыталась сообщить тебе вчера вечером, перед тем как на вас напали скорпионы. Вход в пещеры там находится уже давно. И Лука часто им пользовался.

— Тебе было известно о пещерах и ты ничего нам не рассказала? — нахмурилась Силена.

Лицо Можжевелки позеленело.

— Но откуда же мне было знать, что это важно? Какая-то пещера... Я вообще-то не охотница лазать во всякие старые подземные развалины.

— У девочки хороший вкус, — заметил Гроувер.

— Я бы и на эту внимания не обратила, если б... ну, если б не увидела там Луку. — Теперь зеленый оттенок на ее щеках стал чуточку гуще.

— Считайте, что про вкус я ничего не говорил, — хмыкнул Гроувер.

— Весьма интересно, — заметил Квинтус, продолжая задумчиво полировать лезвие своего меча. — И вы считаете, что молодой человек, которого вы зовете Лукой, имел бы смелость воспользоваться лабиринтом для вторжения в пределы лагеря?

— Еще как имел бы, — вмешалась Кларисса. — Если б ему удалось привести армию чудовищ в лагерь полукровок, в самую середину нашего леса, миновав опечатанные границы, да у нас не осталось бы ни одного шанса на спасение. Он всех бы выставил отсюда! Наверняка он уже не один месяц планировал такую штуку.

— Он засылал в лабиринт своих разведчиков, — пояснила Аннабет. —

Мы узнали об этом потому, что одного из них мы обнаружили.

— Знаю. Крис Родригес, — сказал Хирон и бросил на Квинтуса многозначительный взгляд.

— А-а, — протянул тот. — Один из... Понятно.

— Один из кого? — спросил я.

Кларисса посмотрела на меня и нехотя объяснила:

— Дело в том, что Лука хотел изучить строение лабиринта и искал способ проложить через него верные пути. Он же мечтал отыскать мастерскую, в которой работал Дедал.

И тут я вспомнил того окровавленного старика в драной одежде, который приснился мне нынешней ночью, и воскликнул:

— Тот, кто создал когда-то этот лабиринт!

— Да, — подтвердила Аннабет, — это был величайший из архитекторов, самый талантливый изобретатель всех времен. Если легенды говорят о нем правду, то мастерская Дедала должна находиться в самом центре лабиринта. Он единственный, кому была известна схема лабиринта и пути через него. Если б Луке удалось разыскать мастерскую и убедить Дедала помочь ему, то для него исчезла бы необходимость рыскать в поисках правильного маршрута и он больше не рисковал бы армией при прохождении через лабиринт. Он смог бы быстрым и верным путем пройти сквозь него и оказаться в намеченной точке. Сначала в нашем лагере, чтобы расправиться со всеми полукровками, а потом... ну что же, потом бросить свою армию на Олимп.

Воцарилось глубокое молчание, которое нарушалось только треском, с которым Миссис О'Лири крушила громадного игрушечного бычка: хрум, хрум.

— Одну минутку, я что-то не понял, — переспросил Бекендорф, положив огромные руки на стол. — Аннабет, ты сказала «убедить Дедала». Но разве он не умер?

Квинтус хмыкнул.

— Очень надеюсь на это. Ваш изобретатель жил, э-э, скажем, две-три тысячи лет назад. Но даже если он жив и сейчас, разве мифы не сообщают, что он покинул лабиринт, изготовив крылья себе и сыну?

— В том-то и трудность, дорогой Квинтус. — Хирон беспокойно переминался с ноги на ногу, как я догадался по перестуку его копыт. — Правда никому не известна. Ходили слухи о... ну, скажем, слухи о нем ходили весьма разнообразные. Согласно одной из версий, Дедал под конец жизни вернулся обратно в лабиринт. И вполне вероятно, что он там и остался.

Мне опять пришел на ум старик, увиденный мной во сне. Он показался мне едва живым, с трудом верилось, что он может протянуть еще неделю, не то что три тысячи лет.

— Нам необходимо проникнуть в лабиринт, — горячо продолжала Аннабет. — Нужно поскорее разыскать мастерскую, пока там не оказался Лука. Если Дедал жив, на его помощь должны опереться мы, а не Лука. Если нить Ариадны еще существует, нужно позаботиться о том, чтобы она никогда не попала в руки предателя.

— Погоди-ка, — перебил ее я. — Если нас так тревожит возможность нападения, то почему просто не заблокировать вход в лабиринт? Запечатать туннель?

— Отличная мысль! — воскликнул Гроувер. — Я займусь динамитом.

— Это не так просто, дурень, — мрачно вмешалась Кларисса. — Мы уже попробовали поступить так с тем входом, который обнаружили в Фениксе. И ничего хорошего не вышло.

Аннабет кивнула и пояснила:

— Лабиринт — это совершенная магическая структура, Перси. Для того чтобы заблокировать даже единственный вход, требуется огромное количество энергии. В Фениксе Клариссе пришлось снести огромную постройку, разрушив ее, а в результате вход в лабиринт всего лишь сместился на несколько футов вбок. Лучшее, что мы можем сделать, это помешать Луке заполучить план лабиринта.

— Еще мы можем сражаться, — раздался голос Ли Флетчера. — Теперь, когда нам известно, где находится вход, мы можем соорудить поблизости от него оборонительный рубеж и устроить засады. Если чья-либо армия попытается преодолеть эту линию защиты, она наткнется на нас, вооруженных до зубов.

— Разумеется, оборонительные линии будут созданы, — согласился Хирон. — Но, боюсь, Кларисса права. Магия обеспечивала безопасность границ лагеря в течение сотен лет. Если же теперь Луке удастся миновать их, пройдя под землей, и перебросить многочисленную армию прямо в лагерь, у нас может оказаться недостаточно сил на самооборону.

При этих словах на лицах всех присутствующих отразилась тревога. Хирон, как правило, старался поддерживать в ребятах оптимизм и поднимать хорошее расположение духа, и если уж он предсказывает, что нам не справиться с обороной, то дело плохо.

— Разыскать мастерскую Дедала совершенно необходимо, — продолжала настаивать Аннабет. — Цель: найти нить Ариадны и не дать Луке возможности воспользоваться ею.

— Но если до сих пор никому не удавалось пройти через лабиринт, — вмешался я, — то разве у нас есть шансы?

— Я уже несколько лет изучаю архитектуру, — ответила Аннабет, — и творение Дедала мне известно лучше, чем кому-либо другому.

— Только потому, что ты начиталась о нем разных книжек!

— Можно и так сказать.

— Думаю, этого недостаточно.

— Должно быть достаточно!

— Ошибаешься!

— Лучше скажи: ты собираешься помогать мне или нет?

Я заметил, что все собравшиеся, следя за нашим диалогом, только и успевают поворачивать головы то в одну, то в другую сторону, будто смотрят теннисный матч. В тишине раздался еще один «хрум», голова бычка оторвалась, и Миссис О'Лири принялась ее терзать.

— Сначала о главном. — Хирон откашлялся. — Итак, сначала нужно провести разведку. Кто-то из нас должен отправиться в лабиринт, разыскать мастерскую Дедала и провести переговоры с изобретателем. Если он, конечно, жив. Тем самым лишит Луку возможности перебросить свою армию через лабиринт в наш лагерь.

— И нам всем ясно, кто возьмет на себе эту задачу, — вставила Кларисса. — Аннабет.

Бормотание, послышавшееся при этих словах со всех сторон, явно выражало общее согласие. Мне было известно, что мечта о самостоятельном поиске владела дочерью Афины с самого раннего детства, но сейчас Аннабет вовсе не выглядела счастливой.

— Ты сделала не меньше моего, Кларисса, — обратилась она к дочери Ареса. — Тебе тоже следует пойти.

— Я не собираюсь туда соваться, — покачала головой Кларисса.

— Только не говори мне, что ты испугалась, Кларисса, цыпленочек! — расхохотался Тревис Стоулл.

Дочь Ареса вскочила на ноги. Я не сомневался, что сейчас от Тревиса пух и перья полетят, но она лишь произнесла дрожащим голосом:

— Что ты понимаешь, придурок! Я туда никогда не войду. Никогда!

И она вихрем вылетела с арены.

Тревис с глуповатым видом огляделся:

— Ну... Я не хотел никого обидеть...

Хирон поднял ладонь, призывая его к молчанию.

— Ты и не обидел. Не будем забывать, у девочки был нелегкий год. Перейдем к другому вопросу: все ли согласны с тем, что возглавить поиск

поручается Аннабет?

Мы с энтузиазмом закивали. Все, кроме Квинтуса. Он сидел, скрестив на груди руки и задумчиво уставившись на столешницу, но, по-моему, никто не обратил на него внимания.

— Отлично, — подвел итог обсуждению Хирон и повернулся к Аннабет. — Мы приняли решение. Теперь тебе необходимо обратиться к оракулу. Если ты не задержишься у него, то еще застанешь нас здесь.

* * *

Ждать возвращения Аннабет оказалось труднее, чем я думал. Когда я сам ходил к мумии за предсказанием, было легче.

До этого дня я дважды получал пророческие предсказания. Первый раз это произошло на пыльном чердаке Большого дома, где дух дельфийского оракула дремал в теле мумифицированной хиппи в женском платице. А второй раз — когда оракул совершил небольшую прогулку по лесу. И это событие до сих пор является мне в страшных снах.

Меня лично не пугало обращение к оракулу, хоть об этом ходили самые жуткие истории: ребятам, услышавшим предсказание, случалось сходить с ума от страха, а иногда видения, посланные им, были такими ужасными, что они даже умирали.

Но сейчас я беспокоюсь мерил шагами арену, томясь в ожидании Аннабет. Миссис О'Лири с аппетитом поглощала блюдо, поданное ей на ланч: примерно сотня фунтов мясного фарша и несколько собачьих галет, каждая размером с крышку мусорного бака. Интересно, где Квинтус берет галеты такой величины; не похоже, что можно зайти в универсам, где продают корм для животных, и спокойно погрузить такое лакомство в тележку.

Между Хироном, Квинтусом и Аргусом разгорелась весьма оживленная беседа. По тому, как Квинтус то и дело отрицательно качал головой, я догадался, что они явно не могут прийти к соглашению.

На другой стороне арены Тайсон и братья Стоулл устроили состязания на миниатюрных бронзовых колесницах, которые мой братец соорудил из остатков пришедшего в негодность оружия.

Я бросил расхаживать взад-вперед и пошел прочь с арены. За нею тянулись поля, дальше виднелся чердак Большого дома, окошко в нем было темным и пустым. Что же Аннабет так долго? Я закончил свою беседу с оракулом гораздо быстрее.

— Перси, — услышал я девчачий голос.

В кустах едва заметно маячил силуэт Можжевелки. Понять не могу, как это она ухитряется становиться почти невидимой, сливаясь с растительностью.

Но сейчас она была очень даже видима, потому что энергично махала руками, жестами подзывая меня к себе.

— Мне кажется, что тебе нужно знать еще кое о чем. Лука не единственный, кого я застала поблизости от той пещеры.

— О ком ты говоришь?

Дриада бросила косой взгляд в сторону арены.

— Я хотела рассказать об этом прямо там, но он все не уходит и не уходит!

— Кто?

— Ну, этот, — мотнула она головой. — Учитель боя на мечах. Он сам вечно шныряет около той кучи камней.

Живот у меня точно клещами сжало.

— Квинтус? Когда он там шнырял?

— Точно не знаю. Я ведь не обращаю внимания на время. Может, неделю назад, когда он впервые появился в лагере.

— И что он там делал? Пролез в расщелину?

— Я... я не знаю. Он такой хитрый, Перси. Я даже не видела, чтобы он к ней приближался. Просто раз — и его уже нет. Ты должен сказать Гроуверу, что это слишком опасно.

— Можжевелочка? — как раз в этот момент послышался голос Гроувера, окликавшего дриаду с арены. — Куда ты подевалась?

Можжевелка вздохнула.

— Мне, пожалуй, лучше пойти к нему. Только не забудь о том, что я тебе рассказала. Не доверяй этому человеку!

И с этими словами она побежала к арене.

А я опять уставился на Большой дом, чувствуя себя в растерянности больше, чем когда-либо. Если Квинтус что-то разыскивает в лабиринте... Ох, до чего же мне сейчас необходимо посоветоваться с Аннабет. Она бы уж точно догадалась, что означает новость, рассказанная лесной нимфой.

Да где же Аннабет, черт побери? Что бы там оракул ни вещал, это не может занять столько времени.

Короче, я больше не мог терпеть.

Может, это и против правил, но меня никто не видит. Я бегом спустился с холма и помчался по клубничному полю.

В вестибюле Большого дома было до странности тихо. Обычно, когда приходишь сюда, первым делом видишь Диониса, сидящего подле камина и греющегося у огня. Почти всегда он при этом лакомится виноградом и играет в карты с сатирами, вовсю насмехаясь над ними. Но сейчас мистер Д. в лагере отсутствовал.

Я пошел дальше, половицы громко потрескивали у меня под ногами. Когда я добрался до подножия лестницы, шаги мои невольно замедлились и я засомневался. Четыре этажа над моей головой представляли собой гигантскую сеть ловушек, перекрывающих ход к чердаку, и Аннабет может находиться где угодно. Минуту я постоял тихо, прислушиваясь. Но то, что я вдруг услышал, меня как громом поразило.

Отчаянный плач. И доносился он откуда-то снизу.

Крадучись я стал обходить нижние ступени лестницы. Дверь была раскрыта, за нею зиял вход в подвал. А я даже не знал, что в Большом доме есть подвал! Заглянул внутрь и увидел, что в его дальнем углу сидят двое. Их почти не было видно среди нагромождения кувшинов с амброзией и банок с клубничным вареньем.

Одной из сидевших в подвале была Кларисса. Другим — молодой смуглый парень, одетый в штаны от камуфляжного костюма и грязную черную футболку, его всклокоченные волосы казались соевыми. Парень этот сидел, опустив голову, и заливался горькими слезами. Я узнал его, это был Крис Родригес, один из тех полукровок, что убежали с Лукой.

— Успокойся, пожалуйста, — уговаривала его Кларисса. — Выпей немного нектара и успокойся.

— Ты призрак, Мария. — Крис испуганно забился в самый угол дивана, подальше от Клариссы. — У-уходи от меня.

— Никакая я не Мария. — Голос Клариссы звучал нежно и по-настоящему грустно. В жизни от нее такого не ожидал. — Меня зовут Кларисса. Запомни, пожалуйста, мое имя.

— Здесь темно, как я могу его запомнить, — продолжая рыдать, возразил Крис. — Ужасно темно!

— Тогда давай выйдем отсюда, — ухватила за его слова Кларисса. — На свету тебе станет легче.

— Це-е... целая тысяча черепов. Земля хранит их...

— Крис, — продолжала упрашивать его Кларисса. Казалось, что она и сама близка к тому, чтобы расплакаться. — Ты должен забыть об этом.

Пожалуйста! Мистер Д. скоро возвращается. И он прекрасно излечивает всякие закидоны вроде твоего. Ты только постарайся продержаться до его приезда.

Глаза Криса сверкали, как у загнанной в угол крысы, с диким отчаянием.

— Отсюда нельзя выйти, Мария. Нет пути наружу.

Тут он заметил меня, и у него вырвался придушенный глухой стон.

— Сын Посейдона! Какой он страшный!

Я отпрянул от двери, чтобы Кларисса не успела меня заметить. Кажется, так и случилось, потому что вместо того, чтобы побежать за мной и попытаться убить на месте, она продолжала сидеть с Крисом и утешать его, уговаривая выпить нектар. Голос ее оставался таким же печальным и умоляющим. Наверное, решила, что я тоже часть галлюцинации Криса. Но почему он окликнул меня, почему сказал «сын Посейдона»? Крис действительно смотрел в ту минуту прямо на меня, но я был почти уверен, что он меня не видел.

И эта трогательная заботливость Клариссы! Мне и в голову не могло прийти, что она способна любить кого-то. Но мягкий тон, которым она разговаривала с Крисом... и как произносила его имя... Она знала этого парня еще до того, как он переметнулся на сторону наших врагов. Наверное, они были знакомы друг с другом лучше, чем я думал. А сейчас он сидит тут, в подвале, боится высунуть нос наружу и бормочет всякую ерунду о какой-то Марии. Неудивительно, что Клариссу не тянет в лабиринт. Что же там с ним случилось?

Откуда-то сверху послышался шорох — будто приоткрылась дверь чердака, — и я бегом кинулся к выходу. Нужно поскорей отсюда выбираться.

* * *

— Моя дорогая! Ты сделала это. — Такими словами Хирон приветствовал Аннабет.

Возвратившись, она молча присела на скамью и, опустив голову, уставилась в пол.

— Ну, как успехи? — раздался голос Квинтуса. Почему-то Аннабет сначала взглянула на меня.

Я не понял, то ли она хотела о чем-то предупредить, то ли боялась чего-то. Мне казалось, в глазах ее мелькнул отблеск страха. Только после

этого она перевела взгляд на Квинтуса и ответила:

— Мне было дано предсказание. Розыски мастерской Дедала, расположенной в лабиринте, должна возглавить я.

Никто не разразился криками радости. Я хочу сказать, мы все хотели, чтобы Аннабет было поручено провести самостоятельный поиск, но спуск под землю все мы считали слишком опасным. А лично мне, особенно после того, как я повидал Криса Родригеса, мысль о том, что Аннабет предстоит очутиться в лабиринте, казалась совсем ужасной.

Хирон задумчиво постукивал копытом по полу.

— Ты не могла бы дословно повторить все пророчество, полученное тобой, Аннабет? Каждое слово, произнесенное оракулом, очень важно.

Аннабет набрала побольше воздуха в грудь, помолчала.

— Я, э-э... ладно, примерно так: «Будешь бродить в нескончаемой тьме лабиринта».

Все слушали ее, затаив дыхание, и ждали, что будет дальше. Она продолжала:

— «Мертвый, предатель и прежде пропавший восстанут».

— Пропавший? — Гроувер резко вскинул голову. — Это, наверное, о Пане! Вот здорово!

— Ага. Причем восстанет вместе с умершим и каким-то предателем, — напомнил я. — Просто замечательно!

Не нравилось мне это пророчество.

— А дальше? — нетерпеливо прервал нас Хирон. — Что было сказано дальше?

Аннабет продекламировала:

От руки царя-призрака падет иль поднимется
Чадо последней надежды Афины.

Когда Аннабет закончила, никто из ребят долго не нарушал подавленного молчания. Аннабет была дочерью богини Афины, и поэтому выражение «последней надежды Афины» не могло нас ободрить.

— Не будем делать поспешных выводов, — раздался спокойный голос Силены. — Аннабет, кажется, не единственное дитя богини Афины.

— А кто такой царь-призрак? — осведомился Бекендорф.

Ответа на этот вопрос ни у кого не было. Я вспомнил, что позапрошлой ночью, получив послание Ириды, я оказался свидетелем того, как Нико призывал духов. Странное, нехорошее предчувствие говорило

мне, что предсказание оракула как-то связано с Нико.

— Больше ничего оракул тебе не говорил? — спросил Хирон. — Только эти строки? Видишь ли, Аннабет, они кажутся мне какими-то незаконченными, что ли.

Аннабет явно колебалась.

— Точно не помню, — пробормотала она.

Брови кентавра недоуменно поползли вверх. Память Аннабет славилась на весь лагерь, она никогда не забывала того, что хоть однажды услышала. Сейчас, почувствовав его сомнение, она беспокойно заерзала на месте, потом продолжала:

— Было еще что-то... я точно не помню... примерно так: «Рухнет с героя последним дыханьем».

— И?.. — не отставал Хирон.

— Слушайте, главное в том, что мне надо войти в лабиринт! — Аннабет встала. — Я должна отыскать мастерскую и остановить Луку. Но мне нужна будет помощь. — Она обернулась ко мне. — Пойдешь со мной, Перси?

— Конечно пойду. — Я ни минуты не колебался.

Впервые за последние дни лицо ее осветила улыбка, и на душе у меня повеселело.

— Гроувер, а ты? Бог дикой природы ждет.

Гроувер, казалось, начисто забыл о том, как он ненавидит подземелья. Слова о «прежде пропавшем» вселили в него бездну энергии.

— Только прихватчу с собой еду!

— И ты, Тайсон. — Аннабет позвала и моего брата. — Мне понадобится и твоя помощь тоже.

— Ура! Мы им такое устроим! — Тайсон захлопал в ладоши с такой силой, что разбудил Миссис О'Лири, задремавшую в уголке.

— Погоди-ка, Аннабет, — вмешался Хирон, — что-то ты действуешь не по правилам. Герой, выступая в поход, может взять с собой только двух спутников.

— Но мне нужны трое, — настойчиво возразила Аннабет. — Хирон, вы не знаете, как это важно!

Понятия не имею, почему она так уж была в этом уверена, но я ужасно обрадовался, что Аннабет пригласила в поход Тайсона. Мне даже думать не хотелось, что предстоит отправиться куда-то без моего брата. Он такой огромный, сильный и здорово мастерит разные механические штуки. К тому же, в отличие от сатиров, ничуть не боится подземного мира.

— Аннабет, послушай. — Хирон нервно обмахивался хвостом. —

Подумай хорошенько. Ты ломаешь законы древних времен, и это может иметь непредсказуемые последствия. Прошлой зимой, например, когда на выручку Артемиды отправились пятеро, вернулись только трое. Говорю тебе, подумай еще раз. Три — это священное число. Нам известно, что было три мойры, три фурии, у небожителя Кроноса — трое сыновей-олимпийцев. Это хорошее, надежное число, и оно поможет тебе в минуту опасности. Четыре... Четыре, на мой взгляд, это рискованно.

— Я знаю, Хирон. — Аннабет глубоко вздохнула. — Но так надо. Прошу вас, не спорьте со мной.

Я видел, что кентавр ужасно недоволен. Квинтус же изучал нас с откровенным любопытством, как будто этого человека занимала только одна мысль — кто из этих искателей приключений вернется обратно живым.

Хирон тяжело вздохнул.

— Хорошо. Участникам поиска просьба подготовиться. Завтра на рассвете мы проводим вас к лабиринту.

* * *

Когда совет был закончен, Квинтус отозвал меня в сторону и сообщил, что ему эта затея сильно не нравится.

Миссис О'Лири крутилась вокруг нас, довольно помахивая хвостом, потом вдруг уронила свой щит-игрушку прямо к моим ногам. Я поднял его и швырнул обратно. Когда адская гончая потрусил за щитом, Квинтус проводил ее пристальным взглядом. Мне же в это время припомнился рассказ дриады Можжевельки о том, что он украдкой наведывался к входу в лабиринт. Я и раньше отчего-то не доверял этому человеку, сейчас же он стал мне казаться вдвойне подозрительным. Но когда он перевел на меня взгляд, я увидел в его глазах искреннюю озабоченность.

— Я против того, чтобы кто-либо из вас спускался в лабиринт, — продолжал он. — Любой из полукровок. Но если это так уж необходимо, то я хотел бы кое о чем тебя предупредить. Лабиринт создан для того, чтобы заманить поглубже в свои недра и не выпустить. Он обладает способностью отвлекать и дурачить и тем опасен для полукровок. Ведь мы действительно склонны легко забывать о главном.

— Вы там бывали?

— Когда-то бывал, — произнес он резко, почти оборвав меня. — Очень давно. Я там чуть жизни не лишился. И далеко не всем еще так

повезло, как мне.

Квинтус сжал мое плечо.

— Перси, имей в виду, ты не должен забывать о самом важном. Ты обязан приказать себе не отвлекаться. Только в этом случае тебе, может быть, удастся отыскать правильную дорогу. И еще одно. Мне хотелось бы подарить тебе кое-что.

С этими словами он протянул мне коротенькую серебряную трубочку. Я взял ее в руки и вздрогнул, она показалась мне такой ледяной, что я чуть не выронил ее на землю.

— Что это? — спросил я. — Свисток?

— Свисток для домашней собаки, — кивнул Квинтус. — Я пользуюсь им, чтобы подзывать Миссис О'Лири.

— Хм. Спасибо, конечно, вам, но...

— Думаешь, в лабиринте он не сработает? Не могу сказать, что абсолютно уверен, но, думаю, все-таки сработает. Миссис О'Лири, как ты знаешь, порождение ада, и она обязательно явится на твой зов, не важно, как бы далеко она ни находилась за секунду до этого. Мне будет легче, если я буду знать, что он у тебя есть. Если тебе понадобится помощь, воспользуйся им. Только будь осторожен. Этот свисток изготовлен из стигийского льда.

— Из чего?

— Из льда реки Стикс. Выковать его было задачей чертовски сложной, к тому же и работа тут тонкая. Растаять он не может, но стоит тебе в него разок дунуть, как он тотчас расколется на мелкие кусочки. Сам понимаешь, что это значит. Им можно воспользоваться лишь однажды.

Мне пришла в голову мысль о Луке, моем заклятом враге. Как раз накануне того дня, когда я отправлялся в свой первый поиск, он тоже преподнес мне подарок — волшебные туфли. И оказалось, сделаны они были таким образом, что вели прямоком к смерти. Но Квинтус казался сейчас таким добрым, таким искренне озабоченным... К тому же Миссис О'Лири была явно привязана к своему хозяину, а это кое-что да значит.

Как раз в эту минуту она приволокла игрушечный щит, уронила его, весь обслюнявленный, мне на ноги, а сама принялась вдохновенно лаять.

Когда я поймал себя на том, что не доверяю этому человеку, мне даже стало стыдно. Но ведь когда-то я доверял и Луке.

— Спасибо большое, — поблагодарил я Квинтуса, сунул ледяной свисток в карман и мысленно пообещал себе никогда им не пользоваться.

Потом я отправился разыскивать Аннабет.

За те три лета, что я провел в лагере, мне ни разу не приходилось бывать в домике детей Афины.

Это было серебристого цвета, строгое здание, с затянутыми белоснежными занавесками окнами и вырезанной над дверным проемом маской совы. Ее круглые глаза из оникса, казалось, следили за мной, когда я подходил к шатру.

— Эй, есть тут кто? — спросил я, осторожно заглядывая внутрь.

Никто не отозвался. Я сделал еще шаг, и дыхание у меня перехватило. Это место явно было предназначено для смысленных ребятишек. Все койки оказались сдвинутыми к одной стене, как будто отдых и сон имели для здешних обитателей второстепенное значение. Почти все пространство комнаты заполняли рабочие верстаки, какие-то станки, инструменты и оружие. Задняя же часть помещения предназначалась для книг, здесь громоздились целые ворохи старинных свитков, связки книг в потертых переплетах, кучи папок с бумагами. Я увидел даже огромный чертежный кульман, на доске которого были разложены линейки, транспортиры, стояло несколько трехмерных макетов зданий. Огромными старыми военными картами эти ребята оклеили потолок, а полный набор доспехов повесили рядом с окном, и сейчас солнце играло на их блестящей поверхности.

Аннабет стояла в заднем конце комнаты и рылась в старых пергаментях.

— Тук, тук, — дурашливым голосом сказал я.

Она вздрогнула и испуганно обернулась.

— Ой! А, Перси, привет. Не слышала, как ты вошел.

— Все нормально?

Аннабет продолжала хмуро разглядывать свиток, который держала в руках.

— Понимаешь, пытаюсь кое-что сообразить. Лабиринт, созданный Дедалом, был огромен. Но ни одна из историй, рассказанных о нем, не сходится с другими. Карты, описывающие его, ведут из ниоткуда в никуда.

Я вспомнил слова Квинтуса, сказанные мне всего минуту назад, о способности лабиринта рассеивать внимание, и подумал, что то, о чем говорит Аннабет, и есть эта самая особенность лабиринта.

— Разберемся, — бодро пообещал я.

Аннабет выглядела ужасно: волосы растрепались и как спутанная

завеса висели по сторонам ее лица, серые глаза казались почти черными.

— С семи лет я мечтала провести самостоятельный поиск, — пробормотала она почти про себя.

— Имей в виду, что ты нацелилась на грандиозную задачку.

Она бросила на меня благодарный взгляд и тут же снова вернулась к книгам и свиткам, снятым ею с полок.

— Мне и самой тревожно, Перси. Может, мне не следовало вовлекать тебя в это дело? Как и Тайсона с Гроувером?

— Эй, ты чего? Мы ж твои друзья. Как мы могли оставить тебя одну?

— Но... — Внезапно она замолчала.

— Чего ты? — спросил я. — Тревожишься из-за предсказания?

— Я уверена, что оно благоприятное. — Голос ее прозвучал как-то жалобно.

— Какая там была последняя строчка?

То, что вдруг сделала Аннабет, меня по-настоящему удивило. Она смахнула с глаз слезы и протянула ко мне руки. Что мне было делать? Я шагнул к ней и обнял за плечи. В животе у меня что-то завертелось, будто я наглотался бабочек.

— Все будет... будет нормально, — сказал я и потрепал ее по спине.

Мне вдруг стало до невозможности хорошо. Даже показалось, что я смог бы прочесть самые маленькие буквы во всех этих книжках. Аннабет продолжала вздрагивать. Волосы ее пахли как лимонное мыло.

— Хирон, может, и был прав, когда сказал, что я нарушаю правила, — шепотом говорила она, — но я просто не знаю, как быть. Мне нужны вы трое. И я почти уверена, что поступила правильно.

— Не думай ты об этом. — Мне так хотелось ее успокоить! — У нас и раньше бывали проблемы, но мы же как-то справлялись с ними.

— Тогда было другое дело. Я не хочу, чтобы с вами случилось что-нибудь плохое... ни с кем из вас.

Позади вдруг раздался чей-то кашель, я оглянулся и увидел Малколма, одного из братьев Аннабет. От смущения он стал красным как помидор и, увидев, что я оглянулся, торопливо забормотал:

— Гм, я извиняюсь. Там урок по стрельбе из лука, и Хирон велел мне разыскать тебя, Аннабет.

Я отошел от Аннабет и глупо промямлил:

— Мы тут разные карты рассматриваем.

— Отлично, — пожал плечами Малколм.

— Передай Хирону, что я уже иду, — попросила Аннабет, и он быстро вышел.

— Ты иди пока один, Перси. — Она стала вытирать с глаз слезы. — Мне нужно привести себя в порядок.

Я кивнул, чувствуя себя более смущенным, чем когда-либо в жизни. Мне хотелось сбежать отсюда как можно скорей, но что-то удерживало меня.

— Послушай, Аннабет, — снова начал я. — Я хочу кое-что спросить о том, что предсказал тебе оракул. Помнишь строчку, где говорится «с героя последним дыханьем»?

— Тебе интересно, кто этот герой? Понятия не имею.

— Нет, не это. Я подумал, что обычно последняя строчка рифмуется с предыдущей. Там, случайно, не было слова «умираньем»?

— Перси, тебе вправду пора. — Аннабет опустила глаза. — Ступай, надо готовиться к поиску. Мы... мы увидимся завтра утром.

Я оставил ее в одиночестве, разглядывающей карты, которые вели из ниоткуда в никуда, и ушел. Но тревожное чувство, что кому-то из нас не вернуться из этого поиска живым, не оставляло меня.

Глава пятая

Нико заказывает «Хэппи Мил»^[6] для мертвецов

Вы, наверное, думаете, что я, по крайней мере, хорошенько выспался перед началом поиска?

Не тут-то было.

Всю ночь меня преследовали сны, в которых я видел себя на борту «Принцессы Андромеды», в ее парадных покоях.

Открытые иллюминаторы смотрели на залитый лунным светом морской простор. Свежий бриз чуть колыхал бархатные занавески.

Перед золотым саркофагом Кроноса, на застланном персидским ковром полу, на коленях стоял Лука. В свете луны его светлые волосы казались почти белыми, одет он был в древнегреческий хитон, и белый гиматий, похожий на плащ, струился у него за плечами. Из-за этих белых одежд Лука словно бы выпадал из времени и становился похожим на кого-то из младших богов Олимпа. В последний раз, когда я его видел, он был едва жив и валялся без сознания после неудачного падения с горы Тамалпаис. Но сейчас он выглядел на все сто. На мой взгляд, даже слишком хорошо.

— Наши лазутчики рапортуют об успехах, повелитель, — говорил он. — Лагерь полукровок организует поиск, как вы и предсказывали. Условия сделки с нашей стороны успешно выполнены.

«Превосходно. — Голос Кроноса словно кинжалом врезался мне в уши. Он буквально сочился жестокостью. — Как только путь через лабиринт будет известен, я сам встану во главе войска».

Лука на минуту прикрыл глаза, как будто собираясь с мыслями.

— Мой повелитель, не слишком ли вы торопитесь? Возможно, лучше пусть Криос или Гиперион поведут...

«Нет. — Голос тихий, но непреклонный. — Поведу войско я. Еще одно сердце героя присоединится к нам, и все будет кончено. Тогда я наконец восстану из Тартара».

— Но ваш облик, повелитель... — Голос Луки задрожал.

«Покажи мне свой меч, Лука Кастеллан».

Меня пробрала крупная дрожь. Я никогда раньше не слышал фамилию

Луки. Почему-то даже не думал, что она у него есть.

Лука тем временем вытащил меч. Двойное лезвие ослепительно сверкнуло — оно было выковано наполовину из небесной бронзы, наполовину из стали. Столкнувшись с ним, не однажды я побывал на волосок от смерти. Это оружие крайне опасно как для смертных, так и для чудовищ. Единственный клинок, которого я по-настоящему опасался.

«Ты принес мне клятву верности, — продолжал в это время звучать в моем мозгу голос Кроноса. Он обращался к Луке с такой твердостью, словно напоминал о чем-то. — Ты поклялся на этом мече».

— Это так, господин, но только...

«Ты просил о власти. Я дал ее тебе. Теперь никто не осмелится причинить тебе вред. Скоро, скоро ты станешь править миром богов и людей. Разве ты не жаждешь мщенья? Разве ты не хочешь погубить Олимп?»

Лука содрогнулся, но ответил утвердительно:

— Хочу.

Саркофаг вдруг засиял, золотой свет, исходивший от него, залил каждый угол комнаты.

«Тогда готовься к сражению. Как только сделка будет исполнена, мы перейдем в нападение. Сначала Лагерь полукровок, мы оставим от него лишь прах и пепел. Как только эти надоедливые герои будут сметены с лица земли, мы пойдем на Олимп».

В это время в дверь парадных покоев неожиданно постучали. Золотое свечение стало затухать, Лука поднялся на ноги. Он вложил меч в ножны, поправил белоснежные одежды и глубоко вздохнул, успокаиваясь.

— Войдите.

Двери отворились, и внутрь скользнули две драконицы — женщины, чье туловище вместо ног опиралось на раздваивающееся змеиное тело. Между ними шла Келли, та самая эмпуса, которую я видел в школе Гуди.

— Привет, Лука, — заулыбалась она.

На ней было красное платье, и выглядела она вроде неплохо, но я видел ее настоящий облик. Видел то, что сейчас Келли не позаботилась спрятать, — красные глаза, разные ноги, клыки во рту и пылающие огнем волосы.

— В чем дело, демон? — Голос Луки звучал недоброжелательно. — Я просил не беспокоить меня.

— Не слишком красиво с твоей стороны так меня встречать. — Келли обиженно надулась. — И вообще, ты выглядишь напряженным. Может, тебе сделать хороший массаж?

Лука поспешно отступил от нее.

— Если у тебя есть информация, эмпуса, докладывай. Или уходи!

— С чего это ты в последнее время такой заносчивый? Раньше нам с тобой было так славно!

— Потому что тогда я еще не видел, чем ты занималась с тем парнем в Сиэтле!

— Фу, да он для меня пустое место, — фыркнула Келли. — Обычная закуска, вот и все. Правда, Лука. Ты же знаешь, мое сердце принадлежит только тебе.

— Благодарю, но не нуждаюсь. Говори или уходи!

Келли пожала плечами.

— Отлично. В таком случае докладываю. Передовой отряд готов выступить, как только получит твой приказ. Мы можем выйти... — Не договорив, она нахмурилась и стала оглядываться.

— Что еще? — спросил Лука.

— Здесь кто-то есть! Твои чувства притупились, Лука. За нами следят!

Ее пристальный взгляд медленно и хищно скользил по комнате. И вдруг эмпуса уставилась прямо на меня! В тот же момент лицо Келли покрылось морщинами, как у старой ведьмы, отвратительная пасть ощерилась желтыми клыками. И эмпуса прыгнула вперед!

* * *

Я очнулся от кошмара, сердце мое билось как ненормальное. Я мог бы поклясться, что клыки эмпусы только что щелкнули в дюйме от моего горла.

На соседней койке бодро храпел Тайсон, и этот мирный звук немножко меня успокоил.

Понятия не имею, как Келли могла меня учуять, но сейчас не это важно. Я услышал больше, чем мне хотелось бы. Армия Луки готова, и Кронос лично поведет ее. Все, чего им пока не хватает, это сведений о лабиринте, которые помогли б им вторгнуться сюда и разрушить наш лагерь. Лука не сомневается в неизбежной победе над нами.

Я лежал, размышляя. Мне казалось, что необходимо немедленно пойти к Аннабет и обо всем ей рассказать. Не откладывая ни на минуту, прямо среди ночи. Но пока я раздумывал, наша комната постепенно стала наполняться светом. Сине-зеленое свечение исходило от морского фонтанчика, и сейчас оно было и ярче и настойчивее, чем накануне ночью.

С той стороны раздавались гул и плеск, как от бурлящей воды.

Я выбрался из койки и подошел к фонтану.

В этот раз никто не потребовал вложить в прорезь монету. Мне даже показалось, что фонтан как будто поджидал меня, чтобы начать действовать.

«Может, мне лучше вернуться в постель?» — подумал я, но вместо этого стал, глядя на воду, воображать увиденное прошлой ночью — Нико, сидевшего на берегу реки Стикс.

— Ты хочешь рассказать мне о чем-то... — вопросительно сказал я.

Фонтанчик никак не отреагировал.

— Ладно, — сообразил я. — Покажи мне, пожалуйста, Нико ди Анджело.

Мне даже не пришлось бросать монетку, сегодня это было не важно — будто какая-то сила взяла под контроль воду в фонтане, сделав ненужной помощь посланницы богов Ириды. Вода забулькала громче, в воздухе стал вырисовываться образ Нико, только сегодня он находился не в Царстве мертвых. Нико стоял на каком-то кладбище. Небо над его головой было усеяно звездами, древние плакучие ивы склоняли к нему длинные ветви.

Неподалеку несколько мужчин рыли могилу. Я слышал, как стучат их лопаты, видел, как взлетает на воздух выбрасываемая из ямы земля. На плечи Нико был накинута черная плащ, ночь выдалась пасмурная, хоть и теплая, пахло дождем. Откуда-то доносилось кваканье лягушек. Большой, набитый чем-то пакет из супермаркета лежал на земле у ног Нико.

— Глубина еще недостаточная? — спросил он.

Голос его звучал раздраженно.

— Заканчиваем, господин. — Я увидел того, кто отвечал Нико. То самое привидение, с которым Нико беседовал накануне, слабо фосфоресцирующий призрак какого-то мужчины. — Но, господин, еще раз должен сказать, это совершенно бесполезно. Для вас было бы лучше воспользоваться моим советом.

— Мне нужно беспристрастное мнение! — оборвал его Нико и щелкнул пальцами.

Копавшие прекратили работу и стали вылезать из ямы. Когда они выбрались, я увидел, что это не люди. Землю рыли скелеты в разодранных одеждах!

— Вы свободны, — сказал им Нико. — Благодарю.

И скелеты тут же рассыпались в прах. Теперь на земле белели лишь две кучки костей.

— С таким же успехом вы, господин, могли бы сказать «благодарю» их

лопатам, — откомментировал призрак. — Реакция была бы аналогичной.

Нико проигнорировал это замечание. Он наклонился и достал из пакета упаковку кока-колы, вмещающую дюжину банок. Вытащил одну из них, откупорил и стал выливать ее содержимое в яму.

— Пусть мертвые опять почувствуют этот вкус, — глухо бормотал он. — Пусть они восстанут и примут это подношение. Пусть они обретут память.

Таким же образом Нико опустошил и остальные банки, вылив всю кока-колу в вырытую могилу, после чего достал из сумки белый бумажный пакет с напечатанными на нем картинками из мультфильмов. Я уже лет сто таких не видел, но узнал сразу — «Хэппи мил» из «Макдоналдса».

Он перевернул пакет вверх дном и стал вытряхивать в ту же яму жареные ломтики картофеля и чизбургеры.

— В свое время мы предпочитали использовать с этой целью кровь жертвенных животных, — подал голос призрак. — Но это тоже неплохо. Они наверняка не заметят разницы.

— Я проявляю уважение к ним, — оборвал его Нико.

— По крайней мере, оставьте мне игрушку, — не унимался призрак.

— Помолчи!

Нико слил в яму вторую такую же упаковку кока-колы, сопроводив ее тремя другими «Хэппи мил». Затем стал нараспев произносить какие-то тексты на древнегреческом. Я мог разобрать только отдельные слова — почти все они относились к смерти, воспоминаниям или восстанию мертвецов из могил. Веселые дела, однако!

В яме забулькало. Похожая на бульон коричневая жидкость стала прямо на глазах увеличиваться в объеме, скоро уровень ее поднялся и сравнялся с краями ямы, будто Нико всыпал в нее соду.

Туман вокруг Нико начал сгущаться. Лягушки затихли. Между могильных плит замерцали чьи-то силуэты, синеватые контуры, лишь отдаленно напоминающие человеческие фигуры. Их было не меньше дюжины. Все ясно: Нико, совершая возлияния кока-колой и принося жертвоприношения из чизбургеров, призывал мертвых восстать из могил.

— Не слишком ли их много? — нервно забормотал призрак. — Ты сам не знаешь своих возможностей.

— Все под контролем.

Но голос Нико выдавал волнение. Он вытянул меч, его короткое лезвие сверкнуло черным металлическим блеском. Я такого никогда не видел. Ясно, что выковано оно не из небесной бронзы и не из стали. Может, из железа?

При виде меча толпа теней отпрянула и подалась в стороны.

— Подходите по одному, — приказал им Нико.

Из толпы выделилась одна фигура и подплыла к нему, затем опустилась на колени на краю ямы. Послышались хлюпающие звуки, я понял, что она припала ртом к жидкости и стала жадно лакать. Призрачные руки выгребали из ямы ломтики картофеля. Когда это существо, насытившись, опять поднялось на ноги, я смог разглядеть его более подробно. Передо мной стоял одетый в греческие доспехи парнишка лет четырнадцати — шестнадцати. Курчавые волосы, зеленые глаза, плащ застегнут пряжкой в форме морской раковины.

— Кто ты? — обратился к нему Нико. — Отвечай.

Лицо парня исказилось в гримасе, будто он старался припомнить что-то. Когда он заговорил, голос его прозвучал сухо и надломлено, как будто под моим ухом кто-то сминал лист бумаги.

— Меня зовут Тесей.

«Не может быть!» — подумал я.

Во всяком случае, этот парнишка не тот Тесей, это точно. Он же просто младенец! Я вырос на историях, рассказывающих о подвигах Тесея, о том, как он победил Минотавра и все такое, и я всегда рисовал его себе как здорового гиганта богатырского сложения. Тот щуплый призрак, на которого я сейчас смотрел, — не гигант и не богатырь. И не старше, чем я сам.

— Как мне вернуть в мир живых мою сестру? — спросил его Нико.

Глаза Тесея казались стеклянными, ни искры жизни не светилось в них.

— Не пытайся. Это безумие.

— Отвечай!

— Мой отчим умер, — вспомнил Тесей. — Он бросился в море, так как подумал, что я погиб в лабиринте. Я хотел вернуть его в мир живых, но не смог.

Призрак, стоявший рядом с Нико, прошипел:

— Господин, перемещение душ! Спросите его об этом, спросите!

Тесей нахмурился и глухо сказал:

— Этот голос. Я узнаю его.

— Ничего ты не узнаёшь, глупец! — оборвал его призрак. — Отвечай на вопросы господина, и все.

— Я знаю тебя, — настаивал Тесей.

Он явно старался припомнить, с кем говорит.

— Мне нужно знать про сестру, — сказал Нико. — Если я отправлюсь

в лабиринт, это поможет мне вернуть ее в верхний мир?

Тесей продолжал искать глазами обладателя голоса, узанного им, но явно не видел его. Тогда он медленно обратил безжизненные зрачки к Нико.

— Лабиринт, господин, это великий предатель. Справиться с ним мне удалось лишь благодаря одному — любви смертной девушки. Нить представляет собой лишь часть решения. Принцесса сама вела меня через лабиринт.

— Нам с вами принцессы ни к чему, — перебил Тесея призрак, обращаясь к Нико. — Я сам проведу вас, повелитель. Спросите у него, правда ли то, что рассказывают о перемещении душ. Пусть он скажет.

— Душа взамен другой души, — повторил Нико. — Скажи, так бывает?

— Я... я должен сказать «да». Но угроза...

— Отвечай только на вопросы, которые тебе задают, плут! — снова оборвал призрак.

Внезапно по толпе оживших мертвецов, столпившихся у краев ямы, пробежало беспокойство. Они стали оглядываться по сторонам, переговариваться о чем-то, шепот их голосов звучал встревожено.

— Мне нужна моя сестра! — Нико продолжал требовать ответа от Тесея. — Где она?

— Он приближается, — в страхе забормотал Тесей. — Он учуял твой зов. Он идет сюда!

— Кто?

— Он идет, чтобы найти источник силы, — отвечал Тесей. — Ты должен освободить нас!

Тут вода в моем фонтане начала дрожать, поверхность ее зарыбила. Я почувствовал, что весь домик содрогнулся, шум нарастал. Изображение Нико, стоявшего посреди кладбища, засветилось так ярко, что стало больно смотреть.

— Хватит! — воскликнул я громко. — Прекрати это!

И тут каменная чаша фонтана вдруг треснула! Тайсон завозился во сне и что-то буркнул. Поток пурпурного света становился ярче и ярче, странные тени заматались на стенах домика, будто мертвые выпрыгивали из фонтана прямо сюда.

В отчаянии я выхватил Анаклузмос и обрушил на чашу фонтана такой мощный удар, что она раскололась пополам. И соленая вода хлынула из нее, заливая все подряд. Обе половины каменной купели обрушились на пол и разбились на мелкие осколки. Тайсон тревожно всхрипнул и что-то пробурчал, но не проснулся.

Я плюхнулся на пол, дрожа от страха перед увиденным.

Утром меня нашел Тайсон. Я сидел как истукан, уставившись на руины того, что еще вчера было нашим фонтанчиком с морской водой.

* * *

Едва успел заняться рассвет, как группа отправляющихся в поиск собралась у Кулака Зевса. В рюкзаке, который я нес на спине, были запасы еды: термос с нектаром и коробка с амброзией. Кроме того, там лежал спальный мешок, веревка, смена одежды, карманные фонарики и уйма запасных батареек. В кармане у меня хранилась авторучка — мой верный Анаклузмос, а магический щит, в сложенном состоянии имевший вид наручных часов — эту занятную штуку смастерил для меня Тайсон, — охватывал мое запястье.

Утро выдалось погожим. Туман к этому часу уже растаял, над нашими головами раскинулось сияющее голубизной небо. Ребятам в лагере сегодня предстоит много интересных дел — полеты на пегасах, стрельба из лука, уроки скалолазания, что проводятся на стене со стекающей лавой. А нам вместо этого придется лезть под землю.

Можжевелька и Гроувер стояли чуть в стороне от остальных членов группы. Дриада, похоже, опять плакала, но сейчас ради Гроувера старалась держать себя в руках и все суежилась вокруг него — то поправляла на голове растаманскую шапочку, то отряхивала с рубашки приставшие волоски его густой шкуры. Так как мы понятия не имели, с чем нам предстоит встретиться, Гроувер вырядился в человеческие одежды: шапка скрывала его рожки, джинсы и кроссовки с фальшивыми ступнями надежно упрятали от посторонних глаз козлиные копыта.

Хирон с Квинтусом и Миссис О'Лири стояли в окружении ребят, пришедших проводить нас. Обстановка слишком уж дышала тревогой, и прощание выходило невеселым. Рядом со скалой разбили две палатки, в которых будут дежурить члены отряда охраны. Бекендорф со своими братьями уже трудился над возведением оборонительного рубежа — оцетинившейся пиками системы окопов. Хирон пришел к выводу, что место входа в лабиринт следует постоянно держать под охраной, просто на всякий случай.

Аннабет рылась в своем рюкзаке, проверяя, не забыла ли чего. Когда мы с Тайсоном подошли к ней, она взглянула на меня и нахмурилась:

— Перси, вид у тебя просто ужасный.

— Он ночью расколотил наш фонтанчик, — сообщил ей Тайсон.

— Что? — недоуменно переспросила она.

Не успел я рассказать ей о том, что произошло ночью, как к нам подскочил Хирон.

— Вижу, что вы уже готовы!

Ясно, ему жутко хотелось ободрить нас, но я видел, что кентавр и сам тревожится, поэтому решил не рассказывать о ночных событиях, чтобы не пугать его еще больше. Но так как я только о них и думал, то не сумел сдержаться и выпалил:

— Послушайте, Хирон, можно попросить вас об одном одолжении? Кое-что сделать, пока меня не будет в лагере?

— Конечно, мой мальчик.

— Ребята, мы сейчас вернемся, — сказал я и попросил Хирона отойти вместе со мной подальше.

Кентавр удивленно вскинул брови, но без слов двинулся за мной в сторону леса.

— Прошлой ночью, — начал я, — мне приснились Лука и Кронос.

И я рассказал ему обо всем, что видел, во всех подробностях. А рассказав, мгновенно понял, каким тяжким бременем легла эта новость на плечи кентавра.

— Этого я и опасался, — проворчал он. — Если в битву вступает мой отец Кронос, у нас нет шансов уклониться от борьбы.

Хирон крайне редко называл Кроноса отцом. Я не хочу сказать, что он скрывал это, нет, нам всем было прекрасно известно, кто его отец. В мире греческих мифов каждый — бог, титан или чудовище — приходился кому-то родней. Но Хирон не любил разговоров на эту тему. «Ах, мой папаша всемогущий злой титан! Только и мечтает о том, чтобы разрушить западный мир! Я хочу быть таким, как он, когда вырасту!»

— Вы не знаете, что за сделку имел в виду Лука? — поинтересовался я.

— Не вполне уверен, но боюсь, что речь шла о договоре с Дедалом. Если старый изобретатель еще жив, если его еще не свела с ума паратройка тысячелетий, прожитых в лабиринте, то... Видишь ли, Кронос может найти способ, чтобы заставить покориться своей воле любого.

— Не любого! — возмутился я.

— Ты прав. Возможно, покорить всех ему не удастся. — Хирон вымученно улыбнулся. — Но, Перси, ты должен быть настороже. Меня уже давно беспокоит, что Кронос может вступить в переговоры с Дедалом не только ради поиска пути через лабиринт.

— Что еще он мог задумать?

— Насчет этого мы с Аннабет уже давно ломаем головы. Помнишь, ты однажды рассказал мне о своем первом путешествии на «Принцессу Андромеду»? Когда ты в первый раз увидел золотой саркофаг?

Я кивнул и уточнил:

— Тогда Лука говорил о воскрешении Кроноса, лежащего в саркофаге. Каждый раз, когда он находит нового сторонника, он обретает еще одну часть своего тела и постепенно возвращается к жизни.

— Что, по словам Луки, они станут делать, когда Кронос будет способен вернуться к жизни? — спросил Хирон.

Холодок пробежал у меня между лопатками.

— Кажется, он сказал, что они хотят выковать в кузницах Гефеста новое тело Кроносу.

— Могу сказать одно: Дедал и впрямь самый великий изобретатель в мире. Он создал лабиринт, но не ограничился этим. Автоматоны, думающие машины... Что, если Кронос захочет, чтобы Дедал выковал для него новое, неизнаваемое тело?

Вот уж действительно приятная мысль!

— Нам нужно первыми добраться до Дедала, — твердо сказал я. — И убедить его не делать этого.

Хирон задумчиво смотрел в сторону, туда, где лес становился гуще.

— Есть еще кое-что, что я не совсем понимаю. Слова Луки о той последней душе, которая присоединится к их делу. Это не сулит ничего хорошего.

Я промолчал, но на сердце у меня стало гадко. В этом была моя вина, поскольку именно я принял решение не рассказывать Хирону о том, что Нико — сын Аида. Сейчас, когда Хирон упомянул о душе, я чуть было не решился рассказать ему обо всем. Вдруг Кроносу станет известно о Нико? Вдруг повелитель титанов сумеет уговорить его встать на сторону зла? Но я не решился. С одной стороны, мне мешали сомнения: может ли Хирон что-нибудь изменить? С другой — я хотел сам отыскать Нико. Я должен сам ему все объяснить, он должен меня выслушать.

— Ну, не знаю, — нерешительно протянул я наконец. — Да, вот еще что. Можжевелка рассказала мне одну вещь, и я думаю, вам тоже надо об этом знать.

И я рассказал ему о том, что дриада несколько раз видела Квинтуса около этих камней.

— Меня это не удивляет. — Хирон стиснул зубы.

— Не удивляет?.. Вы хотите сказать, что знали об этом?

— Перси, понимаешь, когда Квинтус пришел в лагерь и предложил свои услуги, я... В общем, с моей стороны было бы слишком глупо не увидеть в этом предложении кое-что странное.

— Тогда почему вы взяли этого типа на службу?

— Потому что иногда лучше иметь того, кому ты не доверяешь, рядом с собой, для того, чтобы присматривать за его делами. Может, он и есть именно тот, за кого себя выдает: полукровка, мечтающий обрести родной дом. Ведь Квинтус и впрямь не сделал в открытую ничего такого, чтобы я мог усомниться в его лояльности. Поверь мне, я с него глаз не спущу.

Аннабет уже давно слонялась поблизости, наверное изнывая от любопытства, о чем мы тут так долго разговариваем.

— Перси, ты готов наконец? — не вытерпев, спросила она.

Я кивнул. Рука моя скользнула в карман, в котором хранился тот ледяной свисток, что дал мне Квинтус. Инстинктивно оглянувшись, я увидел, как внимательно следят за каждым моим движением его глаза. Встретившись со мной взглядом, он помахал мне на прощание.

«Наши лазутчики докладывают об успехах» — вспомнились мне слова Луки.

В тот же день, когда мы приняли решение спуститься в лабиринт, ему об этом стало известно!

— Будьте осторожны, — посоветовал нам на прощание Хирон. — Что ж, удачного поиска!

— И вам тоже удачи, — отозвался я.

Мы вернулись к скале, у которой ждали нас Тайсон и Гроувер. Я заглянул в расщелину между двумя огромными валунами — вход в бесконечный лабиринт, готовый поглотить нас.

— Вот и все, — нервно ухмыльнулся Гроувер. — Прощай, красное солнышко!

— Здравствуйте, черные камни! — поддержал его шутку Тайсон.

И мы все четверо ступили во мрак.

Глава шестая

Встреча с двуликим богом

Мы и сотни футов не преодолели, как ухитрились безнадежно заблудиться.

В этот раз туннель оказался ничуть не похожим на тот, в котором мы с Аннабет побывали. Скорее он напоминал систему канализационных стоков, выложенных кирпичом, с чугунными решетками люков через каждые десять футов. Из чистого любопытства я включил фонарик и заглянул в один из них, но не обнаружил ничего интересного. Его пасть зияла абсолютной чернотой. Правда, в какой-то момент мне показалось, что по ту сторону решетки люка раздаются чьи-то голоса, но, может быть, это всего лишь завывал ветер.

Аннабет из всех сил старалась не сплеховать в роли главы экспедиции. Например, придумала, что при движении вдоль туннеля нам следует держаться левой стены.

— Если каждый из нас будет идти, не отрывая от стены левой руки, — сказала она, — то мы легко сумеем отыскать обратную дорогу, следуя в противоположном направлении.

К несчастью, как только мы последовали ее совету, левая стена вдруг исчезла и мы оказались в центре круглой пещеры, из которой выходило восемь туннелей. И мы понятия не имели, по какому из них мы сюда вошли.

— Фу-ты, незадача. — В ворчании Гроувера слышался страх. — Каким путем мы шли сюда?

— Надо вернуться назад, — решила Аннабет.

Смешно, но все мы при этом направились в разные стороны. Не имея никакого понятия о том, откуда мы только что вышли, теперь ни один из нас не знал, каким путем мы могли бы вернуться в лагерь.

— С левой стеной ничего не получилось, — примирительно сказал Тайсон. — Что теперь делаем?

Луч фонарика, который держала в руках Аннабет, обежал арки восьми туннелей. Насколько я мог видеть, они были совершенно одинаковые.

— Сюда, — скомандовала она, показывая на один.

— С чего ты так решила? — поинтересовался я.

— Применив метод дедукции.

— Значит, это всего лишь твое предположение?

— Ладно, пошли.

Туннель, который она выбрала, стал быстро сужаться, кирпичная кладка стен сменилась серым цементом, а высота так быстро уменьшалась, что скоро нам пришлось идти пригибаясь. Бедняга Тайсон с его ростом вообще уже двигался ползком.

Хриплое и частое дыхание Гроувера было единственным звуком, слышимым в тишине лабиринта.

— Я больше не выдержу, — шепотом сообщил он. — Долго нам еще идти?

— Мы двигаемся по туннелю всего минут пять, не больше, — отвечала ему Аннабет.

— Не может быть. Мы здесь ужасно давно, — стоял на своем Гроувер. — И с чего бы это Пану вздумалось забрести сюда? Для бога дикой природы здесь самое неподходящее место.

Мы продолжали продвигаться вперед. И как раз в тот момент, когда я решил, что туннель стал слишком узок и дальше нам путь закрыт, коридор внезапно оборвался и мы очутились в огромном помещении. Я пробежал фонариком по стенам и не смог сдержать возгласа изумления:

— Ух ты!

Все стены покрывала красочная мозаика. Конечно, изображения потускнели и потеряли прежнюю яркость, но разобрать первоначальные цвета — красный, синий, зеленый, золотой — еще можно было. Бежавший по верху фриз изображал богов-олимпийцев на пиру. Там был и мой отец Посейдон со своим трезубцем. Он держал в руке грозди винограда, готовый вручить их Дионису, чтобы бог виноделия превратил их в вино. Зевс веселился в окружении сатиров, Гермес летел куда-то в крылатых сандалиях. Картины прекрасные, но не отличавшиеся достоверностью. Мне доводилось видеть богов. Дионис и вполтину не был так красив, а нос Гермеса не настолько велик, как изображалось здесь.

В центре помещения возвышался трехъярусный фонтан, но выглядел он давно пересохшим.

— Что это за место? — пробормотал я почти про себя. — Оно напоминает...

— Рим, — подсказала Аннабет. — Мозаики, которые ты видишь, были созданы две тысячи лет назад.

— Как? Это Рим?

Я, конечно, не силен в древней истории, но что-то мне подсказывает, что пределы Римской империи не простирались до Лонг-Айленда.

— Лабиринт представляет собой нечто вроде лоскутного одеяла, — объяснила мне Аннабет. — Я уже говорила тебе, он составлен из отдельных фрагментов. Это единственное архитектурное сооружение, способное изменять свою форму и размеры самостоятельно.

— Ты говоришь о лабиринте так, будто он живой.

Протяжный стон пронесся по переходу, тянувшемуся впереди нас.

— Давайте не будем говорить о нем как о живом, хорошо? — прошелестел испуганный голос Гроувера. — Пожалуйста.

— Договорились. Вперед! — скомандовала Аннабет.

— Куда вперед? Туда, откуда раздались те неприятные звуки? — спросил Тайсон. Кажется, даже он нервничал.

— Именно туда. Все, созданное архитектором, подвержено старению. И то, что пещера, в которой мы находимся, кажется такой древней, это добрый знак. Мастерская Дедала должна находиться в самой старой части лабиринта.

Здравая мысль. Но скоро лабиринт начал насмехаться над нами — мы прошли футов пятьдесят, и стены его опять стали цементными, по ним сбегали медные трубы канализации. Теперь все они были покрыты рисунками и надписями, сделанными из распылителей. Вдруг сверкнул неоновый щит с надписью «ЛУЧШИЙ ФИЛЬМ ГОДА».

— Почему-то мне это не кажется работой римлян, — услужливо сказал я.

Аннабет испустила глубокий вздох и ринулась вперед.

Каждые несколько футов туннель ветвился, образуя переходы, повороты, развилки. Пол под нашими ногами из цементного сначала превратился в глиняный, глина сменилась кирпичной кладкой, на место которой снова пришел цемент. Во всем этом не было ни капли смысла. В какой-то момент мы неожиданно обнаружили, что находимся в винном погребе — вокруг нас громоздились на деревянных полках сотни запыленных бутылок, — словно оказались под чьим-то домом. Только лестницы вверх в этом погребе определенно не было, нас окружали туннели, туннели и еще раз туннели.

Мы пошли дальше. Теперь потолок покрыли деревянные планки, наверху над нами стали раздаваться голоса, слышалось шарканье чьих-то ног. Мне показалось, что мы очутились под каким-нибудь баром. Мысль о том, что сейчас мы встретим людей, подбодрила нас на какое-то мгновение, но потом стало ясно, что добраться до них нам не удастся. Оттуда, где мы находились, выхода не было.

Именно тогда мы в первый раз наткнулись на скелет.

Одежда на нем была белого цвета и по виду немного напоминала рабочую куртку. Рядом с ним на земле стоял деревянный ящик с бутылками.

— Молочник, — догадалась Аннабет.

— Что? — не понял я.

— Такие люди раньше развозили молоко.

— Нет, я не об этом. Я знаю, что такое молочник, только... только они жили на свете, еще когда моя мама была маленькой. А что он сейчас тут делает?

— Некоторые люди оказывались в лабиринте случайно, по ошибке, — объяснила мне Аннабет. — Другие пытались изучать его специально, и больше их никто никогда не видел. Когда-то давно, на Крите, даже совершали человеческие жертвоприношения, обрекая жертву на гибель в лабиринте...

— Он здесь уже очень давно! — перебил ее взволнованным восклицанием Гроувер.

Сатир указал на бутылки у ног молочника, щедро покрытые белой пылью. Пальцы скелета вцепились в кирпичную кладку стены с такой силой, будто он до последней минуты своей жизни пытался выбраться отсюда.

— Обыкновенные кости, — сказал Тайсон. — Не волнуйся ты так, сатирище. Молочник давно помер.

— Молочник меня не волнует, это я из-за запаха. Чудовища. Разве ты не чувствуешь?

— Чудовищ тут хватает, — кивнул Тайсон. — Но подземелье и должно так пахнуть. Монстрами и разными мертвыми молочниками.

— Очень рад, — прохныкал Гроувер. — А то я боялся, что мне это только чудится.

— Нам необходимо спуститься в лабиринт глубже, — сказала Аннабет. — Ведь должен же быть путь к самому его центру.

Она велела идти направо, затем свернуть налево, и скоро мы очутились в переходе, стены которого были облицованы нержавеющей сталью. Сразу возникло ощущение, что мы находимся в самолете. Вскоре мы снова пришли в римскую комнату с фресками на стенах и фонтаном.

Но на этот раз мы здесь были не одни.

Прежде всего я увидел его лица. Оба его лица. Они выступали по обеим сторонам головы над плечами так, что сама голова казалась намного шире, чем обычно. При этом сильно смахивала на голову рыбы-молот. При взгляде на него спереди все, что вы могли видеть, были огромные оттопыренные уши и короткие бакенбарды под ними.

Одеждой он здорово напоминал какого-нибудь нью-йоркского швейцара: длинное черное пальто, начищенные до блеска ботинки и черный цилиндр, лишь каким-то чудом удерживающийся на этой двойной голове.

— Ну, Аннабет, — произнесло левое лицо. — Давай поторапливайся, что ли.

— Не обращайтесь на него внимания, мисс, — проворковало правое лицо. — Этот тип ужасно груб. Пожалуйте сюда, мисс.

У Аннабет аж челюсть отвисла.

— Я... э-э, я не...

— У этого забавного человека два лица, — неуверенно произнес Тайсон, нахмурившись.

— Главное, что у этого, как ты выразился, «забавного человека» имеются уши! — загремело левое лицо. — Проходи, девушка, не задерживай!

— Ни в коем случае, — возразило лицо справа. — Сюда, мисс, будьте добры. Обращайтесь только ко мне, мисс.

Двуликий пристально изучал Аннабет, насколько мог это сделать, не поворачивая головы и рассматривая ее только уголками глаз. Невозможно было глядеть на него прямо и одинаково хорошо видеть оба лица. Вдруг я догадался, почему оба эти лица так заигрывали с Аннабет — они хотели, чтобы она выбрала одного из них.

Позади двуликого имелись два входа, закрытые деревянными дверями с огромными железными замками. Хотя в первый раз, когда мы пришли сюда — это я точно помнил, — никаких дверей тут не было. Двуликий держал серебряный ключ, то и дело перекладывая его из левой руки в правую и обратно. Я все еще не мог решить окончательно: та ли это вообще комната? Хоть изображения на фризе точно были те же самые.

Двери, через которые мы только что вошли сюда, неожиданно исчезли и на их месте мгновенно образовались новые мозаичные картины. Обратная дорога закрыта.

— Двери за вашими спинами заперты, — сказала двуликому Аннабет.

— Еще как, — проскрипело левое лицо.

— Куда они ведут?

— Одна из них — наверняка туда, куда вам надо, мисс, — бодренько встряло правое. — А другая, с такой же вероятностью, к смерти.

— Я... кажется, я знаю, кто вы, — заявила Аннабет.

— Тоже мне, умная нашлась, — процедило левое. — Лучше побыстрее выбери дверь и выметайся. Что я с тобой, целый день буду тут возиться?

— Почему вы так стараетесь запутать меня? — откровенно спросила Аннабет.

И правое лицо расплылось в улыбке.

— Вы у нас теперь главная, дорогая мисс. Право решать принадлежит только вам. И груз ответственности тоже на вас. Ведь это именно то, к чему вы стремились.

— Я...

— Знаем мы тебя, Аннабет, — угрюмо продолжал левый. — И знаем, против чего ты борешься. И до чего ты нерешительная и неповоротливая. Но рано или поздно сделать выбор тебе все равно придется. Какое бы решение ты ни приняла, оно погубит тебя.

Я не понял, о чем он толкует, но, похоже, что за этими словами стояло нечто большее, чем выбор одной из дверей.

Все краски отхлынули от лица Аннабет, и она прошептала:

— Но... я не знаю...

— Оставь ее в покое, — заговорил я. — Кто ты вообще такой?

— Я ваш лучший друг, — быстро заявило правое лицо.

— А я злейший враг, — ответило левое.

— Я бог Янус, — сказали они одновременно. — Бог дверей. Входов и выходов. Начал и окончаний. Бог выбора.

— Скоро мы и с вами, Перси Джексон, встретимся, — ухмыльнулось правое лицо, — но сейчас черед Аннабет. — И радостно расхохоталось. — Забавно, ей-богу!

— Заткнись! — проворчало левое. — Тут не до шуток. Неправильный выбор погубит твою жизнь, девушка. И не только твою, но и твоих друзей-приятелей. Но я ни на чем не настаиваю, Аннабет. Выбирай!

Мне вдруг пришла на память строка из пророчества оракула: «Чадо последней надежды Афины».

— Не делай этого, — прошептал я.

— Извините, но без этого никак, — посуровело правое лицо.

Аннабет облизнула губы и неуверенно начала:

— Я... я выбираю...

Но прежде чем она указала на дверь, комнату затопил яркий, сияющий свет.

Ладони Януса взметнулись к лицам, прикрывая глаза. Спустя мгновение свет стал чуть более приглушенным и мы увидели, что у фонтана стоит женщина.

Она была высокого роста, с грациозной фигурой, длинными, каштанового цвета волосами, заплетенными в косы золотыми лентами. Когда она двигалась, белая ткань ее будто бы совсем простого платья переливалась всеми цветами радуги, как маслянистая пленка на поверхности воды.

— Янус, — строго произнесла женщина, — мы снова создаем трудности?

— Н-нет, госпожа, — испуганно пробормотало правое лицо.

— Да! — отрезало левое.

— Заткнись, — прошипело правое.

— Что? — удивилась женщина.

— Не вам, госпожа, как можно! Это я сам с собой.

— Понятно, — кивнула дама в белом платье. — Тебе прекрасно известно, что ты явился сюда преждевременно. Время выбора для этой девочки еще не настало, поэтому я предоставляю тебе самому сделать его: либо ты оставляешь героев в покое и ими занимаюсь я, либо я обращаю в дверь тебя и разбиваю ее!

— В какую дверь? — спросило левое.

— Да заткнись же!

— Я только потому спросил, что французские двери, например, очень красивые. — Левое лицо явно потешалось. — К тому же дают много дневного света.

— Заткнись, кому говорю, — захныкало правое. — Я не вам, что вы, госпожа! Конечно, я смоюсь. Я ведь сюда просто позабавиться явился. Сделать свою работу. Предложить выбор или еще что-нибудь такое.

— Создать затруднения, — поправила его женщина. — А теперь убирайся!

Левое лицо пробормотало:

— Никогда не даст повеселиться.

Двуликий бог поднял повыше серебряный ключ, сделал вид, будто вставляет его куда-то в воздух, и исчез.

Женщина обернулась к нам, и страх охватил мое сердце. В ее глазах полыхала такая уверенность в своей силе! «Ими занимаюсь я», — сказала она. По-моему, это не сулило нам ничего хорошего. В эту минуту я уже пожалел, что мы не покончили дело с Янусом. Но тут женщина улыбнулась.

— Вы, наверное, проголодались, — сказала она. — Садитесь, мы с вами побеседуем и заодно поедим.

Она слегка повела рукой, и старый римский фонтан ожил. Сверкающие струи чистой воды взметнулись вверх. Перед нами прямо из воздуха вырос мраморный стол, на котором стояло множество блюд с сэндвичами и кувшинов с лимонадом.

— Но кто вы? — осмелился спросить я.

— Меня зовут Гера, — улыбнулась женщина. — Богиня небес.

* * *

Однажды мне уже приходилось встречаться с Герой, это произошло, когда я оказался на Совете богов, но тогда я не уделил ей много внимания. Поскольку вокруг меня была целая толпа других олимпийцев, которые спорили о том, надо меня убить или пока не стоит.

Но я точно помню, что тогда она совсем не походила на обычную женщину. Конечно, когда боги заседают на Олимпе, в них росту футов по двадцать и на обычных мужчин и женщин они мало похожи. А сейчас Гера выглядела почти совсем как чья-нибудь мама.

Она положила каждому из нас на тарелку сэндвичей и стала разливать лимонад.

— Гроувер, дорогой, — улыбнулась она сатиру, — не забывай, пожалуйста, как правильно пользоваться салфеткой. Не надо ее жевать.

— Хорошо, мэм.

— Тайсон, ты почему плохо кушаешь? Положить тебе еще сэндвич с арахисовым маслом?

Тайсон с трудом подавил сытую отрывку и благовоспитанно ответил:

— Да, добрая госпожа.

— Повелительница Гера, — обратилась к богине Аннабет, — я не могу поверить своим глазам. Как вы оказались в лабиринте?

Гера улыбнулась, затем вдруг едва заметно провела в воздухе пальцем, и волосы Аннабет сами собой расчесались, а с лица исчезли пятна грязи и темные подтеки.

— Конечно, я пришла для того, чтобы взглянуть на вас, — ответила богиня.

Мы с Гроувером обменялись тревожными взглядами. Когда боги, знаете ли, приходят взглянуть на вас, это не означает, что они поступают так по доброте сердечной. Скорей всего, ими руководят совсем иные

соображения. Им от вас наверняка что-нибудь нужно.

Но даже эти мрачные мысли не могли помешать мне уплетать сэндвичи с индейкой и швейцарским сыром, чипсы и лимонад. Я и не знал, что так проголодался. Тайсон тот вообще закидывал в рот сэндвичи с арахисовым маслом практически без перерыва, а Гроувер поглощал лимонад, одновременно закусывая одноразовым стаканчиком, для чего сворачивал его наподобие вафельной трубочки.

— Я не думала... — с деланной наивностью сказала Аннабет, — не думала, что вам нравятся герои.

— Ты так решила из-за моей пустяковой размолвки с Гераклом? — На губах Геры мелькнула снисходительная улыбка. — Я, право, даже не ожидала, что пресса так раздует это небольшое недоразумение.

— Разве вы множество раз не пытались убить его? — уточнила Аннабет.

Гера небрежно отмахнулась.

— Дела давно минувших дней, дорогая. Кроме того, этот мальчуган был одним из детей моего возлюбленного супруга... от другой женщины. Ну и однажды мое терпение истощилось, признаю. Но с тех пор у нас с Зевсом не бывает разногласий. Мы проверили наши чувства и пришли к полному взаимопониманию. После одного, незначительного по своей сути, инцидента.

— Вы имеете в виду с тех пор, как Зевс породил Талию?

Не успел я произнести эти слова, как тут же пожалел о них. Едва Гера услышала имя нашей подруги-полукровки, дочери Зевса, как ее глаза с холодной ненавистью вонзились в меня.

— Ты, кажется, Перси Джексон? Один из Посейдоновых... гм... деток? — У меня появилось отчетливое чувство, что она хотела произнести совсем другое слово. — Насколько я припоминаю, прошлой зимой на Совете я высказалась в пользу того, что тебе следует сохранить жизнь. Надеюсь, мне не придется раскаяться в этом.

Выстрелив в меня этими словами, она снова обернулась к Аннабет, и на губах ее опять запорхала самая солнечная улыбка:

— Во всяком случае, к тебе я, без сомнения, отношусь с горячей любовью, деточка. И считаю задание, данное тебе, очень сложным. Особенно если сюда начнут вмешиваться всякие Янусы.

Аннабет опустила глаза.

— Почему он оказался здесь? Я чуть с ума не сошла от страха.

— Он этого и добивался, — кивнула Гера. — Тебе следует знать, что младшие боги, такие как этот Янус, например, всегда чувствуют себя

уязвленными незначительностью своей роли в управлении вселенной. Боюсь даже, что некоторые из них не питают особой любви к обитателям Олимпа и легко могут решиться оказать поддержку моему отцу.

— Вашему отцу? — удивился я. — Ах да, точно. Я и позабыл, что отцом Геры, как и ее супруга Зевса, и Посейдона, между прочим, и вообще всех старших олимпийцев, был именно Кронос. А уж мысль о том, что он является моим родным дедушкой, показалась мне такой дикой, что я постарался выбросить ее из головы как можно скорей.

— За младшими богами нужен глаз да глаз, — продолжала между тем Гера. — Янус. Геката. Морфей. Они оставили Олимп, давно перестали там появляться и к тому же...

— К ним ведь отправился Дионис, — вспомнил я. — Он пошел проведать младших богов.

— Это так. — Взгляд Геры устремился на выцветшие фрески с изображением олимпийцев. — Видите ли, в трудные времена и богам случается утратить истинную веру. Они начинают верить во всякие глупости, фетиши. Теряют ориентировку, не видят главного и впадают в эгоизм. Но я, как вам известно, являюсь богиней супружества и привыкла проявлять настойчивость и упорство. Вам необходимо выступить против хаоса и раздоров. Не терять веры в богов. Неизменно стремиться к одной цели.

— А какова ваша цель? — спросила Аннабет.

— Сохранить семью богов-олимпийцев в целости, конечно, — улыбнулась Гера. — В настоящее время лучший путь к этому — помогать вам. Зевс, должна признаться, не часто позволяет мне вмешиваться в дела смертных. Но однажды, лет сто назад, для достижения некоей важной для меня цели он даровал мне исполнение одного моего желания.

— Желания?

— Прежде чем ответить, позволь я дам тебе совет. Причем сделаю это совершенно бесплатно. Мне известно, что вы разыскиваете Дедала. Его лабиринт является для меня такой же загадкой, как и для вас. Но если вас интересует судьба изобретателя, то я бы на вашем месте нанесла визит моему сыну Гефесту в его кузницу. Дедал был великим умельцем, и сердце Гефеста принадлежало ему единственному из смертных. Никем из людей так не восхищался бог-кузнец. Если существует кто-то, кому известна судьба Дедала, или тот, кто поддерживает с ним связь, это мой сын Гефест.

— Но как нам к нему добраться? — спросила Аннабет. — Я и сама стремилась к этому. Мое самое большое желание — найти путь в лабиринте.

Гера выглядела разочарованной.

— Так и будет. Но то, чего ты желаешь, ты, собственно, уже получила.

— Не понимаю.

— Средства для достижения твоей цели у тебя уже имеются. — Тут Гера глянула прямо на меня. — Ответ знает Перси.

— Я? — изумился я.

— Но это несправедливо, — возразила Аннабет. — Вы не говорите нам, что это за средство.

— Получить что-либо из чужих рук или добиться этого в результате собственных усилий — разные вещи. — Гера покачала головой. — Не сомневаюсь, что твоя мать Афина согласилась бы со мной.

Над комнатой, где мы сидели, послышался отдаленный раскат грома. Гера встала.

— Меня призывают. Зевс гневается. Подумай над тем, что я сказала, Аннабет. Разыщите Гефеста. Насколько я знаю, вам придется навеститься на некое ранчо, но мой совет — не задерживайтесь там. И используйте все средства, которые имеются в вашем распоряжении, какими бы простыми они вам ни казались.

Она слегка махнула ладонью в сторону обеих дверей, и те растаяли. За ними оказались два туннеля, одинаково темные и зловещие.

— И последнее, Аннабет. Я отложила наступление дня, когда тебе предстоит сделать выбор. Но я не отменила его. Совсем скоро, как и сказал Янус, тебе придется принять решение. Сделать выбор. Прощайте!

Богиня приподняла руку и тут же растаяла, прямо на наших глазах обратившись в белый туман. В такой же туман обратилась и пицца, так что Тайсон чуть не подавился сэндвичем, который прямо у него во рту прикинулся туманом. Замолкло журчание воды в фонтане. Мозаики на стенах начали тускнеть, посерели и опять стали почти неразличимыми. Комната больше ничем не напоминала место, где каждому хотелось бы устроить пикник.

Аннабет вскочила на ноги.

— И это называется помощь? «Скушайте сэндвич, детки. Загадайте желание. Как жалко, что я не могу помочь вам!» Ф-фу!

— Ф-фу, — согласился Тайсон, грустно глядя на опустевшее блюдо.

— Погодите-ка, — прервал их Гроувер, — она, кажется, сказала, что ответ знает Перси. Это уже что-то.

И все в упор уставились на меня.

— Ничего я не знаю, — огрызнулся я. — Понятия не имею, что она тут наговорила.

Аннабет тяжело вздохнула.

— Ладно, все нормально. Пора идти.

— Куда? — спросил я.

На самом деле мне ужасно хотелось спросить, что именно Гера имела в виду, когда говорила о важном выборе, который Аннабет предстоит сделать. Но оба наших спутника, Тайсон и Гроувер, прямо горели нетерпением. Они вскочили на ноги чуть ли не одновременно, будто отрепетировали это заранее.

— Налево, — так же разом сказали они оба.

— С чего вы решили? — нахмурилась Аннабет.

— Потому что справа на нас что-то движется, — объяснил Гроувер.

— И очень большое, — подтвердил Тайсон. — И до чего быстро катится!

— Действительно, почему бы не налево? — положил я конец спору, и мы бросились бежать по левому коридору.

Глава седьмая

Взлом темницы по Тайсону

Сначала хорошие новости: левый туннель был полностью лишен боковых ответвлений, поворотов и перекрестков. Теперь плохие: он оказался тупиком. Пробежав, не останавливаясь, сотню ярдов, мы едва ли не носами уперлись в огромный валун, преградивший нам путь. Сзади нас догоняли чьи-то стремительные шаги, тяжелое дыхание эхом отдавалось в воздухе. Какое-то существо — и оно определенно не принадлежало к роду людей — висело у нас на хвосте.

— Тайсон, — попросил я, — ты не мог бы...

— Могу!

Циклоп ударил плечом о камень с такой силой, что весь туннель содрогнулся, а с потолка лабиринта посыпалась вековая пыль.

— Скорей! — выдохнул Гроувер. — Конечно, постарайся не уронить на нас потолок, но все-таки поторопись!

Валун наконец поддался и с кошмарным скрежещущим звуком сдвинулся с места. Тайсон толкнул его посильней, мы проползли между ним и стеной туннеля и оказались в небольшой комнате.

— А теперь надо поскорей заблокировать путь! — велела Аннабет.

Мы все вместе налегли на камень и стали его толкать. Что бы там ни гналось за нами по проходу — мы успели вовремя водворить камень на место и оказались вне досягаемости.

— Ага, обломалось! — обрадовался я.

— Еще вопрос, не обломались ли мы сами, — возразил Гроувер.

Я обернулся и увидел, что наша четверка находится в небольшой — примерно двадцать квадратных футов — комнате с бетонными стенами, одна из которых забрана тюремной решеткой. Туннель привел нас прямо в тюрьму.

* * *

Аннабет выругалась, помяная Аида, и тряхнула прутья решетки. Они не дрогнули. За ними мы видели ряды камер, расположенных вокруг мрачного внутреннего двора — по крайней мере три этажа металлических

дверей и узких галерей.

— Мы в тюрьме, — заключил я. — Тайсон, может, тебе удастся разбить...

— Шшш, — поднес палец к губам Гроувер, — послушайте.

Где-то высоко над нами раздавалось эхо горестных рыданий, казалось, оно наполняет собой все здание. Затем послышался другой звук — хриплый голос забормотал что-то, только я не сумел разобрать что. Звуки, которые ловил мой слух, больше напоминали не слова, а стук камней в механическом барабане.

— Что это за язык такой? — спросил я.

Глаза Тайсона расширились от ужаса.

— Не может быть, — пробормотал он, бледнея.

Вне себя, он ухватился за два соседних стержня решетки и с такой силой налег на них, что в образовавшийся промежуток спокойно мог пролезть он сам.

— Обождите-ка! — шепотом попросил сатир.

Но Тайсон никого ждать не собирался, а мы рванули за ним. Во внутреннем дворе тюрьмы, где мы оказались, было темно, только несколько люминесцентных фонарей слегка рассеивали мглу.

— Я узнаю это место, — на бегу сказала мне Аннабет. — Это Алькатрас.

— Ты имеешь в виду остров неподалеку от Сан-Франциско?

— Да. Наш класс ездил туда на экскурсию. На этом острове теперь музей.

Ну разве может такое быть, что вы, спустившись в лабиринт на Лонг-Айленде, вылезли из него с другой стороны земного шара? Но Аннабет прожила в Сан-Франциско целый год, наблюдая за тем, что происходило на горе Тамалпаис, отделенной от города заливом. Надо думать, она знает, о чем говорит.

— Замри! — коротко бросил Гроувер.

Однако Тайсон продолжал двигаться, не останавливаясь. Тогда Гроувер схватил его за руку и со всей силы потащил обратно.

— Стой, Тайсон! — свистящим шепотом приказал он. — Ты что, не видишь?

Я тоже глянул туда, куда показывал сатир, и у меня упало сердце. Напротив нас, с другой стороны внутреннего двора, на галерее второго этажа, громоздилось чудовище, подобного которому я никогда не видел.

Оно было вроде кентавра, над туловищем животного поднимались грудь и плечи женщины. Но вместо лошадиного крупа от талии вниз шло

тело дракона — не меньше двадцати футов длиной, черное, чешуйчатое, с огромными лапами и усеянным шипами хвостом. С первого взгляда мне показалось, будто ноги монстра перевиты плетью каких-то растений, но потом я разглядел, что это не ноги, а извивающиеся змеи, сотни гадюк водили по земле отвратительными головами, ища, что бы такое сожрать. В волосах женщины также кишели змеи, как у Медузы горгоны. Но самым отвратительным в ее облике было то, что на месте талии, то есть там, где грудь женщины соединялась с туловищем дракона, кожа пузырилась и вскипала, и из нее то и дело вылезали головы каких-то злобных зверей: волка, медведя, льва. Казалось, что посередине тело чудовища перехвачено поясом из этих голов.

Какой-то инстинкт подсказывал мне, что перед моими глазами находится нечто доисторическое, неопределенное. Существо, которое появилось на свет в начале времен, прежде чем творения обрели формы и сущности.

— Это она, — жалобно сказал Тайсон.

— Пригнулись! — прошипел Гроувер.

Мы скорчились в тени, чтобы остаться незамеченными, но это омерзительное создание не обращало на нас никакого внимания. Как оказалось, оно разговаривало с кем-то, кто содержался в одной из камер на втором этаже. Именно оттуда и доносились рыдания. Женщина-дракон продолжала что-то бубнить на своем непонятном языке.

— Что она говорит? — тихо спросил я. — Что это за язык?

— Это праязык, — ответил Тайсон, дрожа. — Тот, на котором праматерь Земля разговаривала с титанами и... ну и с остальными своими детьми. Когда на свете еще не было богов.

— Ты что, его понимаешь? — удивился я. — Может, переведешь?

Тайсон зажмурился, мгновение помолчал, и вдруг изо рта его полился ужасный, хриплый женский голос:

— Ты будешь работать на хозяина или умрешь.

— Терпеть не могу, когда он такое вытворяет. — Аннабет вздрогнула.

Как все циклопы, Тайсон обладал сверхчеловеческим слухом и способностью подражать чужим голосам. Он как будто впадал в транс и потом начинал говорить не своим голосом.

— Я не стану служить ему. — Теперь речь Тайсона была окрашена глубоким страданием.

И снова грубый хрип женщины-чудовища:

— Тогда я стану наслаждаться твоими страданиями, Бриарей.

Прежде чем выговорить это имя. Тайсон выдержал небольшую паузу.

Раньше с ним никогда не бывало, чтобы он не смог кого-то симитировать, но сейчас, после краткого молчания, у него вдруг вырвался придушенный всхлип. Затем циклоп продолжил женским голосом:

— Если ты думал, что твое первое заключение было невыносимым, то теперь тебе придется испытать настоящие муки. Подумай над этим, пока я не вернусь.

Чудовище затопало к лестнице, змеи зашипели, извиваясь вокруг его ног наподобие юбки. Оказавшись на краю лестницы, оно вдруг взмахнуло руками, и они превратились в огромные крылья. До этого я не видел никаких крыльев, потому что монстр держал их сложенными за своей драконьей спиной. Сразу став похожим на чудовищную летучую мышь, он спрыгнул с галереи второго этажа и воспарил над двором. Мы еще больше скрючились, вжимаясь в стену. Горячий, насыщенный парами серы воздух обдал мое лицо, когда чудовище пролетело почти над самыми нашими головами и в то же мгновение исчезло за поворотом.

— К-к-какой уж-ж-жас, — еле выговорил Гроувер. — Никогда не сталкивался с такой... чудовищной вонью...

— Худший ночной кошмар циклопа, — поддержал его Тайсон. — Кампе...

— Кто? — переспросил я.

Тайсон мучительно сглотнул.

— Кампе. Каждый циклоп знает о ней. Рассказами о Кампе пугают маленьких детей... циклопов. Она сторожила нас в плохие времена.

— Я тоже вспомнила. — Аннабет кивнула. — Когда титаны восстали, они сковали цепями Гею и гекатонхейров.

— Гекато... что? — не справился я с трудным словом.

— Гекатонхейры, — повторила она. — Сторукие. Они так называются потому, что... ну просто потому, что у них по сто рук. Это старшие братья циклопов.

— И очень сильные, — восторженно добавил Тайсон. — Замечательно сильные! Ростом до неба. Они могли своротить горы.

— Не слабо. Если, конечно, сам не являешься этой горой.

— А Кампе была их тюремщицей, — продолжал Тайсон. — Она служила Кроносу, и он велел ей держать братьев запертыми в Тартаре и все время их мучить. Так и было, пока не явился Зевс. Он убил Кампе и освободил циклопов и Сторуких, чтобы они помогли ему одержать победу над титанами в большой войне, которая тогда началась.

— Так значит, Кампе вернулась, — догадался я.

— Плохо, — подытожил Тайсон.

— А кто тот в камере? Ну, ты еще назвал его по имени.

— Да Бриарей же, — сразу вскинулся мой брат. — Сторукий великан. Они все трое ростом до неба и...

— Ага, ага, помню. Там еще про гору было.

Я поглядел на камеру над нашими головами, удивляясь тому, что кто-то высотой до неба уместился в такой крохотной камерке, и недоумевая, почему он плачет как маленький.

— Думаю, нам надо разобраться во всем этом, пока не вернулась Кампе, — предложила Аннабет.

Когда мы подошли ближе, рыдания в камере усилились. Заглянув внутрь, я даже не совсем понял, что за существо перед моими глазами. Размером с обычного человека, только с очень бледной, цвета молока, кожей. Из всей одежды на нем была одна набедренная повязка, и она здорово напоминала большой подгузник. Ноги существа казались слишком большими для такого тела, на каждой ступне было по восемь пальцев, и грязные ногти на больших пальцах растрескались.

Но более всего поражала верхняя часть туловища. По сравнению с этим существом даже Янус показался бы нормальным человеком. Потому что у этого из грудной клетки торчало столько рук, что я даже не мог их сосчитать. Они росли рядами и выглядели почти обыкновенными руками, только их было так много, что они все перепутались, и теперь грудь Бриарея была похожа на вилку с намотанными на нее кольцами спагетти. Несколькими руками он закрывал лицо, когда плакал.

— Наверное, небо раньше было не таким высоким, как теперь, — пробормотал я, — или он стал покороче.

Тайсон не обратил внимания на мои слова. Он просто упал на колени.

— Бриарей! — окликнул он узника.

Рыдания прекратились.

— Сторукий! Помоги нам, пожалуйста.

Бриарей поднял голову. Его лицо было длинным и грустным, с крючковатым носом, плохими зубами и темно-коричневыми глазами. Я имею в виду совершенно коричневыми — без белков и черных зрачков, такими, будто их вылепили из глины.

— Беги, пока цел, циклоп, — жалобно простонал Бриарей. — Я не могу помочь даже самому себе.

— Но ты ведь Сторукий! — настойчиво и почтительно повторил Тайсон. — Ты можешь все.

Бриарей вытер нос с помощью пяти-шести рук, в то время как несколько других перебирали какие-то металлические обломки и

деревянные щепки точь-в-точь такими же движениями, как это делал Тайсон. Забавно было наблюдать за этим. Руки словно жили своей обособленной жизнью и повиновались собственным приказам. Одни построили из деревяшек лодочку и тут же разобрали ее на части. Другие в это самое время скребли пол без всякой на то причины. Третьи играли камешками, бумагой, ножницами. Несколько рук устроили театр теней на стене, и там теперь скакали утята со щенятами.

— Не могу, — простонал Бриарей. — Кампе вернулась в мир! Титаны восстанут и ввергнут нас обратно в Тартар!

— А ты надень свое храброе лицо! — посоветовал Тайсон.

И немедленно лицо Бриарея переделалось во что-то другое. Коричневые глаза остались теми же, но теперь все черты стали другими. Нос оказался вздернутым, брови выгнулись дугой, и на губах появилась диковатая улыбка, будто ее хозяин старался совершить что-то героическое. Но почти сразу лицо исказилось и снова стало таким же унылым, как прежде.

— Ничего не получается, — опять простонал он. — Мое испуганное лицо все время возвращается.

— А как вы это делаете? — спросил я.

Аннабет подтолкнула меня локтем и прошипела:

— Не груби! У Сторуких было пятьдесят разных лиц.

— Трудно было, наверное, составить расписание, — не удержался я.

— У тебя все получится, Бриарей. — Тайсон не сдавался. — Мы поможем! Можно мне попросить у тебя автограф?

Бриарей хмыкнул и спросил уже повеселей:

— Ты прихватил с собой сотню ручек?

— Эй, вы, — прервал их беседу Гроувер. — Отсюда нужно поскорей убираться. Кампе вернется и обязательно учует нас рано или поздно.

— Ломайте решетку! — скомандовала Аннабет.

— Один момент! — Тайсон гордо улыбнулся. — Бриарею это запросто. Он такой силач! Сильней даже, чем мы, циклопы. Смотрите!

Бриарей между тем продолжал хныкать. Дюжина его рук начала играть во что-то очень похожее на «ладушки», но ни одна из них не попыталась взяться за прутья.

— Если он такой силач, как ты говоришь, то чего ж он сидит в тюрьме? — спросил я у Тайсона.

Аннабет снова ткнула меня в ребра.

— Он ошалел от ужаса, — шепотом объяснила она. — Кампе заключила его в Тартар на тысячи лет. Как бы ты себя чувствовал на его

месте?

Сторукий снова закрыл ладонями лицо.

— Бриарей? — позвал Тайсон. — Что... что с тобой? Покажи нам свою великую силу.

— Тайсон, — обратилась к нему Аннабет, — думаю, этими прутьями лучше заняться тебе.

Улыбка на лице моего брата стала таять.

— Мне заняться этими прутьями... — повторил он, словно не понимая.

Потом он вцепился в дверь камеры и мигом сорвал ее с петель, словно она была кое-как слеплена из мокрой глины.

— Выходите, Бриарей, — пригласила Аннабет. — И давайте вместе сматываться отсюда.

Она протянула узнику руку. На секунду на лице Бриарея появилось радостное выражение, несколько его рук потянулись к Аннабет, но остальные хлопнули по ним.

— Не могу, — простонал он. — Она меня накажет.

— Не бойтесь, — улыбнулась Аннабет. — Вы же сражались с самими титанами и победили их, помните?

— Помню, конечно, я помню войну. — Теперь лицо его снова изменилось, брови насупились, губы сердито сжались.

«Лицо задумчивое», — догадался я.

— От грома и молний сотрясалась земля. Мы швыряли камни. Титаны и чудовища тогда чуть было не победили. Теперь они опять набрали силу. Так сказала Кампе.

— Не слушайте вы ее, — посоветовал я. — Выходите!

Бриарей не шелохнулся. Я понимал, что Гроувер прав. До возвращения Кампе времени оставалось совсем мало, но разве можно оставить его здесь? Да и Тайсон после этого будет плакать целыми неделями.

— Играем, — предложил я. — «Камни, ножницы, бумага»! Если я выиграю, идете с нами. А если проиграю, мы оставляем вас в темнице. Можете сидеть тут и дальше.

По взгляду, которым наградила меня Аннабет, я понял, что она считает меня сумасшедшим. На лице Бриарея отразилось сомнение.

— Я всегда выигрываю в «камни, ножницы, бумага»!

— Тогда давайте! Поехали!

И я три раза стукнул кулаком по ладони.

Бриарей сделал то же самое всей сотней рук, и звук раздался такой, будто целая армия сделала три шага по плацу. Он придвинулся ко мне с

целой горой камешков, ножниц его хватило бы на большую школу, а из бумаги можно было построить настоящую эскадрилью самолетиков.

— Смотри только не говори, что я тебя не предупреждал, — чуть ли не застонал он. — Я всегда... — Его лицо снова приняло неуверенное выражение. — А что это ты сделал?

— Пистолетик, — объяснил я ему, показывая на пальцах пистолетик. Этому трюку научил меня Пол Блофис, но рассказывать об этом Бриарейу вовсе не обязательно. — А из пистолета можно всех убить.

— Это несправедливо.

— Насчет справедливости мы не договаривались. Кампе не станет заботиться о справедливости, если нас тут застукает. И обвинит вас в том, что вы сорвали двери с петель. Давай пошли!

— Эти полукровки всегда такие жу-улики, — сморщился Бриарей.

Но тем не менее медленно поднялся на ноги и последовал за нами.

Во мне затеплилась надежда. Все, что нам оставалось сделать, это спуститься этажом ниже и отыскать вход в лабиринт. Но тут вдруг я увидел, что Тайсон застыл на месте.

Распахнулась дверь, ведущая на первый этаж, и на нас немигающим взглядом уставилась Кампе.

* * *

— В другую сторону! — бросил я.

И мы помчались вдоль галереи. Теперь Бриарей охотно следовал за нами. По правде сказать, он даже не следовал, а мчался в полной панике, опережая нас ярдов на сотню.

А позади я слышал шорох гигантских крыльев. Это Кампе взвилась в воздух. Она шипела и стонала на своем древнем языке, и мне вовсе не требовался перевод, чтобы понять смысл ее слов. Она собиралась разделаться с нами!

Мы мигом скатились с лестницы, промчались по коридору, мимо будки охранника и попали во второй отсек тюрьмы.

— Налево! — скомандовала Аннабет. — Я помню это место по экскурсии.

Мы бросились влево и оказались во дворе, окруженном сторожевыми вышками и колючей проволокой. После темноты, в которой мы так долго находились, дневной свет меня просто ослепил. Кругом слонялись туристы, фотографируя все подряд. С берега то и дело налетал холодный ветер. На

юге мерцал белым светом прекрасный Сан-Франциско, а на севере, над горой Тамалпаис, неслись тяжелые штормовые тучи. Все небо казалось черной вершиной, оторвавшейся с горы, к которой был прикован Атлас, там титаны опять возводили свой дворец — гору Отрис. Даже не верилось, что, кроме нас, никто этого не знает и что экскурсанты даже не видят надвигающегося на нас сверхъестественного урагана.

— Еще страшнее, — сказала Аннабет, на мгновение останавливаясь и глядя на север. — Весь год бушевали жестокие бури, но эта...

— Шевелите ногами! — вскричал Бриарей. — Кампе нас догоняет!

Мы добежали до конца двора, расположенного в противоположной стороне от тюремного блока.

— Кампе слишком толстая, ей не пролезть в эти двери, — с надеждой выдохнул я.

Но тут стена взорвалась.

Туристы завопили от страха, когда из вихря пыли и обломков появилась Кампе и ее распростертые крылья почти накрыли собой весь двор. В руках она сжимала два клинка — длинные бронзовые кривые сабли, излучавшие странное зеленоватое свечение. Клубящиеся над клинками вихри пара имели такой кислый запах и излучали такой жар, что это чувствовалось даже здесь.

— Яд! — завопил Гроувер. — Держитесь подальше от этих штук, иначе верная смерть!

— Мы умрем? — уточнил я.

— После того, как обратимся в прах.

— Тогда ты прав. С этими саблями надо поосторожнее.

— Бриарей, к бою! — воскликнул Тайсон. — Расти!

Но вместо того чтобы последовать этому призыву, Бриарей еще больше съежился и стал совсем маленьким. Личико у него теперь было совершенно перепуганным.

Кампе, грохоча по мощеному двору драконьими ногами, бежала на нас, и сотни змей развевались вокруг ее тела.

На секунду я подумал о своем мече Анаклузмсе и о том, чтобы встретиться с порождением Тартара лицом к лицу, но от одной этой мысли сердце мое ушло в пятки.

— Бежим! — Аннабет выкрикнула то, что вертелось у меня на языке.

И тем положила конец сомнениям. С этим чудовищем сражаться невозможно. Мы помчались через двор и выскочили из ворот. Но оно преследовало нас по пятам. Смертные вопили благим матом и рассыпались в разные стороны. Завизжали тревожные сирены — сработала охранная

сигнализация.

Мы ворвались на пристань как раз в ту минуту, когда там разгружался туристский кораблик. При виде нас покидавшая его новая группа посетителей застыла как вкопанная. За нами валила другая толпа туристов, а уж за ними... Не знаю, что смогли разглядеть смертные сквозь Туман, но, видимо, ничего хорошего.

— Туда? — спросил Гроувер, мотнув головой в сторону кораблика.

— Слишком медленно, — покачал головой Тайсон. — Лучше обратно в лабиринт. Единственный шанс!

— Нужен отвлекающий маневр, — еле выговорила запыхавшаяся Аннабет.

И тут мой брат Тайсон вырвал из земли фонарный столб и скомандовал:

— Уходите! Кампе я беру на себя. Бегите же.

— Я с тобой, — сказал я.

— Нет, — решительно отказался Тайсон. — Беги. Яд не опасен для циклопов. Причиняет жуткую боль, но не убивает.

— Точно?

— Беги, брат. Встретимся внутри лабиринта.

Мне была противна мысль, что я оставлю Тайсона одного. Однажды я уже чуть было не лишился его, и мне не хотелось бы опять испытать такие же муки совести. Но спорить не время, а лучшего предложения у меня нет. Аннабет, Гроувер и я вцепились в Бриарея и поволокли его к турникету. В этот момент Тайсон издал бешеный рев и бросился на Кампе, как рыцарь на поединке.

До этого она не сводила глаз с Бриарея, но когда Тайсон двинул ее столбом прямо в грудь, она обратила внимание и на него. Пригвожденная к стене, она, извиваясь, молотила своими кривыми клинками по столбу, разнося его в клочья. Яд растекался вокруг нее целыми лужами и шипел, вскипая на цементе.

Тайсон успел отпрыгнуть подальше, но волосы Кампе развевались и шипели, а гадюки, ползая у ее ног, выбрасывали языки далеко в стороны. Львиная морда высунулась с ее пояса и зарычала.

Мы уже почти домчались до тюремного блока, и последнее, что я видел, оглянувшись, был Тайсон, выдергивающий из земли ларек, в котором торговали мороженым и разными пустяками, и швыряющий его в Кампе. Мороженое и яд разлетались по воздуху, на голове Кампе извивались змеи, заляпанные тутти-фрутти. Мы ворвались назад в тюремный двор.

— Я больше не могу бежать, — пожаловался Бриарей.

— Тайсон ради тебя жизнью рискует! — заорал я на него. — Значит, можешь!

Когда мы добежали до двери тюрьмы, я услышал разгневанный рев, оглянулся назад и увидел, что Тайсон на всех парах мчится к нам, а Кампе, вся в пятнах от мороженого, висит у него на хвосте. Крылья ее увешаны футболками с рекламой «Посетите Алькатрас!», медвежья голова на поясе рычит, пытаясь сбросить прицепившиеся к морде солнцезащитные очки.

— Скорей! — воскликнула Аннабет.

Словно нас еще надо было подгонять!

Мы ворвались в ту камеру, в которую попали из лабиринта, но теперь все ее стены были исключительно гладкими — никакого огромного валуна вместо двери.

— Ищите метку! — крикнула Аннабет.

— Нашел! Вот она!

Гроувер быстро коснулся крохотной царапины, и она на глазах превратилась в греческую букву «дельта». Метка Дедала засияла синим светом, и каменная стена стала отъезжать в сторону.

Слишком медленно! Тайсон уже бежал через внутренний двор, за ним гналась Кампе, ее мечи резали воздух почти над его головой, кроша попутно прутья решеток и каменные стены.

Я толкнул в лабиринт сначала Бриарея, а за ним Аннабет и Гроувера.

— Ну же! Поднажми еще чуть-чуть! — закричал я Тайсону.

И тут же понял, что он не успеет. Кампе догоняла. Вот ее клинки взвились в воздух... Мне нужно как-то отвлечь ее — чем-то большим. Я сорвал с руки свои наручные часы, и они мигом развернулись в бронзовый щит. В полном отчаянии я метнул его в Кампе.

Бряк! Щит ударил ее прямо в лицо, и Кампе зашаталась. Тайсон, проскочив мимо меня, успел шмыгнуть в лабиринт. А за ним следом и я.

Кампе восстановила равновесие, но слишком поздно. Каменная дверь захлопнулась, и ее магия надежно укрыла нас. Я чувствовал, как задрожал весь туннель, когда чудовище бросилось на дверь, бешено завывая.

Мы не стали задерживаться, чтобы поиграть с драконшей в перестуки. Мы опрометью бросились в темноту, и в первый раз в своей жизни (между прочим, и в последний) я был страшно рад, что оказался в лабиринте.

Глава восьмая

Мы посещаем злое ранчо

Остановившись наконец, чтобы перевести дух, мы оглянулись кругом и увидели, что оказались в пещере, полной водопадов. Вместо пола перед нами зияла здоровенная ямища, такая глубокая, что когда я посветил фонариком, то даже дна не увидал. По самому краю ямы бежала вдоль стен скользкая от влаги дорожка, а над нею со всех четырех сторон извергалась из огромных труб и хлестала в яму вода.

Бриарей устало привалился к стенке, зачерпнул воды дюжиной рук и плеснул в лицо.

— Эта яма ведет прямиком в Тартар, — пробормотал он. — Мне следовало бы прыгнуть в нее, чтобы разом избавить вас от трудностей.

— Не говорите так, — попросила Аннабет. — Будет лучше, если вы отправитесь в наш лагерь и поможете нам подготовиться к большому сражению. Вы ведь лучше, чем кто-либо другой, знаете, как бороться против титанов.

— Но мне нечего вам предложить, — возразил Бриарей. — Я лишен всего.

— А где твои братья? — спросил Тайсон. — Два брата ростом с гору? Мы могли б отвести тебя к ним.

Выражение лица Сторукого стало еще более грустным, и он прошептал:

— Их давно нет. Они погибли.

Тайсон устался в яму и, тихонько помаргивая, смахнул слезинку с лица. Вокруг грохотали водопады.

— Как это погибли? — удивился я. — Разве порождения Тартара смертны? Я думал, они обладают бессмертием. Как боги, к примеру.

— Перси, — тихо возразил Гроувер, — даже бессмертие имеет свои пределы. Иногда... даже чудовища могут поддаться слабости и желание жить покидает их.

Не отрывая взгляда от лица Гроувера, я стал размышлять над его словами. Не думал ли он в эту минуту о боге Пане? Мне тут же вспомнился услышанный когда-то рассказ Медузы о том, как ушли из мира ее сестры, две другие горгоны, оставив ее в одиночестве. А в прошлом году и Аполлон говорил что-то об исчезновении древнего бога Гелиоса, после

чего ему пришлось исполнять обязанности бога солнца вместо него. Тогда я не стал ломать над этим голову, но сейчас, глядя на Бриарей, понял, как ужасно быть таким старым — он прожил на свете многие тысячи лет — и таким страшно одиноким.

— Мне надо идти, — сказал сторукий гигант.

— Армия Кроноса затаилась на подступах к нашему лагерю. — Тайсон не хотел терять надежду. — Нам так необходима помощь!

— Я не могу оказать ее, циклоп. — Бриарей понуро повесил голову.

— Но ты ведь такой сильный.

— Это уже не так. — С этими словами Бриарей стал подниматься на ноги.

— Эй, погодите! — Я схватил его за одну из рук и потянул в сторону от остальных, туда, где из-за грохота водопадов наша беседа стала бы неслышной для остальных. — Послушайте, вы нам нужны. Разве вы не видите, как верит в вас циклоп? Мой брат жизнью рисковал ради вас.

И тогда я рассказал ему все, рассказал о готовящемся вторжении Луки, о входе в лабиринт, который, как оказалось, находится в самом сердце лагеря, о мастерской Дедала, о золотом саркофаге Кроноса.

Но Бриарей только качал головой.

— Не могу я, полукровка. Мне нечего предложить вам. Эту войну голыми руками не выиграть.

И он растопырил все свои руки, будто подчеркивая эти слова, а потом сотней их состроил сто пистолетиков-теней.

— Наверное, потому вы, порождения Тартара, и гибнете, — сказал я. — Может, дело вовсе не в тех сказках, в которые верят смертные, а в том, что вы просто сдаетесь.

Его коричневые глаза в задумчивости смотрели на меня, лицо приняло выражение, которое я сразу узнал, — стыд. Бриарей отвернулся и зашагал по проходу. А потом я просто потерял его из виду. Сторукого поглотила тьма.

Тайсон зарыдал.

— Ладно, не расстраивайся ты так. — Гроувер, к моему большому удивлению, осмелился потрепать циклопа по плечу. Наверное, на это потребовалась вся его храбрость.

— Ничего не ладно, козленок, — скривился Тайсон. — Он был моим героем.

Я ему очень сочувствовал, но что сказать, не знал. Наконец Аннабет встала и взвалила на спину рюкзак.

— Пошли, ребята. Эта яма действует мне на нервы. Поищем местечко

получше, чтобы разбить лагерь на ночь.

* * *

На ночлег мы устроились в одном из переходов. Он был весь облицован мрамором, с бронзовыми факелами, укрепленными на стенах. Вообще он очень походил на часть греческого захоронения, и так как казался наиболее древней частью лабиринта, то Аннабет решила, что это хороший признак.

— Должно быть, мы уже близко к мастерской Дедала, — повторяла она. — А сейчас всем отдыхать. Утром опять тронемся в путь.

— А как мы узнаем, когда оно настанет? — поинтересовался Гроувер.

— Тогда просто отдыхаем и ни о чем не думаем.

Сатира уговаривать не требовалось. Он вытащил из рюкзака огромный пук соломы, немножко отъел от него, а из остального сделал подушку и, едва успев положить на нее голову, захрапел. Тайсону на то, чтобы отойти ко сну, потребовалось немного больше времени. Он звякал какими-то металлическими детальками своего конструктора, но то, что он мастерил, его почему-то не устраивало. И мой брат продолжал возиться с железяками.

— Мне так жалко, что пропал щит, который ты мне сделал, — заговорил я с ним. — Ты столько над ним трудился.

Тайсон удивленно поднял на меня припухшие от слез глаза.

— Ну что ты такое говоришь, брат? Ты ведь спас меня. Конечно, если бы Бриарей стал на нашу сторону, тебе не пришлось бы этого делать.

— Просто он очень сильно напуган. — Я попытался утешить Тайсона. — Точно говорю, пройдет время и он преодолеет этот страх.

— Бриарей больше не сильный. — В голосе Тайсона звучала грусть. — И теперь никому не нужен.

Он испустил глубокий печальный вздох и закрыл глаза. Металлические звенья выпали у него из рук, рассыпались на отдельные детали. И Тайсон захрапел.

Я тоже старался заснуть, но у меня ничего не получалось. Воспоминания о Кампе из Тартара с ее отравленными кривыми клинками были такими яркими, что сон не шел. Немного помучившись, я ухватил спальник и потащил его поближе к тому месту, где устроилась на ночлег Аннабет. Сейчас была ее очередь дежурить.

Я уселся рядом.

— Тебе нужно поспать, — сказала Аннабет.

— Не могу заснуть. Ты довольна тем, как идут дела?

— Да. Первый день определяет ход всего поиска. Он прошел замечательно.

— Мы добьемся успеха, — поддержал я ее. — Сумею отыскать мастерскую Дедала прежде, чем ее найдет Лука.

Аннабет откинула с лица рассыпавшиеся волосы. Я увидел у нее на подбородке грязное пятно и живо представил, какой она была, когда маленькой бродяжничала по всей стране в компании Талии и Луки. Однажды — а ей тогда исполнилось всего семь лет! — она спасла их от злобного циклопа. Я твердо знал, как бы сильно ни была напугана Аннабет — а сейчас я видел, что ей по-настоящему страшно, — она будет держаться молодцом.

— Мне бы только хотелось, чтобы наш поиск был логичным, — пожаловалась она. — Я хочу сказать, что мы, конечно, движемся по лабиринту, но мы не имеем понятия, куда попадем. Как, например, могло произойти такое, что мы за один день пришли пешком из Нью-Йорка в Калифорнию?

— В лабиринте пространство подчиняется другим законам.

— Да знаю я это, знаю. Только... — Она неуверенно посмотрела на меня. — Перси, знаешь, я первая готова посмеяться над собой. Я столько времени готовилась к собственному поиску, столько перечитала книжек, но сейчас у меня нет ни одной ниточки, которая могла бы нам помочь.

— Ты отлично руководишь, Аннабет. А главное, мы и не должны знать, что именно мы делаем. Это всегда срывает. Помнишь остров Цирцей?

Она тихонько фыркнула.

— Из тебя там получилась довольно симпатичная морская свинка.

— А Вотерлэнд? Когда мы из-за тебя чуть не сломали шеи, кувыряясь в воздухе?

— Из-за меня? Это ты был во всем виноват!

— Видишь? Это было так здорово!

Теперь она улыбалась, и я был рад, что сумел ее развеселить. Но улыбка на лице Аннабет быстро растаяла.

— Как ты думаешь, Перси, что имела в виду Гера, когда сказала, будто тебе известен путь через лабиринт?

— Понятия не имею, — признался я. — Честно.

— А ты бы сказал мне, если б знал?

— Конечно. Может...

— Что может?

— Может, если бы ты назвала мне последнюю строчку из предсказания оракула, это помогло бы.

Аннабет вздрогнула.

— Только не здесь. Здесь темно.

— А тот выбор, про который все упоминал Янус? Гера говорила...

— Тише, — оборвала меня Аннабет. Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. — Извини, Перси, не обращай на меня внимания. Просто я ужасно расстроена. Но я не... Мне нужно об этом еще подумать.

Мы сидели молча, прислушиваясь к странным всхлипам и стонам, раздававшимся в лабиринте, их отголоски сливались и растекались, когда переходы меняли свои русла, росли, ширились. Окружающая темнота напомнила мне о том видении, когда в фонтанчике с соленой водой появился Нико ди Анджело, и тут вдруг в голове у меня что-то стало проясняться.

— Нико где-то здесь, внизу, — сказал я уверенно. — Именно этим путем он выбрался из лагеря. Отыскал вход в лабиринт и рванул туда. А потом наткнулся на тропинку, которая увела его дальше, в Царство мертвых. Но сейчас он наверняка опять в лабиринте. Он пришел затем, чтобы забрать меня.

Аннабет не пошевелилась. Долго время она сидела молча. Потом заговорила:

— Перси, надеюсь, что ты ошибаешься. Но если ты прав и...

Она уставилась на луч фонарика, светлое пятнышко от которого дрожало на дальней стене. Я был почти уверен, что она вспоминает данное ей пророчество. Никогда я не видел Аннабет такой удрученной.

— Может, давай сначала я подежурю? — предложил я. — А если что случится, я тебя сразу разбужу.

Сначала она запротестовала, но вдруг кивнула, улеглась, съежилась в своем спальнике и закрыла глаза.

* * *

Когда пришла моя очередь отдыхать, мне опять приснилась та темница в лабиринте, где был заперт старик.

Теперь она больше походила на мастерскую, чем на камеру. Рабочие столы были завалены разными измерительными инструментами. В углу пылал раскаленный докрасна кузнечный горн. Мальчик, которого я видел во сне прошлый раз, стоял рядом с горном и раздувал меха, но сегодня он

выглядел гораздо старше, почти моего возраста, и повыше ростом. К дымоходу кузницы была приделана какая-то непонятная воронка, она втягивала в себя дым и жар, а потом, сужаясь в трубу, уходила в пол. В этом же месте находилась еще большая бронзовая крышка, прикрывавшая люк.

В моем сновидении стоял ясный день, небо над головой мальчика было голубым, но из-за огромной высоты стен мастерская выглядела довольно мрачно. Поскольку мне самому пришлось долго бродить в разных туннелях и переходах, я очень удивился: выходит, часть лабиринта расположена под открытым небом. Но как ни странно, это место казалось еще более мрачным и безнадежным, чем те, которые мне довелось увидеть.

Старик выглядел совсем больным. Он ужасно похудел, руки его были красными и натруженными. Седые волосы падали на глаза, туника вся перепачкана. Он стоял, склонившись над столом, и трудился над какой-то длинной полосой перевитого металла, плетением немного напоминавшей кольчугу. Старик подхватил щипцами тонкий завиток бронзы и прикрепил его к краешку.

— Готово, — объявил он. — Все готово.

С этими словами он поднял ту полосу, что я принял за кольчугу. Когда я увидел, как прекрасна эта вещь, у меня даже сердце подпрыгнуло. Это была не кольчуга, а металлические крылья! И каждое крыло составлено из многих тысяч наложенных друг на друга перьев. Четыре крыла, два полных комплекта, один сейчас лежал на столе. Дедал расправил в руках каркас, и крылья распахнулись. Не меньше двадцати футов в размахе! Своей сверкающей поверхностью металлические перья ловили отблески солнечного света и переливались тридцатью разными оттенками золота. Прекрасная работа, но что-то подсказывало мне, что эта штука никогда не полетит. Слишком она тяжелая, к тому же в этой темнице совершенно не было места для того, чтобы как следует разогнаться.

Мальчик оставил меха и подбежал к отцу, чтобы посмотреть на крылья. Он радостно засмеялся, хотя весь был потный и перепачканный.

— Отец, ты настоящий гений!

— Я и сам это знаю, Икар. — Старик улыбнулся. — Но сейчас нам надо торопиться. На то, чтобы как следует зафиксировать эти крылья на теле, уйдет не меньше часа. Поди сюда.

— Давай ты первый, — возразил Икар.

Старик запротестовал, но сын настаивал на своем.

— Ты сделал их, отец. Тебе и принадлежит честь надеть их первым.

Мальчик стал прилаживать кожаную упряжь на груди отца. Вся она, особенно тонкие ремешки, что бежали от плеч к запястьям, здорово

напоминала альпинистское снаряжение. Затем он стал приклеивать к надетой уже упряжи сами крылья. Для этого он пользовался составом из металлического бочонка, который здорово смахивал на баллончик-распылитель с термоклеем, только бочонок этот был огромного размера.

— Восковое соединение не слишком надежно, его хватит только на несколько часов, — взволнованно говорил Дедал, пока сын трудился над его снаряжением. — Сначала нужно дать ему время застыть и закрепиться. В полете нельзя подниматься слишком высоко, а также опускаться слишком низко. Иначе морская вода увлажнит воск, а...

— ...а солнце растопит его, — договорил за него сын. — Да, отец, я знаю. Мы об этом говорили уже не меньше тысячи раз!

— В таком деле не должно быть места легкомыслию.

— Я верю в твой талант, отец. Никто на свете не может с тобой сравниться.

Глаза старика засияли. Было видно, как сильно он любит сына.

— А теперь дай-ка я прилажу твои крылья и сделаю это как следует. Иди ко мне.

Дело шло медленно. Пальцы старика путались в ремешках, он едва справился с тем, чтобы удержать крылья в нужном положении, пока закреплял их воском из бочонка. Его собственные крылья, уже надетые, словно бы тянули его вниз и мешали работать.

— Ох, я вожусь слишком долго, — бормотал он про себя. — До чего же я неповоротлив.

— Не торопись, отец, — подбадривал его мальчик. — Охранники не придут, пока...

БАХ!

Двери мастерской задрожали от сильного стука. Дедал быстро забаррикадировал их, выдвинув деревянный засов, но они продолжали трястись.

— Скорей! — торопил его Икар. БАХ! БАХ!

Что-то тяжелое грохотало, нанося тяжкие удары по двери. Засов держался, но в левой створке двери появилась трещина.

Дедал упорно работал, капля горячего воска упала на плечо мальчика, он поморщился от боли, но не заплакал. Когда левое крыло оказалось прикрепленным к ремням, Дедал стал крепить правое.

— Ах, если б нам еще немного времени, — бормотал он про себя. — Они явились слишком рано. Мне нужно еще успеть как следует запечатать крылья с помощью воска.

— Все будет хорошо, — прервал жалобы отца Икар. Дедал заканчивал

работу над крылом. — Помоги мне с крышкой люка...

ХЛОП! Створка двери треснула, и в щель просунулся наконечник бронзового тарана. Топоры принялись расширять отверстие, и через мгновение двое вооруженных солдат ворвались в мастерскую. Вслед за ними вошел царь с золотой короной на голове и с длинной узкой бородой.

— Ну-ну, — протянул он и зловеще усмехнулся. — И куда же вы собрались?

Дедал и его сын застыли как мертвые, только крылья чуть подрагивали у них за спинами.

— Мы покидаем тебя, Минос, — после паузы ответил старик.

Царь Крита хихикнул.

— Мне было любопытно посмотреть, насколько ты продвинешься со своим маленьким проектом, прежде чем я развею ваши надежды. Должен признаться, ты сумел произвести на меня впечатление.

Минос восхищенно разглядывал крылья.

— Оба вы сейчас похожи на медных цыплят, — заключил он. — Наверное, мне следует приказать выпотрошить вас и сварить суп.

Солдаты разразились грубым хохотом.

— Медные цыплята, — повторил за царем один из них. — Суп, гы-гы.

— Заткнись, — коротко бросил Минос и обернулся к Дедалу. — Ты подучил мою дочь сбежать от меня, старик. Ты довел мою жену до помешательства. Убил мое собственное чудовище, а меня превратил в посмешище, над которым потешается все Средиземноморье. Но тебе от меня не скрыться!

Икар схватил бочонок и выпустил в лицо царю струю горячего воска. Тот отшатнулся, солдаты бросились вперед, но каждый получил в лицо порцию обжигающего расплавленного воска.

— К выходу! — прокричал Икар отцу, перекрывая вопли солдат.

— Хватайте их! — бесновался царь Минос.

Старик с сыном откинули крышку люка, и из-под земли вырвался поток горячего воздуха. Царь, не веря своим глазам, изумленно смотрел, как изобретатель и его сын под воздействием горячих воздушных струй стали подниматься в воздух на своих бронзовых крыльях.

— Пристрелить их! — заревел он.

Но у солдат не оказалось луков, один из них в отчаянии выхватил меч, но Дедал и Икар были уже вне досягаемости. Они заскользили в воздухе над лабиринтом, вот они уже над городом Кносс, а оттуда устремляются к обрывистым берегам острова Крит и к морю.

Икар счастливо расхохотался.

— Свобода, отец! Мы свободны! Это ты сделал!

Мальчик распростер крылья во всю ширину и парил теперь на струях ветра.

— Подожди! — воскликнул Дедал. — Будь осторожен!

Но Икар, опьяненный удачей, уже летел над открытым морем, на север. Крылья поднимали его все выше, вот он вспугнул орла, и птица увернулась, торопливо меняя направление полета. Затем мальчику пришла в голову другая мысль, и он резко понесся вниз к морю, лишь в самое последнее мгновение выйдя из крутого пике. Сандалии его коснулись поверхности воды. Он двигался с такой легкостью, словно родился для того, чтобы летать.

— Не делай этого! — воскликнул Дедал, но ветер отнес в сторону его оклик.

Его сын был вне себя от счастья обретенной свободы. Старик изо всех сил старался нагнать его, неуклюже барахтаясь в воздухе.

Теперь многие мили отделяли их от Крита. Они неслись над бездонной глубиной моря, когда Икар вдруг оглянулся и увидел тревожное выражение на лице отца. Он рассмеялся.

— Не волнуйся, отец! Ты настоящий гений! Твоя работа превосходна!

И тут первое металлическое перо выпало из его крыла и, кувыркаясь, устремилось вниз. Затем другое. Тело Икара, теряя равновесие, стало беспомощно дергаться, внезапно он оказался осыпанным множеством бронзовых крылышек, которые разлетались от него, словно стая испугнутых птиц.

— Икар! — надрываясь, прокричал отец. — Скользи! Раскинь крылья пошире! Старайся как можно меньше двигаться.

Но Икар хлопал руками, отчаянно стараясь овладеть положением.

Левое крыло поддалось первым. Р-раз — и оно оторвалось от кожаной упряжи.

— Оте-е-ец! — Икар стал падать.

Крылья, отделившись от него, кувыркаясь, стали падать вниз, и он остался беспомощным. Мальчуган в белой тунике, опутанный уймой ненужных кожаных ремешков, раскинувший руки в тщетной попытке удержаться в воздухе...

Я неожиданно проснулся. Мне казалось, это падаю я сам. Вокруг царил темнота, стонал лабиринт, и в этом стоне мне чудился крик Дедала, продолжавшего звать своего сына, пока тот стремительно неслись навстречу морской бездне, до которой оставалось не больше трехсот футов.

Утро здесь, в лабиринте, наступить не могло, но мы все проснулись почти одновременно, роскошно позавтракали овсянкой с орехами и изюмом, выпили сок и отправились в новое путешествие. Я не стал никому рассказывать о своем сне. Что-то в нем и вправду меня сильно напугало, и мне казалось, что не следует так же пугать остальных.

Древние каменные туннели сменились другими, их земляные своды крепились балками из кедра. Эти переходы напоминали шахты или что-то вроде того. Аннабет заметно заволновалась.

— Это неправильно, — сказала она. — Тут должна быть каменная кладка.

Мы подошли к пещере, где с потолка почти донизу спускались сталактиты. А в центре, в полу, темнела прямоугольная, похожая на могилу яма.

Гроувер даже вздрогнул, когда ее увидел.

— Тут пахнет, как в Царстве мертвых.

И не успел он договорить, как я заметил на краю ямы блестящую оберточную бумажку. Посветил на то место фонариком и увидел, что в коричневой пузырящейся жиже валяется недоеденный чизбургер.

— Именно здесь был Нико! — тотчас догадался я. — Это тут он призывал мертвых.

— Тут водятся привидения. — Тайсон сразу захныкал. — Терпеть не могу привидений.

— Нам необходимо найти его!

Не знаю почему, но сейчас, когда я стоял на краю ямы, меня охватило нетерпение. Необходимо срочно что-то делать. Нико где-то рядом. Я чувствовал это. И я не должен оставлять его бродить здесь в одиночку, в сопровождении вызванных им мертвецов. Я бросился бежать.

— Перси! — тревожно окликнула меня Аннабет.

Я нырнул в туннель, и вдруг в глаза мои хлынул свет. Когда Аннабет, Тайсон и Гроувер догнали меня, я стоял, задрал голову, и смотрел на дневной свет, льющийся сверху через решетку над моей головой. Над нами была металлическая решетка из переплетенных стальных трубок. Сквозь нее я видел деревья и синее небо.

— Где мы? — удивился я.

Но вот на решетку упала чья-то тень, и на меня уставилась коровья морда. Вроде бы обыкновенная корова, только очень странного цвета.

Шкура у этой коровы была вся ярко-красная, как вишня. Никогда бы не подумал, что бывают коровы вишневого цвета.

Она осторожно поставила копыто на прутья решетки, замычала и отступила.

— А-а, скотный полицейский, — догадался Гроувер.

— Скотный что? — не понял я.

— Ну, такую решетку устанавливают в земле около ворот ранчо, чтобы животные не могли к ним приблизиться.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, если б у тебя были копыта, ты бы тоже прекрасно знал о скотном полицейском. Мерзкая штука! — Гроувер негодуяще фыркнул.

Я обернулся к Аннабет и спросил:

— Кажется, Гера тоже что-то говорила про ранчо, помнишь? Нужно проверить. Нико может оказаться здесь.

Она поколебалась, но потом согласилась.

— Ладно. Только как нам выбраться наружу?

Тайсон разрешил ее сомнения, ударив снизу по решетке обоими кулаками. Она оторвалась и резко взлетела вверх, мы услышали свист металла — пиу! — и потом испуганное — муу! Тайсон покраснел.

— Извини, корова, — прошептал он.

И мой брат по очереди забросил нас наверх.

Нет, мы и вправду были на ранчо! Мягкая линия холмов тянулась до самого горизонта, кое-где отмеченная рослыми дубами, кактусами или большими валунами. От ворот в обоих направлениях бежали целые ярды колючей проволоки. Вишневого цвета коровы бродили по округе, пережевывая пучки травы.

— Красный скот, — сказала Аннабет. — Скот бога солнца.

— Что? — удивился я.

— Этот скот принадлежит Аполлону.

— Его священные коровы?

— Вот именно. Вот только что они тут делают?

— Погоди минуту, — попросил ее Гроувер. — Прислушайтесь.

Сначала все было тихо, но потом я услышал отдаленный лай собак. Он становился все громче и громче. Вдруг ближайшие кусты раздались в стороны и оттуда выпрыгнули две собаки. То есть не две собаки, а всего одна, зато голов у нее было две. Она принадлежала к породе борзых, коричневой масти, с тонким, гибким туловищем, но шея у нее раздваивалась, и на каждом конце сидело по голове. Сейчас обе они заливались хриплым лаем, выли и вообще выказывали все признаки того,

что их хозяйка вовсе не рада нас видеть.

— Собака плохого Януса! — закричал Тайсон.

— Гав! — обратился к ней Гроувер и поднял руку в знак приветствия.

Двухголовая собака ощерила пасти, и я догадался, что умение Гроувера говорить по-собачьи вовсе не вызвало к нему симпатии. Но вот из того же подлеска показался ее хозяин, и я сразу понял, что двуглавая псина — это еще не самая большая наша проблема.

На нас надвигался дюжий седой мужик в соломенной ковбойской шляпе и с такой же седой бородой, заплетенной косичками, — настоящий Дедушка Время,^[7] если б только он согласился ходить одетым как неотесанная деревенщина. На нем были поношенные джинсы и футболка с надписью «С Техасом шутки плохи». Поверх нее он носил куртку из грубой ткани с оторванными рукавами, так что вы могли сколько угодно любоваться мускулами этого великана и татуировкой из двух скрещенных мечей на правом предплечье. В руках он держал деревянную дубинку размером с ядерную боеголовку, усеянную отполированными до стального блеска шипами дюймов по шесть величиной.

— Потеше, Орф,^[8] — велел он псу.

Тот напоследок рыкнул на нас еще разок и, подбежав к хозяину, улегся у его ног. Мужчина осмотрел нас с ног до головы, многозначительно поигрывая дубинкой.

— Чего это мы сюда явились? Чего нам здесь надо? — процедил он наконец. — Конокрады небось?

— Мы просто путешественники, — ответила Аннабет. — Мы ведем поиск.

У седобородого как-то нехорошо задергался глаз.

— А-а, — протянул он, — полукровки.

Пораженный, я хотел спросить, как он догадался, но Аннабет положила руку мне на плечо, словно прося не вмешиваться, и ответила сама:

— Меня зовут Аннабет, я дочь Афины. Это Перси, сын Посейдона. Гроувер — сатир, а Тайсон...

— ...циклоп, — продолжал хозяин ранчо. — Это я и сам вижу. — И он уставился на меня. — А про полукровок, сынок, я догадался потому, что и сам такой. Меня зовут Эвритион,^[9] я служу пастухом на этом самом ранчо. Сын Ареса. Я так понимаю, что вы, как и тот, другой, явились из лабиринта.

— Другой? — переспросил я. — Вы имеете в виду Нико ди Анджело?

— У нас тут до черта гостей из лабиринта, — неопределенно ответил Эвритион. — Не все еще ушли.

— Вау! — обрадовался я. — Чувствую, мы попали куда надо.

Пастух оглянулся назад с таким видом, будто опасался, что за ним кто-то подглядывает. А затем, понизив голос, снова заговорил:

— Вот что, полукровки, я только хотел сказать, что вам лучше убраться обратно в лабиринт. А то поздно будет.

— Никуда мы не пойдем, — решительно отвечала Аннабет. — По крайней мере, пока не встретимся с тем полукровкой, что пришел к вам раньше. Пожалуйста, не прогоняйте нас.

— В таком случае вы не оставляете мне выбора, юная мисс, — усмехнулся Эвритион. — Я отведу вас к своему боссу.

* * *

У меня не возникло чувства, что мы угодили в заложники или влипли в какие-нибудь неприятности. Эвритион шагал рядом с нами, легко вскинув на плечо дубинку, а его двуглавый пес Орф носился вокруг нас. Он то обнюхивал ноги Гроувера и время от времени заливался лаем, то нырял в заросли, вспугивая и поднимая дичь, но, в общем, Эвритион более или менее держал его под контролем.

Тропинка, по которой мы шли, вилась и вилась, словно ей конца не было. Жара стояла невероятная, и после Сан-Франциско она казалась непереносимой. Раскаленный воздух дрожал над землей, гудели насекомые, а мухи — те нас прямо-таки облепили. Мы не так много и прошли, а одежда на мне уже вся промокла от пота. На нашем пути часто встречались загонь с красными коровами и с какими-то невиданными животными. Один раз нам попался на глаза загон, огороженный стеной из асбеста, за которой бесновался табун огнедышащих коней. Сено в яслях было объято пламенем, дым стелился у самых лошадиных ног, но кони, в общем, производили впечатление прирученных. Один огромный жеребец в упор уставился на меня и заржал, при этом два столба яркого пламени так и за клубились из его ноздрей. Я мельком подивился тому, что пламя не обжигает носовые ходы лошадей, позволяя им дышать.

— Для чего вы их держите? — обратился я к Эвритиону.

— На таких хороший спрос, — усмехнулся он. — Среди наших клиентов Аполлон, Диомед и... ну и другие.

— Кто же еще?

— Хватит пока вопросов.

Наконец мы вышли из леса. Впереди, высоко на гребне холма, виднелся большой сельский дом — белые каменные стены, высокие окна в деревянных рамах.

— Его будто Фрэнк Ллойд Райт выстроил! — в восторге воскликнула Аннабет.

Я догадался, что это она про архитектуру. Хотя лично меня больше заботило то, что этот дом здорово смахивает на место, где нескольких полукровок, таких как мы, могут ждать неслабые неприятности. Мы стали взбираться на холм.

— Правил не нарушать, — предупредил Эвритион, когда мы очутились на ступенях парадной лестницы. — В драку не лезть. Оружия не применять. И никаких комментариев по поводу того, как выглядит босс.

— Почему? — не удержался я. — А как он выглядит?

Прежде чем Эвритион ответил, я услышал незнакомый голос, который произнес:

— Добро пожаловать на ранчо «Три — Г — Три».

У мужчины, стоявшего на крыльце, голова была как у нормального человека, что уже вызвало огромное облегчение. Лицо, изборожденное морщинами, сильно загорело от многих лет, проведенных под жгучим солнцем. Его украшали черные напояженные волосы и усы в ниточку, как у отъявленных злодеев в старых кинофильмах. Мужчина улыбался, но улыбка была не дружеской, а больше похожей на насмешку. Словно он смеялся над нами, приговаривая про себя что-нибудь вроде: «Ох ты, ну и дураки, вот я им устрою!»

Но особенно размышлять над его улыбкой мне не пришлось, потому что тут я увидел его туловище. Вернее, туловища, поскольку их было целых три. Ну вы, конечно, думаете, что после Януса и Бриарея пора бы уж мне привыкнуть к анатомическим аномалиям, но у этого типа имелось целых три абсолютно отдельных туловища. Его шея вроде бы переходила в грудную клетку, как у всех людей, но таких грудных клеток у него было еще две, по одной с каждой стороны от первой. Они разъединялись где-то под плечами и отстояли одна от другой примерно на несколько дюймов. Чтобы было понятней, могу добавить, что рук-то у него при этом имелось две, как у людей, но на каждую руку было по две подмышки, так сказать. Левая рука выходила из левого туловища, а правая — из правого, и все грудные клетки переходили в один огромный торс, под которым торчали вполне обыкновенные, только уж очень толстые ножищи. Джинсы «Леви Стросс», которые он на себя напялил, были самого большого размера из

всех, что мне приходилось видеть. На каждом его туловище красовались разного цвета ковбойки, зеленая, красная и желтая, отчего в целом он здорово смахивал на светофор.

Я уже стал ломать голову над тем, как он ухитряется надевать на себя рубашки, если у него так мало рук, но тут пастух Эвритион подтолкнул меня в бок:

— Поздоровайся с мистером Герионом.

— Здравствуйте, — сказал я. — Какой вы смешн... я хотел сказать, какое смешное у вас ранчо. Очень миленькое ранчо!

Не успел великан с тремя туловищами ответить мне, как стеклянная дверь дома отворилась и на крыльцо вышел Нико ди Анджело со словами:

— Герион, я больше не могу ждать.

А увидев нас, так и застыл с открытым ртом. Через мгновение он пришел в себя и, конечно, сразу схватился за меч. Я узнал его клинок — короткий, неимоверно острый и темный как ночь. Именно такой меч я видел во сне.

Герион резко обернулся к нему:

— Уберите это, мистер ди Анджело. Я не намерен смотреть, как мои гости убивают друг друга прямо на моем ранчо.

— Но это же...

— Да, это Перси Джексон, — продолжал Герион, — Аннабет Чейз. И пара их преданных друзей-чудовищ. Конечно, мне знакомы эти молодые люди.

— Друзья-чудовища? — негодуя воскликнул Гроувер.

— И это говорит человек, который носит одновременно три рубашки! — В голосе моего брата звучало такое изумление, словно он только сию минуту разглядел это обстоятельство.

— Но из-за них погибла моя сестра! — Голос Нико взорвался гневом. — И сюда они явились для того, чтобы покончить со мной.

— Нико, никто из нас и не думает тебя убивать! — Я поднял вверх руки, показывая, что не держу в них оружия. — То, что случилось с Бьянкой, было...

— Не смей произносить ее имя! Ты не имеешь права говорить о ней!

— Одну минуту. — Аннабет обратилась к Гериону. — Откуда вам стали известны наши имена?

Великан с тремя туловищами игриво подмигнул ей:

— Имей в виду, дорогуша, быть в курсе новостей — самый отличный способ делать деньги. Время от времени кто-нибудь нет-нет да и заглянет ко мне на ранчо. Кому только не понадобится старый Герион! Так вот,

мистер ди Анджело, спрячьте ваш ужасный меч подальше, пока я не попросил Эвритиона отобрать его у вас.

Эвритион подавил сочувственный вздох, но перехватил дубинку поудобнее. Орф зарычал.

Нико колебался. Сегодня он выглядел еще более худым и бледным, чем той ночью, когда я, вызванный Иридой, наблюдал за ним.

«Да ел ли он вообще хоть раз за прошлую неделю?» — подумал я.

Его черные одежды были покрыты пылью от странствий по лабиринту, темные глаза полыхали ненавистью. И это выражение совершенно не вязалось с его юным возрастом. Я ведь все еще помнил того мальчишку, который со всей серьезностью играл в «Мифы и магию».

С большой неохотой Нико с треском вернул меч в ножны.

— Если ты только приблизишься ко мне, Перси, клянусь, я вызову подмогу. И обещаю, что тебе это придется не по вкусу.

— Верю, — кивнул я.

Герион потрепал Нико по плечу.

— Полно, парень, мы все уладим в лучшем виде. А теперь пошли, друзья мои, прогуляемся. Я хочу показать вам свое хозяйство.

* * *

По территории ранчо Герион передвигался на легком поезде из нескольких вагончиков, сделанном наподобие тех детских поездов, в которых детишки разъезжают в зоопарках. Вагончики были покрашены в черную и белую краску и напоминали масть какой-то породы молочного скота. Кабинку водителя хозяин ранчо снабдил двумя длинными горнами, прикрепленными к тенту над головой, и звук, издаваемый ими, очень напоминал звяканье бубенчиков на коровьих шеях. Я подумал, что это может быть одним из способов издеваться над соседями. Наверняка Герион изводит их до полусмерти, разъезжая по округе на своем «муу-мобиле».

Нико угрюмо уселся в самом заднем вагончике, может, для того, чтобы было удобнее наблюдать за нами. Эвритион пробрался к нему поближе, устроился рядом, вытянул ноги и, надвинув на глаза ковбойскую шляпу, явно собирался вздремнуть. Орф вспрыгнул на переднее сиденье рядом с Герионом, и обе его головы разом разразились счастливым лаем.

Мы с Аннабет, Тайсоном и Гроувером расположились в середине поезда.

— В хозяйстве, которое вы сейчас увидите, ведется многопрофильная

деятельность! — принялся хвастать Герион, когда «муу-мобиль» двинулся вперед. — Табуны лошадей, стада рогатого скота, конечно, главное в моем деле. Но я развожу и совершенно эксклюзивные породы животных.

Поезд стал взбираться на холм, и неожиданно Аннабет изумленно вскрикнула:

— Гиппалектрионы? Я думала, они давно вымерли!

У подножия холма виднелось обнесенное забором пастбище, на котором паслось штук десять — двенадцать животных, чуднее которых я никогда не видывал. У каждого грудь походила на лошадиный круп, а задняя половина тела — точь-в-точь как у петуха, причем ноги на этой половине снабжены огромными желтыми когтями. Хвосты у этих животных состояли из перьев, а крылья были красного цвета. Пока я разглядывал их, двое как раз затеяли драку на куче зерна. Они вздыбились на задние лапы и принялись тоненько ржать жеребьичьими голосами и при этом еще хлопать крыльями. Наконец один из них, тот, что был поменьше, помчался наутек, смешно подпрыгивая на бегу на задних петушиных лапах.

— Пони-петухи, — изумленно протянул Тайсон. — Они умеют нести яйца?

— Раз в год! — Я увидел в зеркальце заднего вида, как лицо Гериона расплылось в довольной ухмылке. — Огромный спрос на омлеты из них!

— Но это же варварство! — негодуя вскричала Аннабет. — Этих редких животных следует охранять! В противном случае они вымрут!

— Деньги — они деньги и есть, милочка, — небрежно отмахнулся Герион. — К тому же не говорите, пока не попробовали этот омлет.

— Это неправильно, — пробормотал себе под нос Гроувер, но наш хозяин продолжал вести экскурсию.

— А теперь взгляните сюда, — провозгласил он. — Перед вами огнедышащие кони, которых, думаю, вы уже заметили при входе на ранчо. Естественно, лучшая порода для ведения войны.

— Какой войны? — спросил я.

— Да какой угодно, — хитро засмеялся Герион. — Также прошу обратить внимание на наших призовых красных коров.

И действительно, стада крупного рогатого скота вишневого цвета паслись на склоне холма. Там было не меньше нескольких сотен животных.

— Так мно-о-ого, — удивленно протянул Гроувер.

— Да, немало. Бог Аполлон слишком занят, чтобы приглядывать за ними, — объяснил Герион, — а мы их здесь усердно размножаем, обеспечивая удовлетворение спроса.

— Для чего они нужны? — спросил я.

— На мясо, разумеется! — удивился моему вопросу Герион. — Армиям требуется много мяса.

— Вы убиваете священных коров бога солнца, чтобы наделать из них котлет? — негодуяще воскликнул Гроувер. — Но вы нарушаете этим древние законы!

— Ох, только не надо преувеличивать, сатир. Это просто животные.

— Животные?

— А кто же еще? Если б Аполлона интересовала их судьба, он, я думаю, предупредил бы меня об этом.

— Может, он не знает про мясо, — пробормотал я.

Нико пересел вперед.

— Герион, меня совсем не интересует то, о чем ты тут рассказываешь. Нам с тобой нужно обсудить одно дело, и к этой поездке оно не имеет ни малейшего отношения.

— Всему свое время, мистер ди Анджело. Вы лучше посмотрите вперед, там находится моя самая экзотическая дичь.

Соседнее поле было огорожено колючей проволокой, и земля за ней так и кишела огромными скорпионами.

— Ранчо «Три — Г — Три»! — вдруг вспомнилось мне. — Такая отметка была на ящиках, которые я видел в нашем лагере. Квинтус получает от вас своих скорпионов!

— Квинтус... э-э, — вслух стал припоминать Герион. — Такой мускулистый, с короткими седыми волосами. Мечник, кажется?

— Ну да, он.

— Никогда о нем не слышал, — нагло покачал головой хозяин ранчо. — А вот, прошу внимания, мои призовые скакуны. Их просто необходимо осмотреть.

Вот этого мне не хотелось, потому что уже на расстоянии трехсот ярдов нас прошибла самая отвратительная в мире вонь. На берегах реки, вода в которой была омерзительного зеленого цвета, располагался лошадиный загон размером с футбольное поле. По одной его стороне тянулись конюшни, и примерно сотня лошадей слонялась вокруг чуть не по уши в навозе. И заметьте, когда я говорю «навоз», я имею в виду настоящие лошадиные какашки. Это было едва ли не самое противное зрелище, которое я когда-либо видел. Выглядел этот загон так, будто на него налетела буря из этих самых какашек и за одну ночь намела сугробов фута на четыре высотой. Тут была такая грязь, что лошади с большим трудом могли переставлять в ней ноги. Как тут воняло, вы не представляете! Даже хуже, чем воняют лодки для вывоза мусора на Ист-Ривер в Нью-Йорке.

Даже Нико заворчал:

— Это еще что?

— Моя конюшня, — охотно объяснил Герион. — Хотя, в общем, она принадлежит скорее Авгию, но за небольшую сумму мы согласились присматривать за лошадьми. Разве они не душки?

— Они отвратительны! — воскликнула Аннабет.

— Какашек слишком много, — согласился с ней Тайсон.

— Как вам не стыдно так относиться к животным? — возмутился Гроувер.

— Вы действуете мне на нервы, — рассердился Герион. — Это же кони-людоеды, разве вы не видите? Им нравятся такие условия.

— К тому же вам слишком мало платят, чтобы их еще и мыть, — проворчал Эврителион из-под своей шляпы.

— Тихо там! — оборвал его хозяин. — Ладно, предположим, конюшня немножко... слишком того. Грязновата. Предположим даже, что когда ветер дует с этой стороны, меня немножечко тошнит от этой вони. Ну и что из этого? Мои клиенты оплачивают эти маленькие неудобства.

— Что же у вас за клиенты? — резко спросил я.

— Ох, вы даже удивитесь, узнав, как много людей готовы платить хорошие деньги за коней-людоедов. Мы создали превосходный навозный промысел. Лучшее средство припугнуть врагов, например! Великолепный подарок на день рождения! Они у нас идут просто нарасхват.

— Вы самое настоящее чудовище, — прервала его похвальбу Аннабет.

Герион выключил на минутку мотор и обернулся к ней:

— Что именно навело вас на эту мысль, дорогуша? Мои три туловища?

— Этих несчастных животных следует выпустить на волю, — вмешался Гроувер. — Содержать их таким образом неправильно.

— И о каких это клиентах вы тут говорите? — продолжала Аннабет. — Работаете на Кроноса? Снабжаете его армию конями, пищей и всем, что потребуется!

Герион пожал плечами — жест, выглядевший очень странно, так как пришли в движение сразу три набора грудных клеток. Полное впечатление, что ниже его головы разразилась буря с волнами.

— За хорошие деньги, дорогуша, я с кем угодно стану работать. Я — бизнесмен. И продаю людям то, что им нравится.

Он вылез из «муу-мобиля» и зашагал к конюшням, делая вид, что наслаждается воздухом. Вид отсюда действительно открывался красивый: река, деревья и все такое. За исключением, конечно, этого болота с дерьмом

около конюшен.

Нико тоже вылез из «муу-мобиля» и бросился следом за Герионом. Тут же выяснилось, что пастух Эвритион вовсе не спал, а только прикидывался. Он встал, перехватил поудобнее дубинку и неторопливо двинулся за ними.

— Я пришел к тебе по делу, Герион, — начал Нико. — А ты все еще не ответил мне.

— Ммм. — Герион пристально разглядывал кактус. Левая рука вылезла из-за спины и принялась почесывать среднюю грудную клетку. — Выкладывайте, раз по делу. Валяйте.

— Призрак, который служит у меня, сказал, что ты можешь помочь мне кое в чем. Он говорит, что ты можешь привести нас к душе одного человека. Мне она очень нужна.

— Одну минуту, — вмешался я. — Я думал, что это мою душу ты жаждешь заполучить.

Нико глянул на меня как на сумасшедшего.

— Твою? На черта она мне нужна? Душа Бьянки стоит тысячи душ таких, как ты. Слушай, Герион, так ты сможешь мне или нет?

— Ну, думаю, что справился бы с этим делом, — процедил владелец обширного ранчо. — Вот только этот ваш приятель-призрак, где он сейчас?

Нико заметно смутился.

— Он не может материализоваться при дневном свете, для него это слишком трудная задача. Но он где-то поблизости.

— О, в этом я не сомневаюсь, — ухмыльнулся Герион. — Минос любит вовремя скрыться. Особенно если дело грозит оказаться трудным.

— Минос? — Я вспомнил человека с золотой короной на голове, узкой длинной бородкой и жестокими глазами, которого видел в своих снах. — Вы говорите о том злом царе? Так это его призрак дает тебе советы, Нико?

— Тебя-то это уж никак не касается, Перси. — Нико повернулся ко мне спиной и снова обратился к Гериону: — На что ты намекаешь, когда говоришь о трудностях?

Великан испустил тяжелый вздох.

— Видите ли, Нико... Между прочим, я могу звать вас по имени?

— Нет, не можете!

— Так вот, видите ли, Нико... Лука Кастеллан готов предложить неплохие деньжата за полукровок. Особенно за тех, кто кое-что умеет. И я не сомневаюсь, что любому, кто шепнет ему о том, где вы находитесь, он славню заплатит.

Нико опять выхватил меч из ножен, но Эвритион одним движением выбил его. Прежде чем я успел вскочить с места, Орф уже сидел на моей

грудь и обе его оскаленные морды с рычанием дышали мне прямо в лицо.

— Прошу вас всех оставаться в вагончике, — предупредил Герион. — В противном случае Орф разорвет мистеру Джексону горло. А теперь, Эвритион, будь добр, постереги Нико.

Пастух с отвращением сплюнул на траву:

— Может, не надо?

— Делай, что говорят, дурак!

Эвритион с тем же скучающим видом схватил Нико огромной ручищей за шею и приподнял его с земли. Такой прием, наверное, применяют в рукопашной борьбе.

— И меч прихвати, пожалуйста. — В голосе Гериона прозвучало плохо скрытое раздражение. — На свете нет ничего, что я ненавижу больше, чем стигийскую сталь.

Эвритион поднял меч, выбитый из руки Нико. Только в этом случае он действовал со всей осторожностью, стараясь не коснуться его лезвия.

— А теперь, — приветливо сказал Герион, — мы продолжим нашу приятную экскурсию. Предлагаю вернуться в дом, где на веранде нас ждет завтрак. А оттуда с помощью Ириды пошлем коротенькое сообщение войску титанов.

— Вы злодей! — вскричала Аннабет.

— Не нервничайте, дорогуша, — улыбнулся Герион. — Как только я передам в их руки мистера ди Анджелино, вы и ваши спутники можете быть свободны. Не люблю мешать поиску. Кроме того, мне неплохо заплатили за то, чтобы я обеспечил вам безопасный проход через мои владения. К сожалению, эта услуга не распространяется на мистера ди Анджелино.

— Кто вам заплатил? — спросила Аннабет. — О чем вы говорите?

— Не важно, милая барышня. Итак, отправляемся?

— Подождите! — громко сказал я, и Орф тут же зарычал. Я застыл, стараясь не шевелиться, чтобы ему не пришла мысль все-таки разорвать мне горло. — Герион, вы, кажется, считаете себя деловым человеком. Предлагаю вам сделку.

Герион с интересом прищурился.

— Что за сделка? У вас имеется золото, молодой человек?

— У меня имеется кое-что получше золота. Есть возможность совершить бартер.

— Но, мистер Джексон, у вас нет ровно ничего.

— Можно заставить его вычистить конюшни, — невинным голосом заметил Эвритион.

— Согласен! Если не сумею, можете располагать нашей свободой.

Всех нас, учтите. Сможете продать нас всех Луке и получите уйму золота.

— Это если кони не съедят вас раньше, молодой человек, — заметил Герион.

— Но даже в этом случае вы получите моих друзей, — возразил я. — Зато если я добьюсь успеха, то вы беспрепятственно пропускаете всех нас, включая Нико.

— Нет! — закричал Нико. — Не надо мне твоих одолжений, Перси! Я не нуждаюсь в твоей помощи!

Герион захихикал.

— Перси Джексон, эти стойла не чистились уже лет тысячу. Хотя, должен признать, ваше предложение не лишено интереса. Если убрать навоз, я мог бы расширить конюшни. Да, мысль неплохая.

— Тогда что же вы теряете?

Но хозяин ранчо еще колебался.

— Э-э, ладно. Принимаю ваше предложение. Только имейте в виду, вы должны управиться до захода солнца. Если не успеете, ваши друзья будут проданы. Вот когда я разбогатею!

— Заметано.

Он кивнул.

— Все возвращаемся в дом. Будем ожидать возвращения вашего друга на веранде.

Эвритион бросил на меня заинтересованный взгляд, при желании в нем можно было прочесть сочувствие. Потом он свистнул, Орф спрыгнул с моей груди и одним махом взгромоздился Аннабет на колени. Она вскрикнула. Я знал, что Тайсон и Гроувер не отважатся на какой-либо решительный шаг, пока она будет в заложниках.

Я выпрыгнул из вагончика, обернулся, и наши глаза встретились.

— Надеюсь, ты соображаешь, что делаешь, — тихо сказала Аннабет.

— Я тоже сильно на это надеюсь.

Герион уже сидел за штурвалом. Эвритион потащил Нико на заднее сиденье.

— Итак, прежде, чем зайдет солнце, — напомнил мне Герион. — Ни минутой позже.

Он расхохотался мне прямо в лицо, нажал на клаксон, раздался гудок, и «муу-мобиль» рванул с места.

Глава девятая

Я разгребаю какашки

Последняя надежда покинула меня, как только я увидел зубы этих страшных коней.

Когда я подошел к ограде загона, мне пришлось задрать футболку и прикрыть ею нос, чтобы не дышать этим жутким смрадом. При моем приближении один из коней, с трудом преодолевая море навоза, которое доходило ему до колен, подошел ко мне и злобно заржал. Зубы его обнажились, и я увидел, что они похожи на острые медвежьи клыки.

Мысленно я стал разговаривать с ним, я всегда так делаю при встрече с лошадьми.

«Привет! — сказал я ему. — Я тут надумал почистить ваши конюшни. Правда, здорово?»

«Здорово, — пророкотал он в ответ. — Входи, входи. Мы тебя съедим. Вку-у-усный такой полукровка».

«Но я сын самого Посейдона. Это он, мой отец, создал коней».

Как правило, в обществе этих четвероногих напоминание о моем отце всегда обеспечивало мне наилучший прием, но сейчас — не тут-то было.

«Тем лучше! — с энтузиазмом откликнулся конь. — Пусть и Посейдон приходит. Мы съедим вас обоих! Морепродукты совсем не плохое лакомство!»

«Морепродукты!» — ржанием отозвались другие кони, бродя по загону.

Воздух над нами был полон жужжащих мух, а вонь от жары становилась все хуже. Мысль разгрести эту грязь возникла у меня, когда я вспомнил о том, как легко справился с такой же задачей Геракл. Он изменил русло реки и направил ее течение прямо через конюшни, чтобы вода смыла и унесла с собой всю грязь и навоз. К тому же я прекрасно знал, что мне удастся отлично справляться с водой.

Только сейчас дело сильно осложнялось тем, что мне было никак не приблизиться к этим мерзким лошадям. К тому же река оказалась гораздо дальше от конюшни, чем я думал, примерно в полумиле от нее. Так что задача справиться с какашками становилась невыполнимой прямо на глазах. Поблизости валялась заржавевшая до невозможности лопата, я взял ее в руки, копнул и перебросил кучку дерьма через забор. Замечательно

получилось! Теперь еще четыре миллиарда раз повторить, и все будет отлично.

Солнце стало клониться к западу. В лучшем случае у меня остается еще несколько часов. Нет, все-таки моя единственная надежда — это река, сказал я себе. По крайней мере, у воды мне лучше думается. И я побежал по склону холма к реке.

* * *

Когда я оказался у самой воды, то увидел на берегу какую-то девочку. Она сидела там, словно ждала меня. На ней были джинсы и зеленая футболка, а в ее длинные каштановые волосы красиво вплетались стебельки речной травы. Она строго смотрела прямо на меня, скрестив руки на груди.

— Нет, ты этого не сделаешь, — твердо сказала она.

— Ты наяда, наверное? — догадался я.

— Конечно, а кто же еще? — Наяда закатила глаза, изображая возмущение моей недогадливостью.

— Но ты говоришь по-английски. И сидишь не в воде, а на берегу.

— А ты, конечно, и предположить не мог, что мы, если захотим, можем вести себя подобно людям?

Мне в голову такая мысль не приходила. Я сразу почувствовал себя тупицей, потому что наяд я видел в лагере миллион раз. Они вечно хихикали и махали мне руками со дна озера.

— Послушай, — начал я, — я просто хотел спросить...

— Знаю, знаю. — Она тоже замахала руками точно как те речные нимфы. — Я знаю, кто ты, и знаю, что ты надумал сделать. И сразу отвечаю — нет! Я не разрешаю использовать мою чистую речку для того, чтобы вычистить эту отвратительную конюшню.

— Но...

— О, пощади ее, сын бога морей! Такие, как ты, всегда только об океане и думают. Вы считаете себя такими ва-а-ажными по сравнению с какой-то маленькой речкой? Так позволь сказать тебе, что ту наяду, которую ты видишь перед собой, тебе не покорить. Подумаешь, папаша у него Посейдон! Здесь акватория пресных вод, мистер. Когда-то одному мальчику удалось убедить меня уступить ему — между прочим, он был в сто раз красивей тебя, — но теперь я понимаю, что это была самая горькая ошибка в моей жизни. Ты хоть соображаешь, что эта уйма навоза сотворит

с моей экосистемой? Или, по-твоему, я похожа на очистные сооружения? В речке погибнет вся рыба. Водоросли насквозь пропитаются этими противными какашками. Долгие годы я буду болеть. НЕТ УЖ, СПАСИБО!

Ее манера говорить здорово напомнила мне одну мою подружку из смертных, Рейчел Элизабет Дэр. Она точно так же бомбардирует вас словами, когда говорит. Но винить в чем-либо эту наяду я не мог. Я сам бы посчитал психом всякого, кто позволил бы набросать в его дом четыре миллиона фунтов лошадиного дерьма. Но мне-то что делать?

— Мои друзья в опасности, — объяснил я ей.

— Очень жаль, конечно, но это не моя забота. И я не разрешу погубить мою чистую речку!

Наяда смотрела на меня так воинственно, будто готова была начать драку. Кулачки ее сжались, но я отлично видел, что она вся дрожит. И голос у нее тоже дрожал. Тогда я догадался, что, несмотря на задиристые речи, наяда попросту боится меня. Наверное, она испугалась, что я полезу в драку за главенство над этой речкой, и боялась, что окажется побежденной.

От этой мысли мне стало ужасно грустно. Я сразу почувствовал себя тупым громилой, только и умеющим, что махать кулаками.

Я присел на невысокий пенек у берега.

— Ладно, считай, что ты победила.

— Правда? — На личике наяды отразилось изумление.

— Не собираюсь я драться с тобой, это же твоя река.

Она заметно расслабилась.

— Ох, как хорошо! — воскликнула она и тут же исправилась: — Хорошо с твоей стороны, я имею в виду.

— Но и моих друзей, и меня выдадут титанам, если я не вычищу до заката эту конюшню. А я понятия не имею, как это сделать.

Воды реки приветливо заплескались, по их поверхности скользнуло узкое тело змеи, потом ее головка нырнула глубоко в воду. Наяда тихо вздохнула и сказала:

— Я открою тебе один секрет, сын морского бога Посейдона. Попробуй зачерпни немного земли с берега.

— Что?

— Ты слышал.

Я нагнулся и зачерпнул пригоршню отменной техасской грязюки. Она была сухая, черная, с несколькими маленькими белыми крупинками... Нет, в ней еще что-то было.

— Это ракушки, — объяснила мне наяда, — окаменевшие ракушки. Миллионы лет назад, когда даже время богов еще не настало и на земле

царствовали только Гея и Уран, вся земля была покрыта водой. Планета наша была не сушей, а морским дном.

Внезапно меня осенило. В моей ладони лежали осколки существ, обитавших когда-то в древних морях. Раковины моллюсков! На земле их осталось так много, что в некоторых местах даже огромные меловые утесы сложены из них.

— Понял, — сказал я. — И что мне это даст?

— Мы с тобой очень похожи, полубог. Вода — это наша с тобой родная стихия; даже когда я выхожу из воды, она остается внутри меня. Вода — источник моей жизни. — Наяда отступила на шаг. Теперь она стояла в реке и улыбалась. — Надеюсь, ты догадался, как спасти твоих друзей.

Произнеся эти слова, она вдруг стала таять и обратилась в воду.

* * *

Солнце уже касалось вершин холмов, когда я вернулся к конюшне. Кто-то, должно быть, приходил сюда задать лошадям корму, потому что теперь они дружно трудились, обгладывая огромные туши каких-то животных. Распознать, что это были за животные, я не мог, но чувствовал, что меня это не очень интересует. Если омерзительные конюшни могли стать в моих глазах еще гаже, то вид вымазанных грязью животных, разрывающих зубами сырое мясо, стоя по колено в навозе, сделал это.

«Морепродукт! — Я почувствовал мысль одного из коней, когда он поднял голову и бросил на меня жадный взгляд. — Входи же! Мы все еще голодны!»

Что же мне надо сделать? Воспользоваться силой речных вод я не мог. И тот факт, что миллионы лет назад это место находилось под водой, как-то не особенно помогал мне сейчас. Я поглядел на крохотный осколок заизвесткованной ракушки у меня на ладони, потом мой взгляд упал на огромные кучи какашек во дворе.

Обескураженный я швырнул ракушку на землю и повернулся спиной к лошадям, собираясь уходить. Но тут вдруг я услышал странный звук.

Пффф! Похоже на то, как свистит воздушный шарик, когда воздух начинает вытекать сквозь образовавшуюся в нем маленькую дырочку.

Я перевел взгляд туда, куда я швырнул ракушку, и, к своему удивлению, увидел, что из толщи навоза выбилась и заструилась крохотная струйка воды.

— Не может быть, — пробормотал я. Неуверенно я отошел на всякий случай к забору и сказал струйке:

— Подрасти немного.

ПШШШШ!

Вода вспенилась, и вдруг в воздух хлестнул фонтан высотой не меньше трех футов. Это было просто невероятно, но именно так и случилось! Несколько лошадей стали осторожно приближаться к фонтану, присматриваясь, что происходит. Одна из них пригнула голову к воде и лизнула. И тут же с отвращением отскочила.

«Фу! Соленая!»

В самом сердце техасского ранчо забил источник морской воды! Я зачерпнул пригоршню грязи и выбрал еще несколько ракушек. Сам толком не понимая, что делаю, я бросился бежать вдоль конюшни, забрасывая ракушки в кучи какашек. И везде, где они падали, тут же принимались бить вверх тоненькие ручейки воды.

«Стоп! — заржали кони. — Нам не надо воды! Нам надо мяса!»

Потом я заметил, что созданные мной струйки воды не вытекают из загона и не текут вниз по склону холма, как делали бы всякие другие нормальные ручейки. Эта вода просто булькала и вскипала на поверхности, а потом снова уходила в землю, унося с собой грязь. Навоз растворялся в соленой воде, оставляя после себя слой обычной влажной земли.

— Еще! Сильнее! — закричал я изо всех сил.

У меня в животе что-то защекотало, и соленые фонтаны взметнулись вверх, как на самой большой в мире мойке автомобилей. Они выстрелили в воздух футов на двадцать, не меньше. Лошади сходили с ума от страха, они метались туда и сюда, а струи у них под ногами брызгали во всех направлениях. Слой какашек таял, как лед весной. Щекотание в животе стало сильнее, мне было даже немножко больно, но я почти не замечал этого. Меня захлестнуло волнение от вида всей этой соленой воды. Это я сделал! Я привел океан в центр техасской пустыни!

«Перестань, повелитель! — молили меня лошади. — О, пожалуйста, перестань!»

Теперь вода хлестала везде. Шкуры у лошадей вымокли, сами они, охваченные паникой, пытались убежать, но скользили и падали в грязи. Вот почти все какашки смыло водой, тонны этого дерьма ушли в землю, и теперь вода стала образовывать озерца, и тысячи маленьких ручейков заструились по холму вниз.

— Хватит! — приказал я воде.

Сначала ничего не произошло. Только в животе у меня стало болеть

еще сильнее. Если я сейчас не уйму все эти гейзеры, соленая вода уйдет в реку и отравит рыбу и водоросли.

— Хватит! — заорал я, концентрируя всю волю на том, чтобы унять силу моря.

И тут вдруг фонтаны иссякли, а я, обессиленный, свалился на землю. Перед моими глазами была чистая конюшня, влажная, чуть солоноватая земля конского загона и полсотни лошадей, вымытых до того чисто, что шкура их блестела как отполированная. Даже объедки, застрявшие у них между зубами, и те были смыты водой.

«Мы не станем тебя есть! — ржали кони испуганно. — Пожалуйста, повелитель! Не надо больше соленых ванн!»

— При одном условии, — ответил я. — Отныне вы будете питаться только тем мясом, которое приносят вам конюхи. Человечины больше не есть! А то я вернусь и набросаю еще больше ракушек.

Лошади тоненько ржали и надавали мне великое множество обещаний, стать самыми послушными из коней-хищников. Но я не стал долго болтать с ними, поскольку солнце уже садилось, а бегом помчался к ранчо.

* * *

Запах хорошего барбекю я почувствовал еще на полдороге и припустил быстрее, потому что я ужасно его люблю.

Подготовка к вечеринке была в полном разгаре. Ленты и воздушные шарики украшали изгородь, Герион хлопотал у очага, представлявшего собой старую канистру из-под бензина. Эвритион слонялся вокруг накрытого стола, ковыряя у себя под ногтями ножиком. Двухголовый пес с наслаждением принюхивался к запаху ребрышек и бургеров, поджаривавшихся на гриле. Потом я увидел своих друзей: Тайсона, Гроувера, Аннабет и Нико. Они скорчились в углу, связанные по рукам и ногам, как бычки, привезенные для родео, но с заткнутыми кляпом ртами.

— Отпустите их! — закричал я, задыхаясь и взбегая по ступеням высокого крыльца. — Я вычистил ваши конюшни!

Герион обернулся ко мне. На всех туловищах у него красовалось по фартучку, на каждом вышито одно слово, а вместе получалось: «Я — ЛЮБЛЮ — ПОВАРА».

— В самом деле вычистили? Как это вы умудрились?

Хоть я просто дрожал от нетерпения, но все-таки рассказал ему все подробно. Он одобрительно закивал.

— Смотрите, какой изобретательный. Хотя лучше б вы отравили эту наглую наяду, ну да ладно уж.

— Отпустите моих друзей, — сказал я. — Мы же договорились.

— Как же, помню, помню. Только дело в том, видите ли, что если я отпущу их, то денежек мне не видать.

— Но вы же обещали!

Герион поцокал языком.

— А вы заставили меня поклясться водами реки Стикс? Нет, не заставили. Так что это не считается. Когда ведешь дела, сынок, надо брать нерушимую клятву.

Я потянул из ножен меч. Орф зарычал, одна его голова потянулась к уху Гроувера, клыки обнажились.

— Эвритион, — сказал великан с тремя туловищами. — Этот мальчишка начинает мне надоедать. Убей его.

Эвритион окинул меня оценивающим взглядом. Мои шансы против него с такой-то дубинищей были слабоваты.

— Сам убивай, — сказал он хозяину.

— Что? — изумился Герион.

— То, что слышите, — проворчал пастух. — Вечно вы заставляете меня делать самую грязную работу. Вы от нечего делать драки затеваете, а мне надоело рисковать из-за вас своей жизнью. Хотите прикончить парня, вот сами и давайте.

Самая нехарактерная речь, которую я когда-либо слышал от сына Ареса!

Герион отшвырнул лопатку, которой переворачивал мясо.

— Ты осмеливаешься ослушаться моего приказа? Да я тебя на месте спалю!

— А кто тогда будет охранять ваш скот? Орф, к ноге!

Собака немедленно прекратила рычать на Гроувера и, подбежав, уселась у ног хозяина.

— Превосходно! — рявкнул Герион. — Тобой я займусь позже, сначала надо покончить с мальчишкой!

Он схватил два кухонных ножа и швырнул их в меня. Один я отбил ударом меча, второй вонзился в кухонный стол в дюйме от руки Эвритиона.

Тогда я перешел в атаку. Герион парировал мой выпад раскаленными щипцами и в следующее мгновение метнул мне в лицо вилку для барбекю. Я уклонился и, не дав ему времени для следующего удара, пронзил мечом его среднее туловище.

Он рухнул на колени. Я стал ждать, чтобы он обратился в прах, как это

обычно случается с чудовищами, но не тут-то было. Герион только морщился и пытался встать на ноги. Рана на груди под передничком стала прямо на глазах затягиваться.

— Славная попытка, сынок, — похвалил он меня. — Только, знаете ли, дело в том, что у меня три сердца. Превосходная регенерационная система.

Он перевернул решетку с мясом, и угли разлетелись в разные стороны. Один из них упал на землю рядом с Аннабет, и она взвизгнула. Тайсон рванулся, пытаясь оборвать путы, но даже его силы не хватило на это. Нужно кончать битву, пока мои друзья целы!

Я ударил клинком в левое туловище Гериона, но он только расхохотался. Следующий взмах меча пронзил его правый живот. Бесполезно. С таким же успехом можно тыкать мечом в плюшевого мишку, наблюдая за его реакцией.

Три сердца. Отличная регенерационная система. Одиночные удары тут ничего не дадут...

Я бросился в дом.

— Эй, трус! — закричал мне вслед Герион. — А ну назад и умри как подобает!

Стены гостиной были украшены разнообразными охотничьими трофеями — головы оленя и дракона, ружья, целая коллекция мечей, лук с колчаном стрел. В этот момент вбежавший следом Герион метнул в меня вилку, и та вонзилась в стену рядом с моей собственной головой. Он схватил два меча из висевшей на стенах коллекции.

— Твоя голова отлично украсит мою гостиную, Джексон! Непременно повешу рядом с гризли!

У меня мелькнула дикая мысль. Я отбросил Анаклузмос в сторону и сорвал со стены лук.

Вообще-то я самый плохой лучник в мире. На учениях в лагере я сроду не попадал ни в одну мишень, не то что в яблочко. Но сейчас выбора у меня не было. Мечом эту схватку мне не выиграть. Я воззвал к Аполлону и Артемиде, близнецам-лучникам, надеясь, что они сжалятся надо мной хотя бы один раз.

«Пожалуйста, будьте так добры. Только одна стрела. А? Можно?»

Я натянул тетиву. Герион расхохотался.

— Дубина! Чем, интересно, одна стрела лучше, чем один меч?

Он замахнулся обоими мечами сразу. Я увернулся и, прежде чем Герион успел прикрыться, послал стрелу в его правую грудь. Послышалось трехкратное «бум-бум-бум», и я понял, что это стрела пробивала поочередно каждую грудную клетку Гериона. В следующее мгновение она

вылетела с левой стороны и вонзилась в лоб чучела гризли.

Герион выронил мечи, повернулся и недоумевающе уставился на меня.
— Ты же не умеешь целиться... Мне сказали, что не умеешь...

Но тут его физиономия позеленела, он рухнул на колени и стал сползать вниз. Затем тело Гериона начало таять, сливаясь с песком, и скоро на земле остались лежать три фартучка и огромного размера ковбойские сапоги.

* * *

Я развязал своих друзей, и Эврителион даже не пытался мне помешать. Затем дожарил барбекю и бросил несколько лучших кусков в пламя, как жертвоприношение Артемиде и Аполлону.

— Благодарю вас, — прошептал я. — Я ваш должник.

Далеко в небе прогремел гром, и я подумал, что запах жареного мяса пришелся богам по вкусу.

— Да здравствует Перси! — воскликнул Тайсон.

— Может, теперь свяжем этого пастуха? — спросил Нико.

— Точно! — с энтузиазмом подхватил Гроувер. — И пса тоже. Он мне чуть ухо не отгрыз.

Я глянул на Эврителиона, который, небрежно развалясь, сидел за столом для пикника. Обе головы Орфа лежали у него на коленях.

— Сколько времени понадобится Гериону на преобразование? — спросил я у него.

Эврителион пожал плечами.

— Лет сто, наверное. Он, слава богам, не из тех, кто быстро возрождается. Ты здорово выручил меня.

— Вы сказали, что рисковали ради него жизнью? — вспомнились мне его слова. — Почему?

— На этого подонка я трудился не одну тысячу лет. Я ведь родился нормальным полукровкой, но когда отец предложил мне выбирать, я выбрал бессмертие. И совершил грубую ошибку. Потому что сейчас я намертво привязан к этому ранчо. Не могу оставить его. Не могу освободиться. Мне остается только пасти Герионовых коров и проливать за него кровь. Мы вроде как связаны друг с другом.

— Может, вам стоит изменить положение вещей? — предположил я.

— Как это? — Эврителион непонимающе прищурился.

— Быть поласковей с животными на ферме. Заботиться о них, не

продавать на убой. Перестать иметь дело с титанами.

Эврителион задумался.

— Неужто и вправду что-то выйдет?

— Конечно выйдет. Они встанут на вашу сторону и начнут помогать вам. А когда Герион вернется, может, тогда ему придется работать на вас.

— Вот это дело! — По лицу Эврителиона растекалась широкая ухмылка.

— Вы не станете мешать нам уйти?

— Еще чего! Конечно нет.

Аннабет терла покрасневшие запястья и все еще смотрела на Эврителиона подозрительно.

— Ваш босс сказал, что кто-то заплатил ему за то, чтобы он нас пропустил. Кто это сделал?

— Может, он так сказал, чтобы надуть вас? — пожал плечами пастух.

— Наверное, титаны заплатили, — предположил я. — А вы не получали от них сообщение через Ириду? Насчет Нико?

— Не-а. Герион рассчитывал, что оно придет после ужина. Титанам о вашем Нико ничего не известно.

Нико смотрел на меня во все глаза, а я понятия не имел, что мне с ним делать. Я сомневался, что он согласится идти с нами. А с другой стороны, разве хорошо было бы отпустить его бродяжничать в одиночку?

— Ты мог бы остаться здесь, пока мы не вернемся из поиска, — предложил я ему. — Тут ты будешь в безопасности.

— В безопасности? — скривился Нико. — Что за дело тебе до моей безопасности? Ты убил мою сестру!

— Нико, — заговорила Аннабет, — в том происшествии нет вины Перси. И Герион не солгал, когда сказал, что тебя подстерегает Кронос. Если повелитель титанов узнает, где ты, он на все пойдет, лишь бы переманить тебя на свою сторону.

— Ни на чью сторону я не переманюсь. И не боюсь я никого.

— Тебя заставят сделать выбор, — продолжала убеждать его Аннабет. — Твоя сестра не хотела бы...

— Если тебя интересует моя сестра, ты лучше бы помогла мне привести ее назад!

— Душу за душу? — спросил я.

— Да!

— Но если ты не захотел взять мою, то...

— Не стану ничего тебе объяснять! — Он смахнул рукавом слезы с глаз. — Все равно я приведу ее назад!

— Может, Бьянке вовсе не хочется возвращаться сюда, — сказал я. —

Зачем ей это?

— Ты никогда не понимал ее! — закричал Нико. — Откуда ты можешь знать, чего она хочет?

Я уставился на языки пламени, бушевавшие в бочке из-под бензина. Мне вдруг пришла на ум строчка из предсказания «От руки царя-призрака падет...». Это вполне могло быть сказано о Миносе, и мне нужно убедить Нико не слушать его советов.

— Давай спросим саму Бьянку.

— Я уже пробовал, — жалобно признался Нико. — Она не отвечает.

— А ты еще попробуй. У меня такое чувство, что сейчас она с нами.

— С чего ты взял?

— Потому что это она посылала мне сообщения через Ириду, — внезапно осенило меня. — Она хотела предупредить меня о том, что ты делаешь, чтобы я мог защитить тебя.

— Нет, это невозможно. — Нико отрицательно покачал головой.

— Есть только один способ убедиться в этом. Ты, кажется, сказал, что не боишься. — Я обернулся к Эвритиону. — Нам нужно что-нибудь вроде неглубокой ямы, типа могилы. И немного пищи и питья.

— Перси, — предостерегла меня Аннабет, — не думаю, что ты ввязываешься в хорошее дело.

— Ладно, — оборвал ее Нико. — Давай попробуем. Эвритион задумчиво поскреб бороду.

— Есть тут такая, для перегноя. Можно ее использовать. Эй, циклоп, тащи-ка мой ледник из кухни. Что-то мне подсказывает, что мертвецы не меньше моего любят рутбир.^[10]

Глава десятая

Мы участвуем в шоу со смертью

Церемония жертвоприношения для вызова духов умерших была устроена после наступления темноты. Мы расселись вокруг ямы футов двадцать длиной, находящейся рядом с цистерной для перегноя. Цистерна была выкрашена в ярко-желтый цвет, на одном боку нарисовано улыбающееся лицо и красным цветом выведены слова: «Компания „БЛАЖЕННОЕ СЖИГАНИЕ“». Название, несколько не подходящее для вызова мертвецов, ну да ладно.

Сегодня было полнолуние. По потемневшему небу неслись серебристые облака.

— Скоро появится Минос, — хмурясь, предупредил Нико. — Когда совсем стемнеет.

— Может, он заблудится, — с надеждой сказал я.

Нико налил в яму пива и стал бросать туда же ломти жареного мяса с блюда, а когда закончил, принялся нараспев читать что-то наизусть на древнегреческом. И сейчас же смолкло жужжание насекомых в лесу, а свисток из стигийского льда, который хранился у меня в кармане, стал заметно холоднее.

— Скажи Нико, пусть перестанет, — зашептал мне Тайсон.

В общем, я был согласен с братом. Что-то до крайности неестественное возникло в воздухе и теперь окружало нас. Ночная тишина дышала угрозой и замогильным холодом. Но не успел я и слова сказать, как стали появляться первые духи. Над землей пополз желтоватый, цвета серы, туман. Сгустившиеся тени постепенно стали приобретать человеческие очертания. Одна из них подползла к краю ямы и жадно припала к питью.

— Останови его! — сказал Нико, прерывая свой речитатив. — Только Бьянка может пить.

Я вытащил из ножен меч. Призраки отступили, с их стороны слышалось испуганное шипение при виде лезвия из небесной бронзы. Но того, кто напился первым, мы не успели остановить. На наших глазах призрак приобрел четкие очертания бородатого мужчины в белых одеждах. Золотой обруч охватывал его голову, а глаза, даже мертвые, горели злобой.

— Минос! — воскликнул Нико. — Ты что здесь делаешь?

— Приношу извинения, повелитель. — В голосе царя Крита не

слышалось виноватых ноток. — Уж такое знатное жертвоприношение вы совершили, никак не мог устоять. — Он оглядел свое тело и ухмыльнулся. — И до чего приятно снова видеть себя. Почти как в прежние годочки.

— Ты нарушил весь задуманный мной ритуал! — запротестовал Нико. — Убирайся!

Духи мертвецов распалялись от злости, свечение, исходившее от них, становилось ярче и ярче. Нико пришлось вернуться к чтению старинных заговоров, чтобы удержать их в повиновении.

— Правильно делаете, повелитель, — усмехнулся Минос, — читайте магические заклинания, читайте. Я явился только для того, чтобы защитить вас от этих лжецов, которые сбивают вас с толку.

Он повернулся ко мне, и вид у него стал таким пренебрежительным, будто перед ним был таракан.

— А-а, Перси Джексон тут... так-так. Посейдоновы отродья со временем лучше не становятся.

Я хотел было врезать ему, но догадался, что кулак просто пройдет насквозь через его призрачную оболочку.

— Мы ищем Бьянку ди Анджели, — бросил я. — Проваливай.

Призрак хихикнул.

— Помню, когда-то ты убил моего минотавра голыми руками, но в лабиринте тебя ждет кое-что похуже. Ты что, и впрямь веришь, что Дедал вам поможет?

Остальные духи заметались в волнении, и Аннабет пришлось выхватить кинжал и встать рядом со мной, чтобы не подпускать их к яме. Гроувер до того разнервничался, что уцепился за плечо Тайсона.

— Дедалу наплевать на вас, полукровок, — продолжал Минос. — Вам не следует ему доверять, он полон коварства. К тому же он так стар, что лет его не счесть. Этого лицемера гложет вина за совершенное убийство, он проклят богами.

— За какое убийство? — спросил я. — Кого он убил?

— Не уклоняйся от темы, — взревел Минос. — Вы путаетесь у Нико под ногами, мешая ему. Пытаетесь совратить его с пути к намеченной цели. Это я сделал его повелителем!

— Достаточно, Минос! — прервал его Нико.

— Повелитель, перед вами враги! — оскалился призрак. — Не слушайте их лживых слов! Позвольте мне защитить вас. Одно ваше слово, и я поступлю с ними так же, как поступил с другими. Я лишу их разума.

— С другими? — встрепелась Аннабет. — Вы говорите о Крисе

Родригесе? Так это вы свели его с ума?

— Лабиринт — моя личная собственность, — высокомерно ответил Минос. — Моя, а не Дедала. И каждый, кто вторгнется в него, заслуживает сумасшествия.

— Убирайся прочь, Минос! — оборвал его Нико. — Я хочу видеть свою сестру.

Призрак обуздал свой гнев и поклонился.

— Как прикажете, повелитель. Но я вас предупредил. Этим личностям, которые называют себя героями, не следует доверять. — И он растаял в тумане.

Другие духи рвались вперед, к яме, но мы с Аннабет отогнали их.

— Бьянка, приди! — взывал Нико.

Теперь он стал читать древние заклятия, произнося их все быстрее и быстрее, духи беспокойно метались.

— Вот она, наверно, — прошептал Гроувер.

Между деревьями блеснул серебристый огонек. Дух, который приближался к нам сейчас, был сильнее и светился ярче, чем остальные. Вот он уже совсем рядом, и что-то подсказало мне, что его следует пропустить. Я посторонился, и призрачная фигура опустилась на колени и приникла к краю ямы.

Когда она поднялась на ноги, перед нами стояла Бьянка ди Анджело. Голос Нико прервался. Я опустил меч, и остальные духи опять сунулись вперед, но стоило Бьянке упреждающе поднять ладони, как все они отступили и попрятались в лесу.

— Привет, Перси, — спокойно сказала она.

Она выглядела точно такой же, какой была при жизни: зеленая бейсболка, чуть сдвинутая на бок, густые черные волосы, темные глаза, смуглая кожа, — похожа на брата. Одета в серебристую тунику, наряд Артемиды, богини охоты. И лук за плечами. Бьянка едва заметно улыбнулась, и сияние, которое исходило от ее тела, стало ярче.

— Бьянка... — прошептал я.

Внезапно голос у меня так охрип, что я не смог говорить. Меня уже давно угнетала вина за ее смерть, но увидеть ее сейчас, собственными глазами, означало пережить это несчастье вновь. Я вспомнил, как искал ее среди обломков гигантского бронзового воина, ради спасения которого она пожертвовала жизнью, вспомнил, какими тщетными были эти поиски...

— Прости меня, пожалуйста, — еле выговорил я.

— Тебе не за что просить прощения, Перси. Я сама выбрала свою участь. И ничуть не жалею об этом решении.

— Бьянка! — Нико стремительно шагнул к ней, будто выйдя из транса. Она обернулась к брату. Выражение ее лица стало таким грустным, словно она заранее страдала оттого, что должно сейчас произойти.

— Привет, Нико. Как ты вырос!

— Почему ты не отзывалась раньше? — вскричал он. — Я уже долгие месяцы только и делаю, что зову тебя.

— Я надеялась, что ты перестанешь это делать.

— Перестану? — Голос его прервался. — Как ты можешь так говорить? Я же пытался спасти тебя!

— Ты не сможешь сделать этого, Нико. Оставь свои попытки. Перси был прав.

— Нет! Это из-за него ты погибла! Он оказался тебе плохим другом.

Бьянка потянулась, словно намереваясь коснуться лица брата, но когда рука оказалась поблизости от теплого живого существа, ладонь вдруг стала таять и через мгновение снова обратилась в туман.

— Послушайся меня, пожалуйста, — сказала Бьянка. — Продолжать старые распри — опасное дело для детей Аида. Это наша вечная ошибка. Тебе следует простить его. Пообещай мне, что сделаешь это.

— Не могу! Никогда не прощу.

— Перси беспокоился о тебе, Нико. И в его в силах помочь тебе. Я ведь нарочно позвала его, чтобы он узнал о том, что ты замышляешь, брат. И для того, чтобы он мог разыскать тебя.

— Значит, и вправду это ты посылала сообщение через Ириду, — сказал я.

Она кивнула.

— Отчего ты помогаешь ему, а не мне? — простонал ее брат. — Это несправедливо.

— Но зато теперь ты ближе к правде, — мягко сказала Бьянка. — Это не на Перси ты злишься, Нико, а на меня.

— Нет!

— Да. Ты сердишься потому, что я решила расстаться с тобой для того, чтобы стать охотницей в свите Артемиды. Сердишься на то, что я умерла и оставила тебя в одиночестве. Мне и вправду жаль, что так случилось, Нико. Честное слово, жаль. Но ты должен превозмочь свой гнев. И перестань, пожалуйста, винить Перси в том решении, которое я приняла без него. Иначе это чувство станет роковым для тебя.

— Бьянка правильно говорит, Нико, — вмешалась Аннабет. — Кронос готовится восстать. И он намерен привлечь каждого, кого сможет, на свою сторону.

— Мне нет дела до Кроноса, — отрезал Нико. — Я всего лишь хочу вернуть обратно в мир живых свою сестру.

— Ты не в силах сделать это, Нико, — ласково произнесла Бьянка.

— В силах! Я сын Аида, и у меня получится!

— Пожалуйста, не пытайся. Если любишь меня, не делай этого.

Ее голос увял. Духи снова стали подползать к нам, тревожно завывая. Их тени метались среди деревьев, их голоса шептали нам: «Опасность! Опасность!»

— Тартар забеспокоился, — сказала Бьянка. — Твоя мощь привлекла внимание Кроноса. Умершим подобает вернуться в Царство мертвых. Для нас небезопасно пребывать здесь, на земле, подолгу.

— Подожди, сестра, — взмолился Нико. — Прощу тебя.

— До свидания, Нико, — проговорила Бьянка. — Я люблю тебя, ты же знаешь. Но не забывай того, что я тебе говорила.

Призрак Бьянки задрожал и стал таять. Следом стали растворяться в воздухе другие привидения. Скоро уже около ямы остались только мы. Рядом темнел силуэт цистерны «БЛАЖЕННОЕ СЖИГАНИЕ». Высоко в небе сияла полная луна.

* * *

Никто из нас не горел нетерпением как можно скорее отправиться в лабиринт, поэтому все дружно решили провести эту ночь на ранчо. Мы с Гроувером растянулись на кожаных кушетках в гостиной Гериона. Хотя они оказались в сто раз удобнее, чем наши спальники, но все равно не избавили меня от кошмаров.

Той ночью мне опять приснился Лука. Я видел его идущим темными покоем дворца, стоящего на горе Тамалпаис. В этот раз дворец казался настоящим, а не той полубесформенной иллюзией, которую я видел прошлой зимой. Зеленого цвета пламя металось в жаровнях, расставленных вдоль стен, полы блестели чернотой отполированного мрамора. Потолка в этих покоях не было, и холодный ветер гулял по ним, завывая над головами. По небу неслись серые штормовые тучи.

Лука был одет для битвы. Его наряд состоял из камуфляжных штанов, белой футболки и бронзового нагрудника. Мне показалось странным, что ножны, в которых он всегда хранил свой Коварный меч, сегодня были пусты. Он вошел в большой внутренний двор, где готовились к сражению множество воинов и дракониц. Стоило им увидеть Луку, как все замерли,

не сводя с него выжидательных взглядов. Прозвучали звонкие удары мечей о щиты, призывающие к молчанию.

— Час-с-с нас-с-стал? — прошипела одна из дракониц.

— Скоро настанет, — пообещал Лука. — Продолжайте заниматься своим делом.

— Мой повелитель, — послышался голос позади нас, и я оглянулся.

С улыбкой глядя на Луку, там стояла эмпуса Келли. Сегодня на ней было синее платье, и ее зловещая красота казалась неотразимой. Глаза Келли сверкали, принимая то темно-карие, то ярко-красные оттенки, волосы, заплетенные в косы, развевались за спиной, словно охваченные пламенем, — отблески тысячи огней играли на них.

Мое сердце забилося. Я надеялся, что эмпуса увидит меня и, набросившись, прогонит мой сон, как случилось раньше, но сегодня она и не думала обращать на меня внимание.

— К вам посетитель, — сообщила она Луке и отступила в сторону.

Даже Лука вздрогнул от того, что увидел.

Перед ним, возвышаясь над головами всех собравшихся, стояла стражница Тартара Кампе, змеи шипели и извивались вокруг ее ног, головы зверей свирепо рычали у нее на поясе. Оба кривых клинка были опущены, и с их лезвий, медленно сочась, капал на пол яд. Своими распростертыми крыльями летучей мыши она заняла весь проход.

— Ты здесь. — Голос Луки дрогнул. — Я ведь велел тебе оставаться в Алькатрасе.

Кампе заговорила. Это был тот же древний праязык, но теперь, где-то в уме, я разбирал значение слов.

«Я служу тебе. Позволь мне отомстить».

— Но ты тюремщица, — возразил Лука. — И твоя работа стеречь узников.

«Я убью их всех. Никто не избежит моего мщения».

Лука помедлил, струйка пота сбежала у него по лицу.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пойдешь с нами. Будешь нести клубок нити Ариадны. Это великая честь.

Кампе зашипела, обратив лицо к звездам, затем вложила клинки в ножны и, повернувшись спиной, зашагала по коридору, тяжело переставляя огромные драконьи ноги.

— Ее следовало бы оставить в Тартаре, — пробормотал Лука. — Слишком уж она непредсказуема. К тому же слишком сильна.

Келли тихонько рассмеялась.

— Тебе не следует страшиться этой силы, Лука. Лучше воспользуйся

ею в своих целях.

— Чем скорее мы тронемся в путь, тем лучше, — вместо ответа сказал Лука. — Мне хочется скорей покончить со всем этим.

— А-а, — сочувственно протянула Келли и пробежала пальчиками по его руке. — Тебе кажется неприятным разрушать свой старый лагерь?

— Я этого не говорил.

— А у тебя, случайно, нет задних мыслей относительно своей, гм... особой роли?

Лицо Луки окаменело, и он процедил:

— Я свое дело знаю.

— Вот и славненько, — рассмеялась эмпуса. — Как ты считаешь, собранное тобой войско обладает достаточной силой? Или, может, мне обратиться за поддержкой к матери Гекате?

— Нашего войска более чем достаточно, — мрачно уверил ее Лука. — И все условия сделки соблюдены. Все, что мне теперь нужно, это безопасно пройти через лабиринт.

— Ммм. Очень любопытно. Мне, признаться, было бы довольно неприятно видеть твою симпатичную голову насаженной на пику в случае неудачи.

— Никаких неудач не будет. Слушай, эмпуса, у тебя что, нет других дел?

— О, есть, конечно, — улыбнулась Келли. — Лучше я стану сеять отчаяние в умах подслушивающих нас врагов. И займусь я этим прямо сейчас.

И тут она устремила свой взгляд на меня, выпустила когти и ворвалась в мой сон.

Внезапно я оказался где-то в другом месте.

Сейчас я видел себя стоящим на верху каменной башни, у ее подножия громоздились острые вершины утесов, внизу шумел океан. Старик Дедал сгорбился над рабочим столом, трудясь над каким-то прибором, который по виду показался мне навигационным, типа огромного компаса. Старик-изобретатель сейчас выглядел много старше, чем тогда, когда я видел его в последний раз. Сутулился он сильнее прежнего, руки его были изуродованы шишками распухших суставов. Он тихо бормотал что-то на древнегреческом, похоже, бранился, и так сильно щурился, будто не видел того, что держал в пальцах, хотя день был солнечный и яркий.

— Дядя! — окликнул его чей-то голос.

Улыбающийся мальчик примерно такого же возраста, как Нико, подпрыгивая поднимался по ступенькам, в руках он держал деревянную

коробку.

— Здравствуй, Пердикс, — отвечал ему старик, но голос его звучал холодно. — Управился уже со своими упражнениями?

— Да, дядюшка. Это было легко.

— Легко? — Дедал нахмурился. — Задача заставить поток воды течь вверх без применения насоса тебе показалась легкой?

— Конечно! Вот смотри.

Мальчик опустил наземь коробку и принялся рыться в ней. Найдя обрывок папируса, достал его и стал показывать старику начерченные схемы и записи, сопровождая их объяснениями. Для меня они не имели ни малейшего смысла, но Дедал, кивая головой, хмуро бурчал:

— Неплохо. Понимаю. Совсем, совсем неплохо.

— Царю понравилось, — довольным тоном сказал Пердикс. — Он даже сказал, что я сообразительней, чем ты.

— Так и сказал?

— Да, но я ему не верю. Я так рад, что мама послала меня к тебе учиться. Мне хочется научиться всему, что умеешь ты.

— Ясно, — пробормотал Дедал. — Значит, когда я умру, ты займешь мое место, так выходит?

Глаза мальчика распахнулись в удивлении:

— Что ты! Конечно нет, дядюшка. Но я вот подумал... почему люди должны умирать?

— Таков порядок на земле, мальчик. — Старый изобретатель нахмурился. — Всему на свете когда-либо приходит конец. Всему, кроме богов, конечно.

— Но почему такой порядок? — продолжал настаивать мальчик. — Если, например, поместить *anîmus*, то есть душу, в другую оболочку... Дядюшка, послушай, помнишь, ты мне рассказывал про твои автоматы? Ну, там быки, орлы, драконы, кони, и все они сделаны из бронзы. А почему не придать такому автомату форму человека?

— Нет, сынок, — резко оборвал мальчика Дедал. — Ты рассуждаешь наивно. Это невозможно.

— Почему? А я думаю, что возможно, — стоял на своем Пердикс. — А если чуть-чуть воспользоваться магией...

— Магией? О нет!

— Да, дядюшка! Магия и механика, если они работают вместе... Стоит чуточку постараться — и можно создать тело, которое будет выглядеть совсем как человек, даже еще лучше. Я тут набросал кое-какие заметки.

И он протянул старику толстый свиток. Дедал развернул его и принялся читать. Так в молчании прошло много времени, потом он поднял прищуренные глаза и пристально поглядел на мальчика. Свиток, зашуршав, свернулся в трубку, старик откашлялся.

— Ничего не выйдет, Пердикс. Когда станешь старше, сам поймешь.

— Тогда давай я займусь той астролябией, что сломалась, а, дядюшка? А то у тебя, кажется, опять руки распухли?

Старик чуть слышно скрипнул зубами и сказал:

— Нет уж, спасибо. Ступай лучше побегай где-нибудь.

Пердикс словно бы и не замечал гнева старика. Он выбрал из кучи металлического лома бронзовую пчелу и подбежал к краю башни. Низкий парапет огораживал террасу, в высоту он едва доходил мальчугану до колен. Налетел порыв ветра.

«Отойди», — хотелось крикнуть мне. Но он меня все равно не услышит.

Пердикс завел механизм бронзовой игрушки и подбросил ее в воздух. Пчелка распростерла крылышки и с жужжанием полетела прочь. Мальчишка рассмеялся от восторга.

— Умней, чем я, надо же, — шептал себе под нос Дедал, но мальчик его не слышал.

— А это правда, что твой сын умер оттого, что полетел на небо, да, дядюшка? Я слышал, что когда-то ты сделал огромные крылья, но они сломались.

Пальцы Дедала сжались в кулаки.

— Займет мое место, — продолжал бормотать он.

Ветер кружил вокруг детской фигурки, раздувал полы одежды, трепал волосы.

— А я бы хотел полетать, — сказал Пердикс. — Я сделаю такие крылья, что они никогда не сломаются. Как ты думаешь, я смогу?

Может, это был сон во сне, но только внезапно перед моими глазами возник двуликий бог Янус. Мне показалось, что я вижу, как его смутный образ возникает рядом с Дедалом и, улыбаясь, перебрасывает из руки в руку серебряный ключ. «Выбирай, — шепчет он старику, — выбирай».

Старик наклонился и взял из кучи обломков еще одну пчелу. Когда он выпрямился, я увидел, что глаза его полыхают гневом.

— Пердикс! — окликнул он ребенка. — Лови!

И бросил ему игрушку. Обрадованный мальчишка попытался поймать ее, но бросок был слишком силен. Пчела летела прямо в небо, Пердикс, встав на цыпочки, тянулся за ней дальше и дальше. Слишком далеко!

Ветер сбросил его с террасы.

Каким-то образом мальчишка ухитрился в падении ухватиться пальцами за край каменного парапета.

— Дядя! — завопил он. — Спаси меня!

Лицо старика обратилось в маску. Он не двинулся с места.

— Давай, Пердикс, — прошептали его губы. — Сделай себе крылья. Только придется тебе поторопиться.

— Дядя! — выкрикнул мальчик в последний раз.

Пальцы его разжались, и он кувырком полетел вниз.

Страшное молчание упало на мастерскую. Оба лица бога Януса осветились и исчезли. В небе громыхнуло, и суровый женский голос, раздавшийся откуда-то сверху, промолвил:

— *Ты заплатишь за это, Дедал.*

Я узнал этот голос. Богиня Афина, мать Аннабет!

Дедал поднял на небо хмурый взгляд.

— Я всегда почитал тебя, мать-Афина. Я всем пожертвовал, чтобы следовать твоим повелениям.

— *Но Пердикс был угоден мне, а ты его убил. И ты за это заплатишь.*

— Мне приходится платить и платить, снова и снова, — прорычал Дедал. — Я лишился всего. И не сомневаюсь, что мне придется познать страдания в Царстве мертвых. Но тем не менее...

Он взял в руки свиток, отданный ему мальчиком, минуту глядел на него, затем спрятал в рукав.

— *Ты не понимаешь,* — холодно продолжала богиня, — *тебе придется платить отныне и вечно.*

Внезапно Дедал рухнул на пол и забился в агонии. Я чувствовал то же, что чувствовал он. Жгучая боль сжала мне горло, казалось, что шею стянули обручем из раскаленного железа. Дыхание мое прервалось, в глаза нахлынула тьма.

* * *

Я проснулся в темноте, мои судорожно стиснутые ладони были прижаты к горлу.

— Перси, — окликнул меня Гроувер с другой кушетки. — Что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь?

Я старался дышать помедленнее, чтобы справиться с удушьем. Я не

знал, как ответить на этот вопрос. Только что я видел, как тот, кого мы ищем, великий Дедал, убил своего племянника. Как я могу хорошо себя чувствовать? Мерцал экран невыключенного телевизора, его голубой свет заливал комнату.

— Сколько... сколько сейчас времени? — прохрипел я.

— Два часа ночи. Я не мог заснуть и смотрел канал «Природа». — Гроувер беспокойно заерзал на своей кушетке. — Я так скучаю по Можжевелке.

Я протер глаза, прогоняя остатки ужасного сновидения.

— А-а, ну понятно... Не переживай, вы скоро увидите.

Гроувер печально покачал головой.

— Знаешь, какое сегодня число, Перси? Я видел по телевизору. Сегодня тринадцатое июня. Прошло семь дней, как мы оставили лагерь.

— Как семь? — изумился я. — Не может быть.

— Время в лабиринте идет гораздо быстрее, — напомнил мне Гроувер. — В первый раз, когда вы с Аннабет очутились здесь, вам показалось, что вы провели в лабиринте только несколько минут. Но на самом деле прошел целый час.

— Точно, ты прав. — Тут меня осенила новая мысль, и я понял, что его беспокоит. — Истек срок твоего договора с Советом копытных старейшин.

От волнения Гроувер сунул в рот пульт дистанционного управления, откусил кончик и принялся жевать.

— Я не успею ничего сделать, — прошамкал он сквозь недожеванный пластик. — Как только я вернусь в лагерь, Совет отберет у меня лицензию. И больше никогда не позволит отправиться на поиск.

— Мы попытаемся их убедить, — пообещал я. — Попросим, чтобы тебе дали дополнительное время.

Гроувер нервно сглотнул.

— Они не пойдут на это. С каждым днем положение становится все тяжелее и тяжелее. Мир гибнет, Перси. Его природная сила... Знаешь, я просто чувствую, как она увядает. Мне необходимо разыскать бога Пана.

— Ты непременно найдешь его. Я в этом не сомневаюсь.

— Ты всегда был мне хорошим другом, Перси. — Гроувер смотрел на меня грустными козлиными глазами. — А то, что ты сделал сегодня — спас животных на ферме Гериона, — было поразительно. Я... я хотел бы хоть немного походить на тебя.

— Ерунда, — быстро оборвал его я. — Не говори глупостей, пожалуйста. Кто у нас настоящий герой, так это ты.

— Не-ет, какой из меня герой. Я стараюсь быть им, конечно, но... —

Он вздохнул. — Перси, я не вернусь в лагерь, пока не отыщу бога Пана. Я просто не могу. Ты понимаешь меня, правда же? И я не смогу встретиться с Можжевелькой, если меня постигнет неудача. Мне стыдно перед самим собой.

Его голос был таким жалобным, что у меня на душе заскребли кошки. Мы с ним многое пережили вдвоем, но в таком состоянии мне его видеть еще не приходилось.

— Мы обязательно что-нибудь придумаем. — Я попытался утешить его. — Не может быть, чтобы ты не добился успеха. Ты ж всегда был козленок-герой, правда? И Можжевелька знает это, и я знаю.

Гроувер зажмурил глаза.

— Козленок-герой, — чуть слышно и как-то подавленно прошептал он.

После того как он заснул, я еще долго не мог забыться. В другом конце гостиной голубой экран телевизора, показывавшего канал «Природа», тускло освещал головы чучел на стенах — охотничьи трофеи Гериона.

* * *

На следующее утро мы отправились к загону, чтобы попрощаться с Эвритионом.

— Нико, ты мог бы пойти с нами, — выпалил я неожиданно для самого себя.

Наверное, это я из-за того сна и мальчика Пердикса, который так сильно напомнил мне Нико.

Он отрицательно покачал головой. Не думаю, что хоть один из нас хорошо спал в эту ночь, но хуже всех выглядел Нико. Глаза у него припухли и покраснели, щеки цветом могли соперничать с мелом. Он все время кутался в черную накидку, которая прежде наверняка принадлежала Гериону, так как была на три размера больше того, что нужен нормальному взрослому человеку.

— Мне нужно время, чтобы подумать.

Его глаза избегали моего взгляда, но по тону Нико я чувствовал: он все еще сердится. То, что его сестра пришла из Царства мертвых ради того, чтобы встретиться со мной, а не с ним, не слишком его обрадовало.

— Нико, — окликнула его Аннабет, — Бьянка хочет, чтобы у тебя все было хорошо.

Она положила руку ему на плечо, но Нико вывернулся, сбросил ее и

зашагал по дороге прочь. Может, конечно, у меня просто разыгралось воображение, но я отчетливо видел, как сгустился вокруг него утренний туман.

— Я беспокоюсь за него, — сказала мне Аннабет. — Если он опять станет слушать советы призрака царя Миноса, ему несдобровать.

— У него все наладится, — прозвучал голос подошедшего к нам Эвритиона. Пастух переоделся и теперь блистал чистотой. На нем были новехонькие джинсы, чистая ковбойка, а борода расчесана до последнего волоска. К тому же он надел на себя Герионовы сапоги. — Пусть останется здесь и соберется с мыслями. Когда это произойдет, он придет в норму, обещаю.

— А с вами что будет? — спросил я пастуха.

Эвритион поскреб сначала одну шею Орфа, потом другую.

— С нынешнего дня дела тут, на ранчо, пойдут маленько по-другому. Никакого жертвенного мяса для корма скоту. Может, стоит ввести в рацион соевые пироги, над этим надо подумать. И еще я намерен поладить с этими конями-мясоедами. У меня родилась мысль выступить с ними на следующем родео.

Представив это, я слегка содрогнулся, но пожелал ему удачи.

— Ага, — отозвался Эвритион и сплюнул в траву. — Я слышал, что вы сейчас отправляетесь на розыски мастерской Дедала?

— Вы поможете нам? — Глаза Аннабет вспыхнули от радости.

Эвритион упорно не сводил пристального взгляда с пастбища, и я понял, что его смущает эта тема — не очень-то ему легко говорить о мастерской Дедала.

— Понятия не имею, где он может быть. Может, Гефест знает?

— Да, нам и Гера так сказала, — кивнула Аннабет. — Ну а Гефеста как найти?

Эвритион молча потянул какую-то штуку из-под воротника своей рубашки. Это было украшение — гладкий серебряный диск на серебряной же цепочке. Посередине на диске имелось небольшое углубление, по форме похожее на отпечаток пальца. Сняв диск с шеи, он протянул его Аннабет.

— Время от времени Гефест появляется в наших местах, — объяснил он. — Присматривается к скоту, изучает его повадки для того, чтобы изготавливать бронзовые автоматы. В прошлый раз я... ну, мне случилось сделать ему небольшое одолжение. Помог устроить фокус с моим отцом Аресом и богиней Афродитой. И в знак благодарности он дал мне эту цепочку с диском. Сказал, что если он мне однажды понадобится, то с его помощью я смогу найти его. Диск выведет меня к его кузнице. Но

только один-единственный раз.

— И вы даете его мне? — недоверчиво переспросила Аннабет.

— Да на что мне какие-то кузницы, мисс? — Эврителион отчего-то покраснел. — У меня и тут дел выше крыши. А вы просто нажмите кнопку, и диск вас приведет куда нужно.

Аннабет тут же так и сделала. Диск мгновенно ожил, и у него выросли восемь металлических ног. Аннабет вскрикнула от ужаса и выронила его на землю.

— Паук! — закричала она.

— Она, гм... немного боится пауков, — степенно объяснил Гроувер пастуху. — Последствия одной старой распри между Афиной и Арахной.

На физиономии Эврителиона отразилось неподдельное смущение, и он принялся извиняться. А паук тем временем переполз через ограду и почти скрылся в лесу.

— Быстрее, ребята, — позвал я. — Эта штука не будет никого ждать.

Хоть Аннабет не очень торопилась присоединиться к пауку, но выбора у нас не было. Наскоро попрощавшись с Эврителионом, мы устремились прочь от скотного загона. Тайсон проделал для нас дыру в заборе, и мы быстро оказались в лабиринте.

* * *

Хотел бы я, чтобы к этому паучку у нас был поводок. А то он так быстро удирал по туннелям, что большую часть времени я даже его не видел. Если б не отличное чутье Тайсона и Гроувера, мы бы не знали, каким путем он нас ведет.

Мы пробежали мраморным туннелем, свернули влево и чуть не свалились в пропасть. Только благодаря тому, что в последнюю минуту Тайсон подхватил меня и оттащил назад, я туда не сверзился. Туннель продолжался, но перед нами на добрую сотню футов вперед зияла бездна — мрачная пропасть под ногами и железные скобы на потолке над ней. Механический паук преодолел уже почти половину скобок, перепрыгивая с одной на другую с помощью металлической паутинной нитки.

— Обезьянья дорожка, — догадалась Аннабет. — Всегда великолепно по ней лазала.

Она подпрыгнула, уцепилась за первую скобу и, раскачавшись, перекинула руку на вторую. Вот ведь как, испугалась крохотного паучка, но играет со смертью, пробираясь по обезьяньей дорожке. Поди разбери этих

девчонок!

А Аннабет уже добралась до противоположной стороны пропасти и теперь опять бежала за пауком. Я последовал за ней. Когда я добрался до конца дорожки и оглянулся, то увидел, что Тайсон взвалил Гроувера на спину и запрыгал вслед за мной, едва прикасаясь руками к скобам. В три прыжка он преодолел все расстояние и, нужно сказать, очень вовремя, так как от двойной тяжести Гроувера и моего братишки последняя скоба тут же оторвалась и рухнула вниз.

Мы продолжили путь и скоро наткнулись на скелет, скрючившийся в одном из туннелей. На нем истлевали остатки мужской сорочки, хлопчатобумажных брюк, а на шее все еще болтался галстук. Но паук тут не задержался. После этого мне пришлось ползти по куче каких-то деревянных обломков, и когда я посветил на них фонариком, то увидел, что это сотни разломанных пополам карандашей.

Скоро туннель привел нас в большую комнату. Ослепительный свет заставил меня на минуту зажмуриться. Как только мои глаза привыкли к нему, я увидел, что и здесь были скелеты. Дюжинами они валялись на полу перед нами, некоторые совсем давнишние, и их косточки уже побелели, другие — явно недавнего происхождения. Эти были более крупными. Конечно, вонь от них не шла ни в какое сравнение с вонью Герионовой конюшни, но пахли они тоже не слабо.

И только потом я увидел чудовище. Эта тварь стояла на блестящей платформе в другом конце комнаты. Она обладала телом огромного льва и женской головой. Волосы ее были туго стянуты сзади в пучок, лицо не слишком красивое, но так сильно накрашенное, что оно сразу напомнило мне училку пения в третьем классе. К груди чудовища был приколот синий значок в виде ленты с надписью: «Данный монстр считается образцовым экземпляром».

— Сфинкс! — прошептал Тайсон.

Я сразу догадался, отчего он так испугался. Когда мой брат был маленьким, в Нью-Йорке на него однажды напал сфинкс, из-за чего он по сию пору носит на спине шрамы.

С обеих сторон от сфинкса горели прожекторы, и единственный вход в туннель располагался как раз позади блестящей платформы. Механический паук прошмыгнул между лапами монстра и был таков.

Аннабет двинулась было следом за ним, но тетя-сфинкс зарычала, и на ее человеческом лице показались клыки. Почти одновременно позади нас и сфинкса опустились решетки, преградив нам путь в обе стороны.

И в ту же минуту злобная ухмылка монстра превратилась в

обворожительную улыбку.

— Добро пожаловать, наши удачливые соискатели! — воскликнул сфинкс. — Прошу приготовиться, мы начинаем игру «Отгадай загадку!»

Откуда-то с потолка послышались оглушительные аплодисменты, будто там находились невидимые громкоговорители. Лучи прожекторов обежали комнату и, отразившись от платформы, высветили скелеты на полу.

— У нас потрясающие призы! — продолжал вещать сфинкс. — Правильный ответ — и они ваши. Одна неудача — и я вас съем. Итак, кто будет первым?

Аннабет схватила меня за руку.

— Давай, я первая, — прошептала она. — Я знаю, о чем она хочет спросить.

Я не стал с ней спорить. Конечно, мысль о том, что чудовище сожрет Аннабет, не могла мне сильно понравиться, но я рассудил так: если сфинкс станет загадывать загадки, то из нас четверых она лучше всех сможет разгадать их.

Аннабет вышла на помост для участников игры и тут же наткнулась на валявшийся там скелет в школьной форме. Она пинком отшвырнула его с дороги, и скелет, гремя, покатился на пол.

— Извини, — сказала Аннабет ему вдогонку.

— Милости просим, Аннабет Чейз! — вскричала тетя-сфинкс, хоть Аннабет еще не называла своего имени. — Вы готовы разгадывать загадки?

— Готова. Загадывайте.

— Вообще-то загадок будет двадцать, — веселым голосом добавила тетя-сфинкс.

— Как двадцать? Раньше вы загадывали одну!

— Да-да, но, видите ли, стандарты изменились. Для того чтобы победить, вам следует отгадать двадцать загадок. Разве это не замечательно?

Аплодисменты то разражались громом, то разом смолкали, будто их включала и выключала чья-то невидимая рука.

Аннабет бросила на меня встревоженный взгляд, я ободряюще кивнул.

— Ладно, — сказала она сфинксу. — Я готова.

С потолка грянула барабанная дробь, глаза сфинкса вспыхнули от волнения.

— Название столицы Болгарии?

Аннабет недоуменно нахмурилась, и я решил, что она села в лужу. Это был ужасный момент.

— София, — ответила она, — но...

— Верно! — Гром аплодисментов по команде. Женщина-сфинкс улыбнулась так широко, что во рту ее опять сверкнули клыки. — Позаботьтесь о том, чтобы ваш правильный ответ был записан в опросном листке номер два карандашом.

— Чего-чего?

Аннабет выглядела озадаченной. Но тут перед ней появились брошюрка и заточенный карандаш.

— Кроме того, давая ответ, вам необходимо говорить четко и не покидать пространства, отмеченного кругом, — продолжало чудовище. — Если вам придется стирать написанное, стирайте полностью, а то счетная машина не сумеет прочитать ваши ответы.

— Какая машина?

Сфинкс ткнула куда-то лапой. Позади одного из прожекторов виднелся бронзовый ящик с уймой каких-то шестеренок и рычагов, и с большой греческой буквой Н, то есть «эта», сбоку. Ясно, автограф Гефеста.

— Теперь следующий вопрос... — начала было тетя-сфинкс.

— Одну минуту, — запротестовала Аннабет. — А как же ваш вопрос о том, кто ходит утром на четырех ногах?

— Что? — Тетя-сфинкс явно выглядела раздосадованной.

— Ну, та загадка про человека. Человек, который утром, в смысле в детстве, передвигается на четырех конечностях, взрослым, то есть днем, на двух, а вечером, в старости, ходит с палочкой. Вы раньше всегда ее задавали.

— Именно поэтому нам и пришлось переменить испытание! — воскликнуло чудовище. — Ответ все уже узнали. Итак, второй вопрос. Какое число является квадратным корнем из шестнадцати?

— Четыре, — ответила Аннабет, — но...

— Верно! Какой президент Соединенных Штатов Америки подписал манифест об освобождении рабов?

— Авраам Линкольн, но...

— Тоже правильно! Вопрос четвертый. Сколько...

— Подождите! — перебила ее Аннабет.

Я хотел ей сказать, чтобы она перестала возмущаться. Она отлично отвечает на вопросы. Если так пойдет дальше, то все мы скоро будем свободны.

— Это не загадки! — выкрикнула Аннабет.

— Что вы имеете в виду? — огрызнулось чудовище. — Самые настоящие загадки. Опросный материал специально подготовлен...

— Это просто наудачу выбранные случайные факты, — стояла на своем Аннабет. — А загадки должны заставлять нас думать.

— Думать? — Тетя-сфинкс нахмурилась. — А откуда мне знать, умеете ли вы думать? Смешно даже! Теперь следующий вопрос. Сколько сил потребуется...

— Стоп! — снова прервала ее Аннабет — Это глупый тест.

— Гм, Аннабет, — встревожено прервал ее Гроувер. — Может, лучше сначала ответить на вопросы, а потом устанавливать свои порядки.

— Я дочь Афины, — гордо сказала она. — И такие тесты оскорбление для моего интеллекта. Не буду я отвечать на ее дурацкие вопросы.

Какая-то часть меня восхищалась упорством моей подружки, но другая подсказывала — ее фанаберия всех нас укокошит.

Прожекторы вспыхнули, глаза монстра засверкали черными огнями.

— В таком случае, моя дорогая, — безмятежно заявила тетя-сфинкс, — можете считать, что вы проиграли. У нас здесь не позволено отказываться от прохождения теста, поэтому, как проигравшая, вы будете СЪЕДЕНЫ!

Клыки сверкнули нержавеющей сталью, и чудовище вспрыгнуло на помост, где стояла Аннабет.

— Нет! — заревел Тайсон.

Я знаю, он терпеть не может, когда обижают Аннабет, но сейчас я не верил своим глазам. Мой брат проявляет такую храбрость! Ведь его первая встреча со сфинксом закончилась весьма плачевно.

Его удар встретил чудовище в воздухе, и, столкнувшись, они оба рухнули на пол прямо в кучу скелетов. Аннабет тем временем пришла в себя и выхватила кинжал. Тайсон мгновенно вскочил на ноги, его рубашка оказалась распорота когтями сфинкса. Чудовище рычало, выбирая удобный момент, чтобы броситься на нас.

Я выхватил из ножен Анаклузмос и заслонил собой Аннабет.

— Становись невидимкой!

— Я буду драться!

— Не будешь! — отрезал я. — Сфинкс сейчас разорвет тебя! Надо выбираться отсюда!

Словно в подтверждение моих слов тетя-сфинкс отшвырнула Тайсона в сторону и пронеслась мимо меня прямо к Аннабет. Но тут Гроувер стукнул ее в глаз костью одного из скелетов, которую только что подобрал с пола. Чудовище завопило от боли, Аннабет надвинула на лоб кепку-невидимку и исчезла. Когда монстр прыгнул туда, где она только что стояла, его лапы схватили воздух.

— Это несправедливо! — заскрежетал он. — Обман!

Не найдя Аннабет, чудовище обернулось ко мне. Я занес меч, но не успел нанести удар, как Тайсон схватил с полу бронзовую счетную машину и швырнул ее в голову сфинкса. Прическа-пучок рассыпалась, обломки механизма попадали на пол.

— Моя счетная машина! — завопило чудовище. — Как же я буду подсчитывать результаты тестов!

В этот момент решетки с обеих сторон поднялись, и мы бросились бежать в дальний туннель. Я только надеялся, что Аннабет делает то же самое.

Женщина-сфинкс кинулась вдогонку, но Гроувер быстро поднес ко рту тростниковую свирель и заиграл. И тут карандаши почему-то вспомнили, что когда-то были выточены из дерева. Они вдруг поползли к лапам сфинкса, стали на глазах обрастать ветками и корнями, обвиваясь вокруг них. Монстр принялся продираться сквозь этот заслон, но мы, не теряя времени, побежали дальше.

Тайсон втащил за собой Гроувера, и в ту же минуту решетки с грохотом опустились.

— Аннабет! — окликнул я.

— Тут я, — отозвалась она прямо у моего локтя. — Бежим скорей дальше!

Мы мчались по темным туннелям, а позади раздавались горестные вопли чудовища, сокрушавшегося по поводу того, что теперь ему придется проверять ответы вручную!

Глава одиннадцатая

Я предаю себя огню

Я совсем было решил, что паучка нам теперь не найти, как вдруг Тайсон услышал слабое жужжание. Несколько новых поворотов, переходов назад, вперед — и вот мы наткнулись на паука и увидели, что он изо всех сил стучит своей маленькой головкой в какую-то металлическую дверь.

Дверь немного напоминала люк, которые имелись на старых подводных лодках, — невысокая дверь овальной формы, металлические заклепки по краям и поворачивающееся колесо вместо ручки. Там, где полагалось быть вентиляционному отверстию, имелась большая бронзовая доска, позеленевшая от времени, с греческой буквой Н посередине.

Мы переглянулись.

— Готовы к встрече с Гефестом? — озабоченно спросил Гроувер.

— Нет, — признался я, а в это время Тайсон с радостным «да-а!» уже поворачивал ручку-колесико.

Едва дверь начала приоткрываться, как паук уверенно шмыгнул внутрь, Тайсон без колебаний устремился за ним. Мы двинулись следом с некоторой опаской.

Перед нами оказалось огромных размеров помещение, сильно смахивающее на авторемонтную мастерскую. Здесь даже имелось несколько гидравлических подъемников, на платформах некоторых из них стояли автомобили, но на других я увидел очень странные механизмы. Например, там находился бронзовый гиппалектрион с отрубленной лошадиной головой, вместо петушиного хвоста торчал пучок непонятных проволок. Был там и металлический лев, кажется присоединенный к аккумулятору, и греческая боевая колесница, состоявшая из сплошных языков пламени.

На верстаках — а их тут располагалась целая дюжина — громоздились разные приспособления размером поменьше. На стенах висели рабочие инструменты, для каждого из них имелась сделанная по его форме прорезь, при этом ни один из инструментов не висел где положено. На месте отверстия торчал молоток, вместо ножовки — строительный степлер.

Из-под ближайшего к нам подъемника, где стояла «тойота королла», виднелась пара ног, принадлежавшая, вероятно, огромного роста мужчине в грубых рабочих штанах и ботинках. Причем размер последних превышал

даже размер ноги Тайсона. На одной ноге была укреплена металлическая скоба.

Паук деловито сунулся прямо под машину, и звук ударов мгновенно стих.

— Ну-ка, ну-ка, — послышался из-под «тойоты» низкий голос. — Кто тут у нас?

Из-под платформы выкатилась тележка, на которой сидел механик, и остановилась. Мне и прежде приходилось встречать Гефеста, хотя и мельком, например, когда я был на Олимпе, так что я считал себя вполне подготовленным к его виду. Но это только так казалось. Когда я увидел бога-кузнеца, я едва не поперхнулся от удивления.

Наверное, когда Гефест в тот раз прибыл на Олимп, он все-таки слегка почистился или же с помощью магии немного привел в порядок свою внешность. Сейчас он был одет в рабочий комбинезон с вышитой надписью «Гефест» на нагрудном кармане. Ясно, что тут, у себя в мастерских, он и думать не думал о том, как выглядит, поскольку комбинезон его сверху донизу покрывали пятна смазки и грязи. Нога хромого бога скрипела и пощелкивала металлической скобой при каждом его движении, левое плечо было ниже правого, поэтому даже когда он стоял прямо, все равно казался каким-то скособоченным. Неприятное впечатление усиливала шишковатая, неправильной формы голова. К тому же Гефест постоянно хмурился, волоски его бороды дымились и потрескивали, в усах то и дело вспыхивали и гасли искорки. Кисти его рук, наверное, не влезли б в рукавицы углекопа, но когда он стал осторожно поднимать с полу паука, я поразился ловкости движений бога-кузнеца. Он мигом разобрал его на две части, что-то подкрутил и затем снова сложил вместе.

— Вот так-то, — бормотал при этом Гефест себе под нос, — вот так-то лучше.

Паучок радостно пискнул в его ладони, выстрелил в потолок металлической паутинкой и помчался прочь.

А Гефест переключил внимание на нас.

— Кажется, это не я вас сделал.

— Гм. — Аннабет откашлялась. — Нет, сэр.

— Рад, — ворчливо продолжал тот. — Хреновая работа.

Некоторое время бог внимательно разглядывал Аннабет и меня.

— А-а, полукровки, — догадался он. — Может, конечно, и автоматы, но вряд ли.

— Мы с вами встречались однажды, сэр, — напомнил я ему.

— Да ну?

Гефест произнес это с таким безразличием, что я сразу понял: ему наплевать, правда это или нет. Зато он очень внимательно разглядывал мое лицо, явно заинтересованный тем, как работают челюстные кости, когда я говорю, и как именно они устроены: на шарнирах, петлях или каким-нибудь иным образом.

— Ладно. Если уж я не разобрал тебя на части при первой встрече, то теперь можно этого не делать.

Затем взгляд Гефеста обратился к Гроуверу, и он нахмурился.

— Сатир, — констатировал бог. Потом глянул на Тайсона, и глаза его сверкнули: — А, еще и циклоп тут. Славно, славно... Что это ты путешествуешь в такой компании?

— Э-э, — промямлил мой брат, потрясенный видом бога-кузнеца.

— Что ж, тоже неплохо сказано, — кивнул Гефест. — Но если это все, я вернусь к работе. Подвеска, знаете ли, в этой «тойоте» просто развалилась.

— Сэр, — неуверенно начала Аннабет, — видите ли, мы разыскиваем Дедала. И мы подумали...

— Дедала? — загремел бог. — Вам понадобился этот старый негодяй? И вы осмеливаетесь его разыскивать!

В одно мгновение его борода занялась пламенем, а черные глаза засверкали.

— О, пожалуйста, сэр, — просительно проговорила Аннабет.

— Гмм. И еще отнимают мое время.

Гефест бросил хмурый взгляд на свой рабочий стол и захромал к нему. Быстро схватил пригоршню пружинок и каких-то металлических палочек и стал возиться с ними. Через несколько секунд он уже держал в руке сокола, сделанного из серебра и бронзы. Тот расправил крылья, замигал обсидиановыми глазами и взвился в воздух.

Тайсон рассмеялся и в восторге захлопал в ладоши. Птица сделала круг по мастерской, опустилась ему на плечо и принялась нежно пощипывать моего брата за ухо.

Гефест задумчиво уставился на них. Хмурое выражение не покинуло его лица, но я мог бы поклясться, что в глазах загорелся добрый огонек.

— Чувствую, у тебя ко мне есть дело, циклоп.

— Д-да, повелитель. — Тайсон моментально сделался серьезным. — Видите ли, мы повстречались со Сторуким...

Гефест кивнул в знак того, что понимает, о ком идет речь, но явно не удивился этому известию.

— Бриарей?

— Да. И он... понимаете, он испугался. И не стал нам помогать.

— Чем тебя и поразил.

— Да! — Голос Тайсона дрогнул. — Но ведь Бриарей должен быть смелым! Он старше и более великий, чем мы, циклопы. А он просто удрал.

— Раньше я тоже всегда восхищался Сторуками. Ну, тогда еще... в дни первой битвы. Но, видишь ли, юный циклоп, и люди, и чудовища, даже боги — все они меняются. И ты не должен им доверять. Возьмем, к примеру, мою любимую матушку Геру. Ты, наверное, встречал ее. И она наверняка улыбалась тебе и рассуждала о важности наших семейных ценностей. И тем не менее не задумалась ни на минуту перед тем, как швырнуть меня с Олимпа на землю. Стоило ей только увидеть мое безобразное лицо.

— А я думал, это с вами Зевс сделал, — брякнул я.

Гефест закашлялся и сплюнул в бронзовую плевательницу. Затем вдруг щелкнул пальцами, и механический сокол снялся с плеча Тайсона и полетел обратно на верстак.

— Мать, конечно, предпочитает рассказывать эту версию, — пробормотал Гефест. — Так она выглядит более достойно, точно? Для нее очень соблазнительно обвинять во всем отца. Но правда в том, что мать и впрямь уважает семейные устои, но лишь теоретически. Так сказать, в идеале. Поэтому стоило ей бросить на меня один взгляд, как она... В общем, поняла, что для приличной семьи я не подхожу. Что ж, так оно и есть.

Он осторожно вытянул перышко из спины сокола, и весь летающий автоматон распался на составные части.

— Так что послушай меня, юный циклоп, — заключил хромой бог, — и учись не доверять никому. Верить можно лишь произведению твоих собственных рук.

Да, похоже, что Гефест вел довольно одинокую жизнь. Однажды в Денвере сделанные им пауки чуть не прикончили нас с Аннабет. А в прошлом году испорченная копия великана Талоса — еще один проект Гефеста — стоила жизни Бьянке ди Анджемо.

Глаза Гефеста остановились на мне и вдруг прищурились, будто он прочел мои мысли.

— О, как же он меня не любит, — весело, с усмешкой произнес бог. — Не волнуйся, я к этому привык. Что ты хотел узнать от меня, юный полукровка?

— Мы уже говорили вам. Нам необходимо найти Дедала. Дело в том,

что один парень, его зовут Лука, стал работать на Кроноса. И теперь он ищет путь через лабиринт, чтобы вторгнуться в наш лагерь. Если мы не доберемся до Дедала первыми, то...

— И я вам уже ответил. Поиски Дедала — лишняя трата времени. Он не в силах вам помочь.

— Почему?

Гефест пожал плечами.

— Кое-кого сбросили с горы Олимп, а кое-кого... в общем, есть и более неприятные способы потерять доверие к людям. Лучше попросите у меня золота. Или огненный меч. Или магического коня. Это я с радостью для вас сделаю. А к Дедалу... Нет, слишком уж дорогая это услуга.

— Но вы ведь знаете, где он, — настаивала Аннабет.

— Знаю, только искать его глупо, юная полукровка.

— Моя мама говорит, что поиск — это одна из сторон мудрости.

— А кто твоя мама? — Глаза Гефеста снова сузились.

— Афина.

— Понятно. — Он испустил глубокий вздох. — Замечательная женщина, богиня Афина. Даже обидно, что она дала обет безбрачия. Ладно, полукровка, договорились. Я, так и быть, расскажу вам то, что вы хотите узнать. Только вам придется заплатить за это. Оказать мне ответную услугу.

— Назовите цену, — коротко бросила Аннабет.

Гефест расхохотался — ухающие взрывы, похожие на то, как раздувают кузнечные меха, разнеслись по мастерской.

— Вы, герои, склонны давать неосторожные обещания. Какая наивность!

Он нажал кнопку на одном из верстаков, и металлический ставень поднялся, обнажив за собой участок стены. Там оказалось огромное окно, а может, это был экран большого телевизора, трудно сказать. Во всяком случае, перед нами теперь возвышалась серая скала, находившаяся в лесу. Наверное, это был какой-нибудь вулкан, потому что над вершиной горы вился дымок.

— Одна из моих кузниц, — объяснил Гефест. — У меня их много, но эта была одной из самых любимых.

— Гора Сент-Хеленс, ^[11] — тихо подсказал Гроувер. — Окружена непроходимыми лесами.

— Ты был там? — спросил я.

— Был. Искал... сам знаешь кого. Бога Пана.

— Погодите, — остановила нас Аннабет. — Гефест, вы сказали, что эта кузница была вашей любимой. Что с ней теперь стало?

Гефест поскреб тлеющую искорками бороду.

— Ну, перед вами то место, где сидит в западне Тифон... ну сами знаете кто. Он обычно жил под Этной, но когда мы переехали в Америку, его опорный пункт оказался под горой Сент-Хеленс. Это огромный источник огня, весьма опасный. Всегда есть шанс, что Тифон может сбежать. Угроза извержения постоянна, гора все время дымится. Со времени восстания титанов он все никак не утихомирится.

— Что вы хотите, чтобы мы сделали? — спросил я. — Сразились с ним?

— Самоубийственный шаг, — фыркнул Гефест, поглядев на меня как на придурка. — Сами боги бежали от Тифона, когда он был свободен. Нет уж, прошу держаться подальше от Тифона, не говоря уж о схватках с ним. Но не так давно я почувствовал, что на моей горе появились непрощенные гости. Захватчики. Кто-то или что-то пользуется огнем моих горнов. Конечно, к моему приходу кузницы пусты, но я отлично вижу, что ими пользовались, а почувствовав мое приближение, сбежали. Я посылаю автоматов, чтобы застать этих налетчиков врасплох, но автоматы не возвратились. Что-то... что-то очень древнее захватило мою гору. Древнее и опасное. И мне нужно знать, что это. Что именно вторглось на мою территорию и не имеет ли оно целью освободить Тифона.

— И вы хотите, чтобы мы выяснили это, — догадался я.

— Да, — кивнул Гефест. — Сходите туда. Вашего прихода они не почувствуют. Вы же не боги.

— Рад, что вы это заметили, — пробормотал я.

— Ступайте и разузнайте, что сможете, а потом доложите мне. Взамен я расскажу вам то, что вас интересует о Дедале.

— Договорились, — согласилась Аннабет. — Как нам туда добраться?

Гефест хлопнул в ладоши. Паучок вылез из-под стропил, раскачался на паутине и приземлился прямо у ног Аннабет. Та, конечно, сразу взвизгнула.

— Мой маленький автоматон покажет вам путь, — объяснил бог. — Если идти лабиринтом, получится не так уж далеко. И постарайтесь остаться в живых, ладно? Люди все-таки более уязвимы, чем автоматы.

* * *

Все шло хорошо, пока мы нечаянно не наткнулись на корни дерева. Паук мчался вперед и вперед, мы старались не отставать, и тут мы оказались около того дерева. Когда Гроувер увидел вырытый в сырой земле

боковой туннель, уходящий под его корни, он застыл как изваяние.

— Что это? — спросил я.

Сатир не шелохнулся, только, открыв рот, смотрел в темную пасть туннеля. Его курчавые волосы шевелил ветерок.

— Бежим дальше! — крикнула Аннабет. — Нужно торопиться, чего вы встали?

— Это она, — в страхе едва выговорил Гроувер, — та самая дорога...

— Какая дорога? — не понял я. — Ты имеешь в виду, дорога к Пану?

Гроувер бросил вопросительный взгляд на Тайсона:

— Ты чувствуешь запах?

— Ага, — кивнул тот. — Чувствую. Пахнет землей. И растениями.

— Точно! Значит, это та самая дорога. Я уверен!

Высоко над нашими головами паук перебирал лапками по потолку каменного коридора. Еще секунда — и мы потеряем его из виду.

— Мы вернемся сюда, — пообещала Аннабет, — когда будем возвращаться к Гефесту.

— Тогда этот туннель исчезнет, — возразил Гроувер. — Мне нужно идти сюда. Такие входы не стоят открытыми подолгу.

— Но мы же не можем отвлекаться, — попыталась убедить его Аннабет. — Нас ждут кузницы!

— Но я должен сделать это, Аннабет. — Гроувер грустно посмотрел на нее. — Разве ты не понимаешь?

Она глядела на него с таким отчаянием, будто и вправду не понимала. А паук уже почти скрылся из виду. Я вспомнил наш разговор с Гроувером прошлой ночью и понял, что надо делать.

— Нам нужно разделиться! — воскликнул я.

— Нет! — твердо возразила Аннабет. — Слишком опасно. Как мы потом отыщем друг друга? Да Гроувер и не пойдет один.

— Я... я пойду с ним. — Мой брат положил свою лапицу на плечо Гроувера.

Я просто ушам своим не поверил!

— Тайсон, ты в своем уме?

Циклоп кивнул.

— Козленку нужна помощь. Мы отыщем бога Пана. Я ведь не такой, как Гефест. Я доверяю друзьям.

— Перси, мы найдем друг друга, — выдохнул Гроувер и облегченно перевел дух. — У нас ведь с тобой эмпатическая связь. Мне... ну, мне это совершенно необходимо.

Ну разве я мог в чем-то винить сатира? Отыскать пропавшего бога

природы — цель его жизни. Если он не разыщет Пана теперь, во время нашего путешествия, Совет никогда не даст ему другого шанса.

— Будем надеяться, что ты прав.

— Я точно знаю, что прав.

Никогда еще я не слышал в голосе своего друга такой уверенности. Разве что когда он авторитетно утверждал, что лепешки с сыром в сто раз вкуснее лепешек с курятиной.

— Будь осторожнее, прошу тебя, — сказал я Гроуверу и перевел взгляд на брата.

Тайсон тихонько всхлипнул и обнял меня. Мои бедные косточки еще трещали от этого мощного объятия, а они с Гроувером уже исчезли в туннеле между корнями дерева и пропали во тьме.

— Плохо, — пробормотала Аннабет. — Разделиться — очень, очень плохая мысль.

— Мы с ними обязательно встретимся. — Я постарался, чтобы мой голос звучал уверенно. — А теперь побежали. Паука нужно догнать!

* * *

Прошло совсем немного времени, и в переходе стало невероятно жарко.

Раскаленные камни стен пылали, воздух был таким горячим, что, казалось, мы пробираемся через пышущую жаром духовку. Туннель вел вниз, и до моих ушей уже доносился такой оглушительный рев, будто внизу текла река раскаленного металла. Паук неслился вперед, едва касаясь поверхности, Аннабет мчалась за ним по пятам.

— Эй, подожди! — окликнул я.

Она оглянулась и спросила:

— Чего тебе?

— Помнишь, что сказал Гефест про... ну, про Афины.

— Что она поклялась никогда не выходить замуж? — переспросила Аннабет. — Да, как Артемида и Гестия. Она принадлежит к числу богинь-девушечек.

Я захлопал глазами. Никогда не слышал такого про Афины!

— Но тогда... э-э...

— Тогда откуда у нее дети, ты хочешь спросить?

Я кивнул. Наверное, я стал красным как рак, хорошо хоть, что тут было так жарко и, возможно, Аннабет не заметила моего смущения.

— Перси, а ты знаешь, как была рождена на свет Афина?

— Выпрыгнула из головы Зевса в полном боевом вооружении или что-то в этом роде.

— Правильно. Она не могла появиться на свет, как другие. Она была зачата мысленно, то есть в буквальном смысле задумана. И ее дети появляются на свет точно так же. Когда Афина влюбляется в кого-нибудь из смертных, это исключительно интеллектуальный процесс, так же она любила Одиссея. Это еще мифы описывают. Это встреча разума, духа двоих людей. Она бы сказала, что это самый совершенный тип любви.

— Значит, твой отец и Афина, они не были...

— Нет. Я дитя их умственной связи. В буквальном смысле. Дети Афины выпрыгивают из божественных мыслей нашей матери и земного разума нашего отца. Мы являемся как бы даром небес, благословлением Афины ее избранника.

— Но...

— Перси, паук может убежать от нас. Ты вправду хочешь, чтобы я объяснила тебе все детали своего появления на свет?

— Э-э, нет, не хочу. Я все понял.

— Думаю, нет. — Аннабет хихикнула и побежала быстрее, я за ней.

Я перебирал ногами и думал, что теперь я, наверное, не смогу относиться к Аннабет так, как прежде. Тут я в очередной раз решил, что до разгадки некоторых тайн лучше не докапываться.

Рев становился все громче и громче. Мы пробежали примерно с полмили и вдруг оказались в пещере размером со стадион. Наш паук-проводник замер на месте и свернулся в шарик. Мы добрались до кузницы Гефеста.

Пола в ней вовсе не было, в сотнях футов под нашими ногами бурлила лава, а мы стояли на каменном уступе над пещерой. Через бездну была переброшена сеть металлических мостов, а там, где они пересекались, в центре над пещерой, располагалась большая платформа. На ней громоздились самые разные механизмы, котлы, меха и огромная наковальня, я такой никогда не видел, настоящая глыба железа величиной с дом. Еще на платформе сутились какие-то существа — непривычной формы темные силуэты, но они находились слишком далеко, чтобы я мог разглядеть, кто это.

— Нам до них никак не добраться, — сказал я.

— Я попробую. — Аннабет подняла с полу паука и сунула его в карман. — Жди меня здесь.

— Еще чего!

Но не успел я возразить, как она уже надела свою бейсболку-невидимку задом наперед и исчезла.

Я не решился идти за ней, хотя мысль о том, что Аннабет ушла на разведку одна, мне сильно не понравилась. Если эти существа чувствуют приближение бога, то не могут ли они учуять Аннабет? Тут мне пришло в голову, что Тайсона и Гроувера — моего брата и моего друга — я, возможно, уже лишился. Эти мысли так измучили меня, что я больше не мог бездействовать.

Я оглянулся на туннель за своей спиной, ведущий в лабиринт, немножко подумал и крадучись направился вдоль внешнего края озера из лавы. Я надеялся, что доберусь до такого места, откуда смогу все хорошо разглядеть. Жара стала до того невыносимой, что по сравнению с ней ранчо Гериона казалось объатым зимней стужей. В одну минуту я весь покрылся потом, мои глаза щипало от дыма. Я продвигался, стараясь держаться подальше от края, до тех пор, пока путь мне не преградила повозка на металлических колесах, похожая на те, которые обычно используют в шахтах для передвижения вдоль выработок. Приподняв прикрывавший ее брезент, я увидел, что она нагружена металлическим ломом. Я уже собрался было осторожненько обойти ее, как вдруг услышал впереди чьи-то голоса. Возможно, они доносились из бокового туннеля.

— Это заносить? — спросил один.

— Ага, пора, — отвечал второй. — Кино уже скоро начинается.

Я испугался. Времени сбежать не оставалось, и не было места, куда бы я мог скрыться. То есть кроме... кроме этой самой повозки. Я забрался в нее и натянул на себя брезент, надеясь, что так меня не заметят. Мои пальцы сжали Анаклузмос, на всякий случай, если придется отбиваться.

Телега качнулась и двинулась вперед.

— Ох, — простонал прежний голос, — эта штука весит не меньше тонны.

— Небесная бронза все-таки, — ответил второй. — А ты что думал?

Я прополз немного вперед. Повозка повернула за угол, и по эху, отдававшемуся от стен, я догадался, что она въехала либо в туннель, либо в меньших размеров комнату. Хорошо, что эти неизвестные не собираются опрокинуть груз с телеги прямо в яму с лавой. Если они начнут переворачивать ее, мне придется, не теряя ни секунды, выскочить и силой прокладывать себе путь отсюда.

Теперь до меня доносились разные голоса, и ни один из них не был похож на человеческий... что-то среднее между тьявканьем тюленя и рычанием собаки. Слышались и другие звуки — похожие на жужжание

старинного кинопроектора и тонкий писк.

— Поставьте ее позади, — раздался новый голос. — А теперь, молодежь, прошу уделить внимание фильму. Задавать вопросы будете потом.

Голоса вокруг стихли, и я услышал звук, сопровождавший показ кинофильма.

«Когда юный морской демон вырастает, — повествовал рассказчик, — в его теле начинают происходить изменения. Вы можете заметить, как растут у вас клыки, становясь все длиннее и длиннее, у вас может возникнуть внезапное желание пожрать какое-нибудь человеческое существо. Эти изменения совершенно закономерны, они происходят со всеми молодыми демонами».

Взволнованное бормотание наполнило комнату. Учитель — то есть я подумал, что, наверное, это был учитель, — приказал ученикам сидеть тихо, и фильм продолжался. Большую часть слов я не понимал, а выглянуть и посмотреть не осмеливался. В фильме рассказывалось о быстром росте и проблемах угревой сыпи, вызванной работой в кузницах, о необходимой гигиене плавников и тому подобном. Скоро он закончился.

— А теперь, молодые люди, — обратился к классу учитель, — ответьте, каково настоящее название нашего рода?

— Морские демоны! — выкрикнул один из них.

— Неправильно. Есть другие ответы?

— Тельхины,^[12] — ответил кто-то другой.

— Правильно. А почему мы здесь находимся?

— Мщение! — взревело сразу несколько голосов.

— Да, да, но почему?

— Зевс — злой бог, — ответил один. — Он бросил нас в Тартар только за то, что мы пользовались магией.

— Совершенно верно, — согласился учитель. — И это после того, как мы создали для богов превосходное оружие. Трезубец Посейдона, например. Именно нами было выковано оружие титанов, лучшее из всех. Тем не менее Зевс пренебрег нами и положился на этих неуклюжих циклопов. Потому мы и были вынуждены захватить кузницы узурпатора Гефеста. Скоро мы сумеем взять контроль над подводными пещерами, домом наших предков!

Я крепче сжал меч. Эти рычащие создания выковали трезубец Посейдона? О чем они тут болтают? Никогда не слышал ни о каких тельхинах.

— Итак, юноши, скажите, кому мы служим?

— Кро-оносу! — разом закричали они.

— Когда мы вырастем и станем взрослыми тельхинами, будем ли мы создавать оружие для его армии?

— Да-а!

— Отлично. Теперь переходим к другой части нашего урока. Сюда доставлено некоторое количество металлического лома для того, чтобы вы могли попрактиковаться. Давайте посмотрим, насколько вы изобретательны.

Шорох движения и взволнованные голоса приблизились к повозке. Я приготовился обнажить Анаклузмос. Брезент откинули, я выпрыгнул, занес меч и... увидел вокруг себя свору собак!

Вернее, морды у этих существ походили на собачьи, с черными собачьими носами, коричневыми глазами и заостренными ушами, но тела были черными и гибкими, как у морских млекопитающих. Их толстые задние лапы заканчивались полуластами-полуступнями, а передние напоминали человеческие руки, только с острыми когтями. В общем, если скрестить козла, доберман-пинчера и морского льва, то получится примерно такая картинка, которую я увидел.

— Полукровка! — зарычал кто-то из них.

— Съесть его! — подхватил второй.

Но прежде чем они успели перейти от рыка к делу, я взмахнул Анаклузмосом, и весь передний ряд чудовищ испарился.

— А ну назад! — закричал я на остальных, стараясь напугать их.

Позади всех держался и скалил на меня клыки добермана их учитель — тельхин футов шести ростом. Я, как мог, старался взглядом удержать его на месте.

— Теперь я преподам вам другой урок, — заорал я. — Все чудовища испаряются в мгновение ока, стоит мне коснуться их этим мечом, ибо выкован он из небесной бронзы. Меч мой действует безотказно, и эта участь постигнет вас прямо сейчас, если вы не уберетесь с моей дороги!

Я и сам удивился, до чего быстро они меня послушались. Тельхины отпрянули, но, как я успел при этом заметить, было их не меньше двадцати. Страх не сможет удерживать долго стольких монстров.

Поэтому я спрыгнул с повозки и с криком: «Занятия окончены!» — бросился к выходу.

Чудовища устремились за мной, лая и рыча. Я понадеялся, что с их коротенькими толстыми лапами и ластами они не так уж быстро бегают, но напрасно, ковыляли они за мной очень энергично. Слава богам, что на выходе из туннеля оказалась дверь, отделявшая его от пещеры с лавой. Я

быстренько в нее юркнул, навалился на ручку-колесо и запер за собой. Конечно, много времени я не выиграю.

Что делать дальше, я просто не знал. Аннабет, невидимая, бродит где-то неподалеку. Наши шансы на бескровную разведку потерпели неудачу. И я бросился бегом к платформе, расположенной в самом центре ямы с лавой.

* * *

— Аннабет! — заорал я громко.

— Шшш. — Невидимая рука зажала мне рот и потащила туда, где стоял большой бронзовый котел. — Ты что, хочешь, чтобы нас тут прикончили?

Я нащупал ее голову и сорвал с нее бейсболку. Прямо передо мной стояла Аннабет, вся хмурая и вымазанная золой пополам с какой-то жирной грязью.

— Перси, в чем дело?

— Скоро мы окажемся в довольно многочисленной компании.

И я наскоро рассказал ей об «уроке профорientации» у тельхинов. Глаза Аннабет распахнулись в удивлении.

— Так вот какие они, тельхины, — прошептала она. — Мне следовало догадаться раньше. Значит, это они... Так, погляди-ка!

Мы выглянули из-за котла. В центре платформы стояли четыре морских демона, вполне взрослые особи ростом не меньше восьми футов. Их черная кожа блестела в свете огней, искры разлетались снопами, когда они стучали молотами по длинному рельсу раскаленного добела металла.

— Лезвие почти готово, — сказал один. — Теперь осталось только охладить его в крови, чтобы сплавить оба металла вместе.

— Ага. Этот выйдет поострее, чем прежние.

— Что это? — шепотом спросил я у Аннабет.

Она неуверенно покачала головой.

— Они все время твердят о плавке металлов. Я думаю...

— Они все время, как ты говоришь, «твердят» о создании самого лучшего меча для титана, — оборвал я ее. — Тельхины сказали, что трезубец моего отца был выкован именно ими.

— Тельхины изменили богам, — возразила Аннабет. — Они пользовались в своем ремесле черной магией. Я не знаю точно за что, но Зевс заточил их в Тартар.

— Вместе с Кроносом.

Она кивнула и продолжила:

— Нам нужно разузнать...

Но не успела Аннабет договорить, как дверь классной комнаты под напором учеников распахнулась и они всей гурьбой выкатились в пещеру. Тут они принялись озираться, соображая, в какую сторону кинуться.

— Надевай быстрее свою кепку! — велел я. — И прячься!

— Что? — Аннабет даже вздрогнула. — Я не брошу тебя одного!

— У меня есть план. Я их отвлеку. А ты хватай паука, и пусть он поскорей ведет тебя обратно к Гефесту. Богу-кузнецу нужно знать о том, что нам удалось здесь разведать.

— Но они тебя растерзают!

— Подавятся! К тому же другого варианта нет.

Аннабет смотрела на меня так, будто собиралась стукнуть, и я поскорей отодвинулся. Но она сделала совсем другое. Она меня поцеловала!

— Береги себя, Рыбьи Мозги. — С этими словами она нахлобучила кепку и исчезла.

Я, может, и простоял бы столбом целый день, таращась на огонь и стараясь припомнить, как меня, собственно, зовут, но морские демоны не дали мне такой возможности.

— Вон он! — заорал один из них, и тельхины всей гурьбой бросились ко мне.

Я выбежал на середину платформы, удивив кузнецов до такой степени, что они выронили из рук свежевыволенное лезвие. Оно было длиной шесть футов и изгибалось полумесяцем. Я повидал много страшных вещей, но страшнее этого полыхающего алым пламенем клинка не видел ничего.

Взрослые тельхины быстро оправились от испуга. С платформы вело четыре трапа, и не успел я броситься к одному из них, как они загородили подходы ко всем четырем.

Самый здоровенный из них рявкнул:

— Кто это тут у нас? Сын Посейдона?

— Ага, — прорычал другой. — Я чувствую запах моря в его жилах.

Я поднял Анаклузмос, сердце мое колотилось о ребра со страшной силой.

— Попробуй тронь хоть одного из нас, полукровка, — пролаял третий, — и остальные разорвут тебя на части. Твой отец — предатель. От нашего подарка он не отказался, но когда нас швырнули в Тартар, не проронил ни слова в нашу защиту. Так что мы с удовольствием посмотрим, как его разрубят на кусочки. Да и остальных олимпийцев тоже.

Хотел бы я знать, что мне делать дальше! Я ведь попросту обманул Аннабет, сказав, что у меня есть план. Мне надо было, чтобы она оказалась в безопасности, и я надеялся, что у нее хватит на это мозгов. Но сейчас до меня дошло, что именно здесь я могу погибнуть. Без всяких там предсказаний. Я торчу в самом сердце вулкана в осаде целой своры морских демонов с собачьими мордами. Юные тельхины, захлебываясь лаем, лезли на платформу, чтобы посмотреть, как со мной разделаются старшие.

Вдруг я почувствовал, как что-то обожгло мою ногу. Ледяной свисток в моем кармане словно бы стал еще холоднее. Если мне когда-либо может понадобиться помощь, то именно сейчас самое время ее попросить. И все равно я колебался. Не доверял я что-то дару Квинтуса.

Но не успел я на что-нибудь решиться, как самый высокий из тельхинов сказал:

— Давайте посмотрим, насколько он силен? Сколько времени понадобится, чтобы сжечь его?

Он выгреб немного лавы из ближайшей печи, пальцы его при этом засветились от жара, но тельхин словно не заметил этого. Остальные сделали то же самое. Первый бросил в меня горсть раскаленных камней, и штаны на мне загорелись. Двое других швырнули мне шипящую лаву на грудь. Я в ужасе выронил меч и кинулся отряхиваться. Огонь охватил меня. Странно, но сначала он показался мне просто чуть теплым и только потом стал жарче.

— Тебя защищает твоя морская природа, малец, — сказал один. — Конечно, трудновато тебя будет сжечь. Трудно, но возможно.

Они продолжали швырять в меня лаву, и, помню, я закричал. Все мое тело жгло огнем. Такой страшной боли я еще не чувствовал никогда. Пламя будто пожирало меня. Я рухнул на металлический пол и услышал, как тельхины всей толпой взвыли от восторга.

И тут я вспомнил слова речной наяды на ранчо Гериона. Она тогда сказала: «Вода внутри меня».

Мне нужно море! В животе у меня что-то забурлило, но ничего не получалось. Ох, если бы мне кто-то хоть немного помог! А тут нет ни реки, ни краника какого-нибудь водопроводного. Кроме того, когда в прошлый раз я высвободил свои силы в конюшнях Гериона, внутри меня что-то будто оторвалось. Я запомнил тот пугающий момент.

Выбора у меня не было. Я воззвал к морю. Заглянул в самого себя, вообразил морские волны и приливы, представил бесконечную мощь океана. И со страшным криком выпустил ее наружу.

Впоследствии я никогда не мог описать того, что произошло. Взрыв, огромной силы приливная волна... водоворот подхватили меня и швырнули в лаву. Огонь и вода столкнулись, поток стал неимоверно горячим, и я, выброшенный сильнейшим взрывом, вылетел из жерла вулкана. Меня выкинуло вверх с такой силой, с какой подбрасывает щепку давление в миллион атмосфер. Последнее, что я запомнил, прежде чем потерять сознание, был полет. Я взлетел так высоко, что если бы об этом узнал Зевс, он бы мне никогда не простил. Потом началось падение, и в это время дым, и пламя, и вода оставили меня. Я превратился в одиноко мчащуюся к земле комету.

Глава двенадцатая

У меня бессрочные каникулы

Я просыпался медленно. Первое, что я почувствовал, — такое ощущение, будто мое тело все еще охвачено огнем. Кожа горела, в горле пересохло, и оно саднило так, словно я наглотался песка.

Высоко-высоко надо мной качались вершины деревьев и сияло голубое небо. Слышалось журчание фонтана, воздух наполнял сладкий запах кедра, можжевельника и каких-то других ароматных растений. До меня доносился шепот волн, мягко набегавших на каменистый берег. На минуту возникла мысль, что я умер, но потом я догадался, что это не так. Мне пришлось однажды побывать в Царстве мертвых, и голубого неба там не было.

Я сделал попытку сесть, но из этого ничего не вышло. Мышцы в моем теле будто расплавились.

— Не шевелись, пожалуйста, — сказал девичий голос. — Ты еще слишком слаб, тебе нельзя вставать.

На мой лоб легла прохладная повязка, перед глазами появилась бронзовая ложечка, рот оросила приятная жидкость. От этого питья унялась боль в горле, а на губах остался теплый привкус шоколада. Нектар богов! В следующую минуту я увидел лицо поившей меня девушки.

Миндалевидные глаза, волосы цвета карамели красиво переброшены на одно плечо. Ей было лет... Пятнадцать? Шестнадцать? Я не мог сказать точнее, ибо лицо ее принадлежало к тому типу, который словно бы не меняется с возрастом. Неожиданно для меня из уст ее полилась песня, и боль моя мгновенно растворилась в этом пении. О, выходит, она знакома с волшебством? Я чувствовал, как музыка, словно пронизывая мою кожу, течет сквозь меня, излечивая ожоги и утишая боль.

— Кто ты? — хрипло прокаркал я.

— Шшш, храбрый юноша, — шепнула она. — Отдыхай и набирайся сил. Тут тебе не грозят никакие опасности. А зовут меня Калипсо.

* * *

Когда я проснулся в следующий раз, то увидел, что снова нахожусь в пещере, только она вовсе не походила на мрачные подземелья лабиринта, в

которых мне пришлось побывать. Потолок надо мной сверкал многоцветными кристаллами, они были белыми, пурпурными, зелеными, и мне показалось, что я очутился в самой сердцевине кристаллической друзы из тех, что иногда продаются в сувенирных лавках. Я лежал в уютной постели, на белоснежных хлопковых простынях, а моя голова покоилась на мягчайшей, набитой пухом подушке. По всему пространству пещеры, и тут и там, были развешаны белые шелковые занавеси, разделявшие ее на уютные островки. У одной стены стояла прислоненная к ней арфа, рядом я увидел большой ткацкий станок. Другая стена была забрана рядами полок, сплошь уставленных банками с фруктовыми консервами, с потолка пещеры свисали связки сухих трав. Я узнал только розмарин и тимьян, но моя мама сумела бы назвать каждую из них.

Третью стену занимал огромный очаг, и сейчас с той стороны слышалось бульканье закипающего на его пламени горшка. Запах доносился очень аппетитный, похоже, говяжье рагу.

Стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в висках, я попытался сесть в кровати. Мельком взглянул на свои руки, не сомневаясь, что увижу на них шрамы от ожогов, но ничего подобного. Ладони были, может, чуть розовее обычного, но и все. Грудь мою обтягивала белая футболка, на ногах красовались пижамные штаны — вещи, явно мне не принадлежавшие. Ступни босые. На мгновение меня охватил трепет от страшной мысли, что мой Анаклузмос потерялся, но стоило мне сунуть руку в карман пижамы, как я тут же нащупал волшебную шариковую авторучку.

Причем не только ее. Свисток, выточенный из стигийского льда, тоже был на своем месте. Каким-то магическим образом он умудрялся не оставлять меня. Мне это не очень понравилось.

С трудом я встал на ноги, каменные плиты пола холодили ноги. Но я забыл об этом, когда повернулся и в отполированном до блеска бронзовом зеркале увидел свое отражение.

— О Посейдон! — вырвалось у меня едва слышно.

Я выглядел так, будто потерял фунтов двадцать веса и эти фунты были совсем не лишними. Прическа моя напоминала воронье гнездо, кончики волос опалены наподобие бороды Гефеста. Если б тип с подобной внешностью попросил меня подвезти его, я бы точно поторопился запереть дверцу машины перед его носом.

С этой мыслью я поспешил отвернуться от зеркала. Выход из пещеры располагался слева, и я направился к льющемуся с той стороны потоку дневного света.

За порогом пещеры расстился прекрасный луг, по одну руку от него зеленела кедровая рощица, а по другую цвел роскошный сад. Луг украшали четыре изваянных из камня фонтана, изображавшие сатиров, из их свирелей взвивались в воздух мелодично журчащие, сверкающие струи воды. А прямо впереди луговая трава сменялась галечным пляжем, о который с ласковым шорохом плескались волны озера. Я сразу догадался, что это озеро потому... потому что... не знаю почему. Ясно как божий день, что это не морская соленая вода. Солнце играло на его гладкой поверхности, ясное небо блистало синевой. Все окружающее показалось мне до того похожим на рай, что я не на шутку встревожился. Если б вам пришлось, как мне, несколько лет проучиться по учебникам, напичканным разными мифами о загробной жизни, вы бы тоже на моем месте встревожились. Живым в рай еще никто не попадал.

На пляже стояла та девушка по имени Калипсо с волосами цвета карамели и с кем-то разговаривала. Ее собеседника мне было никак не разглядеть из-за того, что солнечные лучи, отражаясь от воды, бросали на все вокруг сверкающие блики, но мне показалось: эти двое о чем-то спорят. Так я и стоял, глядя на них и стараясь припомнить, что рассказывалось в древних мифах о нимфе по имени Калипсо. Я точно знал, что раньше слышал о ней, только не помнил, что именно? Она принадлежала семье чудовищ? Кажется, она заманивала героев в сети соблазна и убивала их? Но если она такая злая, то почему я до сих пор жив?

Я медленно направился к берегу, чувствуя, что мои ноги подгибаются при ходьбе, будто ватные. Когда трава сменилась гравием, мне пришлось опустить глаза и смотреть, куда я ставлю ступню, чтобы не потерять равновесия. А когда я вновь поднял взгляд, Калипсо уже была одна. Она стояла на берегу, одетая в греческую тунику без рукавов, по низкому вырезу которой шла отделка из золотого шитья. Девушка вытирала глаза, будто старалась скрыть следы слез.

— Что я вижу? — Она попыталась изобразить улыбку. — Мой соня наконец-то проснулся.

— С кем ты сейчас говорила?

Мой голос был здорово похож на кваканье лягушки, которую долго держали в микроволновке.

— Этот? Ах, просто один посыльный, — небрежно бросила она. — Как ты себя чувствуешь?

— Сколько времени я здесь нахожусь?

— Времени? — Калипсо на минутку задумалась. — Видишь ли, за временем тут никто не особенно следит. Честно скажу, Перси, я не знаю,

как давно ты здесь.

— Откуда тебе известно, как меня зовут?

— Ты разговаривал во сне.

— А-а. — Я покраснел. — Мне уже не раз говорили, что за мной такое водится.

— Наверное. А кто такая Аннабет?

— Это... ну, в общем, одна моя подруга. Мы вместе с ней были, когда... Погоди-ка, а как я попал сюда? И вообще, где я?

Калипсо чуть подалась вперед и пробежала пальцами по моим спутанным волосам. От ее прикосновения я шарахнулся назад, как испуганный конь.

— Извини, просто я привыкла заботиться о тебе. А насчет того, как ты попал сюда, могу сказать, что ты просто-напросто свалился ко мне с неба. И прямо в воду. — Она указала рукой на озеро. — Не знаю даже, как ты умудрился выжить. Когда я увидела тебя, мне показалось, что ты лежишь на воде спокойно, будто в колыбели, и она баюкает тебя. А остров этот называется Огигия.

Она так смешно произнесла это слово: О-о-хи-и-хи-ия.

— Это, кажется, рядом с горой Сент-Хеленс?

С географией у меня всегда было неважно.

Калипсо рассмеялась. Смех ее звучал чуточку натянуто, как будто я показался ей жутко смешным, но она не хочет обидеть меня откровенной насмешкой. Она стала такой хорошенькой, когда рассмеялась!

— Мой остров ни с чем не рядом, герой, — ответила она наконец. — Огигия — призрачный остров. Он существует сам по себе, везде и нигде. Здесь ты можешь чувствовать себя в безопасности. Бояться тебе абсолютно нечего.

— Но как же мои друзья?

— Аннабет? — уточнила она. — И Гроувер с Тайсоном?

— Точно. Мне нужно возвратиться к ним. Боюсь, они-то не в безопасности.

Когда она второй раз прикоснулась кончиками пальцев к моему лицу, я уже не испугался.

— Сначала тебе нужно набраться сил. Что толку от тебя твоим друзьям, когда ты так слаб и сам нуждаешься в помощи.

Как только она это сказала, я сразу почувствовал себя невероятно усталым.

— А ты... ты не злая колдунья?

— С чего ты так решил? — Калипсо лукаво улыбнулась.

— Потому что, знаешь, я уже встречался однажды с одной волшебницей, Цирцеей, на ее острове. Она тоже, между прочим, была очень красивой. Только эта Цирцея обращала людей в морских свинок.

Калипсо снова рассмеялась.

— Обещаю, что не стану обращать тебя в морскую свинку.

— А в кого-нибудь другого?

— Нет, я незлая колдунья, — прямо сказала она. — И совсем не враг тебе, храбрый герой. А теперь пора подумать об отдыхе. У тебя глаза сами закрываются.

Калипсо была права. Ноги у меня вдруг подогнулись, и я непременно уселся бы прямо на гальку, если б она не подхватила меня. Девушка оказалась очень сильной, а может, это просто я стал тощим и легким. Калипсо подвела меня к скамье, стоящей у фонтана, и помогла прилечь на подушки. Волосы ее пахли корицей.

— Отдыхай, — приказала она.

И я провалился в сон, в котором пели фонтаны и пахло корицей и можжевельником.

* * *

В следующий раз, когда я проснулся, стояла глубокая ночь, и я совсем не был уверен, что это ночь после того самого дня, а не какая-нибудь другая. Обнаружив, что лежу в своей постели в пещере, я потихоньку встал, натянул футболку и зашлепал к выходу. Звезды сияли в небе как бриллианты, тысячи их рассыпались по небосводу. В городах никогда не увидишь сразу такой уймы звезд. Я даже мог различить некоторые созвездия, их мне когда-то показала Аннабет. Козерог, Пегас, Стрелец... А около горизонта стояло новое созвездие, Охотница, названное в честь одной из наших подруг. Она погибла прошлой зимой.

— Перси, что ты там ищешь?

Я вернулся на землю. Как ни прекрасны были мерцающие звезды, Калипсо в сто раз их красивее. Я хочу сказать, что видел саму богиню любви Афродиту, и, на мой взгляд, Калипсо даже прекрасней, чем она. Только, конечно, я ни за что не стал бы объявлять это во всеуслышание, а то как бы Афродита не вздумала испепелить меня. Но честно, Калипсо красивее, хотя бы только потому, что она выглядит так, будто ей и в голову не приходила мысль о ее красоте и она совсем не старалась эту красоту подчеркивать. Она была такой на самом деле. С заплетенными в косы

карамельного цвета волосами, в белом платье, она словно сияла в лунном свете. В руке Калипсо держала какое-то крохотное растение с изящными серебристыми цветами.

— Я смотрел на... — Я глаз не мог оторвать от лица девушки. — Забыл, на что я смотрел.

Она негромко рассмеялась.

— Пусть так. А раз ты все равно встал, помоги мне, пожалуйста, посадить этот цветок.

Девушка протянула мне растение, корни его были укрыты комом земли. Цветы слабо засветились, когда я прикоснулся к ним рукой. Калипсо захватила с собой садовую лопатку, и мы пошли в другой конец сада, где она начала копать лунку.

— Этот цветок называется «лунное кружево», — говорила она между делом, — и сажать его можно только ночью.

Я смотрел, как с лепестков слетают серебристые огоньки...

— Что этот цветок делает?

— Делает? — удивилась Калипсо. — Что он может делать? Ничего не делает. Цветок растет, светится по ночам, дарит красоту. Разве он должен еще что-то делать?

— Наверное, не должен, — согласился я.

Она потянулась, чтобы забрать у меня цветок, и нечаянно наши руки встретились. Пальцы у нее были теплые-претеплые.

Калипсо опустила цветок в ямку, забросала землей и отступила, любуясь своей работой.

— Мне нравится мой садик, — сказала она.

— Ага, и мне. Он очень красивый.

Я не хочу сказать, что много понимаю в разных садиках, но здесь, на острове Калипсо, у подножий деревьев цвели розы шести разных оттенков, решетки были увиты жимолостью, а на виноградных шпалерах зрели гроздья винограда, чей вид заставил бы умереть от зависти самого Диониса.

— Там, дома, — сказал я, — моя мама всегда хотела иметь свой садик.

— А почему она его не посадила?

— Где? На Манхэттене? Мы же живем в Нью-Йорке, в малюсенькой квартирке.

— Что такое Манхэттен? И что такое квартирка?

— Ты не понимаешь, о чем я говорю? — Я удивленно взглянул на нее.

— Боюсь, что нет. Я ведь не покидала Огигию... уже очень давно.

— Ну, знаешь, Манхэттен это такая часть одного большого города, и

там не очень-то увлекаются всякими садиками.

— Как грустно. — Калипсо нахмурилась. — Гермес, он иногда навещает меня, говорил мне, что мир очень изменился. Но я не знала, что он изменился так сильно, что вы уже даже сады не можете выращивать.

— А почему ты давно не покидала Огигию?

Она опустила глаза и печально сказала:

— Меня подвергли такому наказанию.

— За что? Что ты сделала?

— Я? Ничего, конечно. Это все мой отец. Я ведь дочь Атласа.

От этого имени у меня дрожь пробежала по спине. Я встречался с титаном Атласом прошлой зимой, и это была не самая приятная встреча в моей жизни. Титан пытался убить всех самых дорогих для меня людей.

— Ну и что? — неуверенно произнес я. — Несправедливо наказывать тебя за то, что сделал твой отец. Я знал другую дочь Атласа, ее звали Зоя. И эта девушка была самой храброй из всех, кого я видел.

Калипсо долго смотрела на меня. Ее глаза стали грустными-грустными.

— Что ты так смотришь? — наконец решился спросить я.

— Скажи, а ты уже... уже хорошо себя чувствуешь, мой герой? И собираешься скоро оставить меня?

— Оставить? — переспросил я. — Не знаю. — Я переступил с ноги на ногу, прислушался. Ноги все еще болели. И у меня начинала кружиться голова, если я долго оставался в вертикальном положении. — А ты хочешь, чтобы я поскорей ушел?

— Я... — Голос ее прервался. — До свидания. Увидимся утром. Приятных снов!

Калипсо побежала к озеру. Я растерянно смотрел ей вслед, не в силах отвести глаз.

* * *

Не знаю точно, сколько времени прошло. Как и говорила Калипсо, уследить за временем на этом острове не было никакой возможности. Я понимал, что мне пора возвращаться. Хотя бы потому, что мои друзья беспокоятся обо мне. Не говоря уж о том, что им может грозить серьезная опасность. Я даже не знал, сумела ли Аннабет выбраться из жерла вулкана. Несколько раз я пытался настроиться мыслями на одну волну с Гроувером, но контакта не получалось. Меня ужасно раздражало, что я не могу узнать,

все ли у них в порядке.

Но с другой стороны, все-таки я был еще очень слаб. Больше часа или двух я не мог оставаться на ногах. Что бы я ни сделал там, на горе Сент-Хеленс, это отняло у меня больше сил, чем когда-либо.

Нет, я вовсе не чувствовал себя узником Калипсо. Я отлично помнил отель «Лотос» и казино в Вегасе, где я доигрался до того, что чуть было не позабыл обо всем на свете. Нет, остров Огигия — совсем другое дело. Я постоянно думал о Аннабет, Гроувере, Тайсоне. Точно знал, почему мне надо уходить отсюда. Просто... я как-то не мог решиться на это. А тут еще красота Калипсо.

Она никогда толком не рассказывала мне о себе, и из-за этого меня обуревало любопытство. Я сидел на лугу, потягивал из чаши нектар, пытался думать о цветах, или облаках, или об отражениях, играющих на озерной глади, но что бы я ни делал, я не сводил глаз с Калипсо. Я смотрел, как она работает, копает землю, забрасывает за спину волосы или сдувает со лба упавшую прядку. Иногда она вытягивала руку, и птицы — попугайчики лори, голуби — слетали с ближайших деревьев и садились к ней на ладонь. Она здоровалась с ними, спрашивала, цело ли их гнездышко, они что-то чирикали в ответ, а потом разлетались. Глаза Калипсо светились счастьем в такие минуты. Она оглядывалась на меня, и мы обменивались улыбкой, которая тут же сменялась на ее лице грустью. И она отворачивалась. Я не понимал, что так тревожит Калипсо.

Однажды вечером мы вместе сидели на пляже и ужинали. Невидимые слуги притащили стол, поставили на него блюда с мясом и кувшин с яблочным сидром. Может, для вас эти слова и не звучат очень уж привлекательно, но это только потому, что вы не пробовали сидра и мяса на острове Огигия. К тому же со дня своего появления здесь я не видел ни одного слуги, но теперь уже привык к тому, что постели каким-то чудесным образом бывают убраны, блюда приготовлены, и очень искусно, а одежда выстирана и сложена чьими-то невидимыми руками.

В общем, сидели мы в тот раз с Калипсо за ужином, и при свете свечей она выглядела ослепительно прекрасной. Я рассказывал ей про Нью-Йорк и немного о Лагере полукровок. А потом нечаянно вдруг рассказал о том, как Гровер съел яблоко, которым мы до того играли в сокс.^[13] Калипсо рассмеялась, на ее губах снова расцвела чудесная улыбка, наши взгляды встретились. Но она быстро опустила глаза.

— Вот опять, — сказал я.

— Что опять?

— Опять ты будто убегаешь от меня. Ведешь себя так, словно не

разрешаешь себе радоваться.

Калипсо помолчала, не отрывая глаз от чаши с сидром, потом ответила.

— Я ведь говорила тебе, Перси, что я наказана. Ты, может, даже сказал бы — проклята.

— За что? Расскажи мне. Я хочу помочь тебе.

— Не говори так. О, пожалуйста, забудь об этом.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказала. Калипсо накрыла остатки еды на тарелке салфеткой, и в ту же минуту тарелка исчезла.

— Этот остров, Перси, мой родной дом, тут я родилась. Но также он и моя темница. Я живу под домашним арестом, думаю, тебе это слово понятно. Под постоянным домашним арестом. Я никогда не увижу твой Манхэттен. Или любое другое место. И я ужасно одинока.

— Это все из-за того, что ты дочь Атласа?

Она кивнула.

— Боги не любят доверять врагам. Это справедливо, поэтому я и не жалуясь. К тому же не все темницы так прекрасны, как моя.

— Нет, это несправедливо! — вскричал я. — Если вы родственники, это вовсе не значит, что ты на его стороне. Та, другая дочь Атласа, с которой я был знаком, Зоя Ночная Тень, — она сражалась против отца. И ее не заключали в темницу.

— Но я-то против него не сражалась, понимаешь, Перси, — мягко возразила Калипсо. — Наоборот, я поддерживала его. Ведь он мой родной отец.

— Как поддерживала? Но ведь ты знаешь, что титаны — зло!

— Да? Все как один? И всегда были такими? — Она с жаром забросала меня вопросами. Затем сжала упрямо рот, помолчала, но через минуту попросила: — Объясни мне это, Перси. У меня нет желания спорить с тобой, просто объясни. Вот ты поддерживаешь богов. Скажи, ты это делаешь потому, что считаешь их хорошими, или только потому, что сам принадлежишь к их семье?

Я не ответил.

Калипсо рассуждала правильно. Прошлой зимой, после того как нам с Аннабет посчастливилось спасти Олимп, боги долго спорили между собой, как им поступить со мной. Убить или нет. Конечно, это было не очень-то хорошо с их стороны... Нет, наверное, все-таки я воюю на стороне богов потому, что мой отец Посейдон.

— Наверное, я была не права в той войне, — продолжала Калипсо. — И, если говорить честно, боги не поступили со мной очень уж жестоко.

Время от времени меня разрешено навещать. Мне приносят вести из большого мира. Только те, кто приходит, могут оставить остров, а я не могу.

— И у тебя нет друзей? — спросил я. — Я хочу спросить, здесь кроме тебя живет еще кто-нибудь? Ведь тут так красиво.

— Я запретила себе говорить об этом, — слеза скатилась по ее щеке, — но, знаешь...

Слова Калипсо были прерваны странным грохочущим звуком, внезапно налетевшим с озера. Над горизонтом встало зарево, с каждой минутой оно разгоралось ярче и ярче, пока наконец не превратилось в столп огня, летевший над поверхностью воды прямо на нас.

— Что это?

Я вскочил на ноги и выхватил меч.

И услышал спокойный ответ Калипсо:

— Посетитель.

Когда огненный столп достиг берега, Калипсо уже тоже стояла на ногах. Затем отвесила вежливый поклон. Языки пламени рассеялись, и перед нами возник высокий мужчина в сером комбинезоне, с металлической скобой на ноге и волосами, опаленными огнем.

— Повелитель Гефест, — обратилась к нему Калипсо, — какая редкая честь!

— Нимфа Калипсо, вы как всегда прекрасны. — Бог огня усмехнулся. — Но прошу извинить, мне надо перемолвиться парой слов с нашим юным Перси Джексоном.

* * *

Гефест неуклюже присел за обеденный стол и вслух пробормотал приказ подать ему пепси. На столе тут же появилась бутылка, из нее резко выпрыгнула пробка, и вспенившаяся жидкость плеснула на рабочие одежды бога.

— Неповоротливое отродье эти слуги, — пробормотал он. — Хороший автоматон, вот чего здесь не хватает прежде всего. Этот никогда не подведет.

— Гефест, — не выдержал я, — расскажите, что происходит в мире? Аннабет жива?

— Жива и здорова. Между прочим, довольно находчивая девушка, твоя Аннабет. Умудрилась отыскать путь назад, в мою кузницу, и обо всем

увиденном толково мне рассказала. Она очень беспокоится о тебе, знаешь ли.

— Вы сказали ей, что у меня все нормально?

— Не мое это дело разносить людям вести. Все думают, что ты погиб. И я решил, надо убедиться, что ты не передумал вернуться к друзьям, прежде чем рассказывать им, где ты находишься.

— О чем вы говорите? Разумеется, я вернусь, как же иначе.

Гефест скептически оглядел меня. Потом выудил что-то из кармана, оказалось, это металлический диск размером с компьютер-наладонник. Он нажал на кнопку, и диск превратился в миниатюрный бронзовый телевизор. Голос дикторши озвучивал выпуск новостей, передача шла от подножия горы Сент-Хеленс, а изображенная на экране гора выстреливала в небо клубами дыма, огня и пепла.

— Возможность дальнейшего извержения все еще остается под вопросом, — вещала дикторша. — Власти отдали приказ в качестве меры предосторожности эвакуировать примерно полмиллиона жителей ближайшего региона. Только что мы получили известие, что зона вблизи озера Тахо и города Ванкувера, а также горы Сент-Хеленс закрыта для проезда в радиусе одной сотни миль. Количество пострадавших остается неизвестным, смертельные случаи не отмечены, имеются лишь неопасные ранения и ушибы.

Гефест выключил телевизор.

— Неплохой взрыв ты там устроил.

Я застыл, не сводя глаз с бронзового телеприемника. Полмиллиона людей эвакуировано? У них ушибы, ранения. Что я наделал?!

— Тельхины рассеялись. — Гефест продолжал засыпать меня новостями. — Некоторые из них испарились. Некоторые, несомненно, сбежали и где-то укрылись. Не думаю, однако, что им еще когда-нибудь придет в голову воспользоваться моей кузницей. Но, с другой стороны, для меня она тоже потеряна. Взрыв нарушил сон Тифона. Теперь следует ожидать...

— Но это-то не моих рук дело, правда? Не столько же у меня сил, чтобы разбудить Тифона.

— Не столько сил? — Гефест ухмыльнулся. — И это говоришь ты, сын Сотрясающего Землю? Хватит меня дурить. Ты и сам пока не знаешь своих возможностей.

Меньше всего на свете мне хотелось услышать такое. Да, когда я был на той горе, я сам не понимал, что делаю. Потому и вырвалось такое огромное количество энергии. Я чуть не подорвался на ней и не

распростился с жизнью. А теперь оказывается, что я едва не уничтожил северо-западный район США и к тому же почти разбудил самое страшное из чудовищ, которых когда-либо заключали под стражу бога. Может, я вообще слишком опасен? Может, для моих друзей будет спокойнее думать, что я умер?

— А что известно о Тайсоне и Гроувере?

— Ни словечка, к сожалению. — Гефест покачал головой. — Как бы лабиринт не разделался с ними.

— Итак, что вы от меня ожидаете?

— Не надо спрашивать советов у такого старого калеки, как я, парень. — Гефест подмигнул мне. — Хотя один-то совет я тебе все-таки дам. Тебе доводилось встречаться с моей супругой?

— С Афродитой?

— Ну да. Хитрая она бестия, парень. Так что поосторожней, смотри не влюбись тут в кого. Эта любовь тебе так вскружит мозги и задурит голову, что забудешь, как тебя зовут.

Я вспомнил свою встречу с Афродитой прошлой зимой. Это случилось, когда ее белый «кадиллак» неожиданно появился посреди пустыни. Она тогда сказала, что питает ко мне особый интерес. И что неудачи, вечно преследующие меня на любовном фронте, это ее рук дело.

— Это часть ее плана? — спросил я. — Это она меня сюда забросила?

— Может, и так. С ней трудно сказать что-либо наперед. Но если ты решишь уехать отсюда — а я и сам понятия не имею, хорошо это будет для тебя или плохо, — то обещаю, что получишь ответ на свой вопрос. Я расскажу тебе, как найти Дедала. Даже прямо сейчас и расскажу. Нить Ариадны тут вовсе ни при чем. Нет, не так. Нить Ариадны работает, потому армия титанов так за ней и охотится. Но наилучший путь через лабиринт... Вспомни, Тесею помогала царская дочь, а она была простой смертной. Ни одной капли божественной крови не текло в ее жилах. Но Ариадна была умной девушкой, парень, и умела видеть, что есть что. То есть я хочу сказать — ты сам сумеешь узнать, как надо продвигаться по лабиринту.

Вот оно. Понятно. И почему я не догадался об этом раньше? Гера тоже была права. Ответ давно готов!

— А-а, — протянул я. — Да, я понял.

— В таком случае тебе остается только решить, собираешься ты отсюда двигать или нет?

— Я... — Я был уверен, что хочу сказать «да», но слова почему-то застряли у меня в горле.

Я уставился в землю, сама мысль о том, что придется уехать с острова,

показалась мне невыносимой.

— Можешь еще подумать и принять решение попозже, — посоветовал Гефест. — Подожди до рассвета. Рассвет самое лучшее время для принятия решений.

— А Дедал поможет нам? — спросил я. — Я хочу сказать, если он обучит Луку способу преодоления лабиринта, мы погибли. Я однажды видел сон и знаю, Дедал когда-то убил своего племянника. И потому теперь он стал таким злым и жестоким.

— Думаешь, легко быть самым талантливым изобретателем в мире? — в полный голос возмутился Гефест. — Всегда один! Никто тебя не понимает! Станешь тут злым и жестоким, наделаешь самых ужасных ошибок. Да с людьми потруднее, чем с любыми механизмами. К тому же стоит тебе натворить бед, как всё. Их уже не исправить.

Гефест отряхнул с одежды последние капли пепси.

— Начинал-то он хорошо. Помог царевне Ариадне с Тесеем только потому, что пожалел их. Старался делать добрые дела. И из-за этого все в его жизни пошло кувырком. Это, по-вашему, справедливо? — Бог пожал плечами. — Я не знаю, станет ли Дедал помогать вам, но не суди другого, парень, пока ты сам не встал в его кузницу и не намахался как следует его молотом. Так?

— Я... я постараюсь.

Гефест поднялся на ноги.

— Пока, Перси. Ты здорово поступил, укокошив этих самых тельхинов. Век не забуду такой услуги.

Сказанные им напоследок слова показались мне настоящим прощанием. Так говорят, когда расстаются надолго. Потом Гефест прямо на глазах снова обратился в столп пламени, промчался над водой и исчез.

* * *

Я несколько часов бродил по берегу озера. Когда наконец вернулся на луг, было уже очень поздно, наверное, четыре-пять утра. Калипсо оказалась в саду, она возилась со своими цветами при лунном свете. «Лунное кружево» сияло серебром, другие растения, повинувшись ее волшебству, светились красным, желтым, синим.

— Он приказал тебе возвращаться, — предположила Калипсо.

— Не то чтобы приказал... Просто предоставил мне шанс.

Наши глаза встретились.

— Я дала обещание, что не стану тебе этого предлагать.

— Не станешь предлагать что?..

— Остаться со мной.

— Остаться? — переспросил я — Это как? Навсегда?

— Ты обрел бы бессмертие на моем острове, — тихо продолжала Калипсо. — Не узнал ни старости, ни смерти. В конце концов, ты можешь предоставить сражаться другим, Перси Джексон. И ты избежал бы уготованной и предсказанной тебе участи.

— Вот так просто? — Я изумленно уставился на нее.

— Да, так просто, — кивнула нимфа.

— Здорово... Но, понимаешь, мои друзья...

Калипсо поднялась и, подойдя ко мне, взяла меня за руку.

— Помнишь, ты спросил о моем проклятии, Перси? Я не хотела тебе ничего рассказывать о нем. Правда в том, что временами боги присылают мне спутника. Один раз в тысячу лет они позволяют кому-нибудь из героев высадиться на моем острове. Попавшему в крушение я оказываю помощь, ухаживаю за ним, мы становимся друзьями. Но это никогда не бывает случайным, богини судьбы следят за тем, чтобы герой, которого они сюда посылают...

Ее голос прервался, Калипсо пришлось замолчать.

— Что же дальше? — Я крепче сжал ее пальцы. — Что я сделал такого, что ты грустишь?

— Они посылают того, кто никогда не сможет остаться со мной, — прошептала она, — кому моя дружба нужна лишь ненадолго. И того... в кого я не могу не влюбиться.

Ночь стояла тихая-тихая, только пели о чем-то фонтаны да волны плескались о берег. Прошло довольно много времени, прежде чем я понял, что она имела в виду.

— Ты про меня?.. — спросил я.

— Если бы ты сейчас видел свое лицо... — Калипсо подавила улыбку, а в глазах ее стояли слезы. — Конечно, про тебя, про кого ж еще.

— Потому-то ты и грустила все время?

— Я изо всех сил старалась не влюбиться. Но не смогла. Богини судьбы жестоки. Вот они и послали ко мне тебя, отважного героя, зная, что ты разобьешь мое сердце.

— Но... я только... я хочу сказать, что я самый обычный парень.

— Теперь с этим покончено, — пообещала Калипсо. — Я сказала себе, что больше не буду даже думать об этом. Я собиралась отпустить тебя, даже ничего не пообещав. Но не смогла. Наверное, они знали об этом

заранее. Ты мог бы остаться со мной, Перси. И увы, это единственный для тебя способ помочь мне.

Я смотрел на горизонт. Первые красные штрихи тронули краешек неба. Я могу остаться здесь навсегда и никогда больше не возвращаться на землю. Я жил бы здесь с Калипсо, и невидимые слуги предугадывали каждое мое желание. Мы выращивали бы цветы в саду, разговаривали с певчими птицами и бродили по берегу под самыми ясными на свете небесами. Ни войны. Ни страшного пророчества. И нет нужды раздумывать, чью сторону я должен принять.

— Я не могу.

Калипсо печально опустила глаза.

— Я никогда бы не сделал ничего такого, что могло бы обидеть тебя, — продолжал я, — но у меня там остались друзья. И помочь им могу только я. Мне необходимо вернуться.

Она сорвала цветок — тоненький стебелек «лунного кружева». Его сияние потухнет с первыми лучами рассвета.

«Рассвет хорошее время для того, чтобы принять решение», — сказал Гефест.

Калипсо сунула цветок в карман моей футболки, привстала на цыпочки и поцеловала меня в лоб, словно благословляя.

— А теперь нам пора на берег, мой герой. Тебе надо отправляться в путь.

* * *

Покачивавшийся у самого берега плот имел площадь примерно десять квадратных футов и состоял из накрепко связанных вместе бревен. Мачту заменял ровный столб с привязанным к нему простым белым полотнищем. Что-то не похоже, чтобы такая штука могла отправиться в плавание по морю или хотя бы по озеру.

— Он доставит тебя, куда ты захочешь, — сказала Калипсо. — Он очень надежен, не сомневайся.

Я попытался взять ее за руку, но нимфа отдернула ее.

— Может, я еще приеду в гости, — сказал я.

Она покачала головой.

— Ни одному человеку не найти дважды остров Огигия. Как только ты уедешь, мы больше никогда не встретимся.

— Но...

— Пожалуйста, уходи, — взмолилась Калипсо. — Богини судьбы жестоки, Перси. Не забывай меня. — На лице ее мелькнула тень улыбки. — Посади в своем Манхэттене садик ради меня, обещаешь?

— Обещаю, — сказал я и ступил на плот.

И в то же мгновение он отчалил от берега.

За то время, пока плотик доплыл до середины озера, я успел сообразить, что богини судьбы и впрямь жестоки. Они послали Калипсо героя, которого она не могла не полюбить. Но не только в этом их жестокость. Всю оставшуюся жизнь я буду вспоминать Калипсо, думать о ней. Она всегда будет моим «что, если...».

Через несколько минут остров Огигия скрылся из глаз. Я в полном одиночестве плыл навстречу рассвету.

Затем отдал плоту приказ. Было только одно место на земле, к которому я стремился, потому что там меня ждало утешение и там были мои друзья.

— В Лагерь полукровок, — сказал я. — Вези меня домой, плот!

Глава тринадцатая

Мы нанимаем нового проводника

Несколькими часами позже плот уже доставил меня в лагерь. Как мы туда добрались, я не имел ни малейшего понятия. В какой-то момент воды озера сменились соленой морской водой, впереди показались знакомые очертания прибрежной линии Лонг-Айленда, а потом на поверхность вынырнули две дружелюбные большие белые акулы-лоцманы и сопроводили меня к берегу.

Когда я причалил, первый же взгляд на лагерь подсказал мне, что он опустел. Самая середина дня, но на стрельбище для лучников никого не было. Стена для уроков скалолазания изливала лаву и шипела сама по себе. Я побежал в трапезный павильон — никого. В домиках тоже никого. Затем я заметил, что над амфитеатром курится тоненькая струйка дыма. Рановато что-то для лагерного костра, и я сильно сомневаюсь, что мои товарищи увлеклись поджариванием маршмаллоу. Я помчался туда.

Не успел я приблизиться, как услышал голос Хирона, делавшего какое-то объявление. Когда же до меня дошел смысл его слов, я буквально застыл на месте.

— ...допуская мысль о его смерти. После столь долгого отсутствия известий о нем мы не можем надеяться, что наши молитвы услышаны. Я поручил его лучшему другу — той, кому удалось выжить, — совершить прощальные почести.

Я пробрался к задним рядам амфитеатра. Никто меня не замечал, все смотрели вперед, на Аннабет. Она взяла в руки длинные погребальные полотнища, вытканые из зеленого шелка с вышитым на них трезубцем, и бросила их в костер. В лагере сжигали мой саван!

Затем она повернулась лицом к собравшимся. Выглядела Аннабет просто ужасно, глаза ее опухли от слез, но она взяла себя в руки и сумела произнести:

— Мне он казался самым храбрым человеком из всех, кого я знала. Он...

Но тут она увидела меня и побагровела. А потом что было сил закричала:

— Он здесь!!!

Все головы обернулись ко мне. И у каждого вырвался изумленный

вздых.

— Перси! — завопил Бекендорф.

Несколько ребят бросились ко мне, окружили и принялись изо всех сил дубасить по спине. Со стороны детей Ареса слышались возгласы досады, а Кларисса так выпучила глаза, словно она поверить не могла в то, что у меня хватило наглости выжить. Хирон припустил вскачь в мою сторону, и все расступались перед ним.

— Эгегей! — с видимой радостью воскликнул он. — В жизни так не радовался появлению в лагере какого-нибудь полукровки! Но ты обязательно должен рассказать мне...

— Где ты пропадал?! — перебила его Аннабет, врезаясь в толпу ребят. Я подумал, что она собирается врезать мне по морде, но вместо этого она обняла меня так крепко, что аж ребра затрещали. Ребята притихли. Аннабет смутилась и отодвинулась. — Я... мы все думали, что ты погиб, Рыбьи Мозги!

— Извини, — сказал я. — Я просто заблудился.

— Заблудился? — завопила она. — И целых две недели не мог отыскать дорогу в лагерь? Где же ты был в таком случае?

— Аннабет, — в свою очередь перебил ее Хирон. — Может, этот вопрос мы обсудим в более тесном обществе? Так, прошу всех вернуться к своим ежедневным обязанностям.

Не ожидая согласия, он с такой легкостью подхватил нас с Аннабет на руки, как будто мы были котятами, забросил себе на спину и галопом поскакал к Большому дому.

* * *

Целиком всю историю я им рассказывать не стал, потому что не мог заставить себя пуститься в откровения о Калипсо. Я просто объяснил, что устроил взрыв на горе Сент-Хеленс и меня вышвырнуло из вулкана. Рассказал, что очутился на одном необитаемом острове, где меня разыскал Гефест и сообщил, что я могу покинуть остров. На его волшебном плоту я приплыл к лагерю.

Все это было чистой правдой, но когда я рассказывал ее, ладони у меня вспотели.

— Тебя не было две недели. — Голос Аннабет звучал более спокойно, но выглядела она все еще ошарашенной. — Когда я услышала про взрыв, я подумала...

— Знаю, что ты подумала. Извини. Но зато я понял, каким образом мы можем проложить путь через лабиринт. Мы говорили об этом с Гефестом.

— И он ответил на наш вопрос?

— Не совсем. То, что он сообщил мне, я уже знал. И делал. Теперь я все понял.

И я изложил им свою идею. У Аннабет просто челюсть отпала от удивления:

— Перси, ты с ума сошел!

Хирон откинулся в своем кресле на колесиках и принялся задумчиво поглаживать бороду.

— Были прецеденты, да, были. О том, что Ариадна помогла Тесею, вам известно. Гарриет Табмен,^[14] дочь Гермеса, также воспользовалась содействием многих смертных для прокладки подземной железной дороги.

— Но это мой поиск! — повысила голос Аннабет. — И это я должна вести его.

— Конечно, дорогая девочка, он твой. — Хирон, казалось, смутился. — Но тебе требуется небольшая подсказка.

— Это вы называете небольшой подсказкой? Это несправедливо! И самая настоящая трусость! Это...

— Конечно, трудно согласиться с тем, что и нам бывает нужна помощь смертных, — сказал я, — но это правда.

Аннабет бросила на меня гневный взгляд.

— Ты самый вредный тип, которого я знаю! — И пулей вылетела из комнаты.

Я уставился ей вслед, чувствуя себя немножко обиженным.

— Не переборщила ли она с «самым храбрым из всех, кого она знала»?

— Не переживай. Аннабет успокоится и все поймет, — успокоил меня Хирон. — Она немного ревнует тебя, мой мальчик.

— Глупо! На нее это не похоже...

— Ну что поделаешь, — вздохнул Хирон. — Аннабет очень ревниво относится к своим друзьям, если ты этого еще не заметил. Горячо переживает за них. И она сильно беспокоилась за тебя. Сейчас же, когда ты вернулся, думаю, она поняла, на каком именно острове ты так задержался.

Наши глаза встретились, и я понял, что Хирон догадался про Калипсо. И впрямь трудно что-либо скрыть от человека, который вот уже три тысячи лет готовит героев к битвам. За это время он всякое успел повидать.

— Не будем останавливаться на том, что с тобой произошло, — продолжал он. — Главное, что ты вернулся.

— Это вы Аннабет скажите, — буркнул я.

Хирон улыбнулся.

— Утром я поручу Аргусу доставить вас обоих на Манхэттен. Можете навестить твою мать, Перси. Ее необходимо успокоить.

Мое сердце учащенно забилося. Все время, что я прохладился на острове Калипсо, мне и в голову не приходила мысль о том, каково приходится маме! А она ведь считает, что я погиб. Что со мной произошло, если я даже не подумал об этом?!

— Хирон, — обратился я к учителю, — а как дела у Тайсона с Гроувером?

— Понятия не имею, мой мальчик. — Хирон упорно не сводил глаз с погасшего камина. — Можжевелька сильно расстроена, у нее даже все веточки пожелтели. Совет копытных старейшин отобрал у Гроувера лицензию как не явившегося вовремя на слушание. Если ему удастся вернуться живым, они отправят его в позорное изгнание. — Кентавр тяжело вздохнул. — Но Гроувер и Тайсон весьма изобретательны. Мы до сих пор не теряем надежду.

— Мне не следовало отпускать их.

— У Гроувера своя судьба, а Тайсон оказался достаточно храбр, чтобы не бросить его в одиночестве. Скажи, ты почувствовал бы, если б Гроуверу грозила смертельная опасность?

— Думаю, что да. Между нами существует эмпатическая связь.

— Есть кое-что еще, о чем мне следует сообщить тебе, Перси, — продолжал Хирон. — Собственно, сообщить мне следует даже о двух вещах. Довольно неприятных.

— Великолепно!

— Крис Родригес, наш гость...

Мне тут же припомнилась картина, которую я увидел однажды в подвале: Кларисса пытается разъяснить Крису происходящее, а он все бубнит и бубнит что-то свое о лабиринте.

— Он умер?

— Пока нет, — нахмурился Хирон. — Но ему становится все хуже и хуже. Сейчас мы отправили его в лазарет, он не в силах двигаться. Мне пришлось буквально заставить Клариссу продолжить обычные занятия, ибо она все время торчала у его кровати, ухаживая за ним. Он ни на что не реагирует. Не принимает ни воды, ни пищи. Лекарства не помогают. Этот парень потерял волю к жизни.

Я беспомощно пожал плечами. Хотя между мной и Клариссой постоянно происходили стычки, сейчас я ужасно жалел ее. Она изо всех сил пыталась спасти Крису. Теперь, когда я сам побывал в лабиринте, я

понял, до чего легко было призраку Миноса свести с ума Родригеса. Если бы я очутился там один, как он, без друзей, я бы тоже, наверное, рехнулся.

— Очень досадно об этом говорить, — с трудом продолжал кентавр, — но вторая новость еще более неприятная. Из лагеря исчез Квинтус.

— Исчез? Но как он ухитрился?

— Это произошло три ночи назад. Ускользнул через лабиринт. Можжевелька видела, как он это сделал. Оказалось, твои подозрения насчет него были справедливы.

— Он шпионил тут на Луку!

И я рассказал Хирону о ранчо «Три — Г — Три», о том, как Квинтус покупал там скорпионов и снабжал ими армию Кроноса.

— Это не может быть простым совпадением.

— Сколько предательств! — Хирон испустил тяжелый вздох. — Я так надеялся, что Квинтус окажется нашим другом. Но оказалось, что судил я о нем неверно.

— А как поживает без него Миссис О'Лири?

— Слоняется вокруг арены мечников, не давая никому к ней приблизиться. У меня не хватает духу засадить ее в клетку. Э-э... или убить.

— Квинтус не мог бросить ее.

— Я уже сказал, Перси, мы в нем сильно ошиблись. А сейчас хватит, тебе надо готовиться. Иди. Утром вам предстоит много дел. Тебе и Аннабет придется поработать.

Я ушел, оставив кентавра в кресле на колесиках, он печально смотрел на погасший камин. Я подумал о том, сколько времени Хирон провел здесь, ожидая возвращения тех, кому не суждено было вернуться.

* * *

Перед обедом я успел еще сбегать и взглянуть на арену мечников. Конечно же, Миссис О'Лири — большая черная мохнатая туша в самом центре поля — лежала там, свернувшись калачиком и рассеянно дожевывая голову игрушечного солдатики.

Едва завидев меня, она неуклюже вскочила и понеслась ко мне.

«Все, пропал!» — едва успел подумать я.

— Стоять! — едва успел воскликнуть я, как она уже прыгнула на меня и принялась облизывать мне лицо.

Конечно, будучи сыном Посейдона, я становлюсь мокрым, только если сам хочу, но, как оказалось, эти мои способности на собачьи слюни не распространяются. Поэтому сейчас мне здорово досталось. У меня было такое ощущение, будто я принял липкую ванну.

— Тпру, малышка! — заорал я снова. — Не дышать! Пошла прочь!

Наконец я ухитрился сбросить ее с себя, потом потрепал за ушами и выдал ей гигантскую собачью галету.

— А где ж твой хозяин? Как же это он оставил тебя одну?

Собака заскулила, а выражение, написанное на ее морде, говорило, что Миссис О'Лири тоже интересуется этот вопрос. Я вполне готов был поверить, что Квинтус враг, но я никак не мог понять, почему он бросил Миссис О'Лири в лагере. Если я и был уверен в чем-либо насчет него, так это в том, что к своей мегасобаке он по-настоящему привязан.

Так я сидел, раздумывая над этой загадкой и вытирая с лица собачьи слюни, когда девчачий голос произнес:

— Тебе еще повезло, что она не откусила тебе голову напрочь.

На другом конце арены стояла Кларисса, в руках у нее были меч и щит.

— Я пришла вчера сюда потренироваться, — продолжала она, — так эта собачища меня чуть не сжевала.

— Всегда считал Миссис О'Лири исключительно умной собакой, — поддел я Клариссу.

— Очень смешно.

Она попробовала подойти к нам. Адская гончая зарычала, но я потрепал ее по голове, и она успокоилась.

— Безмозглое исчадие ада, — зашипела Кларисса. — Не дает попрактиковаться!

— Я слышал про Криса. Мне очень жаль.

Кларисса принялась по периметру обходить арену; дойдя до ближайшего набивного чучела, сделала резкий выпад, одним молниеносным ударом отсекла ему башку, а следующим вонзила меч в кишки. Затем преспокойно вытянула из чучела лезвие и двинулась дальше.

— А-а, ты про это. Странные вещи случаются иногда. — Ее голос чуть заметно дрожал. — Герои терпят поражение. Они... они даже погибают, а чудовища возвращаются как ни в чем не бывало.

Она подобрала с земли метательный дротик и швырнула его на другой конец арены. Он угодил другому чучелу прямо меж глазниц глубоко надвинутого шлема.

Интересно, она называет Криса героем так, будто он никогда не воевал на стороне титанов. Это сразу напомнило мне отношение Аннабет к Луке, и

я решил не заострять сейчас внимания на этом вопросе.

— Крис был храбрым, — сказал я. — Надеюсь, он еще поправится.

Кларисса посмотрела на меня так, будто следующей ее мишенью буду я, и, конечно, Миссис О'Лири снова зарычала.

— Ты мог бы сделать мне одолжение? — спросила она.

— Конечно.

— Если тебе удастся найти Дедала, не доверяй ему. Не проси его помощи. Просто убей его.

Я открыл рот от изумления.

— Кларисса...

— Объясняю. Тот, кто мог сотворить такую вещь, как лабиринт, является настоящим воплощением зла, Перси. Самого настоящего зла.

В этот момент она здорово напомнила мне пастуха Эвритиона, ее старшего единокровного брата. В глазах у нее горел такой же упрямый огонь, будто она прожила на свете не меньше двух тысяч лет и здорово устала от увиденного. Потом Кларисса быстрым движением вложила меч в ножны.

— Тренировки окончены. Начинается настоящее сражение.

* * *

Этой ночью я спал в своей собственной кровати, и в первый раз с тех пор, как очнулся на острове Калипсо, меня отыскивали мои привычные сны.

Я находился в королевских покоях — большом белом зале с мраморными колоннами и деревянным тронем. На троне сидел толстый мужчина с курчавыми рыжими волосами и лавровым венком на голове. Сбоку от трона стояли три девушки в голубых нарядах, по виду его дочери, потому что волосы у них тоже были рыжими.

Дверь со скрипом отворилась, и герольд объявил:

— Минос, царь критский!

Я вздрогнул, но человек на троне улыбнулся дочерям и сказал:

— Мне не терпится поскорей увидеть выражение его лица.

Минос торжественно вошел в парадный зал. Он был такой высоченный и такой важный, что рядом с ним любой другой человек показался бы мелкой сошкой. Узкая борода поседела, он немного похудел с тех пор, как я видел его в последний раз, сандалии покрывала пыль. Но в глазах Миноса сиял прежний жестокий блеск.

Он отвесил человеку на троне сдержанный поклон.

— Царь Кокал, ^[15] приветствую вас. Вы разрешили мою маленькую загадку?

Кокал улыбнулся.

— Едва ли ее можно назвать маленькой, Минос. Особенно после того, как вы раструбили по всему миру, что готовы заплатить тысячу золотых талантов тому, кто ее отгадает. Предложение остается в силе?

Минос хлопнул в ладоши. В дверях появились два мускулистых стражника, с трудом тащившие большой деревянный сундук. Поднеся к трону, они поставили его наземь у ног царя Кокала и откинули крышку. Блеснули золотые слитки. Ох, там их было столько, что вместе они, наверное, стоили несметное количество долларов.

Царь Кокал выразительно присвистнул.

— Вы, наверное, обобрали все свое царство, чтобы насобирать такую награду, друг мой?

— Не ваша забота.

Кокал пожал плечами.

— В общем, она и вправду оказалась несложной, ваша загадка. Ее решил один мой подданный.

— Отец, — предостерегла царя одна из девушек, та, которая казалась самой старшей.

Кокал даже не посмотрел на дочь. Из складок мантии он достал закрученную спиралью морскую раковину. Сквозь нее была продета серебряная нить, на которой она и висела, как огромная бусина.

Минос сделал шаг вперед и взял в руки раковину.

— Один из ваших подданных, сказали вы? Как же он сумел продеть нить, не сломав самой раковины?

— Взял муравья, представьте, привязал к крохотному насекомому нить и заставил его проползти сквозь лабиринт раковины, капнув на ее противоположный конец меду.

— Смекалистый парень, — усмехнулся Минос.

— О да. Учитель моих дочерей. Они к нему очень привязаны.

— Даже так? — Глаза Миноса холодно сверкнули. — Я бы на вашем месте был поосторожнее.

Мне ужасно хотелось предупредить Кокала, крикнуть ему: «Не доверяй этому типу! Брось его лучше в ров с живыми львами!» Но рыжеволосый царь только хихикнул.

— Не стоит беспокоиться, Минос. Мои дочери умны не по годам. А теперь, будьте добры, мое золото.

— Хорошо, — согласился Минос. — Но, видите ли, оно предназначено

тому, кто решил загадку. А это мог быть только один человек на свете. Вы приютили у себя Дедала!

— Откуда вам известно это имя? — Кокал беспокойно заерзал на троне.

— Это имя вора, — спокойно ответил Минос. — Было время, когда он работал при моем дворе, Кокал. И умудрился восстановить против меня мою дочь. Помог одному негодяю выставить меня дураком в моем собственном доме. А затем бежал от справедливого возмездия. Вот уже десять лет как я пытаюсь настигнуть его.

— Ничего не знаю. Я действительно предоставил кров одному человеку. Он оказался мне очень полезен.

— Предлагаю вам выбор, Кокал. Вы возвращаете мне беглеца, и это золото — ваше. В противном случае вы становитесь моим врагом. Думаю, вы не захотите вступить в войну с Критом?

Царь Кокал побледнел. Я подумал, как глупо с его стороны бояться, восседая на троне в раззолоченной зале. Он ведь мог призвать сюда свою армию. Миноса-то сопровождали всего два охранника. Но Кокал явно трусил.

— Отец, — снова вмешалась старшая дочь, — вам не следует...

— Молчи, Аэлия, — оборвал ее царь. Он поскреб бороду, глаза его были прикованы к сундуку с золотом. — Ваши слова неприятны мне, Минос. Боги не любят тех, кто нарушает законы гостеприимства.

— Боги не любят и тех, кто дает приют преступникам.

— Вы правы, — кивнул Кокал. — Вы получите того, о ком говорите, закованным в цепи.

— Отец! — Снова голос старшей из дочерей. Он прозвучал гневно, но в то же мгновение девушка взяла себя в руки и сказала ласково: — Сначала позвольте нам устроить пир в честь нашего гостя. После долгого путешествия, думаю, ему будут приятны горячая ванна, свежее платье и достойное угощение. Я почту за честь сама приготовить все для омовения.

Она нежно улыбнулась Миносу, и старый царь ухмыльнулся.

— Да, такого удовольствия я не хотел бы лишиться. — Он взглянул на Кокала. — Увидимся на пиру, царь. Не забудьте привести с собой пленника.

— Прошу сюда, ваше величество, — пригласила Аэлия Миноса.

Она и ее сестры повели критского царя из парадной залы. Мой взгляд последовал за ними в купальню. Стены обширной комнаты были выложены мозаичными изразцами, густой пар клубился в воздухе, из крана хлестал в ванну поток горячей воды. Аэлия с сестрами бросили в ванну пригоршни цветочных лепестков, налили туда какого-то масла, которое, должно быть, в

Древней Греции исполняло роль геля для душа, и скоро вода в ванне покрылась пузырьками разноцветной пены. Девушки отвернулись, и Минос, сбросив с себя запыленное платье, ступил в воду.

— Аххх, — закричал он от удовольствия. — Великолепно. Благодарю, мои дорогие. Путешествие мое и впрямь было утомительным и долгим.

— Вы преследовали свою добычу десять лет, не так ли, царь Крита? — спросила Аэлия, опустив ресницы. — Какой вы упорный человек, однако.

— Долгов я не прощаю, — усмехнулся Минос. — Ваш отец поступил мудро, вняв моим требованиям.

— Полностью согласна с вами, господин.

У меня мелькнула мысль, что уж очень откровенно она льстит царю, но старик проглотил ее слова, не моргнув глазом. Сестры Аэлии стали умащивать его голову благовониями и маслами.

— Вы знаете, царь, — продолжала Аэлия, — Дедал ожидал, что вы его разыщете. Он так и понял, что эта загадка была ловушкой, но не мог отказать себе в удовольствии решить ее.

— Выходит, Дедал рассказывал вам обо мне? — Минос чуть-чуть нахмурился.

— Да, господин.

— Он плохой человек, царевна. Моя собственная дочь, и та попала под его чары. Не слушайте его.

— Но он гений, царь Минос. И он считает, что женщины ничуть не глупее мужчин. Дедал учил нас размышлять, полагаться на свои собственные решения. Может быть, и ваша дочь научилась от него этому.

Минос сделал попытку сесть в ванне, но тут сестры сильно толкнули его, и он погрузился обратно в воду. Аэлия подошла к нему сзади, держа на ладони три крохотных шарика. Сначала я подумал, что это тоже благовония, но когда она бросила их в воду, то из шариков выпрыгнули бронзовые нити и стали обвивать тело царя. Они опутали его лодыжки, привязали запястья рук к бокам, стали виться вокруг его шеи. Хотя я терпеть не мог Миноса, смотреть на это было противно. Он испугался, начал биться и кричать, но девушки сохраняли полнейшую невозмутимость. Скоро Минос стал совершенно беспомощным. Он неподвижно лежал в ванне, напоминая бронзовый кокон, вода доходила ему до груди.

— Что вы задумали? — спросил он. — Зачем вы устроили это?

Аэлия улыбнулась.

— Дедал был добр к нам, ваше величество. К тому же мне не понравилось, что вы стали угрожать моему отцу.

— Не забудьте передать Дедалу, — прорычал Минос, — что я стану преследовать его даже после смерти. И если в Царстве мертвых есть справедливость, то и там моя душа будет вечно преследовать его.

— Храбрые слова, царь. Желаю вам найти справедливость в Царстве мертвых.

Как только она произнесла последние слова, бронзовые нити стали покрывать паутиной лицо Миноса, превращая его в бронзовую маску.

Дверь в ванную комнату отворилась, и вошел Дедал.

В руках он держал дорожную суму, волосы его теперь были коротко подстрижены, борода совсем побелела. Он выглядел старым и грустным. Подойдя к ванне, Дедал коснулся рукой бронзового лба маски. Нити мгновенно стали распускаться и тонуть в воде. Под ними была пустота, словно царь Минос растворился в воде.

— Легкая смерть, — будто размышляя вслух, произнес Дедал. — Это больше того, что он заслужил. Благодарю вас, прекрасные царевны.

— Вам не следует оставаться здесь, учитель, — Аэлия обняла его. — Когда отец обнаружит, что произошло...

— Да, — кивнул Дедал, — боюсь, что я доставил вам беспокойство.

— О, за нас не тревожьтесь. Отец будет счастлив оттого, что ему досталось золото старого царя. Да и Крит далеко отсюда. Но он обвинит вас в смерти Миноса, а потому вам надо уходить. Вы должны бежать в безопасное место.

— Безопасное? — переспросил старик. — Уже долгие годы я бегу из одного царства в другое, ища покоя. Видимо, Минос сказал правду и его преследования не прекратятся с его смертью. Под солнцем нет такого места, где бы меня приютили, когда разнесется слух об этом преступлении.

— Куда же вы пойдете? — спросила Аэлия.

— Туда, куда я когда-то поклялся не возвращаться. Темницей для меня послужит прежнее святилище.

— Не понимаю, — пожала плечами Аэлия.

— Тем лучше для вас.

— Но что с вами станет после смерти? — спросила одна из младших сестер. — Вас ждет страшный суд! Ведь каждый человек когда-нибудь умрет...

— Возможно, и так. — Дедал вытащил из своей дорожной сумы свиток. Я узнал его. Это был тот самый свиток, который я видел в своем прошлом сне, свиток Пердикса, маленького племянника Дедала. — А возможно, и нет.

Он потрепал Аэлию по плечу, затем благословил ее и двух других

сестер, опустил голову и бросил взгляд на медные нити, сверкавшие на дне ванны.

— Найди меня, если осмелишься, царь-призрак.

Дедал обернулся к облицованной мозаичными изразцами стене и коснулся ее ладонью. Засветилась отметка Δ — греческая буква «дельта», — и участок стены скользнул в сторону. Царевны так и ахнули.

— О, вы никогда не рассказывали нам о тайных ходах, — неуверенно проговорила старшая из них. — Наверное, были очень заняты.

— Лабиринт был очень занят, не я, — поправил ее Дедал. — Не пытайтесь следовать моим путем, дорогие ученицы, иначе вы потеряете разум.

* * *

Постепенно этот сон перетек в другой. Теперь я находился под землей, в какой-то каменной палате. Лука и еще кто-то из полукровок при свете фонарика внимательно изучали расстеленную карту. Внезапно у Луки вырвалось ругательство.

— Этот поворот должен был быть последним! — С этими словами он скомкал карту и зашвырнул ее в угол.

— Но, сэр! — запротестовал его товарищ.

— Здесь карты не помогают, — ответил ему Лука. — Не переживай. Я сам отыщу проход.

— Сэр, правда ли, что большая группа воинов заблудилась в лабиринте?..

— Ты хотел спросить, не заблудимся ли мы? Да, это возможно. Зачем иначе, как ты думаешь, мы начали с того, что высылали одиночных разведчиков. Но поводов для беспокойства нет. Как только мы обнаружим нить, мы бросим вперед авангард.

— Но как нам удастся ее найти?

— О, Квинтус пройдет через лабиринт. — Лука нервно сплетал и расплетал пальцы. — Все, что от нас требуется, это добраться до определенной точки — до арены. Ни в одну часть лабиринта нельзя попасть, минуя ее. Потому-то нам и пришлось заключить перемирие с ее хозяином. Все, что от нас требуется, это...

— Сэр! — послышался чей-то голос из коридора позади. В комнате появился воин в греческом доспехе с факелом в руке. — Драконица обнаружила полукровку!

— Одного? — Лука нахмурился. — Он бродил по лабиринту?

— Да, сэр! Вам лучше самому взглянуть на него. Он в соседнем помещении. Наши загнали его в угол и держат там, не давая возможности сбежать.

— Кто это?

— Не знаю. Никогда не видал его раньше.

— Нам повезло, — улыбнулся Лука. — Кронос посылает нам удачу. Этот человек нам может понадобиться. Пойдем!

Они выбежали в коридор, а я, охваченный страхом, проснулся и уставился в темноту перед собой. Полукровка, в одиночестве бродивший по лабиринту!

Прошло немало времени, прежде чем я смог заснуть снова.

* * *

На следующее утро я прежде всего позаботился о том, чтобы Миссис О'Лири в достаточном количестве доставили собачьи галеты. Затем попросил Бекендорфа присматривать за ней, он пообещал, хоть и не очень охотно. После чего я отправился на Холм полукровок и по дороге встретил Аннабет и Аргуса.

В фургоне по дороге в Нью-Йорк мы с ней мало разговаривали, да и Аргус хранил молчание. Глаза у него были разбросаны по всему телу, и, как говорили, один находился даже на кончике языка, что он очень не любил показывать.

Аннабет выглядела измученной, я даже подумал, что спалось ей, должно быть, еще хуже моего.

— Приснилось что-нибудь плохое? — нарушил я долгое молчание.

Сначала она молча покачала головой, но потом все-таки ответила:

— Послание от Эврителиона. Через Ириду.

— От Эврителиона? Что-нибудь случилось с Нико?

— Этой ночью он сбежал с ранчо и укрылся в лабиринте.

— Сбежал? Почему же Эврителион не остановил его?

— Нико исчез, когда он еще спал. Орф напал на след беглеца и выследил его до самого скотного двора. Эврителион сказал: несколько последних ночей он слышал, как Нико говорил сам с собой. Только теперь он понял, что тот общался с призраком. Ну, с Миносом.

— Нико угрожает опасность!

— Да, и серьезная. Минос — один из судей в Царстве мертвых, но он

не утратил своей злобности. Не знаю, чего ему надо от Нико, но...

— Нет, я не об этом. Прошлой ночью мне приснился сон.

И я рассказал ей о Луке, о том, как было упомянуто имя Квинтуса, и что люди Луки обнаружили кого-то из полукровок, в одиночестве бродившего по лабиринту.

— Плохо. — Аннабет стиснула зубы. — Нет, это просто ужасно.

— Так что же нам делать?

Она приподняла брови.

— Как что? У тебя ведь есть прекрасный план, который проведет нас через лабиринт.

* * *

Была суббота, и нескончаемый поток машин мчался по дорогам в сторону города, поэтому до маминой квартиры мы добрались только к полудню. Когда мама открыла дверь, то от радости принялась обнимать меня с такой силой, что вынести это оказалось немногим легче, чем облизывания соскучившейся Миссис О'Лири.

— Я говорила им, что с тобой все будет в порядке, — тараторила мама, и вид у нее был такой счастливый, точно гора с плеч свалилась. А уж поверьте мне, я знаю, что это за чувство.

Она усадила нас в кухне и принялась угощать своим особым синим шоколадным печеньем, пока мы занимали ее рассказом о наших приключениях. Как обычно, я постарался пропустить самые пугающие детали (хотя без них почти ничего не оставалось и от самих приключений), но все равно рассказ мой звучал достаточно страшно.

Когда он дошел до того места, где я пообещал Гериону вычистить его конюшни, мама так разозлилась, что чуть не стукнула меня.

— Я не могу заставить тебя сделать уборку в комнате, а для этого чудовища ты надумал вымести тонны навоза из его конюшен?

Аннабет расхохоталась. В первый раз за долгое время я услышал ее смех, и это было очень приятно.

— Значит так, — констатировала мама, когда я завершил повествование о своих подвигах. — Ты нанес материальный ущерб острову Алькатрас, взорвал гору Сент-Хеленс, оставил без крова полмиллиона людей, но при этом остался жив.

Моя мама во всем умеет найти приятную сторону!

— Ну да, — промямлил я. — Примерно так.

— Жаль, что здесь нет Пола, — сказала она будто бы самой себе. — Он хотел поговорить с тобой.

— А-а, ясно. Это из-за школы.

Так много всего случилось с тех пор, что я почти позабыл про собеседование в школе Гуди, — я оставил здание, охваченное пожаром, а мамин друг запомнил меня выпрыгивающим в окно и удирающим во все лопатки.

— Ты ему что-нибудь рассказала?

Мама отрицательно покачала головой.

— Что я могла рассказать? Он знает, что ты не совсем такой, как другие ребята, Перси. И он неглупый человек, он понимает: то, что ты делаешь, ты делаешь не со зла. Но школьная администрация требует от Пола, чтобы он разобрался в происшедшем, ведь, в конце концов, это он привел тебя в Гуди. Он старается убедить их в том, пожар произошел не по твоей вине, но так как ты убежал с места происшествия, то событие это приобретает... не совсем хороший оттенок.

Аннабет сочувственно посмотрела на меня. Я знал, ей знакомы подобные ситуации. Для полукровок мир смертных не самое гостеприимное и безопасное место.

— Я поговорю с Полом сам, — решил я. — После того, как мы вернемся из поиска. Я даже могу рассказать ему всю правду, если ты захочешь, мама.

Мама положила руку мне на плечо и заглянула в глаза:

— Ты сделаешь это?

— Ну да, а что? А то он еще подумает, что мы психи какие-нибудь.

— Он уже так думает.

— Тогда нам нечего терять.

— Спасибо, Перси. Я приглашу к нам Пола, когда ты будешь дома. — Тут она чуточку нахмурилась. — Только вот когда ты будешь? Чем вы сейчас заняты?

— У Перси есть один план, которому мы намерены следовать... — Аннабет задумчиво крошила пальцами печенюшку.

И мне пришлось рассказать о нем маме. Она медленно кивала головой, слушая меня.

— Похоже, вам придется нелегко. Но мне почему-то кажется, что все отлично получится.

— У тебя ведь и у самой есть такая способность, да, мам? Ну... как бы видеть сквозь Туман?

— Не совсем такая. — Мама глубоко вздохнула. — Когда я была

моложе, это было легче. Но ты прав, я всегда могла видеть сквозь него, даже больше, чем мне того хотелось бы. И именно эта особенность, не считая некоторых других, привлекла ко мне внимание твоего отца, когда мы с ним повстречались. Но прошу тебя, будь осторожен, сын! Пообещай мне благополучно вернуться домой.

— Мы постараемся, миссис Джексон, — сказала Аннабет. — Но ваш сыночек так рвется в самое пекло, что удержать его бывает не просто. — С этими словами она встала и, отвернувшись от нас, уставилась в окно кухни.

Я медленно складывал салфетку, стараясь не вспылить.

— Ребята, что с вами? — Мама нахмурилась. — Вы что, поссорились? Мы оба промолчали.

— Понятно, — протянула она, и я подумал, что моя мама умеет видеть не только сквозь Туман. Кажется, она сумела понять то, что происходит между мной и Аннабет. — Ладно, не будем об этом. Только вы не должны забывать, что Тайсон и Гроувер рассчитывают на вашу помощь. Надеются на вас обоих.

— Я знаю, — почти одновременно отозвались мы, и я смутился еще больше.

Мама улыбнулась.

— Перси, можешь воспользоваться телефоном в прихожей. Удачи вам, ребята.

Я с облегчением выбежал из кухни, хотя толком даже не соображал, как мне сейчас лучше поступить. Пошел к телефону, взял трубку, набрал номер. Номер, конечно, уже сто раз стерся с моей ладони, но это было не важно. Я его отлично помнил.

* * *

Мы договорились встретиться на Таймс-сквер. Когда мы с Аннабет подошли туда, Рейчел Элизабет Дэр стояла перед входом в отель «Мариотт» и она была вся золотая.

Я имею в виду, что ее лицо, волосы, одежда сверкали золотой краской и выглядела она так, будто к ней притронулся царь Мидас. Рейчел стояла в таком виде неподвижно, словно статуя, а рядом с ней находились еще пятеро ребят, тоже выкрашенных в разные цвета — медный, бронзовый, серебряный. Они замерли в разных позах, а мимо спешили толпы народу, и некоторые останавливались, чтобы на них поглядеть. Кое-кто даже бросал монетки на расстеленный на земле брезент. На табличке у ног Рейчел

большими буквами было написано:

«ИСКУССТВО ГОРОДА ДЛЯ ДЕТЕЙ.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ»

Мы с Аннабет потоптались на месте минут пять, разглядывая Рейчел, но она если и заметила нас, то виду не подала. Не шевельнулась, даже глазом не моргнула. Я с моей гиперактивностью, конечно, на такое не способен, стоять без движения для меня просто невыносимо. Да и Рейчел, вся покрытая золотой краской, — тоже довольно странное зрелище. Она была похожа на статую какой-нибудь знаменитости, актрисы... или не знаю кого. Только глаза такие же зеленые, как и раньше.

— Может, подтолкнем ее чуточку, — предложила вслух Аннабет.

Я подумал, что это было б нехорошо, но Рейчел даже не шелохнулась. Прошло еще пять минут, со стороны стоянки такси к нам направился мальчишка, выкрашенный серебряной краской. Наверное, он там отдыхал, потому что, подойдя, встал рядом с Рейчел и принял такую позу, будто собирается прочесть толпе лекцию. Тут только Рейчел зашевелилась и сошла с брезента.

— Привет, Перси, — улыбнулась она. — Хорошее время я выбрала? Пошли выпьем кофе.

Мы пошли в одно местечко, которое называется «Кофе от лося», это на 43-й Западной улице. Рейчел заказала двойной эспresso — кофе такой, как любит Гроувер, а мы с Аннабет попросили фруктовый десерт со льдом. Потом мы уселись за столик, стоявший прямо под чучелом лося. Что интересно, на Рейчел в ее золотом прикиде никто особого внимания не обратил.

— Значит, это и есть Аннабел, правильно? — спросила Рейчел.

— Меня зовут Аннабет, — поправила моя подруга. — А ты всегда одета во все золотое?

— Не всегда. Мы собираем деньги для одной группы. Эта группа добровольно работает над одним проектом для начальных школ. Вы знаете, наверное, что из программы начальных школ исключено преподавание основ искусства? Свою акцию мы проводим один раз в месяц, и если повезет, то нам удастся собрать зараз примерно пять сотен долларов. Но почему-то мне кажется, что вы не об этом хотели поговорить со мной.

Аннабет, ты тоже полукровка?

— Шшш, — зашипела на нее Аннабет, тревожно оглядываясь. — Ты еще объяви об этом на весь мир, ладно?

— Ладно, — легко согласилась Рейчел и, встав со стула, громко объявила на весь зал: — Эй, все тут! Эти двое вовсе не люди! Оба они наполовину греческие боги, вот как!

Никто и глаз не поднял. Рейчел пожала плечами и села обратно.

— До вас никому и дела нет.

— Не смешно, — сердито буркнула Аннабет. — Это тебе не шутка, смертная девочка.

— Перестаньте ссориться, девчонки, — вмешался я. — Успокойтесь.

— Я и не нервничаю, — отозвалась Рейчел. — Стоит мне только оказаться рядом тобой, как тут же начинаются разные неприятности — например, на нас нападают разные чудища. Чего тут нервничать, не понимаю.

— Слушай, я дико извиняюсь насчет того... в музыкальном классе. Надеюсь, тебя не выгнали из школы после этого?

— Ха, вот еще! Но назадавали мне кучу вопросов про тебя. Я, конечно, прикинулась дурочкой.

— Это было не сложно? — съязвила Аннабет.

— Перестань же! — попросил я. — Рейчел, видишь ли, у нас большие трудности. И нам нужна твоя помощь.

Рейчел прищурилась и уставилась на Аннабет.

— И тебе нужна моя помощь?

Аннабет помешивала фруктовый десерт соломинкой.

— Ага, — сказала она угрюмо. — Может быть.

Я рассказал Рейчел про лабиринт и про то, как нам нужно найти Дедала. Рассказал и о том, что с нами произошло, когда мы в прошлый раз ходили по лабиринту.

— Итак, ты хочешь, чтобы вас туда повела я? Хоть, между прочим, я никогда раньше не бывала в таких местах.

— Но ты же видишь сквозь Туман, — настаивал я. — И этим похожа на Ариадну. Могу поспорить, что ты найдешь верную дорогу. Лабиринту так легко тебя не надуть.

— А если ты ошибаешься?

— Тогда мы заблудимся. Но в любом случае это опасно. Очень, очень опасно.

— Я могу погибнуть?

— Да.

— А помнишь, ты раньше говорил, что чудовищам нет дела до смертных. Твой меч, он...

— Это так. Небесная бронза не ранит обыкновенных людей. Большинство чудовищ не обратит на тебя внимания. Но Лука... Лука другое дело. Ему все равно, кто ты. Он использует смертных, полукровок, монстров, кого угодно. И убьет любого, кто встанет на его пути.

— Какой милый мальчик... — пробормотала Рейчел.

— Он попал под влияние титана, — высказалась в его защиту Аннабет. — Он обманут.

Рейчел оглянулась, потом бросила взгляд по сторонам и сказала:

— Ладно. Я с вами.

Я даже опешил. Предположить не мог, что добиться ее согласия будет так легко!

— А ты не передумашь?

— Не передумаю. Лето в этом году оказалось таким ску-учным, никто ничего интересного не предлагает. Ваше предложение пока самое лучшее. Итак, что мне надо разыскать?

— Мы должны найти вход в лабиринт, — ответила Аннабет. — На территории нашего лагеря есть один, но ты им не можешь воспользоваться. В лагерь доступ смертным закрыт.

Она произнесла слово «смертным» таким неприятным тоном, будто это было невесть какое оскорбление, но Рейчел только кивнула, принимая во внимание сказанное.

— Ясно. А на что может быть похож вход в лабиринт?

— На что угодно, — объяснила Аннабет. — На кусок стены. Камень. Дверной проем. Канализационный люк. Но на нем обязательно должна быть отметка Дедала. Греческая буква «дельта», светящаяся голубым.

— Похоже на это? — И Рейчел вывела мокрым пальцем букву Δ на поверхности столика.

— Точно. Ты что, знаешь греческий язык?

— Нет. — Она вытянула из кармана большую пластмассовую расческу и стала вычесывать золотые блески из волос. — Мне только надо сходить переодеться. Приходите за мной к входу в отель «Мариотт».

— Зачем? — спросила Аннабет.

— Потому что в подвале этого отеля, ну там, где мы храним наши костюмы, есть еще один вход. И на нем нарисована эта буква.

Глава четырнадцатая

Мой брат пытается меня убить

Металлическая дверь была почти скрыта баком, в котором хранилось белье для прачечной, и сейчас в нем валялась целая уйма грязных гостиничных полотенец. Я поначалу не заметил ничего особенного, но когда Рейчел показала мне, куда надо смотреть, я сразу увидел нарисованный синим символ.

— Этим входом давно не пользовались, — сказала Аннабет.

— Однажды я попробовала открыть дверь... ну, просто из любопытства. Но она намертво заржавела.

— Дело не в этом, — возразила Аннабет и подошла к двери. — Только рука полукровки может привести ее в действие.

И вправду, стоило ей только приложить ладонь к отметке, как та засветилась, металлическая дверь заскрипела, стала медленно открываться, и через несколько мгновений мы увидели за ней темную, ведущую вниз лестницу.

— У-уф, — протянула Рейчел.

Она, в общем, держалась спокойно, и я не мог понять, притворяется эта девчонка или нет. Рейчел переоделась в заношенную футболку с надписью «Музей современного искусства» и заляпанные фломастером джинсы, из кармана которых сейчас торчала все та же синяя пластмассовая расческа. Ее рыжие волосы были собраны на затылке в хвостик, и в них поблескивали уцелевшие золотинки, и на лице тоже кое-где остались следы золотой краски.

— Значит, пошли? Я за вами.

— Ведешь нашу группу ты. — Аннабет с подчеркнутой вежливостью отступила в сторону. — Прошу вперед.

Спустившись по ступеням, мы оказались в большом туннеле с выложенными из кирпича стенами. Здесь было так темно, что я и на два фута перед собой ничего не видел, но мы запаслись электрическими фонариками и тотчас же включили их. Не успели они вспыхнуть, как раздался громкий визг Рейчел.

Прямо в лицо нам тарасились пустые глазницы скелета. И скелет этот вовсе не принадлежал человеческому созданию. Роста он был огромного, футов десять высотой, это точно. А цепи, которыми его подвесили к

потолку, растягивали руки и ноги скелета в разные стороны таким образом, что весь он представлял собой огромную букву Х. И эта буква почти полностью загораживала нам вход в туннель. Но что действительно сильно напугало меня, даже мурашки по спине забегали, — в самом центре его черепа была одна-единственная глазница.

— Циклоп, — констатировала Аннабет. И быстро добавила: — Он очень давнишний. И... не того, кого мы знаем.

Она хотела сказать, что это скелет не Тайсона, но мне легче не стало. Я был почти уверен, что он оставлен здесь неспроста, а как бы в предупреждение об опасности. Кто бы ни убил такого огромного циклопа, я не хотел бы с ним повстречаться.

Рейчел с трудом сглотнула и спросила:

— У тебя есть друг, и он вот такой же циклоп?

— Тайсон, — кивнул я. — Мы с ним наполовину братья.

— Наполовину братья? — ахнула она.

— Очень надеюсь, что мы его здесь разыщем, — продолжал я. — И Гроувера тоже. Гроувер — это сатир.

— Ой... — Голос у Рейчел стал тонкий-претонкий. — Понятно. В таком случае нам пора двигаться.

Она шагнула вперед и, хоть оказалась прямо под левой рукой циклопа, продолжала идти дальше как ни в чем не бывало. Мы с Аннабет переглянулись, она пожала плечами, и мы последовали за Рейчел вглубь лабиринта.

Футов через пятьдесят мы очутились на перекрестке. Впереди зияло тьмой продолжение туннеля, выложенного кирпичом. Справа виднелся другой, стены которого были облицованы мрамором, а слева — третий. Стены его формировались из земли, и в них то тут, то там проступали корни деревьев.

Я указал на него.

— Этот похож на туннель, которым ушли Тайсон и Гроувер.

— Ты прав. — Аннабет нахмурилась. — Но туннель с правой стороны — посмотри на эти старинные мраморные плиты — скорее приведет нас в наиболее древнюю часть лабиринта, а значит, в мастерскую Дедала.

— А я считаю, что нам нужно идти прямо, — внесла предложение Рейчел, и мы оба уставились на нее.

— Самый невероятный выбор, — сказала Аннабет.

— Разве вы не видите? Посмотрите на пол. Лично я на полу ничего особенного не видел, кроме сильно стертых кирпичей и грязи.

— В этом туннеле он посветлее, — стояла на своем Рейчел, — хоть и

очень ненамного. Нам нужно сюда. Потому что в туннеле слева, там, дальше, корни деревьев шевелятся, словно щупальца, и мне это совсем не нравится. А в туннеле справа, футов через двадцать, будет западня. И отверстия у него в стенах, может, для копий или еще чего такого. Не думаю, что нам следует так рисковать.

Я не видел ничего из того, о чем она тут рассказывала, но кивнул:

— Ладно. Вперед так вперед.

— Ты веришь ей? — спросила Аннабет.

— Да, — сказал я. — А ты что, нет?

Аннабет, казалось, хотела что-то возразить, но промолчала и только махнула рукой Рейчел, чтобы та шла вперед. Держась поближе друг к другу, мы стали продвигаться по туннелю, сложенному из кирпича. Он петлял, поворачивал то туда, то сюда, но боковых ответвлений не было. Мне к тому же стало казаться, что пол туннеля имеет довольно ощутимый уклон вниз и, идя по нему, мы постепенно спускаемся все глубже и глубже.

— Ловушек нет? — с беспокойством спросил я.

— Похоже на то. — Рейчел свела брови в ниточку. — Дальше тоже будет так легко?

— Не знаю, — усомнился я. — Такого раньше не бывало.

— Скажи, Рейчел, — вмешалась Аннабет, — а откуда ты, собственно, родом? Можно узнать поточнее?

Она произнесла это точно таким же тоном, каким сказала бы: «С луны ты свалилась, что ли?», но Рейчел не выказала обиды.

— Из Бруклина.

— А твои родители не станут беспокоиться из-за того, что ты поздно вернешься?

— Не особенно, — вздохнула Рейчел. — Меня может и неделю дома не быть, а они не заметят.

— Почему? — Теперь в голосе Аннабет не было и тени сарказма.

Конечно, проблемы с родителями — это вполне по ее части.

Не успела Рейчел ответить, как впереди что-то на мгновение заскрежетало и сразу стихло. Раздавшийся звук был похож на то, будто открылись огромные двери.

— Что это? — воскликнула Аннабет.

— Не знаю. Но несмазанные дверные петли скрипят примерно так же.

— Очень ценная инфа. Я спрашиваю, что это?

В эту минуту я услышал приближающиеся тяжелые шаги, от которых весь коридор затрясся. Кто-то шел прямо на нас.

— Бежим? — спросил я.

— Ага, — кивнула Рейчел, и мы кинулись наутек.

Мы бросились бежать в один из туннелей, свернули за угол и вдруг оказались в том самом проходе, откуда пришли. Но не пробежали и двадцати футов, как наткнулись на старых знакомых. Две драконицы — женщины-змеи в греческом вооружении — стояли, загораживая проход, и целились клинками прямо нам в грудь. Между ними я увидел эмпусу Келли.

— Так, так, так... — насмешливо протянула она.

Я выхватил Анаклузмос, а Аннабет кинжал, но не успела еще моя шариковая ручка обратиться в меч, как Келли бросилась на Рейчел. Ее рука в одно мгновение превратилась в клешню, которой она обхватила девочку за шею и сжала ее когтями.

— Надумал отправиться с подружкой на небольшую прогулку? — издевательски осведомилась она у меня. — Напрасно. Смертные у нас такие нежные, не забыл об этом? Мне ровно ничего не стоит сломать твоей милашке шею.

Шаги позади нас стали отчетливее. И почти тотчас из темноты выступило огромное существо, в котором я узнал лестригона, гиганта-людоеда восьми футов ростом, с красными глазами и ртом, полным клыков.

Увидев нас, он принялся плотоядно облизываться.

— Могу приступить к еде?

— Нет, они нужны хозяину, — отрезала Келли. — Ему захотелось позабавиться. — Она улыбнулась мне. — А теперь марш вперед, полукровки. А то умрете прямо на месте вместе со своей смертной подружкой.

* * *

Все это здорово смахивало на один из моих ночных кошмаров. Поверьте мне, я их немало повидал. Мы шагали по туннелю, с обеих сторон охраняемые драконицами, а Келли и великан-лестригон шли позади, отрезав нам на всякий случай путь к бегству. Им явно и в голову не могло прийти, что мы надумаем удрать от них, бросившись вперед.

Через некоторое время мы оказались перед бронзовыми дверями высотой футов десять, со створками, украшенными двумя скрещенными мечами. С противоположной стороны доносился приглушенный рокот, какой может создать лишь большая толпа народа.

— Не с-с-сомневаюсь-с-сь, — прошипела женщина-змея слева от

меня, — нашему повелителю вы з-з-здорово придетес-с-сь по вкус-с-су.

Я раньше никогда не видел дракониц так близко и, честно говоря, не особенно добивался такой возможности. Лицо ее можно было назвать красивым, если бы только язык на конце не раздваивался... и глаза не такого противного желтого цвета с черными прорезями зрачков. Она носила короткий бронзовый доспех, заканчивающийся на талии. Ноги заменяли два массивных змеиных тела, цвет которых переливался от желтого к зеленому. Передвигаясь, она то ползла, то скользила таким образом, будто шла на лыжах.

— А кто ваш хозяин? — спросил я у нее.

Она снова зашипела, только теперь погромче, наверное, это должно было означать смех.

— Уз-з-знаешь, дружок. Вы с-с-с ним наверняка поладите. Он твой братец, предс-с-ставь.

— Мой кто?! — Я был потрясен так, что даже подумал о Тайсоне.

О ком же она говорит?

В эту минуту лестригон обогнал нас и распахнул двери. Затем отступил на шаг, схватил Аннабет за футболку и придержал, сказав:

— А ты подожди здесь.

— Эй, руки убери! — запротестовала она, но этот тип был в два раза здоровее, чем она, и уже неплохо вооружился, отобрав у меня меч, а у нее кинжал.

Келли рассмеялась, ее когти все еще сжимали шею Рейчел.

— Ну, ну, Перси, шагай! Давай позабавь нас. Мы с этими красотками обождем тут твоего возвращения, чтобы ты не вздумал убежать.

Я взглянул на Рейчел.

— Извини. Я тебя вытащу отсюда.

Она кивнула, насколько могла это сделать из-за лапы эмпусы, державшей ее за горло.

— Было бы неплохо.

Драконница подтолкнула меня к двери, я сделал шаг, другой и неожиданно оказался на арене.

* * *

Наверное, это была не самая большая арена, которую я когда-либо видел, но она казалась огромной из-за того, что находилась под землей. Круглой формы, она имела такие размеры, что вы могли бы объехать ее по

периметру на машине, если, конечно, умеете хорошо водить. В самом центре арены сейчас кипел бой между каким-то гигантом и кентавром. Последний выглядел сильно напуганным, он, вооруженный мечом и щитом, галопом скакал вокруг своего противника, в то время как гигант спокойно стоял на месте и только размахивал кривым клинком. Правда, тот был размером с телеграфный столб. Толпа зрителей бесновалась от восторга.

Первый ряд мест располагался футах в двенадцати над ареной. Плоские каменные скамьи описывали полный круг, и все места были заняты. Тут сидели и великаны, и драконицы, и полубоги, и тельхины, и совершенно незнакомые мне существа: демоны с крыльями летучей мыши и всякие наполовину люди — наполовину кто угодно: птицы, рептилии, насекомые, млекопитающие.

Но самое поразительное из того, что я увидел, — черепа. Они были везде. Из нанизанных друг за другом черепов состояли поручни проходов. Целые кучи их, не меньше трех футов высотой, громоздились между скамьями. Они торчали на пиках в конце рядов и свисали с потолка на цепях подобно ужасным люстрам. Некоторые из черепов выглядели по-настоящему старыми — побелевшие от времени кости. Другие казались посвежее. Нет, я просто не могу их описывать. И поверьте, если б вы на них глянули хоть краем глаза, вы бы тоже не захотели этого делать.

И в самой середине всей этой мерзости, на обращенной в сторону зрителей стене, горделиво красовался зеленый флаг с трезубцем Посейдона в центре. Я сначала даже не понял, что я вижу. Как он мог оказаться в таком отвратительном месте?

Над флагом располагалось самое почетное место, и там сидел старый мой враг.

— Лука! — окликнул его я.

Не уверен, что он меня расслышал в таком шуме и реве толпы, но он обернулся в мою сторону и холодно улыбнулся. Камуфляжные штаны, белая футболка и бронзовый нагрудник — одет точно так же, как я видел во сне. Только меча у него сейчас не было, и это мне показалось очень странным. Рядом с ним сидело самое огромное на свете существо — даже больше того гиганта, который сейчас сражался на арене против кентавра. Тот, что находился рядом с Лукой, имел футов пятнадцать росту и такую толщину, что занимал целых три сиденья. Из одежды он носил только набедренную повязку, в каких обычно выступают борцы сумо. Кожа у него была темно-красная, и все тело покрывала татуировка в виде синего цвета волн. Я решил, что это, наверное, новый телохранитель Луки.

В это время на арене раздался крик, и я чуть не свалился с ног, резко отпрыгнув назад. Кентавр, участник поединка, упал на грязный пол рядом со мной, я увидел его умоляющие глаза.

— Помоги! — прошептал он.

Я потянулся было за мечом, но вовремя вспомнил, что его у меня отобрали и Анаклузмос еще не успел вернуться на место.

Кентавр постарался подняться на ноги, но великан уже наседавал на него, замахиваясь кривым клинком.

Когтистая лапа сжала мое плечо.

— Не вз-з-здумай лез-з-ть, если тебе дорога жиз-з-нь твоих друз-з-зей, — прошипела одна драконица. — Это не твоя с-с-схватка. Твоя впереди.

Кентавр так и не сумел подняться, одна из его ног была сломана. Гигант опустил огромный сапог прямо ему на грудь и занес клинок над головой поверженного противника. Затем поднял глаза на Луку. Толпа бесновалась от восторга и выкрикивала:

— Смерть! Смерть!

Лук не шелохнулся, зато татуированный боец сумо выпрямился во весь рост и улыбнулся, глядя на поверженного кентавра. Тот умоляюще простонал:

— Пожалуйста! Нет!

А этот урод вытянул вперед лапу и показал большим пальцем вниз. Это означало смерть.

Я зажмурился, гладиатор замахнулся. Когда я открыл глаза, кентавра уже не было, его тело рассыпалось в прах. Осталось только левое копыто, которое гигант поднял в качестве трофея и показал толпе. Она снова восторженно заревела.

Ворота на противоположной стороне арены распахнулись, и великан, торжествуя, направился через них к выходу.

На трибуне борец сумо поднял руки, призывая зрителей к молчанию.

— Славный бой! — проревел он. — Однако ничего новенького мы не увидели. Что еще ты можешь нам показать, Лука, сын Гермеса?

Челюсти Луки сжались. Я знал, что он не любит, когда его называют сыном Гермеса. Но он спокойно поднялся на ноги. Судя по тому, как заблестели у него глаза, можно было подумать, что настроение у него самое распрекрасное.

— Повелитель Антей, — загремел над толпой голос Луки, — вы оказали нам радушное гостеприимство! И мы были бы счастливы, если б нам удалось повеселить вас в ответ на разрешение пройти через вашу

территорию!

— Но этого разрешения вы еще не получили! — прорычал Антей. — Я жду обещанных мне зрелищ.

Лука с достоинством поклонился.

— Думаю, тот, кто сейчас появится на арене, вам поправится больше кентавра. Перед вами выступит ваш собственный брат. — И тут он указал прямо на меня. — Перси Джексон, сын Посейдона.

Из толпы послышались насмешки в мой адрес, некоторые из зрителей стали бросать в меня камнями. Я увертывался как мог, но один из них все-таки больно ударил мне в щеку и оставил глубокую царапину.

Глаза Антея загорелись удовольствием.

— Сын Посейдона? В таком случае нас ждет славный бой! Пусть сражается как подобает. Или умрет достойно!

— Если его смерть позабавит вас, — спросил Лука, — вы позволите нашей армии пройти через вашу территорию?

— Возможно.

Лука, кажется, был не слишком обрадован этим «возможно». Он посмотрел на меня, как бы предупреждая, что я должен умереть как можно эффектнее или у меня будут большие неприятности.

— Лука! — услышал я голос Аннабет. — Прекрати! Отпусти нас!

Лука, казалось, только сейчас заметил ее и даже замер от удивления.

— Аннабет?

— Очередь женских боев еще не наступила, — прервал его Антей. — Эй, ты там, Перси Джексон! Какое оружие выбираешь?

Драконница уже вытолкнула меня на середину арены. Я с интересом уставился на Антея:

— Разве вы сын Посейдона?

Он расхохотался, и вся толпа зрителей тоже загудела от радости.

— Я его любимец! — пророкотал Антей. — Смотри, вот храм, посвященный мною великому богу, Сотрясающему Землю, храм, выстроенный из черепов тех, кого я убил в его честь! Твой череп тоже скоро окажется среди них.

Я в ужасе перевел взгляд на черепа — их были сотни и сотни, — потом на трезубец Посейдона. И это, оказывается, храм в честь моего отца?! Но ведь мой отец добрый и щедрый. Он даже открытки поздравительной у меня ни разу не попросил, не то что черепа.

— Перси! — опять раздался крик Аннабет. — Его мать Гея! ГЕЯ!

Лестригон зажал ей рот своей огромной лапой. Значит, Гея. Богиня земли. Раз Аннабет в такую минуту прокричала мне об этом, значит, эта

информация очень важна, но почему? Я ничего не понимал. Может, потому что у этого парня оба родителя являются богами? Это означает, справиться с ним будет труднее, чем с другими.

— Вы безумец, — сказал я Антею. — Если вам пришло в голову, что такие дары могут прийти по вкусу Посейдону, вы его просто не знаете.

Из толпы понеслись оскорбительные выкрики, но Антей поднял руку, и все стихло.

— Выбирай оружие! — рявкнул он. — И тогда мы увидим, как ты сумеешь умереть. Боевые топоры? Щиты? Сети? Огнемёт?

— Только мой меч.

По рядам зрителей прокатился смех, но Анаклузмос в ту же секунду оказался у меня в руках, и толпа чуть поутихла. В тусклом свете лезвие сверкнуло бронзой.

— Первый поединок! — объявил Антей.

Ворота стадиона распахнулись, и из них выползла драконица. В одной лапе она сжимала трезубец, а другой держала тяжелую сеть, классическое вооружение гладиатора. У нас в лагере ребята несколько лет тренируются, отрабатывая приемы на поражение противника с таким вооружением.

Испытывая мои силы, она попыталась нанести удар трезубцем. Я отскочил. Тогда она бросила в меня сеть, пытаясь захватить ею мою руку с мечом, но я опять ускользнул в сторону. Перейдя в наступление, я одним ударом меча рассек ее трезубец на два обломка, а другим пронзил броню чудовища. С жалобным воем оно рассыпалось в пыль, и толпа тут же стихла.

— Не по правилам! — завопил Антей. — Слишком быстро! Ты должен спросить разрешения! Только когда я дам его, ты имеешь право поразить соперника насмерть!

Воспользовавшись паузой, я оглянулся на Рейчел и Аннабет. Необходимо найти способ освободить их, может, для этого мне постараться отвлечь внимание их охраны?

— Хороший бой, Перси, — улыбнулся мне Лука. — Ты научился лучше действовать мечом. Хвалю.

— Поединок второй! — объявил Антей. — И на этот раз помедленнее. Ты должен нас позабавить! Жди моего разрешения, прежде чем убить кого-нибудь, ПОНЯЛ?

Ворота снова распахнулись, и в этот раз из них появился молодой воин. Ненамного старше меня, лет примерно шестнадцати. Этот юноша с блестящими черными волосами и прикрытым повязкой левым глазом был так худощав и невысок, что греческие доспехи болтались на нем как на

вешалке. Он остановился, воткнул меч в землю арены, поправил перевязь щита и надвинул поглубже сплетенный из конского волоса шлем.

— Кто ты? — спросил я.

— Эфан Накамура. Я пришел убить тебя.

— Почему ты хочешь это сделать?

— Эй! — донеслось с трибун. — А ну прекратите болтать и начинайте сражаться.

— Мне необходимо доказать им мою силу! — быстро сказал Эфан. — А для этого есть только один путь.

И с этими словами он бросился в атаку. Наши мечи скрестились в воздухе, раздался звон, толпа завопила. Мне это дело совсем не нравилось, не хотел я сражаться ради того, чтобы развлечь кучу идиотов. Но Эфан Накамура не давал мне времени на размышления.

Он продолжал наседать. И делал это, надо признать, весьма умело. Парня с таким именем, насколько мне известно, никогда не было в лагере полукровок, но школу он прошел хорошую. Он парировал мои удары и одновременно теснил меня щитом. В какой-то момент Накамура чуть не сбил меня с ног, и мне пришлось отпрыгнуть назад, спасаясь. Он нанес новый удар, я переместился вбок. Мы обменивались ударами и отбивали их, пытаясь выяснить технику боя и возможности противника. Я попробовал держаться слева, со стороны перевязанного глаза, но легче не стало. Тогда я догадался, что Эфан давно уже сражается, имея этот дефект, и поэтому прекрасно справляется с нападением слева.

— Крови! — требовали монстры.

Противник бросил беглый взгляд на трибуны.

И тут я понял, в чем кроется его слабое место. Ему необходимо привлечь симпатии зрителей, но мне-то нет!

Он изрыгнул свирепый боевой клич и прыгнул на меня с занесенным мечом, но я парировал удар и ретировался, заставив его преследовать меня.

— Эй, вы! — заорал Антей. — Деритесь, а не танцуйте!

Эфан наседал, но оборона давалась мне без труда, я даже щитом почти не пользовался. Мой противник был снаряжен для защиты — тяжелые доспехи, огромный щит, — и атаки удавались ему с трудом. Я же, в свою очередь, мог показаться простой добычей, но зато двигался быстрее и легче. Толпа свирепела, зрители выкрикивали обидные намеки, бросали на арену камни. Мы бились уже почти пять минут, но без всякого результата.

И тут наконец Эфан допустил промах. Он попытался нанести прямой удар мечом в область живота, но я захватил кончик его лезвия эфесом Анаклузмоса, крутанул, и клинок моего противника отлетел далеко в

сторону. Не успел он сообразить, что произошло, как я ударил плашмя по его шлему, и Эфан рухнул наземь. Его тяжелые доспехи помогли мне больше, чем мое умение фехтовать. Я приставил острое Анаклузмоса к его горлу.

— Кончай с этим, — простонал он.

Я поднял взгляд на Антея. Его красная рожа окаменела от злости, и он, вытянув вперед руку, опустил вниз большой палец.

— И не мечтай об этом! — Я вложил меч в ножны.

— Не будь дураком, — прошипел Эфан. — Они прикончат нас обоих.

Но я молча подал ему руку и помог подняться на ноги. Он сделал это неохотно.

— Никто не смеет позорить гладиаторский бой! — бушевал Антей. — Обе ваши головы будут принесены в жертву Посейдону!

Я обернулся к Эфану.

— Как только найдешь подходящий момент, сматывайся. — Сказав это, я повернулся к Антею: — Почему б тебе самому со мной не сразиться? Если ты так хочешь преподнести папе сюрприз, спускайся сюда и сам добудь мой череп ему в подарок!

Среди зрителей послышались одобрителные выкрики. Антей оглянулся и сообразил, что выбора у него нет. Что бы он ни сказал, все равно будет выглядеть трусом.

— Кто? Я? Да я величайший боец в мире, сопляк! — возмутился он. — Я сражался еще во времена первого панкратиона!

— Чего-чего? — не понял я.

— Он имеет в виду сражения со смертельным исходом, — объяснил мне Эфан. — Без правил. Со всеми разрешенными захватами. Как было на первых олимпиадах.

— Спасибо за подсказку, — буркнул я.

— Не за что.

Рейчел смотрела на меня расширенными от ужаса глазами. Аннабет могла лишь сочувственно покачать головой, поскольку ее рот все еще зажимала лапа лестригона.

Я вытянул руку с мечом в сторону Антея и объявил:

— Победитель получает все! Если выиграю я, мы беспрепятственно уходим. Если ты — можешь нас убить. Клянись водами Стикса!

Антей расхохотался.

— Согласен! Я с тобой быстро управлюсь! Он перескочил через ограждение и вмиг оказался на арене.

— Удачи, — прошептал Эфан. — Тебе она понадобится.

И быстро отступив, скрылся с глаз.

Антеи разминал суставы и ухмылялся от уха до уха. Когда я увидел его вблизи, то заметил, что зубы у моего братца сточены неровным зигзагом. Как же ему, наверное, больно чистить их после еды!

— Оружие? — спросил он лаконично.

— У меня мой меч. А у тебя?

Он вытянул вперед свои лапы и пошевелил пальцами.

— Кроме этого, мне ничего не потребуется! Мистер Лука, извольте быть судьей этого состязания.

— С удовольствием. — Лука улыбнулся, глядя на меня.

Антеи зашелся громким хохотом. Но я в ту же минуту прокатился у него под ногами и, оказавшись позади, ткнул мечом в голень.

— Гррр! — в бешенстве зарычал он.

Из раны, там, где должна была потечь кровь, хлестнула струйка песка, будто я разбил песочные часы. Песчинки сыпались на арену, и слой грязной земли с нее стал облеплять его ногу, как отливка облепляет модель. Когда эта земляная оболочка отвалилась, рана исчезла.

Антеи снова бросился на меня. К счастью, некоторый опыт сражений с великанами у меня уже был.

В этот раз я сделал ряд обманных движений и, подобравшись поближе, ударил противника сбоку. Анаклузмос по рукоятку погрузился между его ребер. Это была хорошая новость. Плохая новость заключалась в том, что меч выскользнул у меня из руки, когда великан повернулся, и я отлетел на другой конец арены безоружный.

Антеи взревел от боли. Я на секунду застыл, думая, что сейчас он рассыплется в прах. Ни один из монстров не может выжить после прямого удара такого оружия, как мой Анаклузмос, поскольку небесная бронза при ударе разрушает основы его существа. Но Антеи на моих глазах ухватился за рукоятку меча, выдернул его из раны и швырнул за спину. Из места ранения опять посыпался песок, а слой грязной земли с арены снова стал расти, покрывая тело великана. Он облепил его почти до подмышек, а когда грязь отпала, Антеи стоял передо мной целый и невредимый.

— Теперь ты видишь, почему я никогда не проигрываю, полукровка! — осклабился он. — Иди сюда, и я сотру тебя в порошок! И сделаю это быстро!

Меч мой находился позади Антея. В отчаянии я глянул на Аннабет и поймал ее горящий, устремленный на меня взгляд.

«Земля», — мелькнула мысль. Что Аннабет пыталась сказать мне? Матерью Антея была Гея, богиня земли, да и вообще самая древняя из

богов. Может, его отец и Посейдон, но сейчас жизнь в нем поддерживает Гея. Мне с ним ничего не сделать, пока он стоит на земле.

Я попытался обойти соперника, но он предвидел мой маневр. И заблокировал его, продолжая насмехаться. Теперь он просто играл со мной. Мое положение казалось безвыходным.

Но тут на глаза мне попались свисавшие на крюках с потолка цепи, на которых болтались черепа врагов Антея. И вдруг у меня родилась мысль!

Я проворно бросился в противоположную сторону. Антей опять преградил мне путь, мешая маневру. Толпа орала и визжала, призывая его покончить со мной, но он не хотел так быстро лишаться редкого удовольствия.

— Ах ты, мозгляк, — прошипел Антей. — Недостойный отщепенец великого бога Посейдона!

В ту же минуту я почувствовал, что возвратившийся Анаклузмос снова у меня в кармане. Я знал, что Антей не догадывается об этом. Конечно, он уверен, что мой меч так и валяется позади него в грязи арены. И думает, что сейчас единственной моей целью будет снова завладеть оружием. На моей стороне появилось некоторое преимущество, хоть не бог весть какое.

Я низко пригнулся и бросился вперед, прямо на Антея, чтобы он подумал, будто я снова хочу пробраться у него между ног. И пока он нагибался, чтобы схватить меня, как хватают катящийся по земле мячик, я высоко подпрыгнул, стукнул его что было сил по предплечью, вспрыгнул ему на плечо, как на ступеньку, и поставил ногу в башмаке ему голову. Антей сделал именно то, чего требовала ситуация! Он издал негодующий вопль и распрямился.

Я же оттолкнулся, воспользовавшись его движением для толчка, и меня как катапультой подбросило вверх. Я поймал конец цепи, и черепа и крюки лавиной посыпались с нее вниз. Я же обхватил ногой звено цепи, как, бывало, делал на тренировках по гимнастике, зацепился, затем выхватил меч и стал быстро пилить ближайшую ко мне другую цепь.

— Спускайся вниз, трус! — неистовствовал Антей.

Он подпрыгнул, попытался схватить меня, но не достал. Держась изо всех сил за цепь, я крикнул ему:

— Лучше ты лезь сюда и попытайся поймать меня! Но ты, кажется, слишком жирный для этого!

Он взревел и сделал еще одну попытку ухватить меня. Когда она не удалась, Антей вцепился в цепь руками и попытался сам взобраться наверх. Пока он трудился, я стал опускать на арену почти перепиленную мной цепь крюком вниз. Мне понадобилось две попытки, но все-таки я наконец

подцепил крюком набедренную повязку Антея.

— А-а-а-а! — раздался его оглушительный вопль.

Я быстро пропустил свободную цепь через звено той, за которую держался сам, подтянул посильней и как мог закрепил. Антей попытался соскользнуть на землю, но его не пускал крюк, зацепивший его за повязку. Ему приходилось держаться за соседние цепи, чтобы не повиснуть вниз головой. Я взмолился, чтобы и повязка его, и цепи продержались еще хоть несколько секунд.

Пока Антей в подвешенном состоянии бесновался и крутился наверху, я скакал среди этих цепей, как сумасшедший павиан, путая и сплетая их друг с другом, зацепляя с помощью крюков и металлических звеньев. Сам не знаю, как мне это удалось. Мама всегда говорит, что у меня способность запутывать все, к чему я только прикоснусь. К тому же мне надо спасать своих друзей! Одним словом, через пару минут великан Антей был как следует подвешен над землей среди безнадежно скрученных цепей и крючьев.

А я, потный и задыхающийся, спрыгнул на пол. Кожа на ладонях у меня здорово ободралась.

— А ну опусти меня сейчас же! — вопил сверху Антей.

— Освободи его! — приказал Лука. — Он здесь хозяин!

— Сейчас освобожу!

Я вытащил меч. И ткнул им Антея в живот. Тот заревел, из него снова посыпался песок, но теперь великан находился слишком высоко над землей, и она не могла дотянуться к нему, чтобы залечить его рану. Антей просто таял на глазах, изливаясь мало-помалу песком через рану, пока от него не осталось ничего, кроме раскачивающихся цепей, повисшей на них огромной набедренной повязки и связки черепов, танцующих над моей головой, словно в припадке веселья.

— Джексон! — закричал Лука. — Мне давно надо было прикончить тебя!

— Ты уже пробовал, — напомнил я. — Лука, ты должен отпустить нас. У нас с Антеем был договор. Я одержал победу!

Он сделал именно то, что я от него ожидал.

— Антей мертв, — сказал Лука. — И его клятва умерла вместе с ним! А теперь я убью тебя. И так как у меня сегодня хорошее настроение, то сделаю это прямо сейчас.

Он указал пальцем на Аннабет.

— Девушку не трогать. Мне с ней надо поговорить... — его голос на минуту дрогнул, — до своей решающей победы.

Все чудовища схватились за оружие и выпустили когти. Мы оказались в ловушке. И в безнадежном численном меньшинстве.

И тут я ощутил у себя в кармане какой-то предмет, холод его в эту минуту ожег меня льдом. Собачий свисток! Мои пальцы сомкнулись. Много раз я не решался воспользоваться подарком Квинтуса, но теперь... Выбора у меня нет. Я выхватил свисток из кармана джинсов и изо всей силы дунул в него. Никакого звука не последовало, только осколки льда разлетелись в разные стороны.

— Ты, кажется, еще на что-то надеешься? — расхохотался Лука.

Но тут позади меня раздался изумленный рев. Гигант-лестригон, удерживавший до сих пор Аннабет, вдруг пролетел мимо меня прямо по воздуху и врезался в стену.

— Ар-ру-уфф!

Эмпуса Келли завопила, когда огромный черный мастиф, фунтов этак на пятьсот, подкинул ее как плюшевую игрушку и швырнул прямо на Луку. Миссис О'Лири зарычала, лязгнула зубами, и две драконицы мигом исчезли с глаз долой. Монстры за пределами арены застыли в полном изумлении.

— Бежим! — крикнул я друзьям. — К ноге, Миссис О'Лири!

— Вон в тот выход! — Рейчел показывала рукой в дальний конец. — Нам надо туда!

Эфан Накамура быстро сообразил, что ему делать. Вместе с ним мы промчались через арену и выскочили в ту дверь, на которую указывала Рейчел. Миссис О'Лири бросилась следом за нами. Уже на бегу я слышал, как смятенная толпа вскакивает с мест и разгневанные зрители все разом пытаются протиснуться в двери, чтобы догнать нас.

Глава пятнадцатая

Похищение подержанных крыльев

— Сюда! Бежим сюда! — закричала нам Рейчел.

— Почему мы должны тебя слушать? — возразила Аннабет. — Ты уже завела нас в одну смертельную ловушку!

— Но вы и должны идти именно таким путем, — объяснила Рейчел. — И эта дорога такая же. Пошли!

Аннабет не слишком обрадовалась этому заявлению, но от остальных не отставала. Рейчел словно на стенках читала, куда ей нас вести. Она уверенно выбирала повороты и ни минуты не колебалась на развилках. Один раз она крикнула нам: «Пригнитесь!» — и едва мы успели наклонить головы, как над нами просвистел огромный топор. После этого мы продолжили наш путь как ни в чем не бывало.

Мы бежали без передышки, преодолевали поворот за поворотом, и в конце концов я совершенно потерял ориентировку. Мы ни разу не остановились, чтобы перевести дух, пока не оказались в каком-то помещении размером не меньше спортивного зала. Крыша его покоилась на многочисленных старинных колоннах из мрамора. Я остановился и стал прислушиваться, нет ли погони, но ничего не услышал. Очевидно, где-то в хитросплетениях лабиринта мы сумели оторваться от Луки и его прихвостней.

Тогда я поискал глазами Миссис О'Лири, но ее тоже нигде не было видно. Адская гончая исчезла, а я даже не заметил, когда это произошло, не знал, потерялась она или на нее напали чудовища. Я ужасно расстроился: все-таки Миссис О'Лири спасла нам жизнь, а я даже не удосужился подождать, чтобы удостовериться, что она следует за нами.

Эфан без сил рухнул на пол и простонал:

— Вы прямо бешеные какие-то...

Он стащил с головы шлем, и я увидел, что все его лицо залито потом.

— Ой, а я тебя знаю! — воскликнула Аннабет. — Ты один из непризнанных полукровок. Ты был в домике Гермеса несколько лет назад!

— И я тебя вспомнил, — взглянул на нее Эфан. — Тебя зовут Аннабет.

— А что... что у тебя с глазом?

Эфан отвел взгляд в сторону, и я догадался, что на эту тему он говорить не станет.

— Ты, наверное, тот полукровка, которого я видел во сне, — заговорил я. — Тебя преследовали воины Луки. Я думал, что они поймали Нико, но оказалось, это не так.

— А кто такой Нико? — спросил Эфан.

— Не важно, — быстро перебила Аннабет. — Но скажи, почему ты сражаешься на стороне врагов?

— Каких еще врагов? — фыркнул Эфан. — Богам нет никакого дела до нас. Почему в таком случае мне не встать на сторону тех, кто борется с ними?

— Вступить в армию чудовищ, которые заставили тебя сражаться насмерть только ради того, чтобы лишний раз позабавиться? — Аннабет пожала плечами. — Не понимаю.

— Не собираюсь спорить с тобой. — Эфан с трудом поднялся на ноги. — Спасибо за помощь, но я ухожу.

— Мы намерены отыскать Дедала, — объяснил ему я. — Пойдем с нами, Эфан. А как только справимся с этим делом, можем вместе вернуться в лагерь.

— Вы и вправду свихнулись, если думаете, что Дедал станет вам помогать.

— Ему придется это сделать, — возразила Аннабет. — Мы заставим его нас выслушать.

— Ты так думаешь? — Эфан презрительно фыркнул. — Ну-ну. Желаю удачи!

Я схватил его за руку.

— Ты что, собираешься один бродить по лабиринту? Но это же просто самоубийство!

Эфан посмотрел на меня с едва сдерживаемым гневом. Я заметил, что края повязки, прикрывающей его глаз, обожжены, а черные одежды истрепаны так, будто он носит их уже очень долго.

— Тебе не следовало щадить меня на поединке, Джексон, — сказал он. — На войне нет места жалости.

И с этими словами исчез в темном провале лабиринта, откуда мы только что выбежали.

* * *

Аннабет, Рейчел и я так устали, что устроили привал прямо в этой же огромной пещере. Я разыскал несколько поленьев, мы развели костер, и

тени заплясали на колоннах, вздымавшихся вокруг нас подобно деревьям.

— С Лукой что-то случилось, — пробормотала Аннабет, вороша кинжалом угли костра. — Ты заметил, как странно он себя вел?

— Мне лично он показался вполне довольным собой, — возразил я. — Будто провел славный денек, укокошив пару-тройку героев.

— Неправда! С ним что-то случилось. Он как будто... как будто чего-то боится. Помнишь, он велел своим охранникам не убивать меня? Он, наверное, хотел мне что-то сказать.

— Может, просто: «Привет, Аннабет! Садись рядом и давай полюбуемся, как твоих друзей станут разрывать на части. Позабавимся!»

— Ты совершенно невыносим! — сердито проворчала Аннабет, сунула кинжал в ножны и повернулась к Рейчел: — Ну а теперь куда, Сакаджавия?
[\[16\]](#)

Рейчел ответила не сразу. Вообще, после того как мы оставили арену гладиаторских боев, она стала более спокойной и уверенной в себе. И теперь Рейчел просто проигнорировала саркастическое замечание Аннабет. Она обожгла на огне кончик найденной палочки и теперь выводила на полу какие-то фигуры, похожие на тех монстров, которых мы только что видели. Несколькими штрихами ей удалось с замечательным сходством изобразить существо, похожее на драконицу.

— Нужно идти по тропе, — спокойно ответила Рейчел. — По той, которая светлее.

— Эта светлая тропа нас, кажется, уже привела прямо в логово врагов? — опять завелась Аннабет.

— Отстань от нее, — сказал я. — Рейчел делает что может.

Аннабет встала на ноги.

— Костер догорает. Схожу поищу еще дров, пока вы будете тут разрабатывать стратегию. — И она исчезла в темноте.

Рейчел в это время занималась тем, что выводила палочкой контуры другой фигуры — и вот уже среди свисающих цепей раскачивается туша Антея.

— Аннабет не всегда такая, — тихо сказал я. — Не могу понять, что с ней случилось.

— Уверен, что не знаешь? — Рейчел демонстративно подняла тоненькие брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Мальчишки, — процедила она. — У себя под носом ничего не видят.

— Слушай, не надо. Я уже почти жалею, что решил включить тебя в

поиск.

— Нет, это ты решил правильно, — безмятежно отозвалась Рейчел. — Я вижу путь, которым надо идти. Не могу объяснить почему, но уверена, что веду вас правильно.

Она махнула рукой, показывая в противоположный конец пещеры, туда, где сумрак сгущался.

— Мастерская Дедала находится там, в самом сердце лабиринта. Мы уже близко. Я не знаю, почему тропа привела нас к той арене. Мне... мне ужасно жаль, что так получилось. Я боялась, что ты погибнешь.

Голос Рейчел зазвучал так, будто она вот-вот заплачет.

— Ладно, я всю жизнь расхаживаю на краю смерти, — постарался успокоить ее я. — Не переживай.

Минуту она пристально смотрела мне в лицо, потом спросила:

— Значит, ты каждое лето занимаешься подобными делами? Сражаешься со всякими там чудовищами? Спасая мир? Ты ничего не делаешь просто так... ну ради забавы?

Я об этом даже не задумывался. Последний раз, когда я что-то делал просто так... э-э, когда ж это было? Кажется, такого вообще никогда не было.

— Полукровки все такие, я думаю. Мы привыкли. А может, и не привыкли, не знаю. — Я сконфуженно заерзал на месте. — А что ты делаешь? Ты занимаешься чем-то просто так?

Рейчел пожала плечами.

— Рисую. И я много читаю.

«Неплохо, — подумал я. — Скоро список наших общих интересов сведется к нулю».

— А твоя семья? — поинтересовался я.

И сразу почувствовал, как между нами мысленно выросла стена. Эта тема явно была небезопасна.

— Ну, просто... семья.

— Ты говорила, что они даже не заметят, если ты не вернешься?

Рейчел отложила свою палочку в сторону.

— Ох, как я устала! Можно, я немного посплю, а, Перси?

— Конечно отдыхай. Извини, если...

Но она уже свернулась клубком, положив голову на собственный рюкзак вместо подушки, и закрыла глаза. Рейчел лежала тихо-тихо, но я все равно был уверен, что она не спит.

Вскоре вернулась Аннабет. Швырнула в костер несколько поленьев, бросила взгляд на Рейчел, потом на меня.

— Первая вахта моя, — сказала она. — Можешь тоже поспать.

— Ты не должна так вести себя.

— А как я себя веду?

— Как... Ладно, не важно.

Я улегся, чувствуя себя просто отвратительно. К тому же я так устал, что заснул в ту же минуту, как только закрыл глаза.

* * *

Во сне мне слышался смех — злой, насмешливый, хриплый смех, который больше походил на скрежет заточиваемых ножей.

Я стоял на краю ямы, уходящей в глубины Тартара, и мрак под моими ногами был похож на чернильный суп.

— Твоя гибель бродит совсем рядом, маленький герой, — раздался голос Кроноса. — А ты все еще не видишь ее.

Голос его звучал совсем не так, как прежде. Он был почти осязаем, будто говорило настоящее живое существо, а не то... пребывающее в расчлененном состоянии.

— Я должен поблагодарить тебя, — продолжал он. — Ты немало сделал для того, чтобы я ожил.

Тени в яме стали гуще и плотнее. Я попытался отодвинуться от ее края, но это было все равно, что плыть в море нефти. Время почти не двигалось. Я едва мог дышать.

— И потому я сделаю для тебя кое-что. Повелитель титанов всегда платит свои долги. Возможно, взгляд на друзей, которых ты бросил, утешит тебя...

Тьма, окружавшая меня, подернулась рябью, и я увидел, что теперь нахожусь в другой пещере.

— Скорей! — раздался голос Тайсона.

Он быстрыми шагами вошел в пещеру, за ним ковылял Гроувер. В коридоре, из которого они только что вышли, слышалось шуршание, и следом за ними появилась голова огромной змеи. Она была до того здоровенной, что едва помещалась в туннеле. Тело змеи покрывала медная чешуя, голова ее из-за ромбовидной формы походила на голову гремучей змеи, желтые глаза горели ненавистью. Когда это огромное чудовище распахнуло пасть, клыки ее оказались размером с Тайсона.

Она зашипела и бросилась на Гроувера, но тот быстро отпрыгнул, и змея захватила лишь пригоршню земли. Тайсон подобрал с земли камень и

швырнул им в чудовище, метя между глаз, но змея лишь свернулась кольцами и зашипела.

— Она хочет сожрать тебя! — крикнул Гроувер.

— С чего ты взял?

— Она сейчас так сказала. Беги!

Тайсон метнулся в сторону, но змея вытянула шею и, действуя головой, словно дубинкой, отшвырнула его назад. Он упал.

— Нет! — закричал Гроувер.

Прежде чем мой брат успел подняться на ноги, змея обвилась вокруг него и принялась душить.

Тайсон напрягся, пытаясь ослабить хватку, но кольца змеи сжимались все теснее. Гроувер ударил змею по голове свирелью, но с таким же успехом мог бы колотить ею по каменной стене.

Пещера затряслась, когда змея напряжила мускулы, чтобы преодолеть сопротивление Тайсона.

И в этот момент Гроувер догадался приложить свирель ко рту и заиграть. Потекли мелодичные звуки, с потолка дождем, один за другим стали падать сталактиты, вся пещера пришла в движение...

* * *

Я проснулся оттого, что Аннабет трясла меня за плечо.

— Перси, проснись! Проснись же, пожалуйста!

Я мгновенно сел.

— Тайсон в опасности! — выдохнул я. — Нужно его спасти!

— Сначала самое важное. У нас землетрясение! Действительно, пещера, в которой мы остановились на отдых, дрожала и тряслась.

— Рейчел! — закричал я.

Она в то же мгновение открыла глаза, вскочила, схватила рюкзак, и мы все втроем опрометью кинулись бежать. Мы почти добрались до входа в дальний туннель, когда ближайшая к нам колонна закрипела, застонала и рухнула. Сотня тонн мрамора обрушилась на пол позади нас, но мы продолжали бежать, не оглядываясь.

И только очутившись в самом переходе, мы на мгновение приостановились и оглянулись — как раз вовремя, чтобы увидеть, как зашатались остальные колонны. Туча белой пыли застлала воздух, и мы помчались дальше.

— Знаете что? — задыхаясь, на бегу крикнула Аннабет. — Мне тоже

больше нравится тот туннель, который она выбрала.

Скоро впереди замаячил свет, будто кто-то зажег обыкновенный электрический фонарик.

— Туда! — бросила Рейчел.

Последовав за ней, мы очутились в переходе, стены которого были облицованы нержавеющей сталью, словно мы попали на космический корабль. С потолка струился свет люминесцентных ламп. Пол представлял собой металлическую решетку.

Мои глаза до того привыкли к темноте, что сейчас мне приходилось щуриться. Аннабет и Рейчел при таком резком освещении казались очень бледными.

— Сюда! — Рейчел снова перешла на бег. — Мы уже близко!

— Не может быть! — услышал я голос Аннабет. — Мастерская должна находиться в самой старой части лабиринта. Значит, это не она!

Но когда мы оказались перед двойными металлическими дверями, она притихла. На уровне наших глаз была нарисована синей краской большая греческая буква Δ.

— Мы пришли! — воскликнула Рейчел. — Вот и мастерская Дедала!

* * *

Аннабет прижала ладонь к знаку, и двери, едва слышно скрипнув, стали автоматически отворяться.

— Не слишком ли для античной архитектуры? — усомнился я.

Аннабет насупилась, и мы вошли внутрь.

Первое, что поразило меня, — это обилие дневного света, солнечные лучи щедро лились сквозь огромные окна. Не совсем то, чего ожидаешь, входя в темницу. Мастерская больше напоминала студию художника с тридцатифутовой высоты потолками, яркими лампами, полированными каменными полами и рабочими верстаками вдоль окон. Витая лестница вела на второй этаж. Полдюжины мольбертов являли глазу наброски зданий и чертежи механизмов, эти листы немного напоминали рисунки Леонардо да Винчи. На столах стояло несколько компьютеров. Стекланные сосуды с зеленым маслом — я узнал в нем греческий огонь — выстроились на одной из полок. В мастерской были и разные вновь изобретенные устройства, я видел странные металлические приборы, назначения которых не мог понять. Например, один из них представлял собой бронзовый стул с электрическими проводами, он был похож на средневековый пыточный

механизм. В одном углу стояло гигантское металлическое яйцо размером с человека, в другом возвышались старинные часы, которые были словно целиком сделаны из стекла, поскольку я видел, как вращались все их шестеренки. На стенах висело несколько пар бронзовых и серебряных крыльев.

— Di immortals,^[17] — пробормотала Аннабет, затем подбежала к ближайшему мольберту и стала разглядывать установленный на нем рисунок. — Он — гений! Вы только посмотрите на своды этого здания.

— И настоящий художник, — в изумлении тихо проговорила Рейчел. — Эти крылья великолепны.

Действительно, крылья на стенах были более совершенными, чем те, что я видел во сне. Перья их соединялись между собой намного плотнее, вместо восковых печатей вдоль краев тянулись липучки.

Рука моя невольно коснулась Анаклузмаса. Очевидно, Дедала не было дома, но мастерская выглядела так, будто ее только что кто-то покинул. Компьютеры оставались включенными, на одном из столов рядом с недоеденным черничным кексом стояла чашка с еще теплым кофе.

Я подошел к окну. Оттуда открывался поразительный по красоте вид. Вдалеке виднелись Скалистые горы,^[18] я узнал их. Мы находились на холме футов пятьсот высотой, под нами простиралась равнина, по поверхности которой были разбросаны валуны, краснели плоскими гранями огромные каменные плиты, сверкали острые ребра булыжников. Вся равнина имела такой вид, будто какой-то гигант-ребенок строил на ней игрушечный город из кубиков размером с небоскреб, а потом решил все разбросать.

— Где мы? — поразился я.

— В Колорадо-Спрингс,^[19] — раздался позади нас чей-то голос. — Вы в Садах богов.

На винтовой лестнице с обнаженным клинком в руке стоял сбежавший из лагеря инструктор мечевого боя Квинтус.

* * *

— Это вы, — выдохнула Аннабет. — Что вы сделали с Дедалом?

Квинтус небрежно улыбнулся.

— Поверьте мне, милая, вам с ним лучше не встречаться.

— Знаете, мистер Предатель, — разозлилась она, — я не для того

сражалась с драконицей, свихнувшимся сфинксом и великаном с тремя телами, чтобы повидать вас! Где Дедал, я спрашиваю?

Квинтус сошел со ступеней, по-прежнему не убирая меч в ножны. На нем были джинсы, ботинки и фирменная футболка, какие носили наши лагерные учителя. Сейчас, когда выяснилось, что он действительно шпионил за нами, мне это показалось очень обидным. Я немного сомневался, что сумею одержать верх в поединке, ведь Квинтус все-таки крутой боец, но попробовать, думаю, стоит.

— Вижу, вы уверены, что я агент Кроноса, — послышался его спокойный голос. — И думаете, что я работал на Луку.

— Ну да, — подтвердила Аннабет.

— Вы девушка, конечно, неглупая, но тут вы не правы. Я работал только на самого себя.

— Но Лука говорил о вас, — вмешался я. — И Герион тоже вас знает. Вы бывали на его ранчо.

— Не однажды, — согласился Квинтус. — Я побывал почти везде. Даже здесь.

Он прошел мимо меня так спокойно, словно я не представлял для него никакой опасности, и подошел к окну.

— Каждый день вид отсюда меняется, — снова заговорил Квинтус. — Но всегда остается впечатление, что ты стоишь наверху. Вчера мне показалось, будто я смотрю с крыши небоскреба на Манхэттен. Днем раньше открывался прекрасный вид на озеро Мичиган. И это заставляет снова и снова возвращаться в Сады богов. Наверное, лабиринт и сам полюбил это место. К тому же какое подходящее название!

— Значит, вы приходили сюда раньше? — предположил я.

— О да.

— Вид отсюда — это иллюзия? — спросил я. — Своего рода проекция какой-то местности?

— Нет, — тихо подала голос Рейчел. — Это по-настоящему. Мы и вправду в Колорадо.

Квинтус с интересом глянул на нее.

— Обладаете даром ясновидения? Вы напоминаете мне одну смертную девушку, которую я знал когда-то. Еще одна царевна с печальной судьбой.

— Хватит притворяться. Что вы сделали с Дедалом?

Квинтус перевел спокойный взгляд на меня.

— Мой юный друг, вам бы не мешало поучиться ясновидению у вашей спутницы. Я и есть Дедал.

На это заявление я мог бы дать целую кучу ответов, типа «так я и знал», или «наглый обманщик», или «ха, тогда я Зевс!».

Но все, на что я оказался способен, это беспомощно пробормотать:

— Вы же не изобретатель! Вы просто мечник!

— Я и мечник, и изобретатель, — ответил Квинтус. — И архитектор. И ученый. К тому же я неплохо играю в баскетбол, особенно для человека, который узнал об этой игре в возрасте двух тысяч лет. Настоящий артист должен уметь многое.

— Это правда, — кивнула Рейчел и добавила: — Я, например, могу рисовать ногами так же хорошо, как руками.

— Видите? — обернулся ко мне Квинтус. — Очень одаренная молодая особа.

— Но вы даже не похожи на Дедала, — запротестовал я. — Я видел его во сне, и он... — Тут ужасная мысль пронзила мое сознание, и я замолчал.

— Вот теперь вы правы. Наконец-то вы догадались.

— Вы автоматон! Вы создали для себя новое тело.

— Перси, — с усилием произнесла молчавшая до сих пор Аннабет, — это невозможно. Он... он не автоматон.

Квинтус хмыкнул.

— Вы знаете, что означает имя Квинтус, милая барышня?

— Пятый, на латыни. Но...

— Да, это мое пятое воплощение.

Тут прямо на наших глазах мечник вытянул вперед руку, нажал пальцами на локоть, и часть запястья распахнулась как дверца. Мы увидели, как под кожей вращались бронзовые шестеренки, поблескивали хорошо смазанные колесики.

— Поразительно! — воскликнула Рейчел.

— Странно, — пробурчал я.

— Вы изобрели способ переселить вашу душу в механизм? — спросила Аннабет.

— Уверяю вас, это самый настоящий я. Я именно и есть Дедал. Наша мать, Афина, позаботилась о том, чтобы я никогда этого не забывал.

Он оттянул вниз воротник рубашки и во впадинке у основания шеи показалась отметка, которую я видел раньше, — темный силуэт птицы, вытатуированный на коже.

— Клеймо убийцы, — сказала Аннабет.

— Это из-за вашего племянника, Пердикса, — догадался я. — Тот мальчик, которого вы столкнули с башни.

— Я не толкал его. — Лицо Квинтуса потемнело от гнева. — Я всего лишь...

— Конечно. Вы всего лишь заставили его потерять равновесие. Помогли ему умереть.

Квинтус устремил взгляд на багровые горы, вздымающиеся вдалеке за окном.

— Мне очень жаль, что я так поступил. Но, видишь ли, Перси, я был страшно зол и расстроен. К сожалению, исправить ничего нельзя, и Афина позаботилась о том, чтобы я никогда не забыл об этом. Когда Пердикс погиб, она превратила его в маленькую птичку, куропатку. А потом выжгла ее силуэт на моем теле. И какой бы облик я ни принимал, этот знак всегда со мной.

Я посмотрел в его глаза и понял: это тот самый человек, которого я видел в своих снах. Лицо его стало совсем другим, но душа осталась прежней — тот же ум и та же печаль.

— Да, вы и вправду Дедал. Но зачем вы явились в наш лагерь? Почему шпионили за нами?

— Мне нужно было решить, стоит ли спасать Лагерь полукровок. От Луки я узнал одну версию происходящего, но мне хотелось принять собственное независимое решение.

— Значит, вы разговаривали с Лукой?

— Разумеется. Не один раз. Он умеет быть убедительным.

— Но вы же видели лагерь! — горячо заговорила Аннабет. — Значит, вы уже знаете, как сильно мы нуждаемся в помощи. Вы не должны позволить Луке пройти через лабиринт!

Дедал положил меч на верстак.

— Лабиринт больше не подчиняется мне, Аннабет. Создал его я, это так. И в действительности он по-прежнему связан с моей жизнью. Но я позволил ему расти и развиваться самостоятельно. Такой ценой я заплатил за собственную независимость.

— Независимость от чего?

— От богов. От смерти. Я ведь живу уже больше двух тысяч лет, дорогие мои. И все это время скрываюсь от смерти.

— Но разве можно спрятаться от Аида? — спросил я. — Ведь у него есть фурии.

— Фуриям известно далеко не все, — объяснил Дедал. — И они не все

видят. Ты ведь встречался с ними, Перси, и знаешь, что я говорю правду. Умному человеку по силам скрываться от них довольно долгое время, и мне удалось хорошо замаскироваться. Лишь один злейший враг напал на мой след, но даже его я сумел обвести вокруг пальца.

— Вы говорите о Миносе, — догадался я.

— Он неустанно преследует меня. Сейчас он судья в Царстве мертвых, и его самое сокровенное желание — наказать меня за мои преступления. После того как дочери Кокала убили его, призрак Миноса стал терзать меня по ночам, в снах. Он обещал, что так или иначе настигнет меня. И тогда я сделал то единственное, что мог. Я исчез из мира. Спустился в свой лабиринт и решил, что это будет моим спасением. Что так я сумею обмануть смерть.

— И находитесь тут уже не одну тысячу лет, — проговорила Аннабет.

Казалось, рассказанное Дедалом произвело на нее большое впечатление, несмотря на совершенные им ужасные деяния.

В эту минуту из коридора послышался оглушительный лай, громкий стук тяжелых лап — «бум-бум-бум» — и в мастерскую влетела Миссис О'Лири. Первым делом она облизала мне лицо, а затем кинулась к Дедалу и в припадке энтузиазма чуть не опрокинула его на пол.

— Вот он, мой старый друг! — сказал он, почесывая ее за ушами. — Мой единственный спутник в эти долгие одинокие годы.

— Знаете, а ведь она спасла меня, — сказал я Дедалу. — Тот свисток, который вы мне дали, он сработал.

— Он и должен был сработать, Перси. Я сразу почувствовал, что у тебя доброе сердце и что Миссис О'Лири привязалась к тебе. Может быть, мной руководило и некоторое чувство вины, как знать.

— Вины? Но в чем?

— В том, что ваш поиск не достигнет цели.

— Как не достигнет? — вскипела Аннабет. — Вы можете помочь нам. Дайте нить Ариадны нам, пусть она не достается Луке.

— Гмм... нить. Я сказал Луке, что глаза смертных — это лучший проводник в лабиринте, но он как будто не поверил мне. Слишком уж он поглощен идеей иметь магический инструмент. К тому же нить не утратила своей волшебной силы. Хотя, возможно, и не так точна, как взгляд твоей смертной подружки, но все же она действует. Действует достаточно хорошо.

— Где она? — спросила Аннабет.

— У Луки, — грустно ответил Дедал. — Очень сожалею, моя дорогая, но это так. Вы опоздали на несколько часов.

Похолодев, я понял, почему Лука находился в таком благодушном настроении, когда я увидел его сидящим на трибунах. Он уже получил от Дедала волшебную нить, и единственным препятствием для него был хозяин арены гладиаторских боев. Тут как раз очень удачно вмешался я и собственноручно устранил с его пути главную преграду, убив Антея.

— Кронос пообещал мне свободу, — продолжал Дедал. — Как только Аид будет низвергнут, он поставит во главе Царства мертвых меня. Я снова смогу встретиться со своим погибшим сыном Икаром. Я исправлю то несчастье, которое случилось с Пердиксом. Увижу, как душа Миноса будет брошена в Тартар и перестанет докучать мне. Мне больше не понадобится прятаться от смерти.

— Так вот в чем ваша замечательная мысль?! — закричала Аннабет. — Вы собираетесь позволить Луке уничтожить наш лагерь, убить сотни полукровок и атаковать Олимп? Вы готовы перевернуть весь мир с ног на голову ради того, чтобы получить то, в чем нуждаетесь?

— Ваша затея обречена, моя дорогая. Я понял это сразу, как только приступил к работе в лагере. Вы не сможете противостоять Кроносу.

— Это не так!

— Я делаю то, к чему обязывает меня договор с Лукой. Слишком велико было искушение, чтобы отказаться от его предложения. Повторяю еще раз, я сожалею о вашей неудаче.

Вспылив, Аннабет перевернула ближайший кульман. Чертежи, наброски, инструменты лавиной хлынули на пол.

— Я раньше уважала вас! Вы казались мне героем! Вы... вам удалось создать так много прекрасных вещей. Решить задачи, непосильные для других. Дети Афины и должны быть такими — мудрыми, а не просто сообразительными. А вы... вы самый настоящий автоматон! Лучше б вы умерли две тысячи лет назад.

Вместо того чтобы разозлиться, Дедал опустил голову. Потом тихо сказал:

— Вам следовало бы предупредить о грозящей опасности своих... там, в лагере. Теперь, когда нить в руках у Луки...

Вдруг Миссис О'Лири навестила уши и заворчала.

— Сюда кто-то идет, — предупредила Рейчел.

Дверь мастерской распахнулась, и в нее ворвался Нико, руки его были скованы за спиной. Следом за ним быстрым шагом вошли Келли и два лестригона, за ними по пятам следовал призрак Миноса. К своему ужасу, я увидел, что он стал едва ли не полноценным реальным существом — передо мной был тот самый царь Крита, которого я видел во сне, с узкой

бородой, бледным лицом, холодными глазами. Ключьями Тумана обвивали его мантию.

Он уперся взглядом в Дедала.

— Вот и вы, мой старый друг.

Челюсти Дедала судорожно сжались, он бросил вопросительный взгляд на Келли:

— Что тут происходит?

— Лука передает вам привет и наилучшие пожелания, — сказала та. — Он решил, что вам будет приятно свидеться со своим прежним хозяином Миносом.

— Но мы так не договаривались!

— Действительно не договаривались, — кивнула Келли. — Но то, что требовалось от вас, уже находится в наших руках. И теперь нам пора приступать к выполнению других обязательств. Например, выполнить требование Миноса для того, чтобы заполучить вот этого юного полукровка. — И она пальцем пощекотала Нико под подбородком. — Он может понадобиться Луке. А Минос попросил в обмен на его голову вас, старина Дедал.

— Предательство. — Дедал побледнел.

— Пора бы вам к этому привыкнуть.

— Нико, — обратился я к парню, — ты как?

— Я... мне очень жаль, Перси. Минос сказал, что вы в опасности. И убедил в том, что мне следует вернуться в лабиринт.

— Так ты пытался помочь нам?

— Меня поймали в западню, — понуро сказал Нико. — Он всех нас поймал в западню.

Я взглянула на Келли:

— Где Лука? Почему его нет здесь?

Эмпуса игриво усмехнулась, будто мы с ней заодно, и сказала:

— Видишь ли, он сейчас вроде как занят. Готовится к нападению. Но ты не беспокойся, на подходе другие наши общие знакомые. А пока, я уверена, меня ждет славный завтрак!

На ее пальцах в одно мгновение выросли когти, волосы охватило пламенем, а ноги обрели подлинную форму: одна стала задней ногой осла, другая — бронзовой подпоркой.

— Перси, крылья, — услышал я тихий шепот Рейчел. — Не забудь о них.

— Давай к ним, — едва слышно шепнул я в ответ, — а я попробую потянуть время.

Но в этот момент все пришло в движение. Мы с Аннабет бросились на Келли, лестригоны прыгнули к Дедалу, но наперерез им, защищая хозяина, метнулась Миссис О'Лири. Нико упал на пол и принялся кататься, пытаясь разорвать сковывавшие его цепи, а дух Миноса бесновался и кричал: «Убейте Дедала! Смерть ему!»

Рейчел тихонько сняла крылья со стены. Никто из участников схватки этого даже не заметил. Келли в это время прыгнула на Аннабет, я попытался удержать эмпусу, но ее движения были молниеносными и смертельными. Она переворачивала столы, разбрасывала по полу механизмы и приборы, не давая нам приблизиться к ней. Уголкем глаза я заметил, что Миссис О'Лири вонзила клыки в руку лестригона, он взвыл от боли и принялся метаться, пытаясь сбросить адскую гончую. Дедал потянулся за своим мечом, но тут второй лестригон ударил огромным кулаком по верстаку, и меч со звоном скатился на пол. Стекланный сосуд с древним греческим огнем упал с полки и разбился, пламя стало быстро распространяться по мастерской.

— Ко мне! — надрывался Минос. — Ко мне, духи мертвых!

Он воздел руки кверху, и в воздухе вокруг него что-то засвистало и заухало.

— Нет! — раздался крик Нико.

Он вскочил на ноги, сумев за это время каким-то образом сбросить с себя оковы.

— Я больше не повинуюсь тебе, глупый щенок! — с насмешкой прорычал Минос. — Да, все это время я водил тебя за нос, недоумок. Душа за душу, да, это так. Но это не твоей сестре предстоит вернуться из Царства мертвых, а мне самому! Стоит мне расправиться с этим стариком, и я вернусь на землю.

Вокруг Миноса стали появляться призраки — трепещущие неясные контуры медленно множились, обращаясь в критских воинов.

— Я сын Аида, — требовательно повторил Нико. — Убирайтесь вон!

— У тебя нет власти надо мной. — Минос расхохотался. — Я повелитель призраков! Я царь-призрак!

— Нет! — Нико схватился за меч. — Повелитель духов я!

Он воткнул лезвие своего черного меча в пол, и оно прошло сквозь камень, словно нож в масло.

— Никогда!.. — Тут облик Миноса заколыхался и стал терять твердость очертаний.

Земля задрожала, оконные стекла стали раскалываться, и их осколки с грохотом посыпались на пол. В мастерскую ворвался порыв сильного

ветра. В каменном полу одна за другой разверзались трещины, и Миноса со всеми его призраками-солдатами со страшным воем засосало в образовавшуюся пустоту.

Однако не все было так уж хорошо. Битва вокруг кипела, и мне угрожала серьезная опасность. Келли набросилась на меня, да так быстро, что я не успел защититься. Мой меч с грохотом выпал из руки, я потерял равновесие и стал валиться куда-то вбок. Неожиданно я ударился головой об угол верстака, перед глазами все закружилось, руки внезапно ослабли. Я не мог даже шевельнуться.

— Вот такую мертвечину я и люблю! — Келли оглушительно расхохоталась.

Клыки ее обнажились, но вдруг красные глаза резко расширились, а по телу пробежала судорога.

— Нет, — задыхнулась она. — Нет... школа... духи...

Когда Аннабет выдернула свой кинжал из спины эмпусы, та с ужасным воем и скрежетом обратилась в ядовито-желтый пар.

Аннабет помогла мне подняться на ноги. Голова у меня еще кружилась, но нельзя было терять ни минуты. Миссис О'Лири и Дедал боролись с гигантами-лестригонами, и я слышал, что из туннеля доносится приближающийся грохот. В мастерскую спешили полчища монстров.

— Нужно выручать Дедала!

— Нет времени, — бросила Рейчел — Сюда мчатся сотни врагов!

Она уже надела на себя пару крыльев и теперь хлопотала вокруг Нико. После схватки с Миномом он остался почти без сил, пот заливал его лицо, он не мог пошевелиться, но крылья будто сами прилипли к его спине и рукам.

— Теперь ты! — велела мне Рейчел.

Через какие-то секунды все мы — Нико, Аннабет, Рейчел и я — обзавелись мощными бронзовыми крыльями. Мне показалось, что ветер, ворвавшийся в разбитые окна мастерской, подхватывает меня и я уже поднимаюсь в воздух. Греческий огонь пылал, пожирая мебель, бумаги, взбираясь по витой деревянной лестнице.

— Дедал! — кричал я. — Бегите сюда!

Я увидел на его теле сотни порезов, но из них текла не кровь, а золотистое масло. Он сумел подхватить с полу меч и, прикрываясь обломком стола как щитом, сражался с лестригонами.

— Не могу оставить Миссис О'Лири! — прокричал он в ответ. — Уходите!

Времени на споры не было. Даже если б мы остались с ним,

сомневаюсь, что мы сумели бы помочь ему.

— Но мы не умеем летать! — воскликнул Нико.

— Самое время научиться!

И мы вчетвером выпрыгнули из окна прямо в открытое небо.

Глава шестнадцатая

Я открываю саркофаг

Прыжок из окна, расположенного на высоте пяти сотен футов над землей, — это не совсем то, что можно назвать простой забавой. Особенно если при этом у тебя к рукам привязаны бронзовые крылья и приходится размахивать ими, как какая-нибудь утка.

В общем, я с приличной скоростью падал вниз, прямо на равнину с большими красными камнями. И был почти уверен, что сейчас меня расплющит в лепешку, когда Аннабет крикнула откуда-то сверху:

— Раскинь руки в стороны! Пусть крылья тебя держат!

Какая-то микроскопическая часть моего мозга, не поддавшаяся панике, услышала ее, и руки повиновались. Как только я развел их в стороны, крылья в тот же миг обрели упругость, поймали ветер и падение мое прекратилось. Я еще продолжал снижаться, но уже под нужным углом, как бумажный змей в полете.

Ради эксперимента я разок взмахнул крыльями и тут же взмыл прямо в небо, и только ветер засвистел у меня в ушах.

— Ух ты! — Я завопил от счастья.

Небывалый восторг охватил меня. Немного попривыкнув к крыльям, я стал ощущать их частью своего тела, я мог парить и взмывать вверх, мог нырять вниз, в стороны и вообще куда угодно.

Обернувшись, я увидел друзей — Рейчел, Аннабет, Нико, — они кружились надо мной, и крылья их сверкали в солнечных лучах. А позади небо застилали огромные черные клубы дыма, вырывавшиеся из окон мастерской Дедала.

— К земле! — слышался крик Аннабет. — Эти крылья долго не продержатся!

— И скоро они сломаются? — поинтересовалась Рейчел.

— Мне не хочется это выяснять!

Мы стали снижаться, держа курс на Сады богов. Я сделал полный круг над одним из скалистых отрогов, напугав при этом пару альпинистов, карабкавшихся на него. Затем наша четверка перемахнула через долину, немного пролетела над дорогой и приземлилась на террасе туристического центра. Стоял поздний послеобеденный час, и вокруг было безлюдно, но мы все равно поторопились избавиться от крыльев как можно быстрее.

Разглядев их повнимательнее, я понял, что Аннабет была права. Липучки, крепившие крылья к спине, уже начали подтаивать, и первые бронзовые перья совсем скоро выпали бы. Как ни жаль с ними расставаться, но починить крылья мы не могли, а оставить их прямо так, на виду у смертных, мы тоже не осмелились, поэтому решили просто поглубже запихать их в мусорные ведра у дверей кафетерия.

Я стал изучать окрестности в телескоп для туристов, установленный на площадке, и когда навел окуляр на утес с мастерской Дедала, то увидел, что она уже исчезла. Не было даже дыма над ней. Лишь пустынная вершина холма.

— Наверное, мастерская может перемещаться, — предположила Аннабет. — В неизвестном направлении.

— Что же нам делать? — спросил я. — Как мы теперь проберемся в лабиринт?

Взгляд Аннабет скользнул к Пайке Пик,^[20] вершина которой находилась вдалеке.

— Может, мы вообще не сможем пробраться туда. Если Дедал погиб... Он ведь говорил, что его жизненная сила связана с лабиринтом. Так что если он погиб, весь лабиринт может оказаться разрушенным. Но в таком случае и вторжение войска Луки не состоится!

Я вспомнил о Гроувере и Тайсоне, все еще находившихся где-то в недрах лабиринта. А сам Дедал? Даже если он совершал дурные поступки, даже если из-за него весь наш лагерь подвергся опасности... какой ужасной смертью ему пришлось погибнуть!

— Нет, — возразил Нико, — Дедал не умер.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, когда люди умирают. У меня сразу появляется особое чувство... ну, будто в ушах жужжит.

— А как насчет Гроувера с Тайсоном?

Нико медленно покачал головой.

— Такое мне труднее дается. Они ведь и не обычные смертные, и не полукровки. У них нет души.

— Нужно идти в город, — решила Аннабет. — Наше положение чуточку прояснится, если мы отыщем вход в лабиринт. Тогда мы могли бы успеть вернуться в лагерь до вторжения Луки и его армии.

— Можно полететь самолетом, — предложила Рейчел.

— Мне нельзя летать на самолетах, — быстро сказал я.

— Но ты только что летал!

— Ну и что? Это я низко летал, и то был большой риск. А летать на

большой высоте мне нельзя, потому что там территория Зевса. Я не имею права это делать. Кроме того, на самолет у нас времени нет. Лабиринт — это самый быстрый путь в лагерь.

Мне не хотелось признаваться, но я все-таки надеялся, что в лабиринте мы сумеем разыскать Тайсона с Гроувером.

— Значит, нужно нанять машину и попросить, чтобы нас подбросили в город, — заключила Аннабет.

Рейчел посмотрела вниз, туда, где стояли припаркованные автомобили. Лицо ее приняло мрачное выражение, будто то, что она там увидела, ей не понравилось.

— Этим займусь я.

— Как? — спросила Аннабет.

— Сама разберусь, поверь.

— Ладно. — Аннабет неохотно кивнула. — Я пойду куплю стеклянную призму в сувенирном магазине и попытаюсь устроить радугу, чтобы отправить послание в лагерь через Ириду.

— Я с тобой, — сказал Нико. — Мне есть хочется.

— Тогда я пойду с Рейчел, — констатировал я. — Встречаемся на стоянке.

Рейчел нахмурилась, ей явно не хотелось, чтобы я шел с ней. Мне стало неприятно, но я все равно потопал следом.

Она сразу же направилась к большой черной машине на краю стоянки. Это был «лексус» с личным водителем, вроде тех, которые то и дело проносятся мимо на Манхэттене. Водитель, одетый в темный костюм и галстук, скучал на переднем сиденье, читая газету.

— Что ты собираешься делать? — спросил я у Рейчел.

— Постой тут и подожди меня, — попросила она. — Ну, пожалуйста.

Рейчел подошла прямо к водителю и начала разговор. Он нахмурился. А когда она сказала еще что-то, то он вообще побледнел и стал торопливо складывать свою газетку. Потом закивал и полез в карман за мобильным телефоном. Позвонил кому-то и коротко бросил пару слов, затем широким жестом распахнул перед Рейчел заднюю дверцу. Она небрежно мотнула головой, указывая на меня, и водитель еще раз поклонился, как бы говоря: «Да, мэм. Как прикажете, мэм».

С чего это он так расшаркивается?!

Рейчел вернулась ко мне. Одновременно с другой стороны подошли Нико и Аннабет.

— Я разговаривала с Хироном, — тут же стала рассказывать Аннабет. — Они стараются как можно лучше подготовиться к бою, но

хотят, чтобы мы поскорей вернулись. Говорят, что сейчас каждый полукровка на счету. Вы нашли попутку?

— Вон тот отвезет нас куда нужно, — махнула в сторону водителя рукой Рейчел.

Теперь водитель разговаривал с каким-то парнем в брюках-хаки и рубашке с открытым воротом, возможно, это был клиент, арендовавший машину. Кажется, у него возникли претензии, но до меня донесся ответ водителя:

— Извините, сэр. Срочный приказ. Я сию же минуту вызову для вас другую машину.

— Пошли, — позвала нас Рейчел.

Она подошла к машине, уселась, даже не взглянув на рассерженного клиента, и минуту спустя мы уже мчались по дороге в шикарной машине. Сиденья кожаные. Салон просторный. Заднее сиденье оборудовано плоским телеэкраном, встроенным в подголовники передних. Мини-холодильник набит минералкой, содовой и всякой закуской.

Мы сразу набросились на эту вкуснятину.

— Куда едем, мисс Дэр? — спросил водитель.

— Пока не знаю, Роберт. Нам бы проехаться по городу, рассмотреть, что там и как... гхм. — И она смущенно откашлялась.

— Как скажете, мисс.

Я уставился на Рейчел.

— Ты что, знакома с этим парнем?

— Нет.

— Но он прямо из кожи лезет, так выслуживается перед тобой. С чего это?

— Давай-ка лучше смотри по сторонам. Помоги мне сориентироваться.

Короче, на мой вопрос она не ответила.

Мы ехали по Колорадо-Спрингс уже примерно с полчаса и все еще не увидели ничего такого, что могло б сойти за вход в лабиринт. Рейчел привалилась к моему плечу, а я все пытался понять, кто же она такая и как это она осмелилась подойти к первому попавшемуся водителю и взять напрокат тачку.

Так прошло еще не меньше часа. Потом мы решили ехать на север в направлении Денвера, потому что подумали, что там, в относительно большом городе, скорее найдется вход в лабиринт. Мы страшно нервничали. Время летело так быстро!

И вдруг, как раз когда мы выезжали из Колорадо-Спрингс, Рейчел

внезапно выпрямилась.

— Съезжайте с трассы! — бросила она водителю. Тот непонимающе оглянулся:

— Не понял, мисс.

— Я заметила кое-что важное. Съезжайте.

Водитель пересек встречную полосу и съехал с дороги.

— Что ты увидела? — спросил я.

Я удивился потому, что мы уже оказались довольно далеко от города и вокруг не было ничего, кроме холмов, лугов и то тут, то там разбросанных домиков. Рейчел велела водителю свернуть на проселочную дорогу, и почти сразу нам на глаза попался дорожный указатель. Ясно, что надпись на нем я не успел прочитать.

— «Западный музей горнодобывающей промышленности», — озвучила Рейчел.

Для музея все это выглядело не очень-то солидно — маленький домишко, похожий на старомодный полустанок, несколько буровых установок, насосы и пара древних экскаваторов на выставочной площадке перед ним.

— Сюда, — бросила Рейчел, показывая на лаз в склоне ближайшего холма. Отверстие в туннеле было забито досками и заперто. — Тут раньше имелся проход в старую шахту.

— И ты решила, что это вход в лабиринт? — недоверчиво спросила Аннабет. — С чего ты взяла?

— Сама посмотри! То есть я хотела сказать, что... что я могу это видеть. Понимаешь?

Она поблагодарила водителя, и все мы вышли. Он почему-то не стал требовать с нас денег.

— Вы уверены, что все в порядке, мисс Дэр? Я с удовольствием отвезу вас в любое другое место...

— Нет, не надо. Спасибо, Роберт. Мы приехали куда хотели.

Музей казался закрытым, вокруг было безлюдно, поэтому никто не видел, как мы стали взбираться на пригорок рядом с домиком. Когда мы добрались до забитого досками и опутанного цепью входа в шахту, перед моими глазами оказалась... как вы думаете что? Метка Дедала! В этот раз она была выгравирована на висячем замке. Но как Рейчел сумела разглядеть такой крохотный значок еще с шоссе, я понятия не имел. Невероятно! Я прикоснулся пальцами к метке, и цепи упали на землю, потом мы сбили несколько досок и вошли внутрь. Хорошо это или плохо, но мы снова оказались в лабиринте.

Земляной туннель сменился каменным. Переходы следовали один за другим, заворачивали, разветвлялись и старательно пытались сбить нас с пути, но Рейчел шла вперед, не испытывая никаких сомнений. Мы сказали, что нам нужно обратно в Нью-Йорк, и она даже не останавливалась на развилках, чтобы подумать, какой путь выбрать.

К моему удивлению, пока мы шли, девчонки вдруг принялись общаться. Аннабет спросила Рейчел о ее родных, та ответила уклончиво, и тогда они стали болтать об архитектуре. Оказалось, что Рейчел кое-что о ней знает, так как изучает историю искусств. Они говорили о фасадах разных зданий в Нью-Йорке и все такое... В общем, понеслось: «А ты видела это?», «Да, а это?» и опять разные ла-ла-ла, так что я быстро соскучился и отстал, чтобы поравняться с Нико. Какое-то время мы топали в неловком молчании.

— Спасибо, что пришел за нами, — наконец выдал я из себя.

Глаза Нико сузились. Хотя он не казался сейчас таким сердитым, как обычно, но какая-то подозрительность в нем все равно оставалась.

— Я чувствовал себя в долгу перед тобой после того случая на ранчо, Перси. К тому же... Я и сам хотел повидать Дедала. В конце концов, Минос был прав, Дедалу следовало умереть. Никому не положено так долго избегать смерти. Это ненормально.

— Так вот о чем ты мечтал, — протянул я. — Хотел обменять душу Дедала на душу твоей сестры.

Мы прошли не меньше пятидесяти ярдов, прежде чем Нико отозвался:

— Мне было не так просто решиться на это, понимаешь? Вокруг меня были одни мертвецы. Я ведь знал, что никогда не буду принят живыми. Только мертвые испытывали ко мне уважение. Хотя они скорее просто боялись меня.

— Почему ты думаешь, что никогда не будешь принят живыми? У тебя может быть полно друзей в лагере.

— Ты правда так думаешь, Перси? — Нико пристально посмотрел на меня.

Я не ответил, потому что не был точно в этом уверен. Все-таки Нико немного не такой, как мы все. Он всегда отличался от нас, а после смерти Бьянки стал... почти пугающим. Взгляд Нико сделался похожим на взгляд его отца, пристальный, сверлящий и полный такого огня, что сразу начинаешь думать, что это либо гений, либо псих какой-нибудь. И то, как

он победил Миноса, мне тоже не очень-то пришлось по душе. Объявил себя повелителем призраков... это, конечно, было грандиозно, но все-таки...

Я не успел решить, что мне сказать Нико, поскольку едва не налетел на Рейчел, которая внезапно остановилась как вкопанная. Мы оказались на перекрестке. Туннель бежал вперед, но боковое ответвление справа заканчивалось круглой шахтой, выбитой в черном вулканическом камне.

— Что это? — спросил я.

Рейчел осторожно заглянула в темный туннель, в слабом свете фонарика ее лицо сильно походило на лица призраков, которых вызывал Нико.

— Нам сюда? — спросила Аннабет.

— Нет, — быстро ответила Рейчел. — Вовсе нет.

— Тогда почему мы тут остановились?

— Прислушайтесь. — И Нико поднял руку, призывая к молчанию.

Я услышал завывание ветра в туннеле, будто выход из него был рядом. Внезапно на меня нахлынул очень знакомый запах, неопределенный, но хорошо известный, а с ним нахлынули и мрачные воспоминания.

— Эвкалипты, — вслух произнес я. — Как те, что в Калифорнии.

Прошлой зимой, когда на вершине Тамалпаис мы схлестнулись с Лукой и титаном Атласом, воздух там пах... ну точно как сейчас.

— В этом туннеле затаилось какое-то зло, — пробормотала Рейчел. — И оно такое мощное!

— Здесь пахнет смертью, — добавил Нико, и мне стало совсем нехорошо.

Мы с Аннабет переглянулись.

— Это тот вход, которым пользовался Лука, — высказала она свое предположение. — Тот, что на горе Отрис, где находится дворец титанов.

— Я должен это проверить, — решил я.

— Перси, не надо.

— Лука и впрямь может быть тут. Или... или, например, Кронос. Мы должны узнать, что происходит в их логове.

Аннабет мгновение колебалась.

— Тогда мы все пойдем с тобой, — сказала она.

— Нет. Слишком велика опасность. Если враги захватят Нико или, например, Рейчел, то могут использовать их. Ты должна остаться тут и охранять ребят.

Я не стал говорить Аннабет о том, что беспокоюсь и за нее тоже. Я не был уверен, как она поступит, если еще раз встретится с Лукой. Ему уже столько раз удавалось обманывать ее и заставлять действовать по своей

указке.

— Перси, не ходи туда, — присоединилась Рейчел. — Нельзя идти туда одному.

— Я быстро. Обещаю не делать никаких глупостей.

Аннабет вынула из кармана бейсболку-невидимку и протянула мне.

— По крайней мере, возьми это. И в самом деле, будь поосторожнее.

— Спасибо.

В прошлый раз, когда мы с ней расставались, это было у горы Сент-Хеленс, и она поцеловала меня на прощание. Ну что ж, в этот раз мне хоть шапка-невидимка досталась.

Я надел ее на голову и пошутил:

— В путь тронулось ничто.

Потом рассмеялся и, невидимый, скользнул в темноту туннеля.

* * *

Не успел я даже добраться до лаза в туннель, как до меня донеслись чьи-то голоса, вернее, это были те рычащие и лающие звуки, которые издавали подводные кузнецы, тельхины.

— Хорошо хоть лезвие нам удалось сохранить, — сказал один из них. — Хозяин еще наградит нас за это.

— Да! Да! — пролаял другой. — Награда превзойдет наши ожидания.

Третий голос, он больше походил на человеческий, продолжил:

— Гм, да, славно вышло. А теперь, если я вам больше не нужен, я...

— Нет, полукровка! — взвыл тельхин. — Ты должен помочь нам преподнести это хозяину. Великая честь!

— Нет уж, спасибо, — отказался его собеседник, и в эту минуту я узнал голос Эфана Накамуры, парня, который сбежал от нас после того, как я спас его жалкую жизнь на арене Антея.

Я, пригнувшись, двинулся к входу в туннель. Потом вспомнил, что я невидимка, и встал.

Резкий порыв холодного воздуха так решительно набросился на меня, что чуть с ног не свалил. С трудом удержавшись, я огляделся и понял, что нахожусь на вершине горы Тамалпаис. Далеко внизу простирался Тихий океан, под затянутыми облаками небом его безбрежные воды казались серыми и мрачными. Примерно в двадцати футах от меня, вниз по склону, двое тельхинов укладывали на большой обломок скалы какой-то длинный и узкий предмет, завернутый в черную ткань. Эфан помогал разворачивать

обертку.

— Поосторожней, дурак, — огрызнулся один из тельхинов. — Одно прикосновение, и твоя душа распрощается с телом.

Эфан вздрогнул и отдернул руки.

— Тогда лучше занимайтесь этим сами, без меня.

Я поднял глаза вверх. На вершине горы возвышалась крепость, выстроенная из черного мрамора, точно такая, какой я видел ее в своих снах. Она напоминала необычайно большой мавзолей, со стенами в пятьдесят футов высотой. Понятия не имею, как смертные умудряются не замечать ее тут. Но все, что находилось ниже вершины, казалось мне каким-то призрачным, будто между мной и подошвой горы натянули плотную вуаль. Здесь работала магия — настоящий мощный Туман. Над моей головой тучи быстро неслись и закручивались, образуя огромную воронку. Я не видел Атласа, но до меня доносились его громкие стоны, далеко в вышине он сгибался под тяжестью небесного свода, держа его на плечах прямо над самой крепостью.

— Готово! — воскликнул тельхин.

С крайней осторожностью он приподнял край ткани, и от представшего моим глазам зрелища кровь застыла у меня в жилах.

Это была коса — ее шестифутовое лезвие изгибалось наподобие полумесяца, ее длинную деревянную рукоятку плотно облежала кожаная оплетка. Лезвие сверкало двумя оттенками — цветами стали и небесной бронзы. Это и было оружие Кроноса, то самое, которым он пронзил своего отца Урана, прежде чем боги захватили в плен его самого, обезоружили и бросили в Тартар. Сейчас это страшнейшее оружие выковали заново.

— Лезвие нужно освятить в крови, — сказал тельхин. — Тогда ты, полукровка, сможешь преподнести эту косу повелителю при его пробуждении.

Не раздумывая, я кинулся бежать к крепости с такой скоростью, что у меня даже в ушах засвистело. Больше всего в жизни я не хотел приближаться к этому мерзкому черному мавзолею, но я знал, что должен это сделать. Нельзя позволить Кроносу проснуться, и помешать этому могу сейчас только я. Может, это мой последний шанс!

Я ворвался в полутемный вестибюль, помчался дальше и очутился в главном парадном зале. Пол здесь весь сверкал, как рояль из черного дерева, — он был по-настоящему черным, но вместе с тем полным света. Черные мраморные статуи рядами выстроились вдоль стен. Лица их мне были незнакомы, но я не сомневался, что статуи изображают титанов, которые правили миром до прихода богов. В конце зала между двумя

бронзовыми жаровнями над полом возвышался невысокий круглый помост. И на нем стоял золотой саркофаг.

В зале царила полная тишина, только огонь потрескивал в жаровнях. Ни Луки, ни охраны. Никого.

Подозрительно как-то, сообразил я, но все-таки двинулся к помосту.

Саркофаг был именно таким, каким я запомнил по своему сну, длина его — футов десять — намного превышала человеческий рост. На стенках саркофага изображались сцены смерти и разрушения, фигуры богов, растоптанных собственными конями и раздавленных колесницами, самые знаменитые мировые достопримечательности, но только разрушенные или сожженные. И этот саркофаг явно обладал собственной аурой, от него исходила такая мощная струя ледяного воздуха, будто я залез в холодильник. У меня даже пар изо рта повалил.

Я вытащил Анаклузмос и, ощутив в руке знакомую тяжесть, почувствовал себя чуточку увереннее.

Раньше, когда я оказывался поблизости от Кроноса, его злобный голос тут же начинал звучать у меня в голове. Так почему же я не слышу его сейчас? Повелитель титанов был когда-то разрублен на тысячу кусков, с ним расправились его собственной косой. Что я увижу, если откину крышку этого гроба? Неужели для Кроноса уже успели создать новое тело?

Ответа я не знал. Мне было известно только, что он собирается восстать из мертвых и что я должен сразить его до того, как он это сделает.

Я застыл, стоя над саркофагом. Крышку его украшали еще более жестокие и выразительные рисунки, чем на стенке — на ней изображались сцены резни и порабощения. В самом центре шла надпись на древнем языке, на котором говорили тогда, когда еще не было греческого. Это был магический язык. Конечно, точно я не мог прочесть надпись, но приблизительно знал ее смысл: «КРОНОС, ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ».

Я коснулся рукой крышки саркофага, и кончики пальцев сразу аж посинели от холода. Мороз пробрал меня до костей.

В эту минуту послышались приближающиеся голоса — сюда кто-то шел! Теперь или никогда! Я налег на золоченую крышку, и с громким «бабах» она свалилась на пол.

Рука моя сжала меч. Готовясь отразить нападение, я с опаской заглянул внутрь гроба. И даже не сразу сообразил, что находится у меня перед глазами... Обыкновенные человеческие ноги в серых штанах. Белая футболка, руки, аккуратно сложенные на животе. Но одна часть тела отсутствовала. В том месте, где находится сердце, зияла аккуратная черная сквозная дыра. Глаза плотно закрыты, бледная кожа, светлые волосы... и

шрам через левую половину лица.

Тело в саркофаге принадлежало Луке!

* * *

Мне следовало прямо в этот момент поразить его мечом. Со всей силы вонзить в это тело Анаклузмос.

Но я буквально окаменел. Я ничего не понимал. Хотя я ненавидел Луку, поскольку он меня предал, я никак не мог сообразить, почему он находится в этом гробу и почему он выглядит таким ужасно, таким непоправимо мертвым.

Голоса тельхинов уже слышались прямо за моей спиной.

— Что тут произошло? — воскликнул один из них, увидев валяющуюся на помосте крышку саркофага.

Я, забыв о том, что на мне бейсболка-невидимка, отпрянул от саркофага и спрятался за одной из колонн.

— Осторожно! — предупредил его другой. — Вдруг он зашевелится. Нужно немедленно преподнести ему дары. Сейчас же!

Оба тельхина скользнули вперед и преклонили колена. Продолжая держать в руках черную ткань, они приподняли лежавшую на ней косу повыше.

— Повелитель, — заговорил первый, — символ вашей власти возрожден.

Молчание. Из саркофага не слышалось ни звука.

— Дурак, — вполголоса пробормотал его товарищ. — Он сначала требует полукровку.

— Эй, вы там о чем? — Эфан отступил. — Ему что, я потребовался?

— Не будь трусом! — прошипел тельхин. — Он не смерти твоей требует, а всего лишь повиновения. Предложи ему свои услуги. Отрекись от богов. Вот и все.

— Нет! — закричал я и, сбросив бейсболку, кинулся к ним. Большею глупости я не мог придумать. — Эфан, не делай этого!

— Здесь посторонний! — завопили тельхины, и их стальные зубы ощерились. — Эй ты, хозяин с тобой сейчас расправится! Давай поторапливайся, полукровка!

— Эфан, — попросил я, — не слушай их. Помоги лучше мне с ними разделаться.

Он обернулся ко мне, повязка, прикрывавшая его глаз, сливалась с

теньями на лице. Мне показалось, что лицо его выражает что-то похожее на жалость.

— Я ведь просил тебя не щадить меня, Перси. «Око за око», тебе известна эта старая поговорка? Я дорого заплатил за это знание, именно тогда я узнал о своем божественном происхождении. Моя мать — Немезида, богиня мщения. И она родила меня именно для того, что мне сейчас предстоит сделать.

Эфан обернулся к саркофагу.

— Я отрекаюсь от богов! Разве они что-нибудь сделали для меня? Я хочу увидеть их гибель! Хочу служить Кроносу!

Здание зашаталось. Синий свет возник на полу у самых ног Эфана Накамуры, потом переполз к саркофагу и засверкал там подобно сгустку чистой энергии. И через долю секунды скользнул в саркофаг.

Лука мгновенно сел и выпрямился. Его глаза распахнулись. Теперь они были не синими, как раньше, они стали золотистыми, того же цвета, что и саркофаг. Дыра в груди затянулась, сейчас все тело стало целым. Одним прыжком он выскочил из гроба, и там, где его ноги коснулись пола, мгновенно выросла целая глыба льда.

Он смотрел на Эфана и тельхинов своими пугающими золотыми глазами, а выражение лица у него было как у новорожденного ребенка, который не понимает, что видит. Затем его взгляд скользнул ко мне, и по лицу его растеклась улыбка узнавания.

— Славное тело для меня приготовили, — сказал он.

Слова эти резали меня словно лезвие бритвы. Этот голос принадлежал Луке и вместе с тем не принадлежал ему. Обертонами в нем были другие, ужасные звуки — звуки древнего ледяного голоса, словно металлом скребли по камню.

— Ты не ожидал этого, Перси Джексон?

Я не мог пошевелиться. Не мог ответить.

Кронос откинул голову назад и захохотал. Шрам на его лице задергался.

— Лука боялся тебя, — загремел голос титана. — Его зависть и ненависть оказались мощным инструментом в моей борьбе. Ибо они гарантировали его послушание. За это я благодарен тебе!

Эфан скорчился в ужасе и закрыл лицо обеими ладонями. Тельхины дрожали, и коса в их руках тонко звенела.

Но тут мне удалось обрести самообладание. Я бросился на того, кто когда-то был Лукой, направил меч прямо ему в грудь и нанес удар. Но меч отскочил! Кожа возродившегося бога отразила мой выпад с такой

легкостью, словно была сделана из стали. Кронос изумленно посмотрел на меня, затем едва заметно шевельнул ладонью и в то же мгновение я, кувыряясь, отлетел в другой конец залы.

И там грохнулся о колонну с такой силой, что у меня искры из глаз посыпались. С трудом стал я подниматься на ноги, а когда взглянул на Кроноса, увидел, что он уже положил ладонь на рукоять косы.

— А-а, — протянул он довольным тоном. — Даже лучше стало. «Коварное лезвие» — так когда-то говорил Лука. Подходящее имя. Теперь, выкованное заново, оно по-настоящему смертоносно.

— Что ты сделал с Лукой? — простонал я.

Кронос с удовольствием взмахнул косой в воздухе, прежде чем дал мне ответ.

— Он верно и преданно служит мне, как я от него и требовал. В сущности, между мною и им лишь небольшая разница, Перси Джексон. Он боится тебя, а я нет.

И тогда я бросился бежать. Нет, не думайте, что я заранее обдумал это бегство. Мысли о том, чтобы вступить с ним в бой, у меня вообще не возникало. Я хотел просто удрать от него.

Но ноги у меня словно онемели. Время текло едва заметно, так, будто я нырнул в густое желе. Однажды у меня уже возникало подобное чувство, и теперь я понимал, что именно так проявляется власть Кроноса. Его сила была настолько велика, что она закручивала время в спираль.

— Беги, маленький герой! — расхохотался он. — Спасайся!

Я оглянулся и увидел, что Кронос лениво направляется ко мне, размахивая косой с таким видом, будто держать ее в руках было величайшим из удовольствий. Нет в мире оружия, способного остановить его ход! И нет такой небесной бронзы!

Он был уже футах в десяти от меня, когда я услышал крик:

— ПЕРСИ-И!

Голос Рейчел.

В это мгновение какой-то странный предмет пролетел мимо меня, и голубая пластмассовая расческа угодила Кроносу прямо в глаз.

— У-у-у! — взвыл он.

Сейчас это стонал от боли Лука, его голос был полон удивления и обиды. Мои руки и ноги освободились, и я одним прыжком оказался рядом с Аннабет, Рейчел и Нико, стоящими в вестибюле. Лица их выражали полное непонимание происходящего.

— Лука! — окликнула Аннабет. — Что это значит?

Я ухватил ее за футболку и потащил за собой. Мы бросились бежать со

всех ног и наконец вырвались из крепости. Наша четверка была уже почти у входа в лабиринт, когда позади прогремел самый оглушительный крик, который когда-либо раздавался в мире:

— ЗА НИМИ!

Это кричал Кронос, обретший наконец контроль над собой.

— Нет! — выкрикнул в ответ Нико.

Он сложил ладони вместе, и из земли вырвался иззубренный каменный пик размером с танк и встал перед крепостью. Сотрясение, вызванное его появлением, было таким сильным, что передние колонны здания зашатались и с грохотом стали рассыпаться. Послышались приглушенные крики тельхинов. В воздух взметнулась туча пыли.

Мы нырнули в лабиринт и помчались, а крик повелителя титанов сотрясал оставшийся позади мир.

Глава семнадцатая

Говорит исчезнувший бог

Мы бежали, пока совсем не выбились из сил. Рейчел удачно проводила нас мимо всех ловушек, но куда мы держим путь, ни один из нас и понятия не имел. Мы бежали не куда, а откуда — подальше от мрачной горы и исступленного рычания Кроноса.

Вконец обессиленные, мы остановились. Нас окружал туннель со стенами из влажного белого камня, похожий на ответвление какой-то естественной пещеры. Шума погони слышно не было, но я не мог поверить, что мы находимся в безопасности. В моей памяти все еще стояли золотые глаза на лице Луки, а руки и ноги хранили ощущение медленного превращения в камень.

— Я так больше не могу, — задыхнулась Рейчел, прижимая руки к груди.

Все это время Аннабет на бегу беззвучно глотала слезы. Сейчас же она с размаху села на землю и уткнулась головой в колени, ее плач эхом отозвался в переходах. Мы с Нико почти рухнули на пол рядом друг с другом. Он выронил из руки меч, тот упал рядом с Анаклузмосом. Нико едва дышал.

— Ну мы и вляпались! — выдохнул он, и я подумал, что, пожалуй, ему удалось довольно точно выразить сложившуюся ситуацию.

— Ты спас нам жизнь, — сказал я ему.

Нико вытер с лица пыль.

— Это девчонки чуть ли не силой потащили меня в крепость. Единственная вещь, насчет которой они не спорили. Тебя нужно было выручать, а то ты бы там напортачил.

— Спасибо, что вы так в меня верите. — Я включил фонарик и обвел его лучом пещеру, в которой мы сидели. Капельки воды, подобные мелкому неторопливому дождю, скатывались со сталактитов на пол. — Нико, а ты... ты ведь выдал себя.

— Как это?

— Ну, тем утесом из черного камня. Это сразу произвело впечатление. Если Кронос не знал раньше, кто ты, то теперь уж может не сомневаться — сын повелителя Царства мертвых.

Нико нахмурился, но с деланной небрежностью уронил:

— Подумаешь, большое дело.

Я промолчал. По-моему, он изо всех сил старался не подавать виду, до чего испуган, но разве я мог винить его за это?

Аннабет подняла голову, глаза у нее стали совсем красными от слез.

— Что... что же случилось с Лукой? Что с ним сделали?

Я рассказал ей, что увидел в саркофаге, рассказал о том, как последний осколок души Кроноса влетел в тело Луки, когда Эфан Накамура отрекся от богов и принес ему клятву верности.

— Нет! — восклицала она. — Это неправда. Лука не мог...

— Он подчинился Кроносу. Извини, Аннабет, но такова правда. Луку можно считать погибшим.

— Нельзя, — продолжала настаивать она. — Ты сам видел, что произошло, когда расческа Рейчел попала ему в глаз.

Я кивнул и поглядел на Рейчел с уважением.

— Ты чуть не сокрушила повелителя времени своей голубенькой пластмассовой гребенкой.

— Просто у меня ничего другого под руками не оказалось. — Рейчел явно смутилась.

— Нет, я не об этом, — продолжала Аннабет. — Ты же сам видел — когда его стукнуло расческой, он стал каким-то другим. Будто пришел в себя.

— Может, конечно, Кронос еще не полностью поселился у него в теле, но это еще не значит, что Лука его контролирует.

— Ты просто хочешь, чтобы Лука был злодеем! — закричала Аннабет. — Ты не знал его раньше, Перси, а я знала!

— И что из этого? — огрызнулся я. — Почему ты продолжаешь защищать его?

— Эй, хватит, — попыталась урезонить нас Рейчел. — Не грызитесь.

Аннабет обернулась к ней.

— А ты, смертная, вообще не лезь не в свои дела. Если б не ты...

Что она собиралась сказать Рейчел, так и осталось неизвестным, ибо Аннабет снова опустила голову на колени и зарыдала. Мне хотелось утешить ее, но я не знал как. Я снова чувствовал себя скованным, словно влияние Кроноса на ход времени продолжало действовать. Я еще не осознал толком значение того, что видел. Кронос жив. Он вооружен. И возможно, наступает конец света.

— Нам пора двигаться, — заговорил Нико. — Он непременно вышлет за нами погоню.

Ни у кого из нас не осталось и капли сил для того, чтобы продолжать

бегство, но Нико был прав. Я с трудом заставил себя встать, помог Рейчел.

— Здорово ты швыряешься расческами, — ухитрился пошутить я.

— Ага, хорошо получилось. — Она выдавила слабую улыбку. — Мне ужасно не хотелось, чтобы ты погиб. — Рейчел вдруг покраснела. — Нет, просто потому что... помнишь, ты обещал сделать для меня кое-что. Как бы ты выполнил свое обещание, если бы умер?

Я присел на землю рядом с Аннабет.

— Эй, Аннабет, не сердись. Извини меня, если можешь. Нам пора идти.

— Знаю. Все нормально, я хорошо себя чувствую.

Конечно же, она не чувствовала себя хорошо, это ясно. Но сумела подняться, и мы снова зашагали по лабиринту.

— Нам нужно обратно в Нью-Йорк, — начал я. — Скажи, Рейчел, ты могла бы...

И тут я застыл с открытым ртом. В нескольких футах впереди нас луч моего фонарика выхватил из темноты комок какой-то мятой красной материи. Это была растаманская шапка Гроувера!

* * *

У меня руки тряслись, когда я бросился подбирать ее. Похоже, что она побывала под чьим-то огромным грязным ботинком. После всего, что мне сегодня пришлось пережить, мысль о том, что с Гроувером случилось что-то ужасное, была непереносима.

Потом я заметил еще кое-что. Так как пол здесь, в пещере, был влажным и глинистым из-за воды, постоянно капавшей со сталактитов, на нем прекрасно сохранялись все следы. И везде виднелись отпечатки больших ног Тайсона и другие, поменьше, похожие на козьи копыта. Все они вели налево.

— Нужно пойти по следам, — сказал я. — Они ведут в том направлении. И следы эти совсем свежие.

— А как же Лагерь полукровок? — спросил Нико. — Времени у нас почти нет.

— Сначала мы должны найти ребят, — согласилась со мной Аннабет. — Это ведь наши друзья.

Она подобрала с земли шапку Гроувера и решительно зашагала вперед.

Я следовал за ней, внутренне стараясь подготовиться к самому

худшему. Этот туннель был похож на настоящую западню, стены его нависали над нами под самыми странными углами, ноги разъезжались на скользкой земле. Почти все время приходилось ползти или карабкаться, вместо того чтобы просто шагать.

Наконец мы добрались до конца этого ужасного перехода и оказались в большой пещере, почти все пространство которой занимали высокие колонны из сталагмитов. В середине ее протекала подземная река, на берегу сидел Тайсон и держал на коленях голову Гроувера. Глаза лежавшего сатира были закрыты. Он не шевелился.

— Тайсон! — закричал я.

— Перси! Сюда, быстро!

Мы кинулись к нему. Гроувер не умер, слава богам, но он так дрожал, каждая клеточка его тела так тряслась, словно он замерз чуть ли не до смерти.

— Что с вами произошло? — быстро спросил я.

— Много всякого разного, — пробормотал Тайсон. — Сначала была огромная змея. Потом какие-то здоровенные собаки. Люди с мечами. А потом... потом мы, сам не знаю как, очутились поблизости отсюда. Гроувер почему-то разволновался и кинулся бежать. Так мы добежали до этой пещеры. А как только добежали, он вдруг упал. С тех пор так и лежит.

— Он говорил что-нибудь?

— Говорил. Сказал, что мы уже близко. Потом ка-а-ак рухнет и ударится головой о камни.

Я опустился на колени рядом с Гроувером. Один раз в жизни мне уже пришлось видеть своего друга-сатира в отключке, это случилось в Нью-Мехико, когда он почувствовал близкое присутствие Пана.

Лучом фонарика я осветил помещение, в котором мы оказались. В дальнем его конце темнел проход, по-видимому ведущий в другую пещеру, по сторонам его стояли гигантские колонны из кристаллов, которые блестели и сияли точь-в-точь как самые настоящие бриллианты. А за этим проходом...

— Гроувер, — попросил я, — проснись, пожалуйста.

— Агрргг.

Аннабет тоже присела рядом и плеснула в лицо Гроуверу холодной речной водой.

— Тьфу! — Сатир фыркнул, и глаза его распахнулись. — Перси, это ты? Аннабет? Откуда вы взялись?

— Все нормально, — сказал я. — Ты на минутку отключился. Впечатление оказалось слишком сильным.

— Да, я помню. Это из-за Пана.

— Ну да, — кивнул я. — За этим порогом находится чрезвычайно мощная сила.

* * *

Я быстро познакомил своих друзей с Рейчел, поскольку ни Тайсон, ни Гроувер никогда ее не видали. Тайсон галантно сказал, что она «хорошенькая», и от этих слов ноздри Аннабет зашевелились так, будто она собиралась немедленно раздуть костер.

— Вот так, в общем, — подытожил я. — Пошагали, Гроувер. Обопрись на меня.

Аннабет и я помогли нашему другу встать на ноги, и все вместе мы направились к подземной реке. Течение в ней было сильным, а дно таким глубоким, что уже через несколько шагов вода дошла нам до пояса. Мысленно я пожелал себе остаться сухим, так оно и вышло, но это ничуть не помогло моим друзьям. К тому же мне все равно было до того холодно, будто вокруг бушевала снежная пурга.

— Думаю, мы в пещерах Карлсбада, — стуча зубами, произнесла Аннабет. — Может, в еще неразведанной их части.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Карлсбад — это в Нью-Мехико, не понимаешь, что ли? Прошлой зимой мы это уже проходили.

Я кивнул. Гроувер грохнулся в обморок, когда мы шли через Нью-Мехико, именно там он почувствовал близкое присутствие Пана.

Наконец мы выбрались из реки и продолжили наш дальнейший путь по суше. Когда до колонн с кристаллами-бриллиантами стало рукой подать, на меня начали накатывать волны энергии, изливавшейся из пещеры за ними. Я уже и раньше бывал в обществе богов, но это ощущалось по-другому. Сейчас мою кожу будто пощипывало от мощного потока энергии, усталость моя улетучилась как после хорошего ночного сна. С каждым шагом я словно становился сильнее, как те растения, что показывают в рекламных роликах. Запах, доносившийся из соседнего помещения, был не чем иным, как запахом слежавшегося и влажного дерна. Так иногда в теплый летний день пахнут деревья и цветы.

Гроувер прямо весь извелся от переживаний. Говорить мне не хотелось, и даже Нико молчал.

Еще один шаг — и мы оказались в царских чертогах. У Рейчел

вырвалось изумленное: «Ой!»

Хрустальные стены сияли разноцветными переливающимися огнями — красными, зелеными, синими. В этом странном призрачном свете цвели прекрасные растения — гигантские орхидеи и бледные звезды каких-то неизвестных цветов, вились лианы, увешанные оранжевыми и пурпурными ягодами. Пол был покрыт мягчайшим зеленым мхом. Потолок над головой уходил ввысь дальше, чем в каком-нибудь соборе, и на нем мерцали целые галактики звезд. В центре пещеры стояло римское овальное ложе из позолоченного дерева, покрытое многочисленными бархатными подушками, а вокруг него расселось множество самых разных великолепных зверей. Но это были не обычные звери, я увидел здесь птицу додо и какого-то неизвестного хищника, похожего на гибрид волка с тигром. Потом я заметил такого огромного грызуна, что он мог бы считаться праматерью всех морских свинок на свете. Из-за кровати доносилось урчание огромного мохнатого мамонта, объедавшего ягоды с вьющейся лозы.

На ложе лежал, раскинувшись, старый сатир. Его глаза небесно-голубого цвета внимательно следили за каждым нашим шагом. Курчавые волосы были совсем седыми, и такой же седой была его острая бородка. Даже шерсть на козлиных ногах белела проседью. Голову сатира украшали огромные рога, блестящие, коричневые и развесистые. Да, такие рожки не спрячешь под шапку, как это частенько делал мой друг Гроувер. Шею старого сатира обвивал шнур, на котором висела свирель.

Гроувер упал на колени перед кроватью.

— Повелитель Пан!

Бог снисходительно улыбнулся, но грусть в его глазах не растаяла.

— Гроувер, мой дорогой, храбрый сатир! Долго же мне пришлось тебя дожидаться.

— Я... я заблудился, — смущенно пролепетал мой Друг.

Пан расхохотался. Что за чудесный смех! Это было похоже на то, как шумит первый весенний ветерок, от этих звуков вся пещера словно наполнилась свежестью. Тигроволк вздохнул и положил голову на колени богу, птица додо доверчиво возилась около самых его копыт, смешно клекоча. Я мог бы поклясться, что она тихонько насвистывала «It's a Small World».^[21]

Но сам бог Пан казался каким-то утомленным, весь его облик был неясным, словно вылепленным из Тумана.

Оглянувшись, я увидел, что все мои спутники преклонили колени, в глазах их отчетливо читался почтительный страх. Тогда я тоже опустился

на колени и, смутившись, глупо пробормотал:

— Ваша птица додо умеет свистеть.

— Умеет. — Глаза бога лукаво блеснули. — Ее зовут Диди, это моя маленькая артистка.

Диди с обиженным видом подняла головку, легонько клюнула колено Пана и принялась насвистывать что-то, явно напоминающее траурный марш.

— Это самое прекрасное место на свете! — воскликнула Аннабет. — Ни одному архитектору еще не удавалось создать такого дивного сооружения.

— Мне приятны ваши слова, дорогая, — отозвался Пан. — Это один из последних на земле необитаемых уголков. Боюсь, моему царству там, наверху, пришли последние деньки. Остались лишь эти крохи, миниатюрные островки, где гнездится жизнь. Например, этот. Но он тоже недолго протянет. К сожалению.

— О мой повелитель, — заговорил Гроувер, — прошу вас, возвращайтесь со мной на землю, иначе копытные старейшины никогда не поверят, что я вас встретил. Увидев же вас, они будут вне себя от радости! Вы можете спасти нетронутые уголки дикой природы!

Пан опустил ладонь на голову сатира, взъерошил его курчавые волосы.

— Ты еще так молод, мой сатир. Так добр и так правдив, наивное дитя. Но я уже сделал выбор.

— Выбор? — изумился Гроувер. — Я... я что-то не понимаю.

Не успел он договорить, как силуэт Пана стал расплываться и через мгновение обратился в дым. Морская свинка с испуганным писком прыгнула под кровать и там притихла. Мохнатый мамонт беспокойно заворчал. Птица додо спрятала головку под крыло. И тут же Пан снова принял свой прежний облик.

— Целая вечность миновала, пока я спал, — отрешенно зазвучал его голос. — Сны мои были печальны. Я просыпался снова и снова, и с каждым разом мое бодрствование было все короче и короче. Теперь конец уже близок.

— Конец? — недоверчиво вскричал Гроувер. — Нет, повелитель! Вы с нами!

— Мой дорогой сатир, я много раз пытался сказать миру правду. Еще две тысячи лет назад я объявил ее Лисасу, он был так похож на тебя, мой мальчик. Он жил в Эфесе и хотел донести до мира правду.

Глаза Аннабет удивленно распахнулись.

— Но это давно известно. Один моряк, плывший морем вдоль

побережья Эфеса, услышал с берега голос: «Скажите всем, что великий бог Пан умер!»

— Но это же неправда! — воскликнул Гроувер.

— Твои собраты никогда этому не верили, — кивнул Пан. — Милые упрямы сатиры отказывались поверить в то, что меня больше нет в мире. И я люблю вас за это, хотя своим упорством вы лишь отсрочили неизбежное. Только продлили мой медленный мучительный уход, долгие сумерки моего сна. Но и ему пришел конец.

— Нет! — Голос Гроувера задрожал.

— Да! И ты должен смириться с правдой. Твой товарищ, Нико, уже сумел сделать это.

Нико печально опустил голову и тихо объяснил:

— Он умирает. Вообще-то это произошло уже давно, то, что вы видите, это как... ну, как бы воспоминания.

— Боги не могут умереть!

— Но они могут исчезнуть, — возразил Гроуверу Пан. — Они исчезают, когда из мира уходит все, что было им дорого, чем они жили. Нетронутая природа, ее почти не осталось на земле, мой дорогой Гроувер. А те крохотные местечки, где она уцелела, так малы и уязвимы, что мне не под силу спасти их. Мое царствование подошло к концу. Вот почему мне понадобился ты, чтобы я мог передать через тебя послание миру. Тебе следует вернуться на Совет старейшин и рассказать сатирам, дриадам и другим духам природы, что великий бог Пан в самом деле умер. Расскажи им о моем уходе, чтобы они перестали ждать от меня спасения. Я не в силах дать его им. Ваше спасение зависит от каждого из вас. Каждый должен...

Он замолчал и хмуро взглянул на птицу Диди, которая в этот момент начала что-то насвистывать.

— Диди, что ты делаешь? — обратился к ней Пан. — Ты опять поешь «Kumbaya»? ^[22]

Диди приняла невинный вид и прикрыла свои желтые глазки.

Пан выпустил тяжкий вздох.

— Всякое из существ по-своему цинично. Но, как я уже сказал, Гроувер, все вы должны передать миру мой призыв.

— О нет, — прошептал мой друг.

— Будь сильным, сатир. Ты сумел разыскать меня, но теперь тебе надлежит проститься со мной. Ты должен отпустить меня и передать свету мое дыхание, дух Пана. Богу Пану больше не по силам его нести. Это должны делать вы, все вместе.

Я поймал взгляд голубых глаз Пана, он был устремлен прямо на меня, и догадался, что сейчас он говорит не только о сатирах. Но и о полукровках, и о смертных тоже. Он говорил обо всех.

— Перси Джексон, вот что я скажу тебе. Мне известно, что тебе сегодня пришлось увидеть. Известны твои сомнения. Но ты должен знать главное: когда настанет время, страху не удастся сломить тебя.

Затем Пан обернулся к Аннабет и заговорил с ней:

— Дочь Афины, приходит твое время. Тебе предстоит исполнить великую роль, хоть, может, это и не та роль, о которой ты мечтала.

Потом он взглянул на Тайсона.

— Маленький циклоп, тебе не следует отчаиваться. Герои редко соответствуют нашим представлениям о них. Но с тобой этого не случится, Тайсон, твое имя станет известно многим поколениям циклопов. Как и имя мисс Рейчел Дэр.

Рейчел чуть не подпрыгнула, когда услышала такое. И тут же спряталась за наши спины, будто чувствовала себя в чем-то виноватой. Пан только усмехнулся и поднял руку, как бы благословляя ее.

— Знаю, ты думаешь, что неспособна улучшить этот мир, — мягко обратился он к ней. — Но скажу тебе, ты обладаешь силой не меньшей, чем у твоего отца.

— Я... — Не договорив, она смешалась.

И вдруг я увидел, как по щеке Рейчел покатилась слеза.

— Пока тебе это представляется невозможным. Но продолжай искать, и возможности сами придут к тебе. Обязательно придут.

И снова он обратился к Гроуверу.

— Мой дорогой сатир, ты обещаешь, что передашь мое послание?

— Не... нет, я не могу.

— Можешь. — Пан говорил все так же мягко. — Ты храбрый и сильный. Самый храбрый и самый сильный из всех. И в твоём сердце живет правда. Ты верил в меня больше, чем кто-либо, именно поэтому ты и должен передать всем послание от меня. Стать первым, кто освободит меня от тяжкой ноши.

— Я не хочу.

— Понимаю. Мое имя Пан когда-то означало «деревенский», ты слышал об этом? Со временем первое значение ушло, и в наши дни оно означает «все». Дух дикой природы теперь будет обитать во всех вас. Каждый, кого ты повстречаешь, должен научиться у тебя духу поиска. Тому, как ты искал бога Пана. Старайтесь улучшать мир, каждый из вас и в каждом его уголке. И для этого не надо никого ждать, даже бога Пана.

Делайте это сами.

Гроувер потер глаза. Затем стал медленно подниматься на ноги, выпрямился.

— Я всю свою жизнь вас искал. А сейчас... да, сейчас я освобождаю вас.

Пан улыбнулся.

— Я благодарен тебе, сатир. И теперь мой уход стал благословенным.

Глаза бога закрылись, он обратился в белый туман и растаял. Потом это белое облако распалось на завитки, излучавшие частички энергии, но эти частички были не похожи на те синие сгустки, которые я видел исходящими от тела Кроноса. Скоро они заполнили весь чертог бога. Вдруг один из этих невесомых завитков скользнул к моему лицу и нырнул мне в рот. Я оглянулся и увидел, что то же происходит с моими спутниками. Завиток, доставшийся Гроуверу, был самым большим.

И тут кристаллы на стенах замерцали и померкли. Звери, сидевшие в зале, грустно смотрели на нас. Птица додо печально вздохнула. Лозы увяли и бессильно поникли. Все окружающее стало бесцветным и вмиг рассыпалось в пыль. В потемневшей пещере остались только мы.

Я включил фонарик. На ложе никого не было. Гроувер глубоко вздохнул.

— Ты... не переживай, пожалуйста, — попросил я его.

Гроувер на глазах старился и становился все печальней и печальней. Затем вдруг решительно забрал из рук Аннабет свою шапку, отряхнул ее от пыли и нахлобучил на кудрявую голову.

— Пора, — сказал он — Нам пора. Надо идти, чтобы принести всем в мире весть. Великий бог Пан умер.

Глава восемнадцатая

Гроувер сеет панику среди врагов

Все пути в лабиринте короткие. Тем не менее, когда Рейчел вывела нас на Мэдисон-сквер, я чувствовал себя так, будто бегом пробежал от самого Нью-Мехико. Мы вылезли из-под земли около отеля «Мариотт» и теперь стояли на тротуаре, растерявшись от яркого дневного света, множества автомобилей и толпы людей.

Какие-то мгновения было даже не понять, что мне кажется менее реальным — Нью-Йорк или те хрустальные чертоги, в которых недавно на моих глазах умер бог Пан.

Я повел всех в боковую аллею, где должно было быть неплохое эхо. Затем свистнул, как мог громче, пять раз.

Минуту спустя Рейчел восхищенно воскликнула:

— Как они прекрасны!

Табунок летучих коней-пегасов спускался с неба, кружа над небоскребами. Мой вороной Пират мчался впереди четверки своих белых товарищей.

«Иго-го, босс! — слышалось в моем сознании его ржанье. — Ты жив!»

«Жив, жив, — так же мысленно отвечал я ему. — Смело могу сказать, мне повезло. Сейчас нам нужно в лагерь, и как можно скорей. Понимаешь, о чем я?»

«Еще как понимаю, босс. Это по мне! Ох, а это еще что? Циклоп! Иго-го, Гвидо, твоя спина выдержит здорового циклопа?»

Пегас по имени Гвидо тут же принялся кряхтеть и жаловаться на жизнь, но было ясно, что он согласен везти Тайсона. Мы стали рассаживаться. Все, кроме Рейчел.

— Эй, — сказала она мне, — по-моему, мое путешествие окончено.

Я смущенно кивнул. Мы оба знали, что она не сумеет войти в лагерь. Я бросил быстрый взгляд на Аннабет, она старательно делала вид, что не смотрит на нас.

— Спасибо тебе, Рейчел. Без тебя у нас ничего бы не вышло.

— Мне очень понравились наши приключения. Конечно, я не имею в виду то, что мы все чуть не погибли. И еще бог Пан...

— Слушай, а что он говорил про твоего отца? — неожиданно

вспомнил я.

Рейчел принялась сконфуженно теребить лямку рюкзака.

— Папа... Ну, это про работу моего отца. Он... видишь ли, мой папа крупный бизнесмен.

— То есть ты хочешь сказать, что вы богатые?

— Ну, типа, да.

— И потому тот водитель сразу нас подвез. Ты назвала имя твоего отца, и все сразу уладилось.

— Ага. — Рейчел вдруг горячо заговорила — Перси, понимаешь, мой отец занимается разработкой земельных участков. Он совершает авиаперелеты по всему миру, выискивая территории, еще не освоенные людьми. — У нее из груди вырвался судорожный вздох. — Девственные земли, понимаешь? И он скупает их, а потом устраивает так, чтобы разные компании начали проводить их освоение. Я терпеть не могу, когда на таких землях принимаются строить всякие уродливые дома и торговые центры. А уж теперь, после того как я видела Пана, узнала о его смерти...

— Рейчел, ты же не винишь в этом себя?

— Погоди. Ты еще не знаешь самого худшего. Я не люблю рассказывать о своей семье. Не хочу, чтобы ты узнал о нас все. Извини, но больше я ничего не скажу.

— И не надо, — согласился я. — Это круто! Слушай, Рейчел, ведь то, что ты сделала, это потрясающе! Ты провела нас сквозь лабиринт. Была такой храброй. Именно об этом я всегда и буду помнить. И мне нет дела до того, чем занимается твой отец.

В глазах Рейчел засветилась благодарность.

— Спасибо. Знаешь... если тебе опять когда-нибудь придет в голову провести время с какой-нибудь девушкой из смертных... можешь позвонить мне.

— Договорились. Позвоню.

Ее тонкие бровки насупились. Наверное, мой голос прозвучал не совсем уверенно, но это вышло не нарочно. Просто я толком не знал, что ей сказать сейчас, когда нас окружали мои друзья. Да и столько разного произошло со мной за последние несколько дней. Все здорово запуталось.

— Я хочу сказать, что правда был бы рад еще раз с тобой встретиться.

— Номера моего телефона нет в справочнике.

— Я его знаю.

— Он все еще записан у тебя на ладони? Вот это да!

— Вот и нет. Я, типа... ну запомнил его, что ли. На лице ее медленно проявилось выражение, похожее на улыбку, и Рейчел немного повеселела.

— Увидимся, Перси Джексон. А теперь пока. Постарайся сберечь для меня кусочек дикой природы, ладно?

Она махнула мне рукой и побежала в сторону Седьмой авеню. Через мгновение Рейчел исчезла в толпе.

* * *

Когда я вернулся к своим, то сразу понял, что у Нико возникли трудности. Его конь упрямо шарахался от него, скалил зубы и явно отказывался дать себя оседлать.

«От него пахнет мертвецами», — жаловался пегас.

«А ты не принимайся, Порки, — уговаривал его мой вороной. — Эти полукровки почти все пахнут по-дурацки. Они тут ни при чем. Ох... Иго-го, извините, хозяин, я не про вас».

— Поезжайте без меня, — бросил Нико. — Я все равно не так уж хотел возвращаться в лагерь.

— Нико, — сказал я, — нам нужна твоя помощь.

Он скрестил на груди руки и усмехнулся. Тогда Аннабет положила ладонь ему на плечо и попросила:

— Нико, пожалуйста. Не отказывайся.

Постепенно выражение его лица смягчилось.

— Так и быть, поеду, — неохотно буркнул Нико. — Только ради тебя. Но я там не останусь.

Я соорудил Аннабет насмешливую гримасу, как бы говоря: «С чего это Нико для тебя что-то делает?» Она в ответ высунула язык.

Наконец мы все расселись, пегасы взмыли в воздух, и через минуту мы уже летели над Ист-Ривер, а внизу под нами расстилался Лонг-Айленд.

Пегасы приземлились на центральной площадке между домиками, и к нам тут же подбежали Хирон, пузатый сатир Силен и пара ребят из домика Аполлона. На лице Хирона мелькнуло удивление при виде Нико, но если я ожидал, что известия о Квинтусе-Дедале и воскрешении Кроноса поразит его еще больше, я сильно ошибся.

— Этого я и опасался, — хмуро ответил кентавр. — Нам надо спешить. К счастью, вам удалось замедлить воскрешение повелителя титанов, но его авангард уже движется сюда. И они жаждут крови. Большинство наших ребят уж заняли позиции. Пойдемте!

— Одну минутку, — остановил нас Силен, — а каков результат поисков Пана? Вы задержались почти на три недели, сатир Гроувер

Ундервуд. Ваша лицензия аннулирована!

Гроувер взволнованно запыхтел, но взял себя в руки, с достоинством выпрямился и посмотрел Силену прямо в глаза.

— Лицензия на проведение поиска больше не имеет силы, член Совета. Великий бог Пан умер! Он скончался и завещал нам хранить его дух.

— Что вы такое говорите? — Силен побагровел. — Это богохульство и отъявленная ложь! Мистер Гроувер Ундервуд, я отправлю вас в изгнание за такие слова!

— Но это правда, — вмешался я. — Мы были там, в пещере, когда бог Пан скончался. И сами все это видели.

— Глупости какие! Вы все отвратительные лжецы! Разрушители природы!

Хирон внимательно изучал лицо Гроувера, потом, помолчав, решил:

— Поговорим об этом позже.

— Нет, это нужно сделать сейчас! — рассвирепел Силен. — Надо положить конец подобному...

— Силен, — оборвал его Хирон, — над нашим лагерем нависла угроза нападения. Вопрос о смерти Пана оставался нерешенным более двух тысячелетий. Думаю, с его решением можно еще немного подождать. Хотя бы до нынешнего вечера.

И на этой радостной ноте он отвесил поклон и стремительно поскакал в сторону леса, предоставив нам следовать за ним, кто как может.

* * *

Начиналась самая серьезная военная операция, которую я видел за все время, проведенное в лагере. Все ребята в полном боевом вооружении собрались на поляне. На этот раз речь шла не об игре в захват лагерного флага.

Дети Гефеста позаботились о том, чтобы у входа в лагерь были расставлены многочисленные ловушки — протянута колючая проволока, вырыты ямы, сооружена ограда из острых кольев, подготовлены и наполнены греческим огнем глиняные горшки. Бекендорф занялся установкой на горе Кулак Зевса двух катапульт, каждая величиной с хороший грузовик. Все эти меры должны были помочь отразить атаку.

Потомки Ареса заняли передовую линию, они выстроились в фаланги, и теперь с той стороны доносились приказы, выкрикиваемые Клариссой.

Дети Аполлона и Гермеса, вооруженные луками и стрелами, рассредоточились по всей территории леса. Многие из них ухитрились пристроиться даже в кронах деревьев. Дриады и те были вооружены луками, а сатиры расхаживали, потрясая деревянными палицами и щитами, вырезанными из толстой древесной коры.

Аннабет побежала к своим братьям из дома Афины, которые обосновались в палатке командующего и оттуда руководили подготовкой к битве.

Над палаткой трепетало по ветру серого цвета знамя с изображенной на нем совой; шеф службы безопасности Аргус стоял у входа навтыжку, охраняя штаб. Потомки Афродиты суетились и сновали по всему лагерю, наводя красоту: одному они поправляли перекосившийся нагрудник, другому причесывали спутавшиеся перья плюмажа. Даже племя Диониса не оставалось праздным. Самого бога давно нигде не было видно, но два его сына-близнеца взяли на себя обеспечение воинов водой в бутылках и соками в пакетах.

Все это производило неплохое впечатление, но Хирон вполголоса заметил, что считает положение неудовлетворительным.

Мне вспомнилось то, что я видел в лабиринте: многочисленные монстры, собравшиеся на стадионе Антея, сила, исходящая от тела Кроноса, которую я почувствовал на горе Тамалпаис. И сердце мое упало. Хирон прав, этого недостаточно, но нам неоткуда ждать подмоги. На какое-то мгновение я пожелал, чтобы здесь оказался Дионис, но даже если б он сейчас был с нами, сомневаюсь, что ему удалось бы сделать что-то полезное. Когда речь идет о военных действиях, богам запрещается оказывать прямую помощь смертным. Но очевидно, титаны не верят в силу таких ограничений.

На опушке леса стоял Гроувер и разговаривал с Можжевелькой. Слушая рассказ о наших приключениях, она так разволновалась, что то и дело хватала его за руку. Зеленые слезы покатались у нее по щекам, когда очередь дошла до известия о смерти Пана.

Тайсон помогал ребятам из шатра Гефеста возводить оборонительные укрепления. Он хватал с земли огромные валуны, носил их к катапультам и там аккуратно складывал горкой.

— Побудь со мной, Перси, — обратился ко мне Хирон. — Когда начнутся боевые действия, мы постараемся нащупать самое уязвимое место и я попрошу тебя туда отправиться.

— Я видел Кроноса, — сообщил я ему. Мысль об этом зрелище никак не оставляла меня. — Смотрел ему прямо в глаза. Это был Лука... и вместе

с тем не он.

Хирон пробежал пальцами по тетиве лука.

— Глаза, о которых ты говоришь, были, я думаю, золотого цвета. И время, проведенное в его присутствии, показалось тебе замедлившимся.

Я кивнул и спросил:

— А как он умудряется захватить власть над телом смертного?

— Не знаю, Перси. Боги всегда могли принять вид обыкновенного смертного, но при этом сохраняли свою божественную сущность. Я не могу понять, как это происходит. А тем более мне не ясно, почему тело Луки не обратилось при этом в прах и пепел.

— Кронос сказал, что это тело было приготовлено для него.

— Меня дрожь пробирает при мысли о том, что могут означать его слова. Но вполне возможно, что существование в подобной форме несколько ограничит возможности Кроноса, по крайней мере, пока он будет находиться в человеческом теле. Оно как бы свяжет его и будет удерживать в определенных рамках.

— Хирон, а вдруг он решит возглавить атаку?

— Не думаю, что это случится, мой мальчик. Я бы почувствовал его приближение. Нет сомнений, что в его план входила подобная мера, но думаю, это решение поколебалось, когда ты обрушил на него его тронный зал. Ты и твой приятель Нико, сын Аида.

Кентавр взглянул на меня с упреком, и у меня от стыда словно ком в горле застрял.

— Мне так стыдно, Хирон. Конечно, следовало рассказать вам об этом. Но все получилось так неожиданно...

— Перси, не надо долгих извинений. — Хирон поднял руку, останавливая меня. — Я прекрасно понимаю, почему ты так поступил. Потому что ощутил на своих плечах груз ответственности. Почувствовал необходимость принять защитные меры. Но, видишь ли, Перси, если мы хотим выжить в этой жизни, мы должны больше доверять друг другу. Просто обязаны.

Он внезапно замолчал. Земля под нами вздрогнула.

Все, кто был на опушке, замерли. Тишину прорезал командный голос Клариссы:

— Щиты со-омкнуть!

И тут армия повелителя титанов, вырвавшись из лабиринта, обрушилась на лагерь.

Мне приходилось бывать и в других сражениях, но это, можете мне поверить, было самым грандиозным. Сначала я увидел, как дюжина великанов-лестригонов вымахнула из-под земли с таким ревом, что у меня заложило уши. Щитами им служили старые автомобили со свалки, сплюснутые в лепешку, а боевыми дубинками — стволы деревьев, утыканные ржавыми пиками с зазубренными концами. Один из лестригонов кинулся на фалангу Ареса и принялся орудовать своей дубинкой. Бойцы падали под ее ударами, как тряпичные куклы.

— Огонь! — заревел Бекендорф.

В действие пришли катапульты. Два огромных валуна полетели в лестригонов. Первый попал в автомобиль-щит и оставил на нем лишь едва заметную вмятину, но зато второй ударил лестригона в грудь и заставил рухнуть на землю. Тут лучники Ареса дали залп, и дюжины стрел вонзились в толстые доспехи гигантов. Броня, прикрывавшая лестригонов, сразу оцетинилась охвостом стрел, как иглами дикобраза. Некоторые стрелы вонзились в щели доспехов, и несколько великанов на глазах испарились от воздействия небесной бронзы.

Но когда стало казаться, что лестригонов мы одолеваем, из лабиринта хлынула следующая волна. Три, а то и четыре десятка дракониц в полном боевом вооружении, потрясая копьями и сетями, рассеялись во всех направлениях. Некоторые из них попались в ловушки, расставленные ребятами из шатра Гефеста, некоторые повисли на острых кольях ограды и сразу превратились в мишень для стрел, третьи зацепились за колючую проволоку. Горшки с греческим огнем взрывались зеленым пламенем, и его языки охватили нескольких дракониц.

Но большая их часть продолжала наступать. Аргус и воины племени Афины бросились им наперерез. Прямо на моих глазах Аннабет, выхватив меч, сразила одну из дракониц. Неподалеку от нее Тайсон бился с великаном. В следующую минуту я увидел, что он, очутившись каким-то образом у лестригона на спине, с оглушительным «Бум! Бум! Бум!» колотит врага по голове.

Хирон невозмутимо выпускал стрелу за стрелой, каждая из них находила свою жертву. Но из лабиринта выползали все новые и новые враги. И вот адская гончая — совсем не Миссис О'Лири — выпрыгнула из жерла подземелья и бросилась на сатиров.

— Туда! — закричал мне Хирон.

Я выхватил Анаклузмос и кинулся к ним.

Проносясь по полю битвы, я видел, как там творились ужасные вещи. Враждебный нам полукровка сражался с сыном Диониса, и их поединок не был долгим. Бешеный вражеский натиск — и оружие выпало из руки моего товарища. Затем противник, эфесом меча ударив по голове, оглушил его, и сын Диониса упал на землю, обливаясь кровью. Другой боец из войска противника посылал одну за другой горящие стрелы, и наши лучники и дриады вынуждены были в панике бежать.

Дюжина дракониц вырвалась из сумятицы боя и, скользя по тропе, стала пробираться к лагерю. Они двигались с такой уверенностью, будто заранее получили это задание. Если им удастся беспрепятственно достигнуть территории лагеря, они смогут выжечь его полностью, не встретив ни малейшего сопротивления.

Единственным, кто оказался поблизости, был Нико ди Анджело. Он только что прикончил одного тельхина, и его меч из черной стигийской стали пил силу врага, пока от тельхина не осталась лишь горстка пыли.

— Нико! — закричал я.

Он взглянул туда, куда указывала моя рука, увидел женщин-змей и мгновенно понял, в чем дело.

Нико сделал глубокий вздох и выбросил меч вперед.

— Служи мне! — воззвал он к оружию.

Земля содрогнулась. Перед драконицами разверзлась трещина, и десяток неупокоенных мертвецов-воинов вырос из-под земли. Этот отряд составляли кошмарные трупы в военных мундирах самых разных времен, тут были и римские центурионы, и солдаты армии конфедератов периода Гражданской войны в США, и наполеоновская кавалерия, скакавшая на остовах давно сгнивших лошадей. Все как один эти воины обнажили оружие и атаковали дракониц. Я увидел, как Нико бессильно опустился на колени, но убедиться, что с ним все в порядке, у меня уже не было времени.

Я бросился на адскую гончую, которая, напав на сатиров, теснила их теперь в направлении леса. Чудовище попыталось схватить зубами одного из них, тот быстро отпрянул, тогда оно бросилось на другого. Этот сатир оказался не так проворен, щит из древесной коры треснул как скорлупа, когда он упал на землю.

— Эй ты! — заревел я.

Адская гончая обернулась, оскалилась и прыгнула вперед. Попадись я ей в когти, она разорвала бы меня на куски в одно мгновение, но я увернулся, упал на спину, перекатился и схватил пальцами один из заготовленных глиняных горшков с греческим огнем. Бросок, и горшок

угодил прямо в пасть чудовища! Оно в ту же минуту упало на землю, охваченное языками пламени. Я откатился в сторону, задыхаясь.

Сатир, ставший жертвой адской гончей за минуту до моего появления, лежал не двигаясь. Я бросился к нему, но в ту же минуту услышал предупреждающий крик Гроувера:

— Перси-и!

Занимался лесной пожар. Огонь, треща, охватил куст можжевельника, и Можжевелка с Гроувером кинулись тушить его. Гроувер поднес к губам свирель и заиграл песню дождя, Можжевелка отчаянно пыталась сбить пламя своей зеленой шалью, но ничего не помогало.

Я побежал к ним, огибая сражающихся, проползая между ногами гигантов. Ближайшим источником воды был лесной ручеек, протекавший примерно в половине мили отсюда, но я задумал другое. Я сконцентрировался на этой мысли, и в животе у меня что-то задергалось, в ушах послышался шум, и тотчас стена воды обрушилась на горящие деревья. В одно мгновение она залила языки пламени, Можжевелку, Гроувера, свирель и всех, кто находился поблизости.

Гроувер пустил изо рта фонтанчик воды и довольным тоном пробублькал:

— Спасибо тебе, Перси.

— Не стоит благодарности! — И я бросился обратно в драку.

Гроувер и Можжевелка последовали за мной. У него в руках оказалась дубина, а у Можжевелки — палка, похожая на старомодный хлыст. Дриада выглядела ужасно рассерженной, и было ясно, что она не замедлит пустить его в дело.

Когда исход битвы, казалось, был виден — и у нас появился шанс на победу, — из лабиринта вдруг донесся омерзительный крик. Однажды я уже слышал его.

Из-под земли выпрыгнула и взвилась в небо Кампе, распахнув во всю мощь свои крылья летучей мыши. Она приземлилась на вершине утеса, который мы звали Кулак Зевса, и оглядела место схватки. Лицо монстра выражало злобную радость, головы зверей, щерившихся с ее пояса, рычали, змеи шипели и извивались вокруг ее ног. В правой руке она сжимала сверкающий клубок — это была нить Ариадны, — потом быстро сунула его в пасть льва на поясе и выхватила кривые клинки. Лезвия их, насквозь пропитанные ядом, отливали зеленым. Кампе издала победный вопль, и многие из наших невольно вскрикнули от страха. Некоторые ударились в бегство, но были перехвачены лестригонами или адскими гончими.

— Di immortales! — раздался клич Хирона.

Он быстро прицелился и выпустил стрелу, но Кампе, казалось, предчувствовала его движение. С нечеловеческой скоростью она взлетела, и стрела просвистела мимо.

Тайсон наконец оторвался от гиганта, которого колотил по башке, и тот свалился в беспамятстве. А мой брат кинулся в гущу битвы с криком:

— Стоять! Нельзя отступать! Бейте ее!

Но тут на него прыгнула адская гончая, и они вместе покатались на землю.

Кампе приземлилась на крыше домика Афины, и он в ту же минуту обрушился. Я бросился к чудовищу и обнаружил рядом с собой Аннабет, которая мчалась туда же, сжимая в руке меч.

— Может, и выйдет, — бросила она мне на бегу.

— Может.

— Рада биться рядом, Рыбьи Мозги.

— Взаимно.

Вдвоем мы прыгнули наперерез Кампе. Она зашипела и бросилась на нас. Я нырнул вниз, стараясь отвлечь ее внимание, пока Аннабет занимала боевую позицию, но это чудовище, казалось, было готово сражаться с двумя противниками одновременно. Мгновенный захват — и меч Аннабет оказался в тисках. А ей самой пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы уберечься от облака яда, которое изверглось на нее. Даже стоя в стороне, возникало ощущение, будто ты попал под кислотный выброс.

Глаза мои слезились, легким не хватало воздуха. Я знал, что больше нескольких секунд в таких условиях нам не выдержать.

— Бежим! — закричал я. — Требуется подмога!

Но откуда ей взяться? Наши друзья были либо повержены, либо бились, спасая свою жизнь, либо были слишком испуганы, чтобы прийти на помощь. За это время три стрелы Хирона вонзились в грудную клетку Кампе, но она лишь еще пуще разозлилась.

— Давай! — воскликнула Аннабет.

Мы бросились в нападение одновременно, одновременно увернулись от могучих ударов Кампе, почти сумели нанести ей ответные. Но только лишь «почти». Большая медвежья голова кинулась на нас с пояса монстра, и нам пришлось спешно отступить, чтобы не оказаться искусанными.

БАБАХ!

В глазах у меня потемнело. Следующее, что я увидел, — мы с Аннабет лежим на земле, Кампе уперлась в нас передними лапами, удерживая в таком положении, и сотни змей извиваются надо мной, шипя от радости.

Чудовище замахнулось позеленевшими клинками, и я понял, что пришел мой последний час.

И вдруг позади меня раздался рык, чей-то огромный темный силуэт набросился на Кампе, и она отлетела прочь. Вместо нее перед нами очутилась Миссис О'Лири, рыча и скаля клыки на Кампе.

— Хорошая девочка! — произнес знакомый голос.

Из лабиринта показался Дедал, прокладывая путь к нам и одновременно разя врагов налево и направо. Рядом с ним шагал еще кто-то, и существо это мне было знакомо. Где-то я видел этого великана, ростом выше лестригонов, сотня рук которого сейчас безостановочно сражалась, сжимая по огромному стволу дерева в каждой.

— Бриарей! — в восторге завопил Тайсон.

— Привет, братишка! — заревел тот. — А ну не сдаваться!

Догадливая Миссис О'Лири убралась в сторону, и град камней обрушился на Кампе. Срываясь с пальцев Бриарея, эти булыжники словно увеличивались в размерах, множились, они летели в таком количестве, будто половина земных гор рассыпалась и взлетела в воздух.

БУУУХ!

Там, где только что стояла Кампе, теперь громоздилась гора высотой почти с Кулак Зевса. А единственным признаком того, что чудовище тут вообще было, стали кончики двух клинков, торчащие меж камней.

Ликующий клич раздался со стороны защитников лагеря, но наши враги еще не были повержены. Одна из дракониц оглушительно громко прошипела:

— Всех рез-з-зять! Прикончить их вс-с-сех, а иначе Кронос живьем сдерет с вас-с-с кожу!

Угроза напугала захватчиков сильнее, чем перспектива погибнуть от нашей руки. Лестригоны бросились в нападение словно в приступе отчаяния. Один из них молниеносным ударом подрубил задние ноги Хирона, и тот зашатался и упал. Шестерка гигантов захохотала от восторга и бросилась к нему.

— Нет! — Это кричал я, но помочь не мог, так как находился слишком далеко.

И тут произошло самое удивительное. Гроувер вдруг что есть сил распахнул рот и издал такой рык — страшнее я ничего в жизни не слышал. Больше всего этот крик напоминал усиленный в тысячу раз вой медной трубы.

Наши враги как один побросали оружие и сломя голову кинулись наутек. Великаны-лестригоны, отпихивая дракониц, старались первыми

укрыться в лабиринте. Тельхины и адские гончие, враги-полукровки мчались за ними. Мгновенная свалка у входа, туннель захлопнулся — и это означало, что битва окончена. На прогалине, где только что кипело сражение, воцарилась тишина, лишь доносился из леса треск догоравших костров и стоны раненых.

Я помог Аннабет подняться на ноги, и мы кинулись к Хирону.

— Вы не ранены? — тревожно спросил я.

Он лежал на боку, пытаясь подняться на ноги.

— Как досадно, — бормотал кентавр еле слышно. — Думаю, что поправлюсь. К счастью, у нас нет обыкновения пристреливать кентавров со слома... ох, со сломанными ногами.

— Вам требуется помощь, — вмешалась Аннабет. — Сейчас я вызову кого-нибудь из детей Аполлона.

— Не надо, — твердо отказался Хирон. — Есть раненые, которые больше моего нуждаются в помощи. Ступайте к ним. Но послушай, Гроувер... Ладно, потом. Мы с тобой еще поговорим о том, как ты это сделал.

— Ага, потрясающе получилось, — закивал я.

— Понятия не имею, как это вышло. — Гроувер смущенно покраснел.

Можжевелька радостно обняла его и воскликнула:

— Зато я знаю!

Не успела она продолжить, как послышался зов Тайсона:

— Перси! Иди сюда скорей! Нико!

* * *

От его черных лохмотьев струился дым, трава вокруг тела Нико пожелтела и увяла. Пальцы обеих рук были стиснуты так, что их было невозможно разжать.

Я как мог бережно перевернул его на спину и приложил руку к груди. Сердце Нико едва билось.

— Принесите нектар! — крикнул я.

Кто-то из дома Ареса подбежал и протянул мне фляжку. Волшебный напиток оросил рот Нико, он подавился, закашлялся, но глаза его открылись.

— Нико, что с тобой? — спросил я. — Ты можешь говорить?

Он слабо кивнул.

— Понимаешь, раньше я никогда не призывал столько... Это... я

поправляюсь.

Мы помогли Нико сесть, и я снова поднес фляжку к его губам. Он, моргая, щурился на нас так, будто пытался вспомнить, кто мы такие. Затем его взгляд сфокусировался на ком-то, стоящем позади меня.

— Дедал, — хрипло произнес Нико.

— Да, юноша, — послышался голос изобретателя. — Я допустил огромную ошибку. И я явился сюда, чтобы ее исправить.

У Дедала было несколько царапин, сочившихся темно-золотистым маслом, но в общем он выглядел лучше большинства из нас. Очевидно, его тело автоматона обладало способностью к самоизлечению. Миссис О'Лири маячила позади него, облизывая голову хозяина, из-за чего его волосы смешно топорщились. Рядом стоял Бриарей, окруженный восторженными полукровками и сатирами. Он выглядел смущенным, но охотно раздавал автографы, надписывая кому-то футболку, кому-то щит или доспех.

— Я встретил Сторукого, когда направлялся к вам через лабиринт, — объяснил Дедал. — Кажется, ему в голову пришла та же мысль, но он заблудился. Поэтому мы и появились тут одновременно. Да, нам обоим было что исправить.

— Ура! — Тайсон с криками радости носился вокруг своего героя. — Я так и знал, что ты придешь.

— А я вот не знал, — отвечал Сторукий. — Спасибо тебе, ты напомнил мне о том, кем я должен быть. Ты настоящий герой, Тайсон.

Мой брат покраснел, но я ободряюще хлопнул его по спине.

— Точно, ты герой, я давно знаю. Но, Дедал, послушайте, армия титана все еще в лабиринте. И они могут вернуться и напасть на нас снова, даже не имея нити Ариадны. Рано или поздно они обязательно нагрянут сюда во главе с Кроносом. Дедал вложил меч в ножны.

— Ты прав. Пока лабиринт здесь, им могут воспользоваться ваши враги. А значит, он должен исчезнуть.

Аннабет во все глаза уставилась на него.

— Но вы же говорили, что лабиринт связан с вашей жизненной энергией? И что, пока вы живы, должен существовать и лабиринт.

— Так оно и есть, мой юный архитектор, — усмехнулся Дедал — Когда я умру, одновременно со мной умрет и лабиринт. И поэтому у меня есть для вас подарок.

Он снял со спины кожаный рюкзак, расстегнул молнию и вынул из него тонкий серебристый ноутбук, один из тех, что я видел в его мастерской. На крышке сиял синий знак Δ, греческая буква «дельта».

— Записи о многих моих разработках внесены сюда, — объяснил

он. — По крайней мере, те, что я сумел спасти от огня. Тут имеются наметки к проектам, которые я не успел начать. Некоторые из моих самых любимых программ. Те, к которым я не приступал уже тысячу лет. Я бы не осмелился предложить эти разработки миру смертных. Но вы, возможно, найдете их не лишенными интереса.

Он протянул ноутбук Аннабет, которая смотрела на компьютер так, будто перед ней была вещь из чистого золота.

— Вы даете это мне?! Но им же нет цены, вашим проектам! Они же стоят... Я даже не знаю, сколько они могут стоить.

— Пустяки. Небольшая компенсация за мои прошлые прегрешения, — улыбнулся Дедал. — Вы были правы в том, что говорили о детях Афины. Мы должны поступать мудро, а я этого не умел. Когда-нибудь вы станете лучшим изобретателем, чем был я. Так что берите мои проекты и работайте над ними. Это наименьшее из того, что я должен сделать перед уходом.

— Это как? — вмешался я. — Перед каким еще уходом? Вы же не можете покончить с собой. Это будет неправильно!

— Не намного неправильней, чем игра в прятки со смертью. Гений не должен творить зла, Перси. Мое время пришло. Мне предстоит понести наказание.

— Но суд над вами не будет справедливым, — возразила Аннабет. — Дух Миноса, который поджидает вас...

— Будь что будет, — отмахнулся Дедал. — Я верю в справедливость суда в Царстве мертвых. Разве мы все не должны верить в нее?

С этими словами он глянул на Нико, и лицо парня потемнело.

— Д-да, — запинаясь, пробормотал он.

— В таком случае, может, попытаешься обменять мою душу на душу твоей сестры? — спросил Дедал. — Получить выкуп, так сказать.

— Нет, — покачал головой Нико. — Я лучше помогу вам освободиться оттуда. Моя сестра Бьянка добровольно покинула мир живых и пусть остается там, где хочет.

— Хорошо сказано, сын Аида, — кивнул Дедал. — Ты становишься мудрее. — Потом он повернулся ко мне. — Еще одно одолжение, Перси. Я не хотел бы оставить Миссис О'Лири в одиночестве. А она явно не испытывает желания спускаться в Царство мертвых. Может, возьмешь на себя заботы о ней?

Я посмотрел на огромную черную собаку, которая вдруг жалобно заскулила и принялась облизывать своего хозяина. Подумал, что мамина квартирка в Нью-Йорке не совсем подходит для того, чтобы держать животных, особенно таких габаритов. Миссис О'Лири была чуточку

побольше, чем все наше жилище. И бодро сказал:

— Конечно возьму.

— В таком случае я, пожалуй, готов отправиться на встречу со своим сыном и... Пердиксом. Я должен сказать им, как жестоко раскаиваюсь в содеянном.

У Аннабет в глазах стояли слезы.

Дедал повернулся к Нико, и тот вдруг вытянул меч из ножен. Я на минуту подумал, что сейчас Нико должен будет убить старого Дедала, но он просто сказал:

— Ваш час давно пришел. Будьте свободны. Покойтесь с миром!

Улыбка облегчения проступила на лице Дедала. Он застыл подобно статуе, кожа его внезапно стала прозрачной, обнажились какие-то бронзовые шестеренки, вращающиеся колесики. Мгновение... и вдруг статуя обратилась в прах и тлен. И рассыпалась.

Миссис О'Лири завывала. Я погладил ее по голове, стараясь утешить.

Земля вздрогнула — наверное, это землетрясение было отмечено во всех больших городах Америки, — и древний лабиринт рухнул. Я очень надеялся, что где-то в его недрах погибла вместе с ним и вся армия титана.

Я оглянулся на поле боя, на усталые лица моих друзей.

— Пошли, ребята, — сказал я. — У нас работы невпроворот.

Глава девятнадцатая

Совет старейшин распущен

Потом настало время прощания. Много наших ребят погибло в этом бою.

Той ночью в лагере я впервые видел, как обряжают в саваны тела мертвых, и, поверьте, это было совсем не то зрелище, которое я хотел бы увидеть снова.

В числе погибших был Ли Флетчер из домика Аполлона, его сразила палица лестригона. Его похоронили в золотистом саване без всяких украшений. Сына Диониса, погибшего в поединке с противником-полукровкой, обернули саваном темно-пурпурного цвета с вышитыми на нем вьющимися виноградными лозами. Его звали Кастор, и мне стало стыдно, что я провел в лагере уже три лета и до сих пор не знал его имени. Ему едва исполнилось семнадцать. Его брат-близнец по имени Поллукс, пытался произнести несколько слов, прощаясь с ним, но не смог. Захлебнувшись слезами, он замолчал и взял в руки факел. Ему поручили зажечь погребальный костер, разложенный в центре арены. Поллукс поднес факел к пирамиде — столб дыма, искры, взметнувшиеся к небу, вспышка пламени. И через несколько секунд шеренга обернутых саванами тел запылала.

Следующий день посвятили уходу за ранеными, к которым мог причислить себя почти каждый. Сатиры и дриады пытались восполнить урон, причиненный лесу.

В полдень в священной роще на срочное заседание собрался Совет копытных старейшин. Совет составляли трое старших сатиров и Хирон. Наш руководитель прибыл в своей коляске на колесиках, так как на его сломанную ногу пришлось наложить лубки. Кентавру предстояло еще долгое время передвигаться подобным образом, пока нога не окрепнет достаточно, чтобы служить его сильному телу. Роща была полна сатиров и дриад, и сотни наяд выбрались из воды, горя нетерпением узнать, что произойдет на Совете. Можжевелка, Аннабет и я стояли рядом с Гроувером.

Силен, конечно, стал настаивать на том, чтобы немедленно отправить моего друга в изгнание, но Хирон потребовал, чтобы сначала были выслушаны показания Гроувера и его спутников. Поэтому каждый из нас

выступил и сообщил Совету о том, что происходило в хрустальной пещере, передал слова, сказанные Паном. Затем несколько очевидцев рассказали о сверхъестественном крике Гроувера во время битвы, что и решило ее исход. Все видели, что, как только он раздался, вся армия титана врассыпную кинулась обратно в лабиринт.

— Ими овладела паника, — настойчиво повторяла Можжевелка. — Гроувер призвал на помощь власть бога Пана.

— Паника? — переспросил я.

— Когда-то, Перси, — стал объяснять мне Хирон, — во время первой битвы богов и титанов, богу Пану случилось издать неимоверной силы крик, который и поверг в бегство армию врага. Это... это была демонстрация его мощи, и волна страха, затопившая врагов, помогла богам одержать победу. С тех пор в лексиконе появилось слово «паника», и произошло оно от имени бога. Гроувер издал такой же крик и так же поверг врагов в панику.

— Высшая степень наглости! — завопил Силен. — Святотатство! Вполне возможно, что наш добрый бог послал нам таким образом свое благословение. Или, допустим, свирель Гроувера издала такие звуки, что враги сочли их непереносимыми.

— Это было не так, сэр. — Гроувер говорил более спокойно, чем говорил бы на его месте я сам. — Бог Пан позволил своему духу снизойти на каждого из тех, кто присутствовал при его кончине. И теперь мы должны действовать. Мы должны трудиться, чтобы обновить мир природы и защитить то, что осталось в нем лучшего. Мы должны нести миру весть Пана. Бог дикой природы мертв, и, кроме нас, некому это сделать.

— С начала поисков пропавшего бога прошло две тысячи лет, и теперь вы хотите заставить нас поверить в ваши слова?! — Силен едва ли не визжал от возмущения. — Никогда в жизни! Мы будем продолжать поиски великого бога, а вас, предателя и ренегата, мы отправляем в изгнание!

Некоторые из стариков сатиров что-то забубнили, выражая согласие.

— Итак, голосуем, — бодренько продолжал Силен. — Кто из присутствующих поверил смехотворным заявлениям этого юного сатира?

— Я поверил им, — раздался знакомый голос.

Все обернулись. В рощу входил Дионис. Я с трудом узнал бога виноделия в этом мужчине, одетом в строгий черный костюм с темно-пурпурным галстуком и фиолетовую рубашку. Хотя его курчавые темные волосы были тщательно причесаны, глаза, по обыкновению, налились кровью, а лицо побагровело. Но в общем, сегодня он выглядел скорее подавленным горем, чем нетрезвым.

Сатиры почтительно расступились и стали отвечать ему поклоны. Встав рядом с членами совета, он слегка повел рукой, и из земли около него вырос стул, вернее, трон, весь увитый виноградными гроздьями.

Дионис уселся на него, скрестил толстенькие ножки, потом прищелкнул пальцами. Тут же один из сатиров бросился к нему, неся в вытянутых руках поднос с сыром, крекерами и бутылкой диетической кока-колы.

Бог вина оглядел собравшуюся толпу.

— Скучали без меня, детки?

Сатиры разом пали ниц и принялись вопить:

— Скучали, о, как же мы скучали без вас!

— Ну а я вот ничуть! — оборвал он их. — И я принес вам дурные вести, друзья мои, очень дурные! Младшие боги переметнулись на сторону врага. Морфей предал нас первым. Его примеру последовали Геката, Янус, Немезида. И только один Зевс знает, кто еще.

В отдалении гроыхнуло.

— Разрази меня гром! — воскликнул Дионис. — Оказывается, и он этого не знает. Ладно, ну их. А теперь я хочу еще раз выслушать рассказ Гроувера. Причем с самого начала.

— Но, повелитель! — вскричал Силен. — Это ж отъявленная чепуха!

Глаза Диониса сверкнули пурпурным огнем.

— Я только что узнал, что мой сын Кастор погиб, Силен. И поверь, настроение у меня не самое лучшее. Так что не раздражай меня.

Силен тихо охнул и подал Гроуверу знак говорить.

Когда рассказ был окончен, мистер Д. задумчиво покачал головой.

— Похоже, очень похоже на Пана. Гроувер прав. Поиск оказался изнурительным, и теперь вы должны сами позаботиться о себе. — Он повернулся к сатиру и велел принести ему виноградных гроздей.

Тот мгновенно рванулся с места исполнять приказание.

— Но мы должны наказать предателя! — настаивал Силен.

— Возражаю, — веско ответил Дионис. — И голосую против вашего предложения.

— Я тоже, — вмешался Хирон.

Силен упрямо выдвинул вперед челюсть.

— Тех, кто за изгнание предателя, попрошу поднять руки. — Он и двое других членов Совета подняли руки. — Двое против троих.

— Пфу, — усмехнулся Дионис. — К вашему сведению, голос бога считается за два. Так что голоса разделились поровну.

Силен в негодовании вскочил на ноги и завопил:

— Это возмутительное нарушение правил! Вы ставите Совет копытных в безвыходное положение!

— Тогда распустите его, — ухмыльнулся Дионис. — И все дела.

С каменной физиономией Силен отвесил поклон и в сопровождении двух других членов Совета пошел прочь из рощи. Примерно два десятка сатиров последовали за ними. Остальные, сгрудившись вокруг нас, тревожно переговаривались между собой.

— Не беспокойтесь, — сказал им Гроувер. — Никакого Совета не нужно, чтобы учить нас, что надо делать. Мы и сами с этим разберемся.

И он повторил завет Пана — защищать и беречь дикую природу. Затем разбил сатиров на группы и дал им разные поручения. Первая была отправлена в национальные парки, другой он поручил розыск последних неосвоенных человеком пространств, третьей — наведение порядка на городских территориях.

— Смотри-ка. — Аннабет улыбнулась, кивая мне. — Дела у нашего Гроувера пошли в гору!

* * *

В тот же день я разыскал своего братишку циклопа на пляже, где он болтал с Бриареем. Полсотни рук героя были заняты строительством песочного замка. Он работал рассеянно, почти не обращая внимания на то, что делает, но руки с ловкостью возводили арки укрепленных стен, насыпали ров, навешивали над ним мост.

Тайсон в это время вычерчивал на песке какую-то карту и давал Бриареему пояснения:

— Сначала держите в направлении рифа, он лежит налево. Потом прямо, пока не упретесь в затонувший корабль. После этого поворачиваете на восток, а когда пройдете одну милю и минуете кладбище русалок, то увидите разожженные костры.

— Ты рассказываешь, как добраться до кузниц? — спросил я.

— Ну да. Бриарей хочет нам помочь. Он может научить циклопов давно утраченному мастерству. Наше оружие станет лучше и крепче. Как и наши доспехи.

— Да, — кивнул Бриарей, — мне хотелось бы навестить циклопов. Не хочу больше жить в одиночестве.

— В подводном мире вы не будете одиноки. — Вообще-то я сказал это немного наобум, сам-то я никогда не бывал в царстве Посейдона. — Там

для вас найдется работа.

— Работа! — Физиономия Бриарея приняла счастливое выражение. — Звучит хорошо. Я бы только хотел, чтобы со мной пошел и Тайсон.

— Нет, мне нужно остаться с братом. — Циклоп покраснел и засмутился. — У вас все получится, Бриарей, точно говорю. И спасибо за помощь.

Сторукий принялся прощаться со мной и, сами понимаете, рукопожатий вышло не меньше сотни.

— Мы встретимся еще, Перси Джексон. Я в этом уверен!

Затем обнял Тайсона всеми своими руками, отпустил и пошлепал к океану. Мы провожали его глазами и видели, как огромная голова Сторукого исчезала под водой.

Я хлопнул брата по спине.

— Ты здорово помог ему.

— Чем это? Я же с ним только поговорил.

— Ты поверил в него. А без Бриарея нам бы никогда не одолеть Кампе.

— Да, он мастак бросаться камнями. — Лицо Тайсона осветилось довольной усмешкой.

— Это точно, — расхохотался я. — Да и камни он выбирает не маленькие. Пойдем, брат. Пора обедать.

* * *

Как здорово, что все мы снова собрались в столовой, как будто ничего не случилось. Мы сидели вместе с Тайсоном за столом Посейдона и смотрели в окно на то, как над Лонг-Айлендом догорал прекрасный закат. Еще долго нас будут одолевать трудности, но когда настала моя очередь подойти к бронзовой жаровне, чтобы бросить ломтик мяса в пламя в качестве дара Посейдону, я почувствовал, что и в самом деле многим ему обязан. Я остался в живых. Все мои друзья тоже. Лагерь сейчас находится в безопасности. Атака Кроноса отбита, по крайней мере на некоторое время.

Единственное, что заботило меня, — это судьба Нико. Сейчас он держался в тени, в одиночестве сидя в дальнем уголке обеденного павильона. Ребята пригласили его за столик Гермеса, даже Хирон предложил ему сесть за главный стол рядом с ним, но Нико отказался.

После обеда все мы отправились на стадион, дети Аполлона обещали устроить представление, чтобы поднять всем настроение. Но когда я увидел, что Нико отделился от всех, свернул в сторону и направился к лесу,

я решил, что лучше всего пойти следом за ним. Мы углубились довольно далеко в чащу, тени стали сгущаться вокруг нас, и меня охватило тревожное чувство. Раньше я никогда не боялся гулять по лесу, хотя, конечно, отлично знал, какая нечисть там водится. Но сейчас голова моя была полна впечатлений от вчерашней битвы, и я невольно задавал себе вопрос, сколько времени мне понадобится на то, чтобы ходить в этот лес без страха и чтобы меня оставили воспоминания о жестокой битве с армией Кроноса.

В наступившей тьме я не видел Нико, но несколько минут ходьбы — и впереди замерцал какой-то огонек. Сначала я решил, что это Нико включил фонарик, но когда подошел поближе, то увидел, что свет струился от призрака. На поляне стояла, мерцая, призрачная фигура Бьянки ди Анджело. Она улыбнулась брату, потом что-то тихо сказала ему, совсем-совсем осторожно коснулась его лица. И вот уже ее образ растаял.

Нико повернулся, и я оказался прямо перед ним. Как ни странно, он совсем не разозлился.

— Прощаться приходил, — хрипловато произнес он.

— Мы только о тебе и говорили за обедом. Ты мог бы сесть за наш стол.

— Нет.

— Нико, не можешь же ты не ходить на обед. Если не хочешь жить в домике Гермеса, тогда пусть сделают для тебя исключение и поместят в Большой дом. Там уйма комнат.

— Я не останусь в лагере, Перси.

— Но как же так? Ты не можешь просто взять и уйти. Для полукровки оставаться в полном одиночестве слишком опасно. И тебе необходимо тренироваться.

— Я тренируюсь с мертвыми, — равнодушно ответил он. — Ваш лагерь не для меня. Есть причины, по которым здесь никогда не поставят домик для детей Аида, ты сам это понимаешь. Нас не ждет радушный прием и тут, и на Олимпе. Я чужой для вас, и поэтому мне лучше уйти.

Конечно, мне пришла в голову целая куча возражений, но вместе с тем я не мог прогнать мысль о том, что он прав. Мне было очень досадно из-за этого, но и впрямь Нико должен искать свой путь, пусть опасный, но зато свой собственный. Я вспомнил пещеру, где мы видели Пана, вспомнил, как он обращался к каждому из нас. Ко всем, кроме одного. И этим «одним» был Нико.

— Когда ты уходишь?

— Прямо сейчас. У меня прорва вопросов. Кто моя мать? Кто платил

за наше — мое и Бьянки — обучение в школе? Кем был тот адвокат, который вытащил нас из отеля «Лотос»? Я ничего не знаю о своем прошлом, а значит, мне предстоит найти ответы на все вопросы.

— Разумно, — признал я. — Только я хотел бы быть уверен, что мы не расстаемся врагами.

Нико опустил голову, глаза его уставились в землю.

— Мне совестно, что я вел себя гадко. Мне бы следовало поступить так, как ты советовал. Ну, насчет Бьянки...

— Ой, чуть не забыл. — С этими словами я выудил из кармана одну вещь. — Эту штуку нашел Тайсон, когда мы наводили порядок в нашем домике. Мы подумали, что тебе хотелось бы иметь ее.

Я протянул ему сделанную из свинца статуэтку Аида, ту маленькую фигурку из «Мифов и магии», которую Нико забыл, когда прошлой зимой бежал из лагеря.

— Я больше не вожусь с такими играми. Это для маленьких.

— У нее мощностъ — четыре тысячи атак, — искушал его я.

— Не четыре, а пять, — поправил меня Нико. — Но только в том случае, если противник нападает первым.

Я улыбнулся.

— Возьми, совсем неплохо иногда побыть ребенком. — Я бросил ему фигурку.

Он поймал ее, минуту разглядывал, держа на ладони, потом опустил в карман.

— Спасибо.

Я протянул ему руку, и Нико неохотно пожал ее. Его ладонь была холодной как лед.

— Мне многое надо разузнать. И кое-что из этого может оказаться... Короче, если я узнаю что-нибудь полезное для лагеря, я дам тебе знать.

— Хорошо. — Я не совсем понял, о чем он, но кивнул. — Не пропадай надолго, Нико.

Он быстро отвернулся и зашагал в лес. Тени, изгибаясь, тянулись за ним следом, будто хотели привлечь его внимание.

Неожиданно сзади меня послышался чей-то голос:

— Очень трудновоспитуемый молодой человек.

Вздрагнув, я оглянулся и увидел Диониса. Он был все в том же парадном костюме.

— Пойдем со мной, — неожиданно пригласил он меня.

— Куда? — подозрительно осведомился я.

— Всего лишь к лагерному костру. Мое самочувствие стало чуточку

получше, и я решил, что неплохо было б побеседовать с тобой. Ты всегда умудряешься каким-то образом разозлить меня.

— Ну спасибо.

Мы шли в молчании. Искося поглядывая на Диониса, я заметил, что при ходьбе он не ступает по земле, его черные лакированные башмаки парили примерно в дюйме над нею. Я сразу догадался почему — просто ему не хотелось потом их чистить.

— Много отступников, — неожиданно заговорил он, — очень много. Для Олимпа обстановка складывается отнюдь не блестяще. Но вам с Аннабет удалось отстоять и спасти лагерь. Не уверен, что следует благодарить вас за это.

— Это заслуга всех ребят.

Дионис пожал плечами.

— Тем не менее то, что вы двое предприняли, можно назвать весьма компетентными действиями. Можно даже сказать, успешными.

Мы подошли к стадиону, и Дионис указал на горевший костер. Около него, плечом к плечу с Клариссой, сидел высокий, похожий на испанца парень и рассказывал ей что-то смешное. Я узнал в нем Криса Родригеса, полукровку, который свихнулся после того, как побывал в лабиринте.

Я обернулся к Дионису.

— Вы излечили его?

— Душевные болезни — это моя специальность. Данный случай был несложным.

— Но... Но это ведь был добрый поступок. Так почему вы его совершили?

Бог иронически приподнял бровь.

— А я и есть добрый, разве ты не знал? Из меня просто изливаются потоки доброты, Перри Джонсон.

— Я не Джонсон.

— Возможно, такой выход нашло мое отцовское горе. Или мне пришло в голову предоставить этому Крису еще один шанс. Между прочим, настроение у Клариссы резко улучшилось.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Забери меня Аид, если я знаю. — Бог вина вздохнул. — Только запомни одно, юноша, — добрый поступок, случается, имеет такую же силу, как и меч. В облике смертного я ничего особенного собой не представлял: не герой, не великий атлет или там поэт. Я просто научился давить виноград и гнать из него вино. Люди в моей деревне потешались надо мной. Говорили, что я ни на что не гожусь. А посмотрели б они на

меня сейчас! Да-а, иногда самое малое становится самым великим.

Он оставил меня раздумывать над этими словами. Я думал и иногда улыбался, наблюдая за Клариссой и Крисом, которые сидели у костра и, распевая смешную лагерную песню, держались за руки, полагая, что этого никто не видит.

Глава двадцатая

Вечеринка принимает дурной оборот

Дальше лето покатилося без всяких передраг, и это казалось мне очень странным. Дни проходили в привычных лагерных занятиях: стрельба из лука, лазанье по стене, уроки верховой езды на пегасах. Играли в захват флага (хотя, не сговариваясь, старались не прятаться около Кулака Зевса). По вечерам приходили к лагерному костру, чтобы петь песни, устраивали состязания на колесницах и разыгрывали ребят из соседних домиков. Я много времени проводил с Тайсоном, мы возились с Миссис О'Лири, которая иногда принималась по ночам скулить, потому что скучала без своего прежнего хозяина. С Аннабет мы старались по возможности избегать друг друга. Конечно, мне было приятно находиться рядом с ней, но и немного обидно. Хотя и без нее тоже было плохо.

Мне хотелось поговорить с ней о Кроносе, но я не знал, как затронуть эту тему без того, чтобы разговор коснулся Луки. А об этом мне беседовать не хотелось. Да и Аннабет обрывала меня всякий раз, когда я упоминал его имя.

Так прошел весь июль. Четвертого июля мы, конечно, устроили торжественный праздник на берегу. Август обернулся такой жарой, что клубника на грядках сохла прямо на глазах. Наконец настал и последний день лагерной жизни. Вернувшись в наш домик после завтрака, я обнаружил на своей кровати письмо, в стандартной форме извещавшее меня о том, что каждого, кто останется в лагере после полудня, сожрут гарпии-чистильщицы.

В десять часов я уже стоял на вершине Холма полукровок, поджидая автобус, который должен был подбросить меня в город. Мы с Хироном договорились, что я оставлю Миссис О'Лири в лагере, он обещал о ней позаботиться, а Тайсон и я по очереди будем навещать ее зимой.

Я надеялся, что мы с Аннабет вместе доедем хотя б до Манхэттена, но она только небрежно помахала мне на прощание и равнодушным тоном сообщила, что хочет еще немного задержаться в лагере. Будет ухаживать за Хироном, пока его нога совсем не заживет, и продолжит понемногу работать с заметками Дедала, изучать оставленные на дисках записи, чем и занималась последние два месяца лета. А потом поедет к родителям в Сан-Франциско.

— Там есть одна частная школа... наверное, я в ней буду учиться, — объяснила она. — Почти уверена, что там окажется ужасно, но что поделаешь. — Аннабет пожала плечами.

— Ага, ну понятно... В общем, ты мне звони.

— Конечно позвоню, — неискренне пообещала она. — А если встречу...

И Аннабет замолчала. Ну вот, опять. Лука. Когда б она ни вспоминала его, перед ней разворачивался целый список огорчений, обид и непонимания.

— Аннабет, — попросил я, — расскажи мне, пожалуйста, о последних строках пророчества.

Ее взгляд скользнул в сторону леса, и она не ответила.

— «Будешь бродить в нескончаемой тьме лабиринта, — стал припоминать я самостоятельно. — Мертвый, предатель и прежде пропавший восстанут». Все так и было. Мы видели кучу воскресших мертвецов. Мы спасли Эфана Накамуру, но он оказался предателем. Мы разыскали Пана, которого до тех пор считали пропавшим.

Аннабет покачала головой, словно не хотела меня слушать.

— «От руки царя-призрака падет иль поднимется он», — настойчиво продолжал я. — Раньше я думал, что тут речь идет о Миносе, но нет, это не про него. Конечно, это про Нико. Приняв нашу сторону, он всех нас спас. А то место, где про «чадо последней надежды Афины», это про Дедала.

— Перси, прошу тебя, перестань.

— А слова «рухнет с героя последним дыханьем» теперь тоже становятся понятными. Дедал умер, чтобы разрушить лабиринт. Вот только самого последнего предложения я не знаю.

— «Рухнет с последним дыханьем героя»... — Аннабет чуть изменила строку, в глазах ее стояли слезы: — «И ты утратишь любовь, что хуже смерти порою»... Вот такая была последняя строчка. Что, теперь ты доволен?

Лучи солнца словно стали холоднее, чем были минуту назад.

— Ох, — пробормотал я, — выходит, Лука...

— Перси, я не знала, что означали эти слова. Я подумала, что... — Аннабет на минуту беспомощно замолчала, потом продолжала: — Долгие годы Лука был единственным, кому было до меня хоть какое-то дело, поэтому я и думала...

Не успела она договорить, как перед нами, совсем рядом, вдруг вспыхнул яркий свет, будто чья-то невидимая рука подняла в воздухе золотой занавес.

— Тебе не за что извиняться, моя дорогая.

На холме стояла высокая женщина в белоснежном одеянии, ее темные волосы были заплетены в косы.

— Гера, — выдохнула Аннабет.

— Ты нашла ответы, как я и ожидала. — Богиня улыбнулась. — Твой поиск окончился успешно.

— Успешно? — слабым голосом переспросила Аннабет. — Лука пропал. Дедал мертв. Пан умер. И это вы называете успехом?

— Зато наша семья в безопасности, — возразила ей Гера. — Тем, кто ушел, там лучше, моя дорогая. Я горжусь тобой.

У меня сжались кулаки. Я не верил тому, что слышал.

— Так это вы заплатили Гериону за то, чтобы он пропустил нас через свое ранчо?

Богиня пожала плечами. Платье на ней переливалось всеми цветами радуги.

— Не к чему вам было там задерживаться.

— Но Нико вас не интересовал. Вы, наверное, даже радовались, что он переметнулся к титанам.

— Не надо говорить об этом. — Она сделала руками отстраняющий жест. — Сын Аида сам изъявил такое желание. Да и никто не хочет, чтобы он вертелся среди нас. Он не из нашей семьи.

— Выходит, Гефест был прав. — Тут я разозлился. — Вам нет дела до живых людей, вас интересует только выдуманная вами идеальная семья.

— Осторожнее со словами, сын Посейдона. — Глаза Геры опасно сверкнули. — Там, в лабиринте, я сделала для вас больше, чем ты думаешь. Я поддерживала тебя, когда ты встретился с Герионом. Это я направила твою стрелу так, чтобы она пронзила три его сердца. Я отослала тебя на остров Калипсо. Показала тебе путь к горе титанов. Аннабет, дорогая, вы сами видите, как велика была моя помощь. И я с радостью приму принесенные вами жертвоприношения. В мою честь.

Аннабет стояла неподвижно как статуя. Она могла поблагодарить богиню. Могла пообещать выложить на жаровню целое блюдо барбекю и потом забыть это сделать. Но она упрямо сжала зубы и молчала. В точности так она выглядела, когда спорила со сфинксом, не желая отвечать на слишком легкие вопросы, хоть это и могло поставить ее в трудное положение. Я понял, что именно это мне нравится в Аннабет больше всего.

— Перси прав. — Она повернулась спиной к богине. — Это вы не принадлежите нашей семье, повелительница Гера. Так что, спасибо, конечно... Хоть за что мне говорить вам спасибо?

Вопль, который издала Гера, был пострашнее вопля всех эмпус, вместе взятых. Силуэт ее задрожал и завибрировал в воздухе.

— Ты еще пожалеешь об оскорблении, которое нанесла мне, Аннабет! И очень сильно пожалеешь!

Я поторопился опустить глаза, потому что богиня приняла свой настоящий облик и исчезла.

На вершине холма опять воцарился мир. Пелей, дракон, охранявший золотое руно, дремал под сосной с той же безмятежностью, как и прежде, будто ничего не случилось.

— Ладно, пока, — заторопилась Аннабет. — Мне пора.

— Послушай, Аннабет... — начал я.

Я вспомнил о горе Сент-Хеленс, острове Калипсо, Луке, Рейчел Элизабет Дэр, подумал о том, как сложно все стало. Мне нужно было сказать Аннабет, что я вовсе не хотел избегать ее.

Но тут с дороги протрубил в рог Аргус, и момент был упущен.

— Тебя зовут. Будь осторожен, Рыбьи Мозги.

И Аннабет вприпрыжку побежала по склону холма. Я не сводил с нее глаз, пока она не оказалась у домиков. Но Аннабет ни разу не оглянулась.

* * *

Через два дня у меня был день рождения. Я не особенно люблю его праздновать, поскольку этот день всегда был одним из первых после возвращения из лагеря, так что никто из ребят не мог прийти ко мне в гости. К тому же много ли радости прибавлялось с каждым таким днем, если в пророчестве ясно было сказано, что в шестнадцать лет мне предстоит либо спасти мир, либо его разрушить. А сегодня мне как раз исполнялось пятнадцать. Времени оставалось в обрез.

Мама закатила у нас дома настоящую вечеринку. Она пригласила в гости Пола Блофиса, и я был ему рад. Тем более летом Хирон напустил столько Туману в школу Гуди, что теперь никто там даже не подозревал о моем участии во взрыве в музыкальном классе. Все они, и Пол Блофис в том числе, были убеждены, что маньячкой-поджигательницей оказалась Келли, а я — всего лишь невинный школьник, который сбежал с места происшествия, поскольку отчаянно перепугался. Так что в следующем месяце мне предстояло начать занятия, и если я хочу сохранить за собой свой личный рекорд — напомню, каждый учебный год меня выгоняют из очередной школы, — то мне следует хорошо постараться.

Тайсон тоже, конечно, пришел меня поздравить, и мама испекла специально для него два особых синих торта. Когда они, устроившись в гостиной, принялись надувать воздушные шарик, Пол Блофис попросил меня помочь ему на кухне.

Только мы с ним стали разливать пунш, как он вдруг сообщил:

— Я слышал, что твоя мама записала тебя на водительские курсы. Будешь с этой осени их посещать.

— Ух ты! Здорово. Скорей бы.

Серьезно, мне ужасно хотелось получить водительские права, но мысли мои сейчас были совсем не об этом, и мне казалось, Пол понимает меня. Странно, но иногда он мне здорово напоминал Хирона, как будто он тоже мог посмотреть на тебя и понять, о чем ты думаешь. Может, у всех настоящих учителей так бывает?

— У тебя было сложное лето, — продолжал он. — Мне кажется, что тебе пришлось расстаться с чем-то для тебя очень важным. Были проблемы с девочками?

Я уставился на него.

— Откуда вы знаете? Мама наябедничала?

Пол шутливо поднял руки вверх.

— Твоя мама не сказала мне ни слова. И я ничего не вынюхивал. Но я чувствую в тебе нечто, что делает тебя не похожим на других детей, — такое, что буквально ставит меня в тупик, Перси. Но мне самому когда-то было пятнадцать, и по выражению твоего лица я вижу, что тебе нелегко пришлось этим летом.

Я кивнул. Я пообещал маме рассказать Полу всю правду о себе, но сейчас был явно неподходящий момент. Нет, пока рано.

— В лагере, где я был, погибло несколько ребят, — принялся объяснять я, стараясь как-то лавировать между правдой и ложью. — Они не то чтобы были моими близкими друзьями, но вроде того.

— Я тебе сочувствую.

— Вот. А насчет девчонок...

— Возьми. — Пол протянул мне бумажный стаканчик с пуншем. — За твой день рождения! И за то, чтобы будущий год был для тебя лучше.

Мы чокнулись и выпили.

— Перси, не хотелось бы усложнять тебе жизнь, — продолжал он, — но хочу кое о чем у тебя спросить...

— Это вы про что?

— Про девчонок.

— Не понял, о чем вы? — Я нахмурился.

— О твоей маме. Я собираюсь сделать ей предложение.

Я чуть весь свой пунш не разлил!

— Вы что, собираетесь пожениться? Вы с ней?!

— Ну, в общем, ход мыслей примерно такой... А что? Ты против?

— Вы у меня, типа, разрешения спрашиваете?

Пол поскреб бороду.

— Не знаю, разрешение там или нет, но она все-таки твоя мать. К тому же ты много успел пережить в жизни. Поэтому, мне кажется, будет правильно, если мы с тобой сначала обмозгуем этот вопрос как мужчина с женщиной.

— Как мужчина с женщиной... — повторил я.

Странно это прозвучало. Я подумал о Поле и маме, о том, как она всегда радуется и улыбается, когда он приходит. И о том, как он старался, чтобы меня взяли в его школу. Так что я даже не удивился, когда вдруг услышал собственный голос:

— Если как мужчина с женщиной, то я считаю это отличной мыслью. Голосую за.

Вот тогда Пол широко улыбнулся.

— За тебя, Перси! — Он поднял свой бумажный стаканчик. — А теперь пошли к гостям.

* * *

Только я набрал в грудь побольше воздуха, чтобы задуть разом все свечи на торте, как зазвонил дверной звонок.

Мама нахмурилась и недоуменно спросила:

— Кто б это мог быть?

Странно, что звонили прямо к нам в квартиру, так как в доме был швейцар и он не предупредил нас о посетителе. Мама отворила дверь и ахнула.

Пришел мой папа! Как всегда, шорты-бермуды, гавайская рубашка и сандалии от Биркенштока. Его обычный наряд. Черная борода аккуратно подстрижена, синие-зеленые глаза сияют, а на шляпе вышиты червяки, которые приманивают рыбу, и крупная надпись: «Удачной рыбалки с Нептуном».

— Посейд... — ахнула мама и тут же оборвала себя. Она покраснела прямо до самых волос. — Э-э, здравствуйте.

— Привет, Салли, — поздоровался он. — Ты, как всегда, неотразима.

Не пригласишь?

Мама издала какой-то странный писк, одновременно похожий на «да, входите» и на «ой, спасите». Посейдон истолковал этот писк в благоприятном для себя смысле и вошел в комнату, где мы сидели.

Пол глядел то на меня, то на маму, пытаюсь понять, что происходит, потом сделал шаг вперед и произнес:

— Добрый день, меня зовут Пол Блофис. Посейдон поднял бровь, и они обменялись рукопожатием.

— Бло... как? Бло-фиш?^[23]

— Нет-нет. Блофис.

— А, понимаю. Извините. Почему-то подумал о рыбе. А меня Посейдон.

— Посейдон? Какое любопытное имя.

— Да? Благодарю. Мне оно тоже очень нравится. Меня, бывало, называли и по-другому, но я предпочитаю зваться Посейдоном.

— Надо же! Так звали бога морей.

— Вот именно. Очень похоже.

— Ну ладно, — вмешалась мама. — Мы очень рады, что вы к нам заглянули. Пол, познакомьтесь, это отец Перси.

— А-а... очень приятно. — Но по виду Пола совсем было не похоже, что ему хоть сколько-нибудь приятно. — Понимаю.

— Привет, мой мальчик. — Посейдон улыбнулся мне. — И Тайсон тут. Привет, сынок!

Тайсон через всю комнату бросился отцу на шею и принялся с такой силой его обнимать, что с головы Посейдона чуть не слетела шляпа.

У Пола челюсть отпала от удивления. Он перевел растерянный взгляд на маму.

— Тайсон... он тоже?..

— Нет. Тайсон не мой ребенок.

— Ни за что не мог пропустить пятнадцатый день рождения Перси, — объявил Посейдон. — Понимаете, если б мы жили в Спарте, то с нынешнего дня мой сын считался бы уже взрослым мужчиной.

— Это действительно так, — подтвердил Пол. Он постепенно приходил в себя. — Я, видите ли, знаю это, потому что преподаю историю Древнего мира.

Глаза Посейдона лукаво блеснули.

— Историю? Так там как раз про меня. Почти вся древняя история про меня. Салли, Пол, Тайсон, вы не будете возражать, если я на минутку похищу у вас Перси?

Он положил руку мне на плечи и вывел на кухню.

* * *

Как только мы остались с ним наедине, его улыбка тотчас погасла.

— Как ты, мой мальчик? Здоров? Все в порядке?

— Ну да, а чего? Все нормально.

— До меня дошли кое-какие слухи, — продолжал Посейдон, — но хотелось все узнать непосредственно от тебя самого. Расскажи мне все с самого начала.

Я так и сделал. Хотя меня чуточку смущало то неослабное внимание, с которым слушал меня отец. Он не сводил с меня глаз, но выражение его лица ни разу не изменилось за все время, пока я продолжал рассказ. Когда я наконец замолчал, он многозначительно кивнул головой.

— Итак, Кронос возвращается. Недолго, выходит, нам ждать новой войны.

— А что с Лукой? Он вправду погиб?

— Не знаю, Перси. И это меня сильно беспокоит.

— Но тело-то его смертно. Разве вы не можете разрушить его?

— Смертно, тут ты прав. — Посейдон и впрямь выглядел обеспокоенным. — Но с Лукой все обстоит далеко не так просто. Не имею понятия, как именно его подготовили для принятия души титана, но убить этого юношу будет не так легко, можешь не сомневаться, мой мальчик. И все-таки, думаю, ему придется умереть, если мы снова сошлем Кроноса в Тартар. Надо мне все это как следует обдумать. К несчастью, у меня появились и свои личные проблемы.

Я сразу вспомнил то, что мне в самом начале лета рассказывал Тайсон.

— Старые морские божества, которые правили океаном еще до тебя, отец?

— Точно. Первым, на кого обрушится война, буду я. И могу тебе сказать откровенно, мне долго не продержаться. Даже сейчас подводный мир бурлит от горячих битв. Моих сил хватает только на то, чтобы сдерживать ураганы и тайфуны, дабы они не разрушили ваш, верхний, мир. Да, в океанских глубинах идет борьба не на жизнь, а на смерть.

— Разреши мне спуститься к тебе, отец. Позволь помочь тебе!

В уголках глаз Посейдона побежали морщинки-лучики, когда он улыбнулся.

— Пока не время, сынок. Здесь ты сейчас еще нужнее. Кстати, слово

«сейчас» напомнило мне о том, с чем я сюда явился. — Он извлек из кармана шортов песочный доллар,^[24] положил его мне на ладонь и крепко сжал мои пальцы. — Это тебе подарок на день рождения. Только не трать эти деньги слишком безрассудно.

— Разве можно вообще потратить песочный доллар?

— О, с легкостью. В мое время на одного морского ежа можно было купить кучу самых разных вещей. Думаю, тебя он тоже не разочарует, если ты им воспользуешься в нужное время.

— Нужное время? — как эхо, снова повторил я.

— Да, когда придет срок. Думаю, ты сам поймешь.

Я сжал пальцы, в кулаке у меня был песочный доллар, но мысли мои бродили далеко.

— Пап, знаешь, когда я был в лабиринте, то встретил там Антея. И он сказал... ну, в общем, он сказал, что он твой любимый сын. А сам разукрасил всю арену какими-то черепами, да еще...

— Знаю. Он посвятил их мне, — сказал Посейдон. — И ты, конечно, удивляешься, как можно делать такие ужасные вещи в мою честь.

Я смущенно кивнул.

Отец обнял меня за плечи.

— Перси, слабые создания подчас творят страшные вещи, прикрываясь именем богов. Но это вовсе не означает, что мы, боги, одобряем их. То, как наши сыновья и дочери действуют в нашу честь, не делает чести им самим. И говорит плохо о них, а не о нас. — Тут он улыбнулся и добавил: — И ты, Перси Джексон, мой любимый сын.

Этот момент, когда мы с отцом вдвоем стояли в нашей маленькой кухоньке, был самым лучшим подарком на день рождения.

— Перси, праздничные свечи почти догорели, — слышался из комнаты мамин голос.

— Тебе пора, сынок, — сказал Посейдон, — Но, Перси, есть еще одна вещь, которую тебе следовало бы знать. Происшествие на горе Сент-Хеленс...

У меня мелькнула мысль, что он говорит о поцелуе, которым наградила меня Аннабет, и я покраснел, но в следующую минуту сообразил, что Посейдон имеет в виду что-то другое, гораздо более важное.

— Извержения продолжаются, — говорил отец. — Тифон рвет и мечет. И очень похоже, что совсем скоро, буквально через несколько месяцев, самое большое через год, он сбросит свои оковы.

— Прости меня, пап, — пробормотал я. — Я совсем не хотел...

Посейдон поднял ладонь, останавливая меня.

— В этом нет твоей вины, Перси. Это обязательно случилось бы, рано или поздно, раз Кронос сумел разбудить старых богов. Но надо быть наготове. Имей в виду, если Тифон окончательно сбросит оковы, то начнется такое, чего ты даже представить не можешь! Подобного ты еще не видел. Когда с ним сражались в первый раз, сил всех богов Олимпа едва хватило на то, чтобы справиться. Если подобное произойдет опять, он явится сюда, к вам, в Нью-Йорк. Явится, потому что ему нужен Олимп!

Разумеется, именно такого рода замечательные новости я и мечтал услышать в свой пятнадцатый день рождения! Папа снова потрепал меня по плечу, мол, теперь все будет в порядке.

— Мне пора, сынок. Не забудь отдать должное праздничному торту.

Ровно в ту же секунду он обратился в клочок тумана, и теплый морской бриз подхватил его и вынес за окошко.

* * *

Не очень-то легко было убедить Пола Блофиса, что наш гость предпочел спуститься по пожарной лестнице. Но так как люди обычно не имеют привычки растворяться в воздухе, ему ничего не оставалось, как поверить этой сказочке.

Мы лакомились синим тортом и мороженым до тех пор, пока не почувствовали, что больше нам не осилить. Затем стали развлекаться, играли в разные дурацкие игры, в «Монополию» и в шарады. Тайсон понятия не имел о шарадах, он предпочитал выкрикивать ответ, а не изображать его всякой там мимикой. Но зато в «Монополию» он играл как бог. Меня он выбил на пятом раунде и тут же принялся банкротить маму и Пола. Я оставил их сражаться и ушел к себе в спальню.

Поставил тарелку с недоеденным куском торта на тумбочку, снял бусы, которые получил в Лагере полукровок, и положил их на подоконник. Сейчас на нитку было нанизано три бусины, это означало, что я провел в лагере три лета. Также эти бусины являлись символами трезубца, золотого руна и еще одной вещи — прихотливо прорезанные в третьей бусине переходы означали «Битву за лабиринт», так стали называть ребята наше сражение. Интересно, что случится в лагере следующим летом, стал воображать я, и смогу ли я туда приехать? И доживет ли до следующего лета сам лагерь?

Взгляд мой упал на телефон, стоявший рядом с кроватью. Что, если я позвоню Рейчел Элизабет Дэр прямо сейчас? Мама спрашивала меня, не

хочу ли я пригласить еще кого-нибудь к нам на праздник, и я еще тогда подумал о Рейчел. Нет, я все-таки не стал ей звонить. Не знаю почему. Мысль об этом пугала меня ничуть не меньше, чем вход в лабиринт.

Я похлопал себя по карманам и стал выкладывать свои сокровища. Анаклузмос, пакетик бумажных носовых платков, ключ от двери. Затем подошла очередь нагрудного кармана, и я вдруг почувствовал, что там что-то лежит. На мне как раз была та белая хлопковая рубашка, которую Калипсо дала мне на острове Огигия. Я достал маленький лоскуток ткани, развернул его и увидел росток «лунного кружева»! Он был совсем крохотный, почти увядший за эти два месяца. Когда моих ноздрей коснулся запах зачарованного сада, мне стало очень грустно.

Я вспомнил последнюю просьбу Калипсо, когда она попросила меня посадить ради нее садик на Манхэттене. Я открыл окно и шагнул на пожарную лестницу.

На одной из площадок мама держала цветочный горшок, в который обычно высаживала весной цветы. Сейчас, в августе, в нем, конечно, ничего не росло.

На Нью-Йорк уже опустилась ночь. В ясном небе стояла полная луна, и потоки ее света падали прямо на нашу 82-ю улицу. Я аккуратно вырыл в горшке небольшую ямку, опустил в нее засохший росток, забросал землей и полил нектаром из своей лагерной фляжки.

Сначала ровно ничего не произошло.

Но я продолжал внимательно глядеть на горшок и вдруг увидел, как вырвался из земли крохотный серебристый стебелек — детка «лунного кружева» — и засиял в лунном свете.

— Красивое растение! — произнес рядом со мной чей-то голос.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности. А когда оглянулся, то увидел, что на ступеньке рядом со мной стоит Нико ди Анджело. Откуда он взялся — понятия не имею.

— Извини, не хотел тебя так напугать, — улыбнулся он.

— Чего уж, ладно. А что... что ты тут делаешь?

За то время, что мы не виделись, Нико подрос примерно на дюйм. В остальном он выглядел почти как раньше: всклокоченные волосы, черная футболка, джинсы тоже черные, на боку по-прежнему висел меч стигийской стали. Только вот на руке его я увидел новое серебряное кольцо с черепом.

— Я кое-что разведаль, — сказал Нико, — и подумал, что тебе будет интересно об этом знать. Дедал получил свое наказание.

— Ты его видел?

Он утвердительно кивнул.

— Минос предложил прокипятить старика вместе с сыром в кастрюльке для фондю, но мой отец выдвинул другую мысль. Дедалу поручили возводить виадуки и запасные выходы на Полях асфodelей. Это поможет разгрузить движение на дорогах. Честно говоря, по-моему, от этой задачки старик счастлив, как никогда в жизни. У него есть возможность строить. Что-то изобретать. К тому же по выходным он может видаться с сыном и Пердиксом.

— Здорово получилось.

Нико повертел кольцо на пальце.

— Но я не только об этом хотел тебе рассказать. Мне еще кое-что стало известно. И я хочу предложить тебе одно дело.

— Какое дело?

— Мне кажется, я нашел способ победить Луку, — невозмутимо продолжал он. — Если только я не ошибся. Это единственная возможность справиться с ним.

Я перевел дух.

— Давай выкладывай.

Нико бросил взгляд в мою комнату и тут же заинтересованно спросил:

— А что это у тебя синее лежит на тумбочке? Торт? На день рождения?

Он казался таким голодным, даже, скорее, не просто голодным, а по-настоящему одиноким. Я спросил себя, праздновал ли Нико хоть раз в жизни день рождения. Тем более с синим именинным тортом.

— Пойдем, — сказал я. — Угощаю синим тортом и мороженым. Похоже, у нас с тобой будет долгий разговор.

notes

Примечания

Дислексия — термин, означающий неспособность обучиться чтению.
(Здесь и далее, кроме особо оговоренных, прим. перев.)

Бонго — небольшой сдвоенный барабан.

Эмпус — в древнегреческой мифологии чудовище из окружения Гекаты. Заманивает свои жертвы, принимая вид прекрасной девы или страшного призрака. Одна нога у него бронзовая.

Городская магистраль имени Франклина Делано Рузвельта.

5

120° по Фаренгейту равно 49° по Цельсию.

«Harry Meal» (для тех, кто не знает) — это такой набор для детей, который продают в «Макдоналдсах». В него входит еда и какая-нибудь игрушка. (*Прим. ред.*).

Дедушка Время — высокий бородатый старик, которого обычно изображают с косой и песочными часами.

Орф — двуглавый пес, порождение Тифона и Ехидны, брат Цербера.

Эвритион — пастух великана Гериона, оба были убиты Гераклом при совершении 10-го подвига.

Рутбир — шипучий напиток или пиво из корнеплодов с приправами из мускатного масла и других пряностей.

Горный массив около города Сиэтл, штат Вашингтон.

Тельхины — демонические существа, обитавшие на острове Родос, прекрасные кузнецы.

Игра, в которой несколько участников становятся в круг и ногами отбивают матерчатый мешочек, наполненный бобами; играют без помощи рук. (*Прим. ред.*)

Гарриет Табмен создала «Подземную железную дорогу», по которой беглые невольники перебирались из южных штатов США на север страны и в Канаду во время Гражданской войны в Америке. (*Прим. ред.*)

Кокал — царь сиканов, после гибели циклопов овладевший Сицилией. Скрывал у себя Дедала, когда за ним прибыл Минос.

Знаменитая индейская женщина-проводник из племени шошонов, прошла тысячи миль с первой трансамериканской экспедицией от Западного до Восточного побережья Америки и обратно. (*Прим. ред.*)

Бессмертные боги (*лат.*).

Горы в системе Кордильер на западе Канады и США.

Город на западе США.

Одна из вершин Скалистых гор.

«It's a Small World» — знаменитая песня из мультфильма Уолта Диснея, ставшая визитной карточкой Диснейленда. (*Прим. ред.*)

«Kumbaya» — песня американской фолк-певицы Джоан Баэз. (Прим. ред.)

Fish (*англ.*) — рыба.

Так в англоязычных странах называют морского ежа.